

ЮРИЙ
ПЕТУХОВ



ЗАПАДНЯ



Юрий Петухов

ЗАПАДНЯ

черное знамя

ЗАПАДНЯ

Черное Знамя

post-postmodern @ postrussia.ru

... все пули вошли в грудь. Он почувствовал, как его проткнуло шестью ломami. Все закружилось перед глазами, поплыло. Но он остановил мельтешение усилием воли. Он не упал на грязную и мокрую весеннюю землю. Он начал проваливаться в бездонную черную пропасть. Он летел в бесконечный мрачный колодец, на самое дно его. Он возвращался к себе. И когда его швырнуло всем телом о мокрый асфальт, он еще был жив. Он даже встал во весь рост, будто собираясь бежать куда-то. Но не смог, а так и завалился грудью на холодный сугроб, на ослепительно белый, сияющий чистотой сугроб. И он не оставил на нем ни капельки грязи, ни соринки, ни пылинки... он оставил на нем лишь расплывающееся горячее алое пятно... и тут же скатился в мокрядь, в сырость. И застыл в ней лицом вниз... И его уже не было. Но он увидел все со стороны: лежал под сугробом полуголый человек, алено кровавое пятно на белом. Вот только зеваки еще не сбегались. Лишь стояла метрах в четырех от сугроба, сгорбленная старуха в черном застиранном платье, плотном и широком. Старуха была худа и морщиниста... будто не человек стоял, а вбитое в лед сухое древко. И развевалось по ветру на этом живом древке и выцветшее скорбное знамя, последнее знамя, реющее над страной траурной черной тенью.

ЗАПАДНЯ





ЗАПАДНЯ

Черное Знамя



Good
as
Gold

Художники А. Филиппов,
Р. Афонин, А. Казаров

ПЗ1 Петухов Ю. Западня. Черное Знамя. Романы.
М.: Метегалактика, 2004. – 480 с. ил. (Серия «Good as Gold»).

Беспощадный круговорот жизни, в котором некогда остановиться и оглядеться, в котором времени хватает только на выстрел и ответный удар... И часто в твоей коже оказываешься вовсе не ты, а кто-то другой... А в западню попадают те, кто её расставил... Это просто «супер» какой-то...

Культовые романы Юрия Петухова не поддаются классификации. Это и сверхострые авантурные боевики, и философские антиутопии, и фантазмагорические наваждения, и психологические триллеры, и самая настоящая, блестящая художественная проза с элементами черного юмора, сарказма и трагифарса «в одном флаконе». На такой крутой и бесподобный замес способен только подлинный мастер пера, настоящий писатель, обладающий недюжинным талантом.

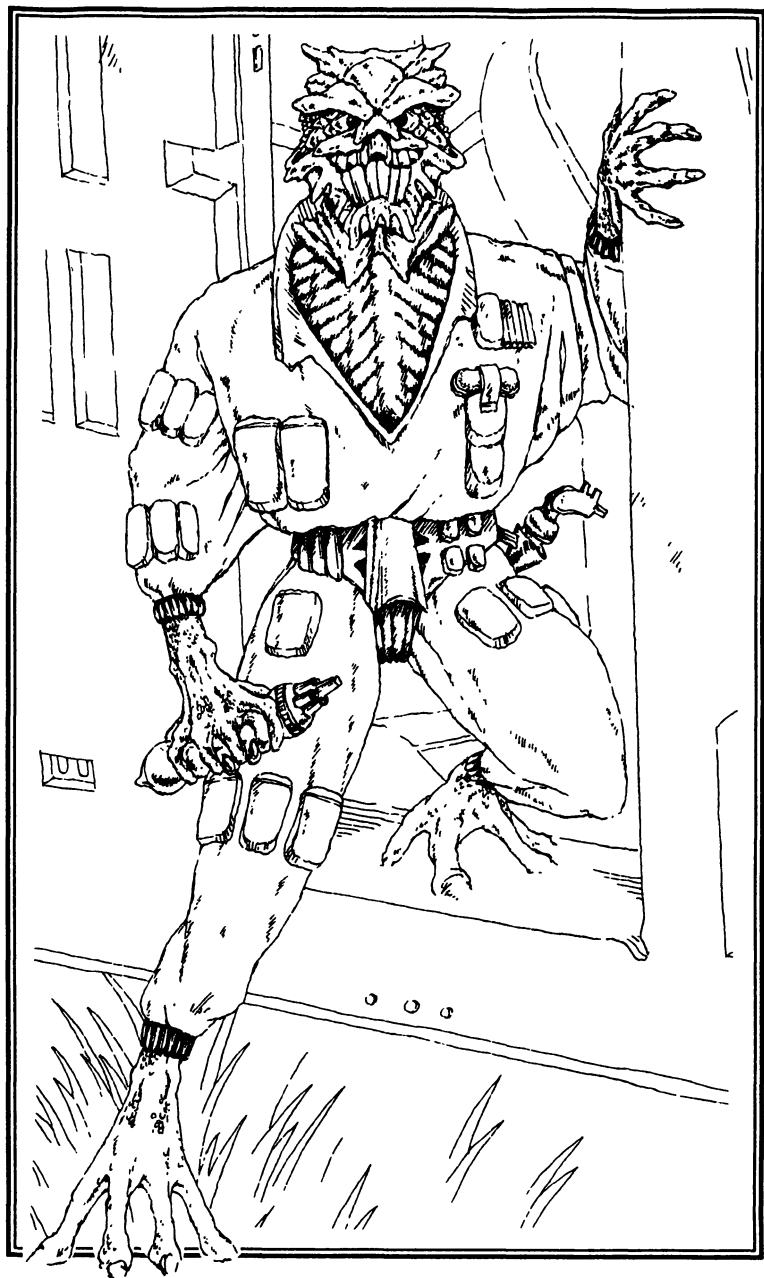
ISBN 5-85141-057-4

© Ю.Д. Петухов, 2004
www.juri-petuchov.narod.ru

Юрий Петухов



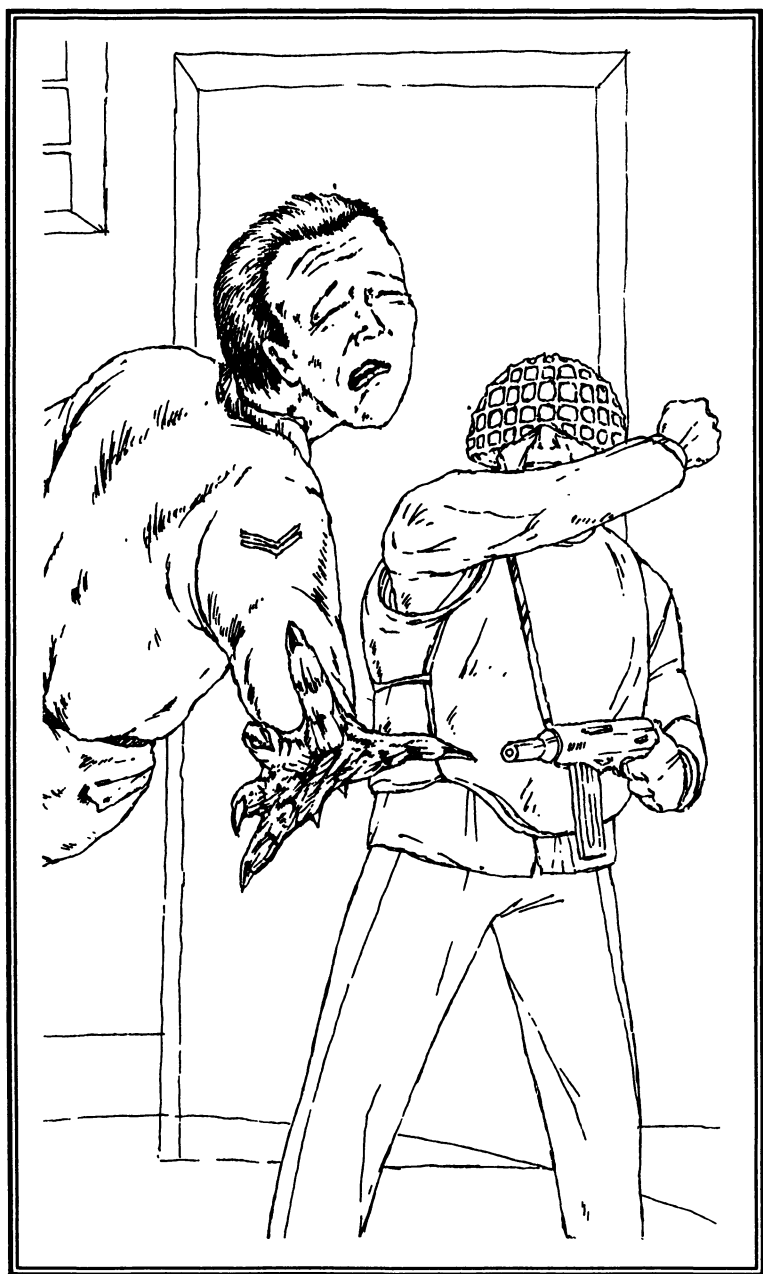
ЗАПАДНЯ
Черное Знамя





ЗАПАДНЯ

роман



Чудо было невозможно. Для него не оставалось места в этой Вселенной. Для него почти не отводилось времени, ведь мир должен был погибнуть через каких-нибудь десять-двенадцать миллиардов лет. Но чудо свершилось.

Гун Хенг-Орот Две тысячи семьсот тринадцатый по рождению и четырнадцатый из осужденных к смерти, Великолепный и Навеки-Проклятый, оживал. Его воскрешение было медленным и мучительным. Каждой клеткой своего могучего тела он ощущал нестерпимую боль.

Эта жуткая, дикая боль нахлынула на него еще прежде, чем он обрел память, прежде, чем возвращающееся сознание уверило его: жив, жив, жив! Он бился в конвульсиях, проклиная все, что можно проклясть, и страстно желая умереть снова. Он терпел, когда его пытали электрическим током и жгли плазмой, он лишь хрипел и ругался про себя, когда его конечности обливали сжиженным газом и прощупывали мозг нейрощупом. Сейчас он не мог терпеть. Эта пытка была непереносима!

Внутренняя обшивка саркофага сдерживала и смягчала конвульсивные удары тела. Иначе бы воскресающий умертвил себя. Он бил головой из стороны в сторону в тщетной надежде, что пробьет обшивку и разможит виски о какой-нибудь острый угол или выступ. Но в саркофаге все было предусмотрено на такой случай, никаких выступов внутри него не было, а упругий пластик обшивки не взял бы и плазменный резак.

Казалось, конца не будет страшной муке. Будто какая-то дьявольская сила вселилась в организм и разрывала, раздирала его изнутри миллионами раскаленных щипцов и клещей, пронзала миллиардными остриями тупых и иззубренных шил. Кровь вскипала и рвалась наружу из вен, артерий, она распирала сердце, которое и без того готово было лопнуть, разорваться от невероятно-

го напряжения. Мука была ужасная! Но и ей пришел конец. Гун Хенг в невыносимом иступлении выгнулся насколько позволяло пространство внутри саркофага, чуть не искорежив себе при этом хребет и едва не свернув шею, вырвал из невидимых оков правую руку, сводимую немилосердной судорогой, но не успел ею сжать собственное горло, как внезапно обмяк и стих. Он потерял сознание, а вместе с ним и все ощущения — боль, отчаяние, леденящий ужас и еле-еле пробивающееся сквозь все это: жив, жив, жив!

Очнулся он совершенно обессиленным, в холодном поту. Крышка саркофага была откинута, и ничто не мешало ему подняться, выйти или хотя бы выползти из этого собственного, какого-то ирреального, развалившегося гроба. Но он лежал и смотрел в тусклый ребристый потолок капсулы, не замечая нависшего над самым лицом шлангасоска с питательной смесью. Ни радости, ни даже удовлетворения от свершившегося чуда Гун Хенг-Орот Две тысячи семьсот тринадцатый, Навеки-Проклятый, не испытывал. В эти минуты ему было на всех и на все наплевать. Даже на самого себя.

Сколько же прошло времени? Час, день, секунда? А может, миллионы, миллиарды лет? Он не знал. Капсула была «вечной», так было задумано. С ней ничего не могло случиться до последнего взрыва Вселенной, до космического Апокалипсиса. Сам же Гун не ощутил прикосновения Времени. Для него между Умертвлением и Воскрешением не прошло и мига.

Последнее, что ему запомнилось из предыдущей жизни, было хрящеватое зеленое лицо Верховного Судьи, зачитывавшего приговор. Судья не осмелился приблизиться тогда к распахнутому саркофагу, и его показывали с экрана, крупно, Гун запомнил каждую черточку этой высохшей маски, самые неуловимые и тонкие интонации скрипучего голоса отпечатались в его мозгу. И особенно

последняя фраза: «...предается вечному проклятию во всем существующем мире, во всех его измерениях от сего момента и до окончательной гибели, и приговаривается к Условному Умертвлению». Затем металлически проскрипело: «Приговор приведен в...». Крышка саркофага захлопнулась. Все исчезло. Но прямо следом, тут же накатила невыносимая боль.

Гун знал, что ни о каком прощении не могло быть и речи, что он очнулся не на своей планете, не в своей Системе, что случившееся — самое настоящее Чудо. Но он еще пребывал в полнейшей прострации.

Нет, у него вовсе не отшибло памяти, он ничуть не утратил способности анализировать события. И он знал, что с момента Воскрешения запущены в ход невидимые часы, что ему дано ровно десять суток на внедрение в иной мир. Сумеет ли он прижиться в нем, не сумеет ли — механизм сработает, и «вечную» капсулу разнесет в клочья запрятаный в ней же заряд. Отсрочки не будет. И потому следовало действовать немедленно, подниматься, принимать решения... Но он не мог. Борьба с плотой болью высосала из него остатки сил.

А кроме всего прочего, он был еще там, в своей Системе. Он вновь и вновь возвращался к уже неоднократно пережитому, с каждым разом все острее ощущая на себе наложенное проклятье. Впрочем, не с рождения же он был проклят! Все было нормально, все было как у всех: его уважали, ценили, им даже гордились близкие, недаром прозвали Великолепным, его любили, да-да, были и те, кто его любил... Но все от него отвернулось еще задолго до Суда, задолго до Проклятия, отвернулись в тот миг, когда пронесся подобно молнии слух о том, что преступил через главнейший закон Системы, что он открыл вход в нее посторонним. Да и не только открыл вход — это уже было следствием, он совершил недопустимое,

он поведал непосвященным о существовании самой Системы. И он стал четырнадцатым Проклятым за всю историю ее существования, за без малого восемь тысячелетий бытия Замкнутого Мира. Его поступок был алогичным и не имел никаких объяснений. Разорвать покровы тайны было невозможно: непосвященных тут же уничтожали, стоило им только догадаться о самой возможности иного бытия. Да и были они, непосвященные, где-то далеко-далеко, за тысячи парсеков от самой Системы. Порою казалось, что их вообще не было, так они были удалены ото всего происходящего в Центре Мироздания. Для них существовали особые законы — следы замечались без малейшей жалости. Ни одна из четырнадцати попыток не дала плодов. Все четырнадцать преступников выглядели в глазах обитателей Системы не просто опаснейшими из возможных существами, но и полнейшими безумцами.

Внутри Системы действовали свои законы. Система была гуманна. Ни один из ее обитателей не мог быть предан смертной казни, его не могли даже наказать достаточно сурово или же лишить, к примеру, свободы — это считалось бесчеловечным, это признавалось варварством. Но для проклятых существовал особый исход — Условное Умертвление. Никто не желал в Системе запачкать себя званием палача или хотя бы решением своим, пусть и совместным, обречь жертву на смерть. И потому Проклятым оставлялся один шанс. Один малюсенький шансик из миллиардов, из триллионов, из самой бесконечности. То есть фактически Проклятый умерщвлялся, но ни один из осудивших его и приведших приговор в исполнение не мог считать себя убийцей, ибо ничтожнейший шанс на Воскрешение был.

Проклятых выбрасывали из Системы во внешний мир. Про них забывали. Про них никогда не говорили.

Гун не мог, разумеется, знать, что делали с

ним. Но он знал, как обходились с предыдущими. Их тела, заключенные в саркофаги, помещались в «вечные» капсулы, снабженные системой управления, защиты и контролируемые электронным мозгом средних возможностей. Система не скупилась на расходы. Затем просчитывался на бессчетные века маршрут капсулы — она не должна была попасть в поле обитаемых или вообще жизнеспособных планет во всем расчетном будущем и во всей обозримой и поддающейся анализу части Вселенной. «Вечная» капсула должна была бесконечно долго скитаться по самым пустынным закоулкам звездного мира. И только с того момента, когда в ней заканчивалась расчетная программа, капсула попадала в волю случайностей. Но механизм Воскрешения срабатывал лишь при том, если капсула входила в тропосферу планеты, пригодной для жизни. В бездонной и практически безжизненной Вселенной вероятность такого «попадания» приближалась к нулю.

Состояние, в котором доселе пребывал Гун Хенг-Орот, было равнозначно смерти. И это был не анабиоз, не летаргический сон — и того и другого бы недостало даже на несколько миллионов лет, на малую капельку скитаний. Гун Хенг не спал, он был мертв до включения механизма Воскрешения. Его тело в момент умерщвления было залито жидким газом особого состава, и оттого оно становилось «вечным» — будто сама капсула...

Преодолевая бессилие, Гун притянул к губам шланг-соску, надавил слегка податливый пластик. В рот полезла ледяная омерзительно-безвкусная масса. Он с трудом сделал глоток, потом второй, третий, четвертый. Соска быстро опустела. Но запасов пищи и жидкости оставалось еще на десять суток. Нет, уже чуть меньше! Гун Хенг вдруг совершенно четко осознал это — и приподнялся в своем гробу, сел, прижав острые чешуйчатые колени к ребристой, тяжело вздымающейся и без того выпуклой груди. Огляделся.

Внутренности капсулы выглядели точно так же, как в последние мгновения его жизни в Системе. Он уже подумал было, что ничего и не случилось, что... Но в этот миг его взгляд остановился на хронометре в бортовой стене слева. По гребню, выпирающему из позвоночника, невольно пробежала волна дрожи, затем передернуло все тело. Стрелка, указывающая на знак 0, то есть на миг Воскрешения, противоположным концом высвечивала фантастическое число! Но не доверять приборам у Гуна не было ни малейшего основания. Он провел в небытии девять миллиардов сто одиннадцать миллионов семьсот восемьдесят одну тысячу четыреста девяносто три года семнадцать суток шесть часов три минуты и девять тысячных секунды... Все это не укладывалось в голове. Но это было так!

Может, уже долгие тысячелетия, а то и миллионно-миллиардолетия не существовало никакой Системы и никаких ее обитателей, может, и сама Вселенная была уже не та — а он, Гун Хенг-Орот Две тысячи семьсот тринадцатый, Великолепный и Навеки-Проклятый, был жив всем назло, сидел в саркофаге, свесив наружу свои мощные костистые и когтистые ноги-лапы, и чувствовал, как с каждым мгновением прибывают силы.

Капсула вращалась вокруг планеты средних размеров. Планета была окутана сероватыми облаками, поверхность ее, за исключением огромнейших океанских равнин, почти не просматривалась. Но приборы давным-давно установили непреложный факт — на планете есть жизнь, в том числе и разумная. Все остальное надо было выяснять по ходу дела. И Гун Хенг был вполне готов к этому.

Для начала он протер все тело влажной губкой, раздирая при этом чуть не в кровь зеленовато-серую чешуйчатую кожу всеми восемью когтистыми пальцами правой руки. Левой он попеременно касался клавиш датчиков, переключая кап-

сулу на мыслеуправление и впитывал в себя поступающую информацию. Теперь он берег каждую секунду.

Закончив обтирание, Гун облачился в серый комбинезон, потом проверил скафандры и выпихнул гроб-саркофаг через широкий зев утилизатора в пространство. Даже успел проследить, как оплавленный комочек отделился от капсулы и поплыл в темноту. Обзор он включил полный.

Теперь оставалось надеяться только на самого себя да на то, что за время странствий в капсуле ничего не испортилось.

Он уселся в кресло перед центральным пультом управления, вцепился в подлокотники, сосредоточился. Его большая, украшенная хитиновыми пластинами голова свесилась на грудь, уперлась в нее острым раздвоенным подбородком, пленки полупрозрачных подрагивающих век затянули оба выпуклых, поблескивающих чернью глаза, острые гребнистые локти хищно оттопырились, спина напряглась. Выждав благоприятную минуту, когда от датчиков почти перестали поступать сигналы, предупреждающие об опасностях и возможных осложнениях, Гун отдал мысленную команду и, не удержавшись, повторил ее вслух:

— Вниз, на посадку!

Не до конца доверяя мозгу капсулы, Гун всматривался в экраны. Его пальцы застыли в нескольких миллиметрах от клавиш ручного управления.

Но мозг сам знал, что надо делать. Он избрал верную тактику: шел вниз, постоянно меняя направление, зигзагом с непредсказуемыми углами и поворотами, с меняющейся скоростью и отлетами назад. И это его поведение не было случайным.

Гун не знал, когда и на какой высоте именно планетяне нащупали радары его капсулу. Первая ракета разорвалась совсем рядом — капсулу ошутимо тряхнуло, несмотря на разреженное пространство самых верхних слоев атмосферы. Вто-

рая и третья взорвались значительно дальше, видно, мозг сделал определенные выводы и теперь работал в режиме повышенной готовности.

Еще несколько красочных кустов расцвели по обе стороны от спускающейся по наклонной капсулы. Избежать опасности можно было, лишь идя ей навстречу. И потому Гун повторил со всей твердостью:

— Вниз!!!

Его расплющило по креслу, лишило дыхания и сил — антигравитаторы работали на пределе. Ускорение движения несло гибель. Но за этим уже следил мозг — никакие, даже самые волевые команды не могли заставить обречь на смерть находящегося в капсуле. Никакие, но на протяжении лишь десяти отпущенных суток.

Они сумели выскочить из зоны слежения, продолжая спускаться — все так же, зигзагом, перемещаясь из стороны в сторону. Последнее, что зафиксировал мозг капсулы, это два летящих прямолинейно с огромной скоростью предмета. Но и с них, похоже, не сумели поймать радары спускающуюся капсулу. Во всяком случае, предметы пролетели мимо. Гун помахал им вслед, улыбнулся. Первый раунд он выиграл.

Никакого толчка при посадке не было. Капсула мягко приземлилась у склона высокой горы, поросшего лесом. Растительность была непривычная, совсем не похожая на ту, что доводилось видеть Гуну в своем мире, да и на окраинах Системы. Но у него не было времени заниматься ботаническими исследованиями. Одно лишь его интересовало сейчас: пригодно в пищу или нет? опасно для жизни или нет? Все остальное не имело ровно никакого значения.

Гун знал, что рано или поздно его обнаружат, и иллюзий на этот счет не питал. И потому следовало сменить несколько мест, запутать преследователей, прежде чем забиваться на сколь-нибудь длительное существование в какую-то глу-

хую дыру. Да и при всем благоприятном стечении обстоятельств он не мог рассчитывать на долгое безбедное жительство даже в самой глухой дыре.

Но выбирать не приходилось. Ему была ниспослана удачей именно эта планета. И он должен постараться уцелеть только на ней. До другой ему за десять, нет, уже девять с половиной суток просто не добраться!

Анализатор показывал, что воздух на планете вполне пригоден для дыхания. Кислорода маловато, ну так что же, его вообще могло не оказаться! Гун все же облачился в легкий скафандр, нацепил на себя все имевшееся ручное вооружение — плазменный резак, аннигилятор, два ручных автотесака, поясной нож, нейропарализатор, ручной лучемет ближнего действия. В боковые сумки он наложил с десятков гранат разного боя, распахал по карманам стимуляторы и прочие медикаменты. Не забыл и дневного запаса питательной смеси. О нем позаботились те, кого давным-давно уже не было в живых, от кого не осталось даже праха. И хотя забота эта была потусторонней и формальной, Гун Хенг-Орот был благодарен и за такую. Все то, что сгнило и рассыпалось бы в пыль еще миллиарды лет назад, сохранилось в «вечной» капсуле и должно было ох как пригодиться!

Сигнализаторы не показывали опасности. Да и сам Гун не ощущал ее, не видел на обзорных экранах. И потому, не прохладаясь в шлюзовой камере, он выбрался наружу. И тут же был сбит с ног чем-то черным, горячим и упругим.

Несмотря на всю неожиданность нападения, Гун успел коротко и резко взмахнуть рукой. На его когтистых пальцах застыли крупные красные капли да желтая слизь. Метрах в четырех, извиваясь в предсмертных судорогах и разбрасывая по траве собственные кишки, билось какое-то животное: черное, с круглой пушисто-гладенькой головкой

без признаков хитина и ребристых пластин. Четырьмя широкими лапами с изогнутыми коготками животное царапало землю, выкидывая ее наверх вместе с обрывками травы. Сквозь сжатые желтые клыки пузырилась красноватая пена.

Гун встал сразу же. Он смотрел, но не на умирающую тварь — она уже не таила опасности, а вокруг, по сторонам. Все было тихо и спокойно. Лишь чуть позже он догадался, что послужило причиной нападения: из-под края капсулы высовывался головою и передними лапками точно такой же черный зверь, но раз в шесть поменьше, наверное, детеныш. Гун все же немного расстроился — увиденное им говорило, что в капсуле, наверное, есть неполадки, ведь ни на что живое или движущееся она не должна была садиться. Но это все мелочи!

Гун отпрыгнул на несколько шагов от капсулы. Еще раз огляделся. И отдал мысленную команду: «Вверх!» Капсула взмыла в поднебесье и исчезла из виду. Без живого существа внутри, имея возможность маневрировать на любых скоростях и с любыми ускорениями, под всевозможными углами, она становилась неуловимой. Уничтожить ее можно было лишь на земле или же с пилотом на борту.

Оглядываясь и стирая след нейтрализатором, Гун побежал в сторону большого скопления ветвистых и перепутанных какими-то гибкими отростками деревьев. Уже на берегу он пожалел, что не сжег аннигилятором останки зверя. Но возвращаться не стал — в любом случае, если кто-то его будет искать, обратят внимание на выгоревшую траву. Начало было не совсем чистым.

Отряд прибыл на место через тридцать четыре минуты после посадки неопознанного объекта. Земные службы слежения потеряли его из виду на высоте ста восьмидесяти километров. Но зато со спутников удалось засечь странный предмет, дви-

гавшийся без опознавательных знаков, да и то — лишь у самой земли. Впрочем, теперь это было не столь важно. Первые опасения и страхи прошли — это была не ядерная атака. Но в штабах не исключали возможности наличия на борту пришельца опасного заряда. И кое-кто уже успел получить от верхов хорошую нахлобучку, кое-кому дали нагоняй за ротозейство и отсутствие бдительности. По прямым каналам связи были запрошены потенциальные противники — все как один отрицали свое причастие к инциденту. Приходилось верить, что поделаешь... во всяком случае, до выяснения обстоятельств.

У подножия горы было пусто. И все же вертолеты высадили часть отряда, надо было разобраться на месте. Другая часть ушла в поиск на винтокрылых машинах. Сколько всего было задействовано поисковиков — на земле, на море и в небесах, знали, наверное, один командующий да Господь Бог.

— Хреновые наши дела, — пробурчал себе под нос Тукин, потирая ушибленную коленку. — Не найдем мы тут ни черта!

Узкоглазый и скуластый Ким улыбнулся по-азиатски: широко и хитровато.

— Не найдем, глядишь, дольше проживем, — заключил он с восточной мудростью и расчетливостью.

— Тьфу ты! — возмутился, не находя слов, Тукин. Все его раздражение исходило из саднящей ноги, не из сердца или разума.

Тукину вообще не везло: любая операция для него начиналась с шишки на лбу, вывихнутой руки, порванного обмундирования или расквашенного носа. В прошлый раз, когда они выслеживали в джунглях банду, повязанную намертво с местной наркомафией, он, выскочив с самым лихим видом из притормаживающего бронетранспортера, поскользнулся на навозной лепехе, оставленной на тропе неизвестно кем, и вышиб себе два

передних зуба. Банду ловили уже без него. А за починку челюсти пришлось отдать четверть жалования. Для прижимистого сержанта это было ударом. Можно было бы, конечно, обойтись и бесплатной помощью полковой зубодерни, но тогда самому пришлось бы скрываться от людей в лесах, дабы не брать греха на душу, пугая детвору и беременных.

Тукин был крепким, невысоким и совершенно невзрачным парнем — таких, говорят, в разведчики вербовали: десять раз встретишь, а все равно не запомнишь. Поднакопить денег, жениться, обзавестись своим домиком и кучей детишек, а главное, позабросить со временем всю эту беготню — вот о чем мечтал Тукин. И не было у него иных устремлений. Если бы не невезуха, у него давно бы уже было на счету раза в полтора больше, а стало быть, и заветная мечта была бы в полтора раза ближе. Но приходилось мириться с действительностью.

— Отделение, становись! — рявкнул он, позавыв об осторожности и тут же прижав ладонь к губам.

Впрочем, бесцветный и хрипловатый голос потонул в вое овчарки-ищейки. Поджарый Ральф, смело бросившийся к растерзанному труп черной пантеры, что валялся метрах в двухстах, вдруг застыл, поджал хвост и взвыл самым диким образом, позабыв про все дрессировки и свою ученую солидность. Шерсть у него на загривке поднялась дыбом, глаза обезумели. Мгновенья не прошло, как пес забился под ноги сержанту, тихо поскуливая и пытаясь поймать взгляд.

— Пшел вон, трус поганый!

Тукин пнул Ральфа сапогом и сплюнул через плечо. Что-то ему не нравилось. Но что именно, он понять не мог.

Ким приласкал пса, огладил. И тот начал приходить в себя, не переставая, правда, озираясь, поглядывать в сторону трупа с вывороченными

кишками. Ким хотел высказать свои сомнения сержанту, но не решился. Хотя ему показалось очень странным то, что вышколенный пес напугался какой-то дохлой кошки, да еще как напугался!

Ребята из отряда уже всюду орудовали на поляне. Не отставали от них и трое экспертов, прилетевших на том же вертолете: вымеряли расстояния, брали пробы грунта и воздуха, ползали вокруг раздавленного детеныша пантеры на карачках и вообще чуть ли не на вкус проверяли все вызывающее подозрения. Но толку, похоже, не было. И это злило Тукина не меньше, чем боль в коленке. Куда бежать? Кого ловить? Черт бы побрал всех этих умников!

— Я щас придушу эту тварь! — прохрипел он, глядя совсем не на скулящую овчарку, а на Кима. — Распустил, твою мать, следопыт хренов! А ну, заткни ей глотку!

Желтолицый Ким подобострастно и мелко хихикал, трясая беспрестанно головой, отчего трясся и длиннющий козырек его потертой форменной кепчонки. Тукин все намеревался измерить длину козырька — не превышает ли он ненароком уставной нормы, не пошит ли кепарь самочинно, в обход гарнизонных портняжек? Да все руки не доходили. Теперь и вовсе не до того было!

— Ничего, дождетесь еще у меня, — вяло пригрозил сержант, глядя в пространство и непонятно к кому обращаясь.

— Ага-ага, — покорно закивал Ким. — Распустились людишки, ай-ай, распустились, начальник.

— Да заткнись ты! Сколько раз говорил, не называй так! Склеротик хренов! — разъярился пуще прежнего Тукин. — Я вот на тебя рапорт-то напишу!

Безрезультатность поисков была очевидна. А это означало и то, что никаких поощрительных или премиальных не предвидится. Эксперты разводили руками, отрядные ребята пожимали плеча-

ми и пучили глаза — то ли от усердия, то ли от дурости.

— Пусто, — доложился один из спецов, — если и был он тут, так следов не оставил, кроме вот этого котенка раздавленного, да и то — он ли? Ты, сержант, вот что, давай-ка вызывай вертолет. Нечего нам тут делать!

Тукин не очень-то любил прислушиваться к советам штатских. Как бы ни лыбился этот азиат Ким, а он прав все же, понимает, кто тут «начальник», а кто фраерня залетная.

— Удочки смотать всегда успеем, — проговорил он тихо, сам себе. — Пошарьте-ка еще.

Последняя фраза прозвучала погромче, но не слишком уверенно. Тукин уже думал о другом. И это другое было, пожалуй, верняком.

— Эй ты, следопыт, — он прищелкнул пальцами, подзывая Кима. — Тащи-ка сюда эту псину! Да держи покрепче, не упусти, чучело хреново!

Лесок оказался жиденьким. Это было и хорошо и плохо. Хорошо, потому что Гун бежал между деревьев, огибая буреломы и сплетения лиан, почти не снижая избранной им скорости продвижения. Плохо, оттого, что в таком лесу могли столь же быстро и настигнуть, да и просто застать врасплох. Пока Гун не видел достойного укрытия.

Впрочем, он и не искал его особо. Важно было убежать подальше от места посадки, переждать какое-то время и вызвать капсулу. И если взлет на ней и следующая посадка останутся незамеченными, то ищи ветра в поле, тогда он спасен.

Ни о каких контактах и попытках мирного улаживания дел, а потом и открытого проживания среди планетян Гун и думать не хотел. Еще чего, превращаться на весь остаток жизни, сказочным образом дарованной ему, в подопытного постояльца лабораторий и исследовательских центров, ну уж нет! Да и не верил Гун, что таковое качество ему гарантировано — поди узнай, что там на уме

у этих отвратительных существ, у этих слизняков, тела которых даже приличия ради не покрыты хитиновой пленкой. Он уже видел четверых в одинаковых комбинезонах, с какими-то короткими палками в руках, совсем не похожими на настоящее оружие. Он мог бы их отправить на тот свет шутя, на бегу. Но они его не видели, и он решил не рисковать, лишь прибавил мощности нейтрализатору — ведь кто знает этих слизней, может, у них нюх особый или же вкусовые рецепторы такие, что пылинку за парсек чуют!

В этом леске и не пахло опасностью. Какая-то живая мелочь копошилась у земли и в кронах деревьев. Для Гуна она не представляла интереса. Раза три на пути от него с ужасом шарахались четвероногие, средних размеров, явно лишенные интеллекта твари. Да свесился как-то за два метра от лица жирный, голый, поблескивающий червь с маленькой головкой, но зато упитанным и длинным телом. Червь, видно, спал на широченной ветви, а при приближении незнакомца проснулся, а может, он и с умыслом сидел там, поджидая добычу. Гуну некогда было разбираться. Рук он пачкать не стал, успел выхватить тесачок и на бегу ловко срезал червя голову. Тот забился в агонии, то свиваясь в тугие кольца, то выпрямляясь одеревеневшим длинным телом. Гун несколько секунд следил за этими биениями и чуть не налетел на корявое и толстое дерево. Увернулся, прыгнул... и тут же остановился.

Пришлось возвратиться назад, к червя, и сжечь его останки аннигилятором — короткими зарядами, подбрасывая в воздух, чтобы не осталось отметин ни на земле, ни на коре деревьев, ни на синеватом лишайнике. Заминка подзадорила Гуна. И он ускорил свой бег. Правда, усталость уже наваливалась на него, видно, сказывалось пребывание в саркофаге. Но теперь было не до таких мелочей, как усталость. Гун проглотил шарик стимулятора. Воспрял.

Он еще издали увидал просвет. Это была не поляна. Скорее всего тропа. Какая-то здоровенная животное с торчащими из отвратительной голой головы двумя костями перегораживала тропу. Животина была явно тупа и неагрессивна. И потому Гун не стал долго размышлять. Он еще ускорил шаг, в последний миг сильно оттолкнулся от земли правой ногой, взлетел над серой громадиной, обеими руками и левой ногой оперся о жирный вздрогнувший круп — и перемахнул на другую сторону тропы. Животина от резкого толчка завалилась на бок, протяжно вострубила, то ли возмущаясь подобным обращением, то ли зовя на помощь. Похоже, она не успела сообразить в чем дело.

Гуну было не до толстяка-уродца — полежит да встанет, ничего с ним не сделается. Надо бежать! Бежать и бежать вперед — и ни одна тварь на этой планете не найдет его, не возьмет следа!

Он, не переставая, следил за небом. Хотя то пробивалось изредка серенькими или голубенькими клочками, Гуну хватало и этого. Раза четыре над самыми деревьями проносились какие-то тарактелки. Но Гун знал, что из-за разросшихся крон его не увидят, а приборами и подавно не возьмут — откуда у них такие приборы, чтоб на живую материю реагировать! Судя по оборонительной технике, не доросли еще. А если бы и доросли, так давно бы нащупали беглеца. Нет, шалишь! Нет у них ничего такого. Ну это и хорошо. Правда, лучше б было, коли попал бы к каким-нибудь недоразвитым, тем, кто только-только начинает эволюцию в разумном своем облике. Там бы Гуну и прятаться не пришлось. Там бы он еще и вождем стал бы, свою маленькую Систему образовал бы! Да что мечтать, и так посчастливилось невероятно!

Гун полностью забыл о перенесенных им жутких болях, сопутствовавших Воскрешению. Забыл о своих тщетных попытках размножить голову или

еще как покончить с собой. Теперь он яростно, по-животному грубо хотел жить. Жить, жить, жить!

Остановился он, когда полностью стемнело. Забрался на высоченное дерево и прощупал пространство анализаторами. Все было спокойно. Самое время вызывать капсулу. Доли секунды на ее подлет, пять-шесть секунд на то, чтобы залезть в капсулу... и прощай приветливый лесок!

Но что-то остановило Гуна. Высоко-высоко, в черной бездне над головой, что-то мигнуло еле-еле и исчезло, потом снова. Если его и могли засечь, так только сверху, а тогда — пиши пропало: одна капсула всегда уйдет от радаров, с ним же — службы слежения будут вести их, передавая от одной к другой, до бесконечности, пока не накроют ракетой.

Он спустился вниз, присел у дерева, привалившись к нему плечом. Рядом тучками мельтешила мошकारа. Но на Гуна она не садилась, видно, не считала его «съедобным», а может, и вообще за живое существо не признавала. Несмотря на принятые стимуляторы, ощущалась усталость и слабость, тело ныло, особенно ноги и спина, позвоночный гребень покалывало мириадами иголок. Но Гун старался не замечать мелких неудобств. Ему не очень-то хотелось умирать во второй раз. А время шло.

Защитную маску он давно снял — надо было привыкать к воздуху планеты со всеми его возможными неожиданностями. Надо было привыкать ко всему местному.

Что-то маленькое и плотненькое свалилось сверху прямо на голову Гуна, запуталось между пластинами и отчаянно пыталось выбраться. Гун левой рукой вытащил наглеца из пластин, поднес к глазам. Он совсем неплохо видел в темноте. Это было нечто похожее на тех жучков, что водились у него на родине, — твердый хитиновый панцирь пробуждал воспоминания, от него веяло

чем-то родным. Гуну вспомнился Верховный Судья — тоже маленький, плотненький, зелененький сверх всякой меры. Вспомнилось его сухое и вялое лицо, противненький скрипучий голосок. Как он там говорил? Предается вечному проклятию? Ну-ну! Гуну стало вдруг жалко этого старика. Но разве можно жалеть то, чего нет уже миллиарды лет? Наверное, можно. Ведь память-то жива, а значит, и все, кто в ней сохранились, тоже живы.

Гуна клонило в сон. Он держал жука двумя пальцами все той же левой руки. Двумя другими совершенно машинально обрывал пойманному наглецу длинные и тонкие ножки, не спешил. Потом подключил и третью пару — содрал хитиновые крылышки. Седьмым и восьмым пальцами освободил жука от топорщившихся усиков и коротких, но толстых рогов. Затем, тщательно обнюхав освежеванную тушку, положил ее на язык и немного подержал так, проверяя вкусовые ощущения. Вроде бы все было нормально. Жучишка попался вполне съедобный, даже приятный на зуб, особенно после омерзительной и безвкусной питательной смеси. Гун тщательно разжевывал неожиданное лакомство, потом проглотил, сдерживая слюну и унимая аппетит. Все! Теперь сомнения отпали — на этой заурядной планетенке можно жить, он не пропадет здесь.

Сон сморил-таки его. Но не надолго, хватило получаса, чтобы полностью прийти в себя, оклематься. Тут помогали и стимуляторы. Это потом можно будет совсем отказаться от них, а сейчас надо быть сильным, свежим. Гун не чувствовал в себе слабости, он не имел права быть слабым.

План вызрел в его голове еще там, на орбите. Сейчас оставалось отработать детали, которые, впрочем, также могли меняться по ходу дела. Чтобы не возникло осложнений с посадкой, было бы неплохо найти какую-нибудь поляну. Сегодня днем попалась ему на пути одна такая. Но на

ней стояло три жалкие полуразвалившиеся хижинки, крытые охапками длинных и плотных листьев. У хижин сидело несколько самок слизняков. Тут же копошились детеныши — кривоногие и с раздутыми животами. Вся эта картинка совсем не вязалась с радаром и ракетным обстрелом, но Гун не стал вдаваться в подробности, а тем более связываться с туземцами. Пускай живут! Не они же пуляли в него заряд за зарядом! Конечно, нет, несчастные слизи, и что за смысл в их существовании? Он пробежал тогда мимо, не снижая темпа. А на память пришли те двое из непосвященных, которых он по простоте душевной, а скорее просто из-за собственной неосмотрительности, пытался поднять до уровня Системы. Глупая была попытка, бессмысленная и безнадежная. И какой черт только его дернул! Ну да ладно, что прошло, то прошло — не вернешь.

Из темноты время от времени раздавались какие-то приглушенные рыки и стоны, всхлипы и взвизгивания. Но Гун почти не реагировал на эти звуки. Он понял, что навряд ли найдется на этой планете тварь, которая могла бы с ним посоперничать, нет, маловероятно, все эти животные, будь они разумными, полуразумными, или вовсе неразумными находились на стадии изнеженности и вырождения, не было в них той исполинской мощи первозданного мира, не было той необузданной и яростной жизнестойкости. Видно, и впрямь мир угасал, чах, не дожидаясь, пока его окончательно разрушат, изничтожат глобальные катастрофы. И все же приходилось быть начеку — мало ли что!

Гун включил анализаторы в режиме дальнего поиска и стал водить ими из стороны в сторону, высвечивая огромный полукруг перед собой. Назад он раструбы анализаторов не направлял, там была чащоба без просветов. Через несколько минут удалось нащупать кое-что. Правда, анали-

заторы показывали наличие живых существ в нужном районе, да и бежать до него было далеко, не меньше двух часов самого быстрого бега пришлось бы потратить. Но Гун решил, что разбираться будет на месте. Была не была!

По ночам Савинский не спал. У него уже лет двадцать пять как была хроническая и необоримая бессонница, с которой не могли справиться ни врачи, ни он сам. Жена могла спать сутками, вставая для того только, чтобы перекусить да накормить рыбок и птиц. Ей все было нипочем: и ливни с грозами, и сумасшедшая жара, и пронзительные крики павлинов, от коих леденела кровь в жилах, и работающие приемник с телевизором — ничто ее не брало. Сам же Савинский страдал от малейшего шороха, его болезненно утонченный слух отзывался на шуршанье тараканов за шкафами и на шелест травы во дворе.

Он пришел на эту убогую и затерянную в джунглях станцию сорок семь лет назад. Пришел мальчишкою. Про него можно было сказать, что он здесь родился, женился, вырос в чинах — хотя какие там чины у зрителя, — состарился, а теперь вот и начал подумывать о переходе в мир иной.

Савинского не тянуло в города, он отвык от людей и не нуждался в их обществе. Да и жену он себе подобрал такую же. Нет, черноокая и черноволосая Маша не была нелюдимкой, просто ей было одинаково хорошо в любых условиях: и в толчее, и в глухомани — видно, оставались еще на истерзанной стрессами Земле здоровые люди.

А сегодня старый Савинский не мог заснуть и по иной причине. Днем передавали по радио коротенькое сообщение, в котором говорилось о том, что в их местах появились какие-то странные типы, — и не поймешь, то ли банда какая, то ли лазутчики вражеские. Хотя было совсем непонятно, что последним делать в этой глуши? Войны

уже лет семьдесят как не было, да и не предвиделось ее в ближайшие годы. Так чего выводить, чего шпионить-то? Непонятно. Приезжай, ежели желаешь, и так все открыто — ходи-броди, где душе вздумается! Нет, наверняка банда, будь она проклята! И где они тут прячут свои плантации, сам черт не найдет! Савинский знал джунгли вдоль и поперек, но ни разу не встречал ни одной грядочки с опиумным маком или же с коноплей. Да какие тут грядки и поля? Вон дикари! Как их ни приучали землю ковырять, не хотят, и все тут, пробавляются себе от джунглей — чем Бог одарит. Нет, наркомафия, наверное, еще не запустила сюда свои лапы. Хотя кто их знает. Просто так награду, да еще такой солидный куш, назначать не станут.

Чем больше думал Савинский, тем дальше отступал от него столь желанный сон. Наконец старик и вовсе поднялся со своей постели. Натянул на высохшее тело рубаху с двумя большими карманами, надел старые потертые и заплатаемые во многих местах джинсы. Поскреб подбородок — давно бы следовало побриться, да все руки не доходили. То ли дело лысина — как булыжник, никакого тебе ухода не требует! С годами Савинский становился все ленивее. Но это совсем не означало, что он терял вкус к жизни. Нет, и у него были свои желания, свои мечты. Вот только бессонница проклятушая да еще поясница — ноет и ноет, прямо сладу нет! Но Савинский как-то пообвыкся со своими болячками.

Он присел к столу и включил приемник. По всем программам гоняли веселенькую и ритмичную музыку — совершенно однообразную для старика. Ничего толкового и путного никто сообщать не желал. Савинский покрутил с полчаса ручку приемника, потом закурил, откинувшись на спинку стула.

Мысли не покидали его. Пускай и не банда вовсе! Но ведь есть кто-то, ведь дыму без огня

не бывает! Глядишь, еще забредут на станцию! Чего ждать от всяких там типов? Да ничего хорошего! И опять же — сумма-то приличная, поневоле задумаешься. А вдруг вообще никого нету, вдруг это все враки и болтовня пустая? Чего ни там в центре понимают-то! У них что ни день, так новые сенсации, новые слухи — один похлеще другого! Поди проверь! То у них там снежные люди начинают расхаживать повсюду, то тарелки градом с небес сыпятся, то конец света в понедельник после обеда! Охмурялы! Дурят людишек, чтоб никто их махинаций не замечал, чтоб в мутненькой водичке рыбешку отлавливать да свои закрома наполнять!

Савинский тяжело вздохнул, почесал нос. А может и не врут? Они же ведь как? У них все наперед ясно — ежели охмурить хотят, говорят так, будто это снежный босяк их родной папа и они только вчера с ним в обнимку ходили и пиво за одной стойкой сосали! Да и денег не предлагают. А тут вроде с сомнением, с непоказной опаской. Нет, в этом что-то есть!

Савинский сдал гудящие виски, глубоко вздохнул. Да чего ему думать-то, все одно сна нет! Он собрался было встать из-за стола, но именно в эту минуту музыка стихла и заговорил диктор. Старик сделал погромче.

— ...щается к согражданам с просьбой оказать содействие в поимке неизвестных личностей, которые вполне могут оказаться опасными террористами или иными злоумышленниками. К сожалению, мы пока не можем дать достаточно точных примет, но рассчитываем и надеемся, что и сами добропорядочные граждане, проживающие в нашем округе, смогут отличить скрывающихся субъектов от своих соседей, знакомых, сограждан. Взываем к гражданскому сознанию каждого. И напоминаем о том, что самого удачливого ожидает немалое вознаграждение.

Про вознаграждение Савинский уже слышал.

Но больше ничего интересного не сообщили. Скорее всего потому, что и сообщить-то нечего было! Так понял старик.

Он прошел на застекленную террасу, снял с гвоздя свой карабин с лоснящимся, потертым прикладом и пооблетевшей за годы чернью на металлических частях. Забросил его за спину. Потом вытащил из ящика старинный, еще военных времен, «вальтер», пощелкал им, проверяя, набрал патронов и вышел было из дому. Но вспомнил про сапоги и шляпу. Вернулся. Заодно сунул в карман пачку сигарет, спички. Теперь все было в порядке.

Нет, старик Савинский вовсе не собирался гоняться по джунглям за «субъектами». Его просто мучила бессонница, и он решил хоть как-то скрасить тягучее ночное время. И вместе с тем, кто знает, может, повезет именно ему?! План Савинского был предельно прост.

Перед тем как забраться в полуразвалившуюся сторожку, стоявшую у самого края леса, старик обошел свои владения, все проверил. Обе двери, ведущие в дом, он крепко-накрепко запер. Пускай жена спит, до нее добраться злоумышленникам, прячущимся где-то в джунглях, не удастся. Заодно он опустил плотные аллюминиевые ставни на всех окнах — так-то оно надежней. Проверил освещение, заборы и заборчики, запоры. Взял с собой пульт дистанционного управления.

В сторожке стояла старая раскладушка. Савинский придвинул ее к незастекленному крохотному окошку, присел на краешек. На всякий случай перед этим он опустил крупноячеистую металлическую сетку — от потолочной балки до самого пола. Сетка эта в былые времена преграждала путь в сторожку диким зверям и всяким четвероногим воришкам, она занавешивала и вход и окошко, но через нее было хорошо видно, в ее ячейки свободно пролезал ствол карабина.

Старик пристроил оружие и пульт. Потом

встал. Набросал под раскладушку несколько охапок сена — он как раз недели три назад косил траву на поляне. Присел снова. Потом откинулся, пристроился поудобнее и... заснул.

Часа два, а то и все три продолжался этот блаженный и безмятежный, такой долгожданный сон. И во сне этом сам старик Савинский бегал трехлетним карапузом по полянке, падал в высокую, но мягкую траву, вдыхая ее запахи, поднимаясь и снова падая, радуясь жизни и всему вокруг: теплему и яркому солнышку, прохладному ласковому ветерку, стрекоту насекомых и еще тысячам вещей. Проснулся он неожиданно.

Заколело в боку — то ли сердце сдавило, то ли нервишки шалили. Он не сразу вспомнил, как оказался в сторожке, и с минуту тер глаза, приходил в себя. Потом кольнуло сильнее. И он сразу все сообразил, дернулся к окошку. Недоброе предчувствие сжало горло, перехватило дыхание.

На поляне кто-то был. Савинский плохо видел в темноте, но он различил какой-то силуэт, какую-то тень, подбирающуюся к дому. По этой тени ничего определить было нельзя — для гориллы она великовата вроде, для человека — тем более. Да и какие тут гориллы! Ежели только и на самом деле забрел какой-нибудь загулявший снежный человек. Нет, сказки все это!

Старик просунул ствол карабина в окошко. Тут же, на крючочке, приспособил «вальтер». По спине побежали мурашки, лысина покрылась испариной. За все годы, проведенные на станции, он не видывал ничего подобного — тень могла принадлежать лишь чему-то такому, о чем он никогда не слыхивал. Это было как галлюцинация! И старик предпочел бы не связываться с этой странной огромной тварью, если бы та не подходила вплотную к дому, в котором безмятежно спала его жена. По самой тени старик понял, что такую тварь могут и не остановить замки и запоры. Он нажал на спуск.

Первые три выстрела прогремели в темноте. Черный силуэт замер, чуть пригнулся. Старик Савинский закрипел зубами. Промых! Он нерешительно потянулся к пультику. Нажал кнопку.

Мощные прожекторы осветили подступы к дому-станции. И теперь у старика и вовсе отвисла челюсть. Его затрясло как на электрическом стуле. У крыльца стояло трехметровое двуногое чудовище с невообразимо жуткой, усеянной какими-то поблескивающими зеленоватыми пластинами рожей, не человеческой и не звериной. Такое могло привидеться лишь в страшном кошмаре, да и то навряд ли! Пластины шевелились, вздрагивали, неподвижными оставались раздвоенный костистый подбородок и глубокие, совершенно черные и до жути осмысленные круглые глаза. Тело чудовища скрывал просторный балахон со множеством карманов и нашивок. Но и верхние и нижние конечности заканчивались совершенно нечеловеческими когтистыми лапами... И все это вместе, в таком неожиданном сочетании, чуть не лишило Савинского сознания. У него уже начало меркнуть в глазах. Но он отчаянно мотнул головой и еще пуще закрипел зубами. С того момента, как он включил освещение, прошла секунда, не больше. Но в этот малый отрезок времени вместились очень многое. Савинский даже успел почувствовать, что он постарел еще лет на двадцать, что он на пределе.

Чудовище шевельнулось, повело выпуклыми плечами. В тот же миг Савинский снова нажал спуск. Он всаживал в кошмарную тварь пулю за пулей, сначала из карабина, потом из «вальтера». Он ясно видел, что не промахивался, что попадал, — чудовище вздрагивало после каждого его нажатия. Но оно продолжало стоять, не падало. И, казалось, совсем не думало убегать, скрываться. Все происходившее Савинский видел будто в замедленном кино: чудовище чуть дергалось, отшатываясь назад, переступало с лапы на лапу,

потом в его верхней конечности появилось что-то круглое и на вид совсем не опасное — навроде яблока, конечность начала медленно подниматься, также вздрагивая при каждом попадании, как и само тело...

Последним, что увидел в своей жизни старик Савинский, была ослепительная вспышка. Настолько ослепительная, что в ее свете пропало все: и фантастический гигантский уродец, и прожектора с их мощными отражателями, и заборы, загоны, пристройки, и дом-станция, и сама поляна.

Это был провал! Гун от раздражения и бессильной злобы не мог найти себе места. Еще бы, через несколько минут, не позже, здесь появятся тарактелки, и его обнаружат. Надо было срочно вызывать капсулу и убираться подобра-поздорову. Но Гун хорошо знал, что самое логичное решение зачастую оказывается и самым безнадежным.

Все тело чесалось от впившихся в хитиновые покровы кусочков свинца — легкий скафандр, а точнее, рабочий комбинезон не смог защитить его от пуль. Но выковыривать их не было времени. Вопреки всей логике, Гун бросился обратно в чащобу. Перед этим, правда, он в нерешительности постоял на поляне, размышляя, сжечь или не трогать большую хижину. И уже было поднял в руке аннигилятор... Но потом остановил себя — мстить после всего произошедшего было не просто глупо, но и бесцельно, совершенно бессмысленно.

Теперь он бежал во всю прыть, нацепив для лучшего обзора окуляры ночного видения. Тьмы для него не существовало. И все же прошло совсем немного времени, прежде чем с неба послышался рокот тарактелок.

Еще до этого Гун слышал какие-то глухие разрывы, хлопки. Но не мог понять в чем дело. Теперь до него дошло. Особенно после того, как



его шибануло взрывной волной о ствол корявого и полусгнившего дерева. Сверху беспорядочно, но как-то сосредоточенно и деловито метали бомбы. Слабенькие, маленькие, а все равно достаточные по своей убойной силе, чтобы превратить его в кровавый ошметок.

Следом за первой тарактелкой прошла вторая, потом третья. Гун бросился наземь, и все же его зацепило — оторвало осколком крайний палец на левой руке да немного оглушило. Он уже жалел, что не вызвал сразу капсулу. Тогда бы этим жалким тарактелкам пришлось туго. Но пока что они были наверху — во всех смыслах.

Заживляя рану на руке и роясь в карманах в поисках регенератора, Гун обнаружил, что потерял не только его — в рваные и чуть оплавившиеся дыры простреленных карманов высыпались все стимуляторы. Искать их теперь по чащобе было безнадежно. Но рану он все-таки заживил, кое-какие медикаменты оставались. Оторванный палец бросил в боковую суму. Переживать о потере было некогда.

Тарактелки улетели. Но почти следом началось нечто невообразимое. Гун не видел, откуда стреляют, откуда исходит опасность. Но все вокруг превратилось в крошечный ад. Причем ад этот накатывал волнами — то начинало все рваться и гореть вокруг, то вдруг снова стихало, и лишь отдельные язычки пламени лизали замшелые стволы. Земля меж стволами покрылась воронками, переломанные и обрушившиеся вниз ветви загородили дорогу.

И все же он продолжал бежать, стараясь выбирать те места, где только что рвануло, и избегая чистых, нетронутых. Цена за допущенную ошибку была высокой, а могла стать и вовсе безмерной.

Его порядком помяло в этой переделке. Но надо было благодарить судьбу за спасение, а не ныть и жаловаться. Гун так и делал.

И все же он несколько утратил контроль над обстановкой. А может, и подвели приборы. Совершенно неожиданно он выскочил на берег широкой реки и еле удержался на крутом берегу, чтобы не свалиться в воду. Но это было чисто рефлекторное движение. Уже в следующее мгновение, почувствовав, что вода чистая, глубокая и не таит смертельной опасности, Гун оттолкнулся что было силы ногами и прыгнул вниз.

У берега вода была мутной. Но к середине она прояснялась — Гун прекрасно ориентировался на глубине в три-четыре собственных роста. Конечно, видимость не та, что днем, при свете, и все же вполне достаточная. Он погрузился еще глубже. Распугал стайку каких-то сонных и пузатых рыб. Достал со дна рачка. И, разломив ему панцирь, тут же съел. Потом наспех проглотил еще нескольких непроторенных собратьев своей первой жертвы. Все покрытое панцирями, хитином вызывало у него доверие. Но это не означало, что придется полностью отказаться от иного корма на этой планете. Просто слизняки, будь то голые или же покрытые легкой шерсткой, вызывали у Гуна брезгливость. Но это дело преходящее, Гун все понимал.

Течение на глубине было довольно-таки сильное. И Гун решил немного отдохнуть, отдавшись ему во власть. Пускай его ищут на земле.

Пластины, открывавшие легочные дыхательные пути, плотно сомкнулись, еще когда он только оторвался от берега и летел в воду. Чуть позже приоткрылись жаберные щели. Вода была напоена кислородом и углекислотой. Дышалось легко, свободно.

Гун повысил обзор анализаторов и лег на спину. Теперь течение несло его вниз, будто маленькую подводную лодку, только наоборот — вперед ногами, так было удобнее. Рыбы от него шарахались по сторонам. Где-то вверху проплыл, даже не заметив подводной опасности, длинный и

толстый червь, навроде того, которому Гун срезал голову. Было тихо и покойно. Это путешествие оказалось самым лучшим отдыхом после здешних передраг.

Временами Гун всплывал повыше, почти к самой поверхности, и смотрел в черное усеянное звездами небо. Где-то там, в безграничной бездне, были звезды и планеты его Системы. А может, их уже давно нет, может, пыль, в которую они распались, развеяна по всей Вселенной. Кто знает! Могло ведь быть и так, что Система цела и по-прежнему живет своей замкнутой жизнью. И нет никакой уверенности в том, что она на другом краю существующего мира — может, он сам ходил кругами в своей капсуле и не так уж и далеко ушел от системы? Все может быть. Но какая разница! Его родина теперь здесь, на этой не слишком гостеприимной, но и не самой худшей планетке. И нет путей для него — ни назад, ни в стороны.

Во время одного из таких всплытий Гун чуть не наткнулся на какое-то окаменелое бревно. Замечтался. Забыл про анализаторы и все прочее, отключил внутренние системы оповещения. А бревно оказалось не бревном. Гун еле успел отдернуть ногу — гигантские челюсти разомкнулись, а затем сомкнулись мгновенно. Но следующее движение он уловил. И, вцепившись одной рукой в нижнюю челюсть, другой в верхнюю, не дав бревну опомниться, разорвал его на две части. И тут же отбросил их. Пускай себе плывут!

Чуть позже пожалел. Надо было попробовать на вкус. Но возвращаться не хотелось. Впрочем, вскоре он утешился. Ниже по течению ему попалось еще одной «бревно». Прodelав с ним то же самое, Гун отведал мясца. Оно оказалось ничуть не хуже жучиногo и рачьего. Убедившись в этом, Гун наелся досыта — когда еще придется!

Потом он решил немного поисследовать берега, вышел из стрення. У берегов было много водо-

рослей. Но он все же обнаружил небольшую подводную пещерку, вполне пригодную для временного обитания. Выгнал оттуда рыбешек, попробовал почистить камни у входа внутрь, но лишь замутил воду. И все же забрался в пещеру. Ему захотелось вдруг остаться в ней, переждать неделю, месяц, год. Им ни за что не найти его в этом подводном убежище. А капсулу можно отпустить, пускай взрывается, черт с ней, ведь все равно она обречена! Но каким-то зыбким показалось подводное счастье. Да и с капсулы надо было кое-что снять. Просто необходимо использовать ее в последние дни — потом он останется на планете практически голым. Уже за неполный день успел растерять многое, а что еще впереди!

Гун отметил пещеру в памяти и всплыл наверх. Начинало светать. Он попробовал сориентироваться. Получалась чепуха какая-то — река принесла его почти к тому самому первому месту посадки, где капсулой раздавило детеныша черной пушистой твари. Это его разозлило. Но лишь поначалу. Потом он решил, что такой поворот, может, и к лучшему — наверняка его разыскивают где-нибудь вдалеке, думают, ушел за сутки черт-те куда!

Он вылез из теплой и ласковой воды, отряхнулся, передернувшись всем телом так, что чешуйки мелко и протяжно зазвенели, вдавил голову глубоко в плечи и постоял минуту в глубокой задумчивости. Впрочем это нельзя было назвать задумчивостью, Гун сосредотачивался, концентрировал волю, собирал ее в крепкий костистый кулак. Он был готов к бою! Как тогда, в Системе.

Память раскатистым валом ударила в голову — он даже покачнулся, чуть не сдвинулся с места, будто удар этот был материальным, весомым. Точно так же его ударило тогда — ударило первым шквалом пламени. Спас скафандр. Но вторым шквалом его сшибло с ног, завертело,

закрутило, словно в водовороте. Он не сразу сообразил, что это Неживые! Никто иной и не мог бы действовать с такой решимостью и жестокостью, только они! Он успел выхватить аннигилятор за шлюзовой мачтой, когда его перестало вертеть и крутить — первым же залпом сжег ближайшего Неживого, лишь капля расплавленной брони стекла на металлопластиковую обшивку космолетов. Но трое других не остановились, они летели на него мертвыми, запрограммированными убийцами, даже не отдавая себе отчета в том, что вершат. У Гуна перехватило горло. Он скосил глаз — один из непосвященных валялся в обмороке, разбросав руки, другой вжимался в обшивку, будто надеялся протиснуться сквозь нее. Слизняки! Жалкие твари! И чего ради он связался с ними! Черная злоба переполняла его, рвалась наружу.

— Остановись!!! — проскрежетал кто-то невидимый сверху.

Гун не сразу понял, что это телепатема. Он лишь встряхнул головой. И сжег еще двоих убийц. Третий выбил у него из руки аннигилятор. И бронированным кулаком ударил в челюсть. Опять спас скафандр, точнее ридориридиновый шлем — без него лететь бы Гуновой голове в темноте Пространства крохотным ребристым астероидом.

Он рухнул на спину, ударился затылком. Сверху, из мрака беззвездного неба, спускались три космонавта с гипнолокаторами. С такими штуковинами шутки были плохи — через две-три минуты их работы сгорали любые, даже самые надежные экраны. Но Гун не собирался превращаться в безвольную скотину. Он бросился к люку. И снова его сбил с ног Неживой — на этот раз он ударил в грудь. Ствол огнемета, нацеленный на Гуна, стал подниматься. Нет! Они не имеют права его убивать! Никто не мог дать такой команды Неживому! Бред! Наваждение! Гун

вскочил на ноги... он понимал, что все равно не успеет, но надо же было что-то делать!

— Остановись!!! — прогрохотало еще раз.

— Нет! — процедил Гун.

Все уместилось в долю секунды. В ту же долю уместилось и вовсе необъяснимое — один из непосвященных, тот, что лежал, будто дохлая личинка кабарза, извернулся, подпрыгнул и ударил ногой в ствол огнемёта. Неживой не пошевелился, не дрогнул — да только шквал пламени пронёсся чуть левее, почти не задевая Гуна. И секундной передышки хватило, настало время ответного удара. Гун знал слабые места Неживых — его окостеневшие, окаменевшие пальцы пошли точно под нижний раковинообразный створ и погрузились в липкую студенистую мякоть, мозг Неживых был на редкость беззащитен, создатели не слишком заботились о сохранности бронированных титанов, да и мало кто мог приблизиться к ним на расстояние вытянутой руки, это было за пределами возможностей живых и Нерожденных.

Гуна отбросило словно взрывной волной. Он не почувствовал толчка, столь тот был внезапен и силен. И только руку пронзило острой болью. Но еще не коснувшись телом обшивки крейсера, он увидал, как рухнул запертво Неживой, забился в агонии, конвульсивно сжимая и разжимая огромные лапы, вздрагивая поочередно всеми четырьмя суставчатыми телескопическими ногами, извергая из прорези пасти искусственную пенистую кровь.

— Остановись, безумец!

— Нет!!! — завопил Гун, стервенея. — Нет!!!

Он бросился было к непосвященному. Но застыл на месте. То ли гипнолокаторы начали действовать, то ли еще что случилось... Он увидел, как из разодранного примитивного скафандра непосвященного вытекает розовой массой его плоть. Это было гадкое зрелище, такая плоть могла быть только у слизняка. Гун отвернулся.

Ему было нехорошо. Но ведь этот несчастный только что спас его, дал секундную передышку! Он подхватил второго подмышку, кинулся к люку, сунул палец в приемно-пропускное отверстие... и они провалились в еще большую темноту, чем была снаружи.

Гун понял — он все окончательно испортил! Он мог еще отвертеться, там, наверху — мало ли что бывает, ну, сошлись случайно пути его, непосвященных и Неживых! Теперь поздно, все поздно! Он попался! Его не простят!

Он взвыл, стервенея еще больше, почти до безумия, почти до потери отчета и самоконтроля. Непосвященный глядел на него сквозь запыленное стекло испуганными округленными глазами. Он тоже все понял!

— Ну чего молчишь?! — проскрипел Гун. — Чего ты молчишь все время?! Неужели не доходит, куда ты попал, слизняк?! Это не ваш мир! Ты думал, вас здесь ждут с распростертыми объятиями, что с вами готовы поделиться знаниями, опытом, помочь избежать вашим хилым сообществам ошибок, быстрее стать настоящей цивилизацией?! Глупость! Какая глупость! Вселенная — это смерть! В ней нет благодетелей! В ней есть истребители! Понял?!

Он ударился о переборку и выронил непосвященного, пнул его с досады ногой. Тот откатился, скрючился.

— Сейчас ты все поймешь! — как-то уныло, неожиданно тускло проговорил Гун.

И на самом деле, отворилась невидимая дверь, высунулся гибкий биоманипулятор, зацепил непосвященного за щиколотку, потянул на себя.

— Все! — вслух произнес Гун. До него только теперь дошло в полной мере, что случилось невозможное, то, чего боялись все и всегда — он стал Проклятым. Стал! И теперь всегда им будет, никто и ничто не сможет снять с него этого клейма — ни до смерти, ни после нее.

— Прощай слизняк, — проскрипел он, пытаясь изобразить на лице улыбку. Клыки щелкнули о нижние хитиновые пластины, по телу пробежала дрожь.

Сразу стало светло. Даже стены и переборки стали прозрачными. Гун присел у крайней, положил руки на колени, уперся в шипы. Потом резким движением скинул шлем, только отходные пружины зазвенели. Вдохнул полной грудью. В воздухе пахло гарью... и чем-то сладковато-противным.

— Прощай! — еще раз проговорил он.

За прозрачными переборками биоманипуляторы обрабатывали непосвященного. Прежде, чем распылить наглеца, надо было изучить его, заложить все в машинную память, передать в коллективный разум — может, и пригодится когда-нибудь, ведь Система должна знать все!

Тончайшие щупальца манипуляторов сдирали с жертвы кожу, слой за слоем, полупрозрачными пленочками. Обрывки скафандра уже лежали внизу, в шипящей дезинфицирующей жидкости — та их разъедала, растворяла и тут же принималась за клочки кожи. Потом щупальца добрались до мяса, до его волокон, принялись неторопливо вытягивать их, разминать, иссекать... Гун видел как извивался, дергался непосвященный, как рвал рот в жутком крике. Но ни звука не доносилось из лаборатории.

Когда дело дошло до костей, Гун отвернулся. Он не был сторонником вивисекторов-исследователей — что могло дать изучение одной жалкой, примитивной жертвы, случайно забредшей к коллапсару? Ничего! Абсолютно ничего! Система и так знала все! Система была владычицей Пространства!

По инструкции он должен был их уничтожить задолго до появления Неживых, задолго до провала космокрейсера в Дыру. Понадеялся на удачливость, на то, что периферийные биотрансляторы ставились еще полторы тысячи лет назад, поист-

репались, устарели, могли и не нащупать чужих особей... Не вышло!

Теперь поздно сокрушаться, за минутные слабости надо платить. Но собратья! сородичи! и-эх! они спустили на него свору Неживых, как спускают свору такургов на выслеженного и поднятого из каменной берлоги шестикрылого ургвара, дикого и злобного зверя. Ни капли жалости! ни капли сострадания! Гун улыбнулся, смахнул с нижнего рубцевидного гребня зеленую слезинку, выкатившуюся из-под морщинистого века. Нет, не надо размякать, не надо! Он бы сам не стал жалеть преступника, он сам бы первым швырнул камень в Проклятого, попадись только... И кто мог подумать, что так обернется. А все эта проклятая ненужная страсть к размышлениям, философствованиям, к поэзии и музыке! Ведь это болезнь, самая настоящая страшная болезнь — чуть запустишь, и она перерастает в хроническую изъедливую хворобу, прогрызает черепную коробку, забирается в мозг, парализует его, размягчает... и ты уже сам не знаешь, кто ты, что с тобой, кто твой брат, а кто враг, кто смотрит на тебя и оценивает, а кого надо на распыл — сразу, без промедления!

Со слизняком покончили. Розоватые останки пузырились в мутной жидкости, вздымались перышками уже не гибкие, застывающие волокна, плавал на поверхности круглый бессмысленный глаз — усеянное прожилками стеклянистое яблоко, только зрачок темнел пуговичным пятном, клоч сырых волос прилип к прозрачной переборке — волосы шевелились, будто живые. Но это был обман, их просто разъедало каплями дезинфекатора. Еще немного — в лаборатории ничего не останется. Биоманипуляторы уже втянулись в пазы...

А Гуна никто не трогал.

Он сидел в прострации, не пытаясь убежать, не делая попытки привстать. Ему казалось, что он проснулся — вот-вот, только что.

И все же он жив! Его пока не убили! И не посмеют убить! Они не смогут совершить этого! Одно дело, если бы его придавили во время погони Неживые, сожгли, изувечили — тут ничего не скажешь, всякое бывает. Но теперь, когда обо всем знает вся Система, когда он в ловушке, когда он незащищен — нет, не выйдет! они не посмеют! А Условное Умертвление?! Ну что ж, когда это еще будет! Ведь не сразу же! Ведь дадут же какое-то время!

— Тебе надо подготовиться! — проскрипело старчески.

Гун вздрогнул.

Под сводами вспыхнуло вдруг зеленоватым дрожащим светом огромное, увеличенное телеграммой лицо Верховного Судьи — высохшая маска с запавшими бусинами пустых немигающих глаз. Носовой рожеклык у Судьи был совсем стертый от старости, и это придавало лицу почти детское выражение.

— Да, Проклятый, пора!

Что происходило потом, сколько пролетело или промелькнуло времени, кого он видел, с кем говорил, Гун уже не помнил. Он знал только, что Система работает безотказно, и что бы ни случилось, конец будет один, нечего предаваться иллюзиям.

Лишь на короткое время он отрешился, забыл про все. Это было грезой, а может, и реальностью, не разобрать. Наваждение! Рассеялась, будто ее и не было, внутренняя стена, ушел вверх свод потолка-переборки — это жилой сегмент косморейсера сняли с трассы и перебросили через сверхпространственные структуры к Ядру Системы, к Центру Мироздания. Все произошло мгновенно. Но Гун удивился вдруг, будто был не зрелым обитателем этого мира, а мальцом, только что вылупившимся из гидройца. Ему хотелось верить в невозможное, и он верил. Где-то вдалеке холодным крутым боком сверкнул саркофаг. Уже го-

тов, уже подвели, позаботились! В голове мельтешили путанные обрывочные мысли.

Но они разом пропали, когда из тягучего сжиженного воздуха внутренней сферы сегмента сконденсировалась она — Анха.

Гун даже глаза прикрыл. Он не ожидал эдакого снисхождения. И снова слезинка побежала по чешуйчатой щеке.

— Тебя все ненавидят! — вместо приветствия заявила Анха и сощурила желтые прозрачные до самого внутреннего темени глаза.

Она была прекрасна! Четыре отверстия широкого расплющенного по лицу носа жадно втягивали дыхательную смесь, пористые лиловые края трепыхали, вздрагивали, то ли от гнева, то ли от страсти. Нижние клыки сходились нежным девичьим венцом к раздвоенному тонкому подбородку. Плечи были остры и шипасты. Гуну захотелось потереться о них губами, щекой. Но он не посмел, он чувствовал свою вину.

— Как же ты низок и жалок! — Она топнула что было мочи тяжелой влекущей ногой и чуть не обломила искусно изукрашенный синий ноготь мизинца. Гуну стало не по себе, его захлестнула волна нежности. Как же она прекрасна! Он любил ее, всегда любил! Но он ей почти ничего не говорил о своей любви. А ведь она ждала, жаждала его слов. Теперь все, теперь поздно. И она его презирает, и она его ненавидит.

Он встал, пошатнулся, расставил руки.

— Не смей ко мне подходить, не смей прикасаться! — почти завизжала она.

Он растерялся.

— Зачем же ты пришла, Анха, зачем?

— Мне разрешили, — прошептала она, выставя вперед руки, свои нежные руки с длинными острыми пальцами, униженными живыми шевелящимися кольцами-полипами — последним криком моды.

— И только?

Она замялась.

— Ты пришла и по другой причине, — прошептал Гун. Он уже держал ее за руки, тянул к себе. — Да, ты пришла, чтобы быть со мной в последний раз, чтобы...

— Молчи!

Он прижал ее к себе, вздрагивая от прикосновения трепетных тугих шипов, перебирал влажные холодные пластины, спускающиеся с затылка на спину, на изогнутые, вывернутые плечи. Да, она была несказанно хороша. Какое счастье, что они разрешили им увидеться перед страшной процедурой, перед безвозвратным уходом Условного Умертвления. И она лжет, она все лжет — она вовсе не ненавидит его, вовсе не презирает вместе со всеми! Она его любит по-прежнему, просто теперь этого нельзя выказать, теперь это видят все! Коллективный мозг Системы не знает чужих тайн, для него все открыто! И все сейчас смотрят на них, да, Система стара, дряхла, может быть, но она любопытна.

— Ты не забудешь меня, никогда не забудешь, — прошептал он ей в ухо, сдавливая боковыми пластинами ороговевшую желтую мочку, — пусть меня все проклянут, пусть! Но ты обо мне помни, ладно!

Она не ответила. Но что-то блеснуло в глубине ее бездонного глаза. И он все понял. Их нижние клыки сплелись в нежном поцелуе, это был словно их первый поцелуй, как тогда, много лет назад. Ради него можно было простить все прежнее, все измены, ссоры, обиды. Ах, как Гуну не хотелось теперь ложиться в саркофаг! Как ему не хотелось умирать, пусть и условно, пусть и...

Она исчезла внезапно. Может, ее и не было здесь. Ведь биоголограмму невозможно отличить от оригинала. Есть лишь один способ, убить, задушить... двойник тут же превратится в сгусток сморщенной хлипкой материи, бесформенной и дурно пахнущей. Но можно ошибиться. Кто ста-

нет рисковать?! У Гуна голова раскалывалась. Проклятый! Проклятый!! Проклятый!!! Куда убежишь от себя самого?!

— Пора! — проскрипело снова, громче и напыщенной.

Его повлекло неведомой и невидимой силой к саркофагу. Гипнолокаторы! Его вели, его вели на убой, как бессмысленную скотину. И пусть они называли умертвление Условным, но ведь все понимали — не будет Воскрешения, не будет! Не должно быть! А если... Нет, никаких если!

Перед его мысленным взором всплыли лица непосвященных. Что это за жалкие лица, что за гадкие! Это лица червей, слизней — мягкие, дряблые, незащищенные ни чешуей, ни пластинами, ни даже тончайшим слоем хитина! Они вызывали отвращение. Почему он не убил этих двоих сразу? Их надо было прикончить на месте, прямо там у Провала, прикончить, сжечь заодно с их жалким кораблишкой, допотопным суденышком, на каких выползают во Вселенную все эти недомерки, полуживотные! Они и есть животные! И его рука потянулась тогда к аннигилятору. Но глаза! Что-то мелькнуло в их глазах — и он понял, они шли к Провалу, специально шли, они пытались заглянуть в него! Жалкие, несчастные, убогие... но неслыханно дерзкие, не понимающие, на что они идут, куда! И в нем колыхнулось что-то, он про все забыл. Их невиданная нелепая дерзость заразила его, сделала безумцем.

...Гун вздрогнул. Шквал воспоминаний улетел так же неожиданно, как и налетел, оставив в груди пустоту и ничего более. Надо было заняться делом, а не ковыряться в собственной памяти — что толку! Нельзя расслабляться! Нельзя! Минутная слабость вместо сосредоточения сил и воли отключила защитные механизмы. Гуну стало не по себе. Он вдруг спиной, каждой чешуйкой сквозь плотный балахон комбинезона ощутил опасность. Напрягся. Тело одеревенело. Неужели

он влип?! Неужто попался?! Промах! Опять он допустил промах! Здесь нельзя расслабляться, нельзя предаваться воспоминаниям!

Он осторожно скосил глаз, потом медленно повернул голову — и сразу пришло облегчение. Ничего существенного сзади не было, теперь он ясно видел это. Тревога оказалась ложной. И все же... Метрах в двадцати, у самого обрыва, отсекающего невысокий зеленый бережок от спокойной тихой воды, стоял местный слизняк, стоял как замороженный. Гун не сразу определил, что это и не слизняк, а скорее слизнячка, самка, но это было не столь важно. Плохо, что его заметили! Нет, Гуну не хотелось крови, ему не нужны были эти пустые жертвы. Но и умирать он пока что не собирался.

Первые пять шагов он сделал очень осторожно, с вкрадчивостью раздавленной его капсулой твари. А потом прыгнул — резко, неожиданно, выставив вперед руки. И замер, застыв перед жертвой в растерянности. Это было странное ощущение, почти не ведомое ему. Стоило протянуть руку, чуть сдавить это открытое хрупкое горло — и все! Потом отнести тело подальше, в горы, сжечь аннигилятором, или утопить, завалить камнями в подводной пещере.

Слизнячка смотрела на него бесцветными прозрачными глазами и не могла пошевелиться, она была как в параличе. Гуну показалось странным, что он может оказывать одним лишь своим видом такое воздействие — ведь он же не гипнолокатор! Примешивалось и нечто иное, Гун не сразу догадался, что это всерьез, он даже тряхнул головой и отогнал всплывший перед глазами образ прекрасной и бесконечно далекой, давно истлевшей и рассыпавшейся на молекулы Анхи. Нет! Не может быть! Эти жалкие, гадкие слизняки не могут пробудить в нем ничего подобного, нет! Между ними нет ничего общего, это совсем другой мир! А в голове стучало, в груди жгло. Рассудок от-

казывался повиноваться — снова нахлынуло. Но теперь это были не воспоминания, теперь это было глубинное, инстинктивное, потаенное.

Он протянул руку, положил ее мягким движением на плечо самке и, преодолевая тошноту и брезгливость, притянул слизнячку к себе, запрокинул ей голову, взгляделся в прозрачные глаза. В голове загудело сильнее: они такие же! они точно такие же! надо лишь представить себе, что они нормальные существа, с которых содрали... нет, с которых сама слезла чешуйчатая кожа, сошли хитиновые покровы! они просто обнажены до предела! обнажены больше, чем это можно представить! а так — нормальные существа! а какие у нее глаза — и неприятно смотреть в них, и выворачивает от отвращения... и притягивает вместе с тем, завораживает! Гун не понимал, что с ним происходит, он был как в дурмане.

Ольга не спала всю ночь. Она лежала в палатке с закинутыми за голову руками и мечтала. Мечты ее были просты и приятны. И главное, верилось, что они не рассеются с рассветом. Ведь есть же на белом свете справедливость! Есть, наверняка есть!

Мечты ее состояли из двух частей. В первой грезились какие именно муки выпадут на долю изменщику Бату. Во второй — какого отличного парня она встретит в самое ближайшее время и как они на славу и на зависть всем заживут!

Бат лежал в соседней палатке с Диной, Энн и Лайзой. Всем четверым было хорошо, Ольга не сомневалась в этом. Но ей наплевать! И пускай Бат хоть тысячу раз ей втемяшивает в голову, что никакой он не изменщик, а самый простой, нормальный мормон, ей это до фонаря! Когда они жили там, в университете, Бат и не заикался про своих жен! А она и словечка-то такого не слышала — мормон! Выдумки все это! Специально придумывают, чтобы бабам мозги закручивать!

Эх, правы были подружки по курсу, не к добру это — с красавчиками связываться, ох, не к добру! Но теперь-то все, конец приключениям, конец мытарствам! Чтоб его до смерти замучили эти ненасытные женушки, чтоб ему околеть в их объятиях! А она... Она не пропадет — еще три дня назад на нее заглядывался негр-верзила у бензоколонки. А месяц назад? ах, что это был за мулатик, ну просто конфетка! Нет, нет, только не связываться с этими чертовыми красавчиками, ну их! Вокруг них всегда вьется столько бабья, что не одна, так другая в гроб сведет, ну их!

Мысли у Ольги были путанные, обрывочные, реальность перемежалась с мечтами, грезы с тем, что было на самом деле. Ей уже и впрямь казалось, что негр-верзила тогда, на бензоколонке, не просто подмигнул ей, а прижал в уголке, ласкал, шептал на ухо что-то сладко-похабное, мял, терзал... она словно наяву почувствовала его горячие ладони на своих грудях, бедрах, выгнулась, застонала... но все это было наваждением. И она снова расслабилась, раскинула руки, угодив прямо в нос спящей рядышком Матильде. Та глухо буркнула нечто неразборчивое, наморщилась, но не проснулась — она вчера крепко приняла, дорвалась до пойла, даже Бату досадила пьяной навязчивостью и дуростью — он вышвырнул ее из своей палатки как блудливого котенка. А Лайза навесила пинок вдобавок, чтоб лучше катилась. Что поделать, любимые женушки Бата иногда не слишком любовно относились друг к другу. Ну и черт с ними со всеми! Ольга выругалась мысленно. Она теперь свободная, все, замечано! Вот сейчас встанет, пойдет ополоснется в реке и... тю-тю! только ее и видели! Надо вот только прихватить с собою еды, питья да денег немного из Батовой суммы, он не обеднеет, он даже если и вовсе разорится, так его будут содержать любимые женушки, эх, мормон хренов! Ольга приподнялась, потянулась. С брезгливостью оглядела

побитую Матильду. Вид у той был неважный: под левым глазом синячище, нос распух, налился краснотой, одна нога голая, другая в полуспущенном драном чулке, какие-то жухлые листья на бедрах — Матильда вчера, прежде чем нахлопалась до предела, развлекала их, показывала стриптиз, потом изображала из себя дикарку-соблазнительницу, а потом... — вид был еще тот, левая грудь выбилась из полупрозрачной повязочки, у самого соска краснел отпечаток чьих-то губ — помада поблескивала, а кожа была серой и пожухшей, как и листва. Ольга презрительно усмехнулась и отвела взгляд. Пора! Пора завязывать со всей этой компанией! Они все больше опускаются, с ними добра не жди! Недаром Бата выгнали из мормонской общины, недаром! Там поддавал не терпят. Правда, поначалу прощали, обязывали исправиться... Но куда там! Ведь Бат приучился пить в Москве, когда учился в университете, а московская школа выучки пить на всю жизнь! Это вам, мормоны и мормонши, не Гамбург и не Лас-Вегас, чтоб и им пусто было! Это всем школам школа! Особое веселье пошло с девяносто третьего года, когда для пущей реализации бормотуху и пивко начали завозить прямо в школьные и детсадовские столовки. Вот житуха была! Но Ольга не втянулась, ее всегда на родине считали паршивой овцой — не такой она была как все! А Бат, хоть издалека приперся науки постигать, с ходу влился во всеобщее веселье, а после третьего курса не вылезал из комфортабельного вытрезвителя для иностранцев, того самого, что на Лубянке отгрохали. И-эх, было ли все это или только привиделось, Ольга уже не понимала. Она понимала другое — надо бежать! Ну сколько еще можно вести такой образ жизни?! Кто они?! Бродяги! Жалкие и ничтожные бродяги! Их не то что мормоны, а вообще никто за своих не считает — падаль, мусор, отбросы общества!

Она выползла из палатки, прищурилась — на

дворе было светло. Хотя какой тут двор! Лес, овраги, обрыв, река какая-то. А вот какая?! Ольга не стала это выяснять. Она на ходу сбросила майку с цветастой надписью «Даешь всем!». А больше ничего и не было, сандали остались в палатке Матильды, шорты у Бата. Но это было ерундой, потом она соберется, прикинется! Ольга подбежала к обрыву. Но не стала прыгать вниз, в воду, а тихонько сползла по глинистому склонику, оцарапала какой-то высохшей веточкой грудь, но не расстроилась — вода была теплой и вместе с тем освежающей, приятной. Она с головой погрузилась в воду, расслабилась и подумала, как бы хорошо вот сейчас, прямо в этот миг стать рыбкой, вильнуть хвостиком и уплыть от всех земных забот и хлопот.

Вот только воздуха ей не хватило, пришлось выныривать. Наверху тоже было неплохо, проглядывало свежее солнышко, ветерком обдувало.

Ольга не плескалась, не шумела, она хотела полностью раствориться в воде, стать если и не рыбкой так самими прозрачными струями, утечь далеко-далеко, в синий океан, в сказочный огромный океан. И она уже была готова отдаться течению, поплыть, как вдруг заметила на берегу что-то любопытное, чего прежде никогда не видывала не только в этих краях, но и в других, даже там, на своей полуреальной родине, где вообще могло быть все, что угодно, самое невозможное.

Она уперлась ногами в дно, приподняла голову, пришлось даже вытянуть шею. И ей сразу стало холодно. Почти посреди поляны, всего в трехстах метрах от склона, за которым стояли палатки и спали ее спутники, торчала какая-то невообразимая серая статуя, а может, и идол. Она протерла глаза — здешние индейцы не ставят таких идолов, у них просто шесты с черепами наверху. Непонятно! Да и откуда тут возьмется статуя? Вчера ни черта тут не было! Да и сегод-

ня тоже, она точно помнила! Неужто так бывает, Ольга вдруг страшно расстроилась, не может быть, ее спутнички, эти женушки и сам Бат, хлещут пойло, а видения у нее одной! Бред! Ольга пялила глаза, шурилась, прикрывала их ладошкой, но диковинная статуя не исчезала. Она торчала трехметровым серым бревном, вот только голова... Ольга видела статую сзади. Но и сзади ни у кого на белом свете не могло быть такой головы. Торчали рваные гребни, отростки, поблескивали какие-то пластинки. Или это был нелепый головной убор? Ольга выбралась наверх, обогнула обрывчик, сделала несколько шагов вперед и замерла в ужасе — статуя была живой!

Ольга хотела закричать, броситься бегом к палаткам, разбудить Бата, он мужчина пусть он защищает ее, пусть он разбирается, что тут происходит, она ничего не хочет знать, ей наплевать на все, она вовсе не любопытна! Но крик застрял в горле и ноги одеревенели. Она не могла пошевелиться даже мизинцем, это был паралич какой-то, ни руки, ни ноги не слушались ее. Ольге казалось что вот-вот в глазах потемнеет и она грохнется в обморок. Но она не падала.

Когда статуя медленно, будто неживой неповоротливый механизм, двинула головой и стала оборачиваться, у Ольги сердце оборвалось, упало вниз, она его больше не чувствовала, словно и оно одеревенело, окаменело от страха. И немудрено, можно было сойти с ума от жуткой уродливой рожи статуи, ничего подобного Ольга не видела ни в одном, даже самом кошмарном и фантастичном видеофильме. А ведь она часами, днями просиживала у видека и знала наизусть не только все новинки видео, но и старые вещи, восьмидесятых и девяностых годов. Неужели такое могло существовать на свете?! Больше всего ее поразили не чудовищные клыки и наросты, не гребни и чешуя, не кривой рог, торчавший из носа или того, что должно служить носом этому

чудищу, больше всего ее поразили глаза — это были глаза вовсе не статуи, не куклы, не манекена или видеоробота, это были безжизненные и вместе с тем живые глаза выходца из преисподней. Она не могла оторвать от них взгляда. Она не могла моргнуть, прикрыть собственных глаз, смежить век, это было непонятно, это все было ворожкой. Еще несколько минут назад она не подозревала о существовании чего-либо подобного, она лежала в палатке и мечтала о том, кого ей на этот раз пошлет Бог, она верила, что наконец-то придет хороший добрый парень, который будет ее носить на руках, любить, ласкать, говорить нежные слова, который никогда не оставит ее и которого она никогда и ни за что не бросит! Она молила Бога, она верила! Но откуда тут взялся... этот трехметровый чудовищный верзила, почему! Неужели... Мороз продрал ее по коже, уши заложило. Неужели Бог послал ей за все прегрешения, за все мерзости и весь блуд этого дикого уроды?! Нет! Не может быть! Не так уж она и плоха! Чем она, спрашивается, хуже этих пьянчужек и развратниц, этих бродяг, нет!

После того, как чудовище сделало шаг навстречу, Ольга почувствовала, что ее ноги оживают, что не только можно, но и нужно бежать, спастись, удирать пока не поздно. Но она не стронулась с места. Нет! Бог знает, кому и что посылать! Он знает — когда и за что! Он просто так ничего не делает! И потому бежать нет смысла. Она получит то, что желала!

Чудовище вдруг взвилось в воздухе и в тот же миг опустилось рядом, даже земля вздрогнула от мощного толчка. А Ольга не могла оторваться от этих потусторонних приковывающих как магнитом глаз. Она уже знала, что случится дальше, она знала, что чудовище не будет ее бить, грызть, терзать зубами и когтями, что оно не станет ее убивать, оно будет делать другое... И может быть, она выживет, кто знает.

Тяжеленная рука, усеянная мелкими колючими шипами и чешуйками, рука с восемью длинными страшными пальцами опустилась на ее плечо. Ольга почувствовала неземной холод, она вздрогнула. Но холод тут же перестал ощущаться, рука вобрала в себя ее тепло, да, это было так. А уже в следующую секунду она уперлась губами в грубую серую ткань балахона, она больше не видела страшных глаз. Но их гипнотическое воздействие не проходило.

Чудовище тяжело и с присвистом дышало, обдавая ее странными незнакомыми запахами, оно вздрагивало и временами отшатывалось назад, то ли боясь ненароком повредить что-то в своей жертве-игрушке, то ли по другим причинам, Ольга не пыталась разобраться. Она была в полутрансе. Она чувствовала, как ощупывают ее тело могучие корявые руки, как сдавливают они груди, бедра, плечи, как приподнимают ее, отрывая от земли... И ей мерещился тот самый негр-верзила, что подмигивал у бензоколонки, ей даже показалось, что это он и есть, что иное ей мерещилось от переутомления и нервов. Вот только руки! Что это были за руки! Лапищи! Молоты!

Она не видела самого чудовища, она утопала лицом в этой вязкой и мохнатой ткани, каких на Земле нет, точно, нет! И чудовище играло ей, словно невесомой былинкой. Она не чувствовала ни боли, ни прикосновений — все вдруг онемело, было лишь ощущение, что она сама стала частью чудовища, что она лишь комочек плоти на его могучем и твердом как дерево теле. И было ощущение, что ее живые и нежные ткани рвутся, расплзаются, что струится вниз что-то невидимое, горячее и влажное. Но она не вникала в эти ощущения, она уже теряла сознание. И даже в последние секунды, в последний миг она верила — это Бог ей послал то, чего она заслужила, а значит, и печалиться нечего, значит, все так, как и должно быть, это судьба, а от судьбы не денешь-

ся никуда, и если она и умрет, так значит, так надо, так будет лучше и для нее и для других, а там, там на небе разберутся что к чему.

Когда Гун опамятовался, было поздно — он держал в руках вовсе не теплое тело самки, а остывающий труп. Как же это получилось, почему?! Он захрипел от досады и внутренней боли! Но тут же выругал себя — только это и должно было случиться, ничего иного! Ведь это не женщина их цивилизации, это не Анха! Несчастливая была всего навсего слизнячкой, жалкой, немощной, уродливой до жути и омерзения. И все же он сделал это, он попробовал ее! И хотя Гун не испытывал ничего похожего на ощущения, испытываемые при настоящей любовной игре, он понял — одиночества полного не будет, наверное, не будет, он сможет привыкнуть, он найдет себе подругу здесь и привыкнет. Жаль несчастную, жаль! Но ее не вернуть!

Он держал на руках мертвое тело и не испытывал безразличия, как совсем недавно. Он испытывал чувство вины. Он ругал себя за это непонятное и тяжелое ощущение, за его приход, гнал болезненное чувство прочь, не хватало еще этого — раскисать, когда за тобой охотятся, когда следопыты идут сзади, по твоим следам.

Он согнул колени, напрягся и резким движением выбросил руки вверх — тело взлетело в голубеющее небо, взмыло словно выпущенное из пращи. Гун мгновенно выхватил аннигилятор, задрал раструбом вверх — и все исчезло в короткой вспышке, ни волоска, ни клочка кожи не упало на землю, несчастная испарилась на глазах, как ее и не было.

Титаническим усилием воли Гун отключил память — теперь она уже не помешает ему, теперь он будет властвовать собственным телом безраздельно. А ему предстояло перенести немало. Все еще было впереди, все еще только начиналось.

Прошло совсем немного времени, прежде чем он выбрался к склону горы. Но с другой стороны, немного правее. А что ему еще оставалось делать! Гун тешил себя мыслью, что если не взяли за сутки, так и вообще не возьмут.

Он вскарабкался высоко по склону, поросшему однообразными стройными деревьями и чахлым кустарником. Потом стал перемещаться влево, выбирая удобное место для обзора поляны. Он начал ощущать вкус к этой игре в преследователей и преследуемого, азарт охватывал его душу. Но это не означало того, что Гун начал вдруг терять чувство меры и пренебрегать предосторожностями, вовсе нет.

Удобного места ему выбрать не удалось — не было почти никаких выступов. И тогда он вскарабкался на самое высокое дерево. Заслонился широкой ветвью, листва должна была полностью скрывать его от взоров тех, кто копошился внизу.

А там было несколько слизняков в одинаково нелепой форме. Гуну пришлось надеть очки дальнего видения, чтобы хорошенько разобрать, чем же слизняки занимаются. Но он так и не понял ничего. Трое слизняков сидели прямо на земле, кучкой, временами они подносили руки к головам и после этого выпускали из себя дым. Эта процедура была совершенно непонятна Гуну, но он догадался, что ничего существенного за ней не кроется. Еще трое ходили по поляне и прощупывали траву и землю длинными палками с расплюснутыми проволочными концами — тут все было ясно. Пускай ищут, подумал Гун, может, и найдут что-нибудь. Ближе к склону стояли палатки и какое-то оборудование, с этим тоже было все ясно. Какой-то слизняк без всякой системы таскался по поляне с небольшим четвероногим животным. Гун рассмотрел даже круглый ремень на шее зверька и тянущуюся от ремня длинную веревку, конец которой и держал слизняк. Гун наблюдал долго. А слизняк все подтаскивал четве-

роногого к трупам черной пушистой твари с вывороченными кишками, хватал его руками и все норовил уткнуть носом прямо в разлагающиеся кишки. Четвероногий отчаянно вырывался, упирался что было силы. Потом слизняк начинал бегать с ним по поляне — то кругами, то наискосок. Понять, чего он добивался от четвероногого, было невозможно.

Был и еще один. Он насторожил Гуна в самый первый миг, когда Гун только устроился на ветви и подкрутил очки. Этот совсем узкоглазый и неправдоподобно желтый слизняк в головном уборе с длинным козырьком вдруг повернул голову в сторону склона и начал медленно поднимать ее — до тех пор, пока щелки глаз его не расширились, а сам взгляд не остановился прямо на Гуне. Не дольше секунды они смотрели друг на друга, глаза в глаза. Потом слизняк отвернулся, побрел куда-то. Гун решил, что ему показалось. Во всяком случае, не мог этот тип видеть его с такого расстояния, в густой листве, да еще без оптики. И он успокоился.

Ему доставляло удовольствие наблюдать за бесцельной возней внизу. Планетяне оказались бестолковее и нерасторопнее, чем он ожидал. Ну и ладно, тем лучше! Пускай возьмется, пускай ищут.

С соседнего дерева перемахнул на ветвь какой-то маленький зверек с длинным хвостом. Он не видел Гуна, а когда застыл, стало поздно. Чуть вздрогнула его остренькая головка, настороженно сверкнули бусинки глаз. Движение Гуна было молниеносным — зверек не успел увернуться, он лишь чуть качнулся назад, но его головка уже была зажата всеми восемью цепкими пальцами. Гун чуть сжал их, и хрупкий череп зверька хрустнул. Маленькое тельце недолго билось в руке.

Преодолевая брезгливость, Гун поднес зверька к губам. Но положить в рот не смог — тошнотворный комок подкатил к горлу, настолько отвратителен был этот покрытый шерсткой слизня-

чок. Предаваться эмоциям не следовало. Гун положил когтем по брюшку зверька, затем, придерживая тельце тремя пальцами, остальными пятью вывернул шкурку наизнанку, но не до конца, а так, наполовину. Пересиливая себя, высосал содержимое вместе с маленькими косточками. Его чуть не вырвало от омерзения. Но он уже чувствовал, что это просто неприятно, что это совсем не опасно, что никакой отравы для него в тельце нет, а потому надо пробовать, надо привыкать. И проглотил. Горло еще раза два сдавило, но после отпустило. Гун облегченно выдохнул. Да, это была, конечно, не жучатина и не рачьё мясо, это была теплая и мокрая гадкая слизь, перемежающаяся костями, хрящами и прочей гадостью. Но теперь он твердо знал, что сможет жить среди этих слизняков, как бы они ему ни были противны.

На поляне продолжалась все та же бесцельная суэта. Четвероногого замучили вконец, и он тихо и уныло выл, сидя на привязи. Сидящие, казалось, не переставали дымить. Узкоглазый больше ни разу не поднял головы — он копал большую яму возле разлагающегося трупа, наверное, собирался зарыть его.

Несколько раз на поляну спускались тарактелки. Кто-то из них вылезал, что-то выкладывали, потом кто-то забирался опять внутрь — и тарактелки улетали. Один раз такая машина прошла над самой головой Гуна. Он затаился, готовясь нажать на рычажок аннигилятора. Но его не заметили. Гун приободрился. Все складывалось как нельзя удачно! Они его совсем не видят, они его не чувствуют. Да с ними можно годами, столетиями играть в прятки, водить их за нос! На радостях Гун поймал еще одного зверька, но уже побольше размером и с острыми клыками, которыми тот чуть оцарапал Гуну ладонь. И съел его, почти не испытывая неудовольствия и брезгливости. Да, ко всему можно было привыкнуть.

Но время шло. Предаваться забавам можно и после того, как от капсулы останется пустое место, но не сейчас. Гун в три прыжка спустился вниз. И побежал по еле приметной тропке в сторону реки.

Пак Банга знала, что легавые вместе с солдатней ищут кого-то в джунглях и на горах. Но ей не светило подыхать в жутких судорогах, при этом лишаясь еще и солидного куша. Утром она еле продрала глаза. Ширева не было, все вышло два дня назад. Пак держалась дрянцой, но в ее развалюхе не было тайников-хранилищ, а последний косяк она забила вчера вечером — даже пепла не осталось. Дела были плохи.

До Хромого она доползла чуть не на четвереньках. Тот пожалел. Но сказал, что в последний раз. Надо было отрабатывать. А как отработаешь, если эти падлы оцепили гору?! Пак больше всего на свете боялась легавых. Если ее снова запрут, она уже не выдержит. Что от нее осталось? Мешок костей да кружка крови! В прошлый раз, когда ссучилась подельщица и ее заперли на полтора года, она еле оклемалась. Не-ет, больше она не попадется!

Хромой дал ширева на две дозы в пластиковой упаковке — прямо в шприцах. Пак не стала ширяться, она еще соображала что к чему, сунула пакетики за пазуху. Мозги прочистила марашетом, но половину понюшки также убрала, еще пригодится. На пару с Хромым забили косячок и тут же вышмалили мастырку. Полегчало.

— Нужен ствол, — вяло сказала Пак, не надеясь на удачу.

Хромой замахал руками.

— Не в масть идешь, подруга, — прогундосил он, — сама знаешь, я этими делами...

— Верну.

Хромой захихикал.

И Пак поняла — у него есть оружие.

— Дай, расплачусь, — сказала она твердо.

— Ага, щас, поверил! — Жирная рожа Хромого стала совсем масляной. И весь он как-то мелко затрясся, заколыхался в беспричинном смехе — дрянь действовала и на него.

— Тайник покажу!

— За фраера держишь, подруженька? Нехорошо, не по-нашему это! — Хромой даже обиделся, оттопырил вислую синюшную губу.

— Давай бумагу и ручку!

Хозяин суетливо подал требуемое. Он еще не верил своему счастью. Но ведь бывало и так. Значит, дошла Банга, дошла подружка, ну и ладненько, ну и хвала Всевышнему, не зря, видать, потчевал почти задарма.

Через двадцать минут Пак вышла от Хромого, неся в холщовой сумке среди скомканных бумаг, газет, журналов и какой-то зелени свою собственную подруженьку по прозвищу «сузи», да в придачу к ней кучу «маслят» и три старинные, но, как говорил Хромой, вполне исправные — «лучше новеньких», покрытые патиной «лимонки».

Голова у Пак побаливала. Саму ее все еще шатало из стороны в сторону. Но она знала, что до «тропы» доберется. И кто знает, может, все еще обойдется, может, автомат ей не придется пускать в ход. Ведь ей самой не хочется этого! Чтоб провалился в тартарары этот проклятый мир! Она все сделает, чтоб не стать мокрушницей. Но пусть и ее не трогают, иначе...

Пак высыпала на ладонь остатки марафета, втянула носом белый порошок. Ноги стали держать ее потверже. Но все равно в глазах мельтешило, мир качался и расплывался, сумма казалась пудовой, хотя в мире не найти игрушки легче и меньше «сузи». Хотелось пойти в свою развалюху, передохнуть, поспать. Но Пак отлично знала, что тогда ей кранты, что во второй раз она не соберется, что вкатит в вены обе дозы и к следующему утру превратится в тряпку, о которую

разве что вытрут ноги — если не побрезгуют только. И она поплелась вверх.

Из поселка Пак вышла незамеченной. Лишь какой-то шалопай плюнул ей вслед, но ему было безразлично, куда плетется эта старая потрепанная шлюха.

Никаких легавых она пока не встречала. Все было как обычно — тихо и спокойно. Какой дурень попрется ни с того ни с сего в горы! Туристов в здешних краях не водилось, да и чего им тут ловить?! Нет, врешь, в этой глухомани и не может быть никого. А по телеку и радио — болтают! Болтуны поганые! Пак сама себя успокаивала, но все равно ее трясло. Ноги подкашивались.

Два раза над головой проносились вертолеты. Она прижималась к стволам, обмирая со страху. Что им стоило спустить веревочную лестницу и высадить парочку легавых или солдат? Для них это небольшая разминка, для нее — гибель.

Через каждые сорок метров она присаживалась и переводила дыхание. Склон был пологий, но сил не хватало. Почти у самой цели она все же достала ширево. Зубами содрала полупрозрачный пластик. Долго не могла нащупать вену, руки дрожали. Но такое было не впервые, Пак справилась. Облегчение пришло почти мгновенно. Она отбросила ненужный шприц и тихо засмеялась. Слезы текли из глаз, но она не утирала их — все было в кайф. А главное, ожило, проснулось тело.

Она поднялась на ноги, потрясла головой так, что черные сальные волосы рассыпались по плечам. Вытащила подружку-«сузи» из сумы, запихнула ее за пояс, два рожка и «лимонки» распихла по карманам широченных, когда-то светлых, но засаленных до невозможности брючат. И пошла наверх.

Теперь ей сам черт был не страшен. Да и не водилось ту никаких чертей! Разве что дикари да легавые.

У входа в пещеру росло высоченное дерево. И

Пак немного постояла, оперевшись о его ствол спиной. Дошла! Добралась! Всем назло. Вот так вот! Что, взяли?! Поймали? Фиг вам всем! Она беззвучно смеялась. И думала: вот придет жирный увалень Хромой, а тут пусто! На-ка, выкуси! Не в масть ему! Врешь! Ублюдок поганый! Размечтался, думал, дуреху нашел, а сам фраернулся, шестерня зеленая! Она представила, как Хромой выпучит свои красненькие пороссячи глазки, как разинет фиксатый роток, и не могла сдерживать хохота. Давно Пак Банге не было так легко и весело.

Смолкла она внезапно. Чья-то потная и широкая лапа заткнула ей рот, лишила дыхания. Потом лапа сползла пониже и сжала горло. В бок уперлось что-то холодное и твердое. На ухо, издавая вонючим дыханием, прошептали:

— Нехорошо, очень некрасиво, Пак. Я тебе помог, а ты так поступаешь.

Это был голос Хромого. Следил, гад! Пак трепыхнулась. Безрезультатно. Ей стало ясно, что она уже не вернется с гор в поселок, да и вообще не вернется. Хромой сжимал горло все сильнее. И тащил потихоньку к входу в пещеру.

— Ты не бойся, подруженька, я тебя придушу не сразу, не сейчас, — спленил в ухо Хромой, — вот покажешь место, убедишь старого человека, что не обманула его, так и придушу. А может, и не придушу. Ведь и ты, небось, жить хочешь? Что скажешь?

Он чуть ослабил хватку. И Пак просипела:

— Тварюга вонючая!

— Ну ничего, ничего, — успокоил ее Хромой.

И поволол в подземелье. Им надо было пройти сотни четыре метров, прежде чем выбраться на тропу. Но ноги у Пак совсем ослабли. Она подогнула колени, и Хромой остановился.

— Падла, — прохрипела она.

Хромой обиделся.

— Не шурши, девочка, — произнес он брюзг-

ливо. — Не трону. Видишь, я твою погремушку не вытащил из-за ремешка даже. Ну, чего ты?! Возьмем, поделимся, ну мы же люди свои, а?

Деваться было некуда. Не пальбу же поднимать тут, в пещере! Да еще и не подымеешь ничего такого. Пак дышала, как загнанная кобылица. Сердце рвалось из груди.

— Лады, Хромой, — наконец выдавила она из себя, — пойдём!

В темноте пещеры она ориентировалась как в своей неосвещенной развалюхе по ночам. И им потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до лаза, до щели, из которой можно было вылезти прямо на «тропу».

— Ну, чего стал, давай! — сказала Пак.

— Не-е, подруженька, ты полезешь первой! — Хромой снял с плеча тяжелый ручной пулемет и выразительно качнул стволом.

Пак встала на выступ, высунула голову в щель. В следующую секунду Хромой ее вытолкнул наружу. И выскочил сам.

Все последующее предстало перед ней нелепой и дикой галлюцинацией. Сначала раздался оглушительный треск пулемета за ее спиной. Пак в долю мгновения испугалась до оцепенения, ей показалось, что Хромой убивает ее, изрешечивает насквозь. Но Хромой стрелял не в нее.

Повернув голову вперед, Пак увидела бегущее на них огромное чудовище с ужасающим, нечеловеческим лицом. В другое время она бы сжалась в комок, упала. Но сейчас что-то обуяло ее. Пак, выдернув из-за пояса «сузи», принялась левой рукой палить в грудь страшной твари. Правой она нашарила «лимонку» и, зубами вырвав чеку, метнула гранату. Ее почти сразу бросило наземь. Но Пак видела, как чудовищу перебило кисть, как из страшной когтистой лапы вывалилось что-то круглое, поблескивающее. Она тут же бросила вторую гранату, потом третью. Уши заложило. Мир исчез.

Но через миг сознание вернулось. Она не понимала — то ли это действие наркотика, то ли вообще бред какой-то! Все вокруг было изуродовано, искалечено, обожжено. Горели кусты, тлели перебитые осыпавшиеся ветки и трава. Пахло едким дымом. Хромой, весь обожженный и грязный, в разодранной рубаше и с кровавым бельмом вместо левого глаза, стоя на одном колене, безостановочно палил вверх. Пулемет трясся в его руках, будто непременно желал вырваться из них.

Пак задрала голову. Там в вышине ползло вверх по совершенно голой изуродованной сосне то самое двуногое страшное чудовище. Верхние лапы его болтались плетьюми. Но оно как-то умудрялось перебирать нижними, выгибаться, вжиматься в дерево и, несмотря на увечье, на бешенную пальбу, поднималось все выше и выше. Пак видела, как обрывками слетал с тела чудовища его серый балахон и открывалось что-то поблескивающее, зеленое, неживое. Это было самое форменное сумасшествие. И она, подобрав свой крошечный автоматик, принялась выпускать вверх очередь за очередью. Одновременно Пак истерически хохотала во все горло. Так, что даже Хромой вдруг стих на секунду и уставился на нее уцелевшим выпученным глазом.

Потом резко стемнело. Совсем ненадолго. И никакого чудовища не стало. Лишь дым, гарь и искалеченные деревья напоминали о побоище.

А Хромой продолжал трясти своим пулеметом, хотя тот молчал — кончились патроны. Приглядевшись к Хромому, Пак поняла: у старика от пережитого крыша поехала, свихнулся. Но ей было наплевать на этого жирного и наглого борова.

Прежде, чем подъехала машина с солдатней, Пак успела вкатить в вену остатки ширева. Она балдела, остекленевшие глаза не желали ничего видеть в этом реальном и ненужном мире. Визгливый хохот ее поначалу напугал солдат. Но они все же втащили Пак в кузов машины. Она ниче-

го не хотела, ничего не боялась. С ней можно было делать что угодно. Не удавалось лишь вырвать из ее оцепеневшей руки маленький, почти игрушечный автомат, подружку «сузи».

Если бы капсула пришла на секунду позже, Гуну пришлось бы распрощаться с жизнью. Он еле держался на покачивающейся вершине дерева, то проваливаясь в небытие, то вновь обретая зрение. Его ноги уже были готовы разжаться. Но именно в эту последнюю секунду днище капсулы заслонило собою небо, раскрылся люк и из него спустился короткий пластиковый трап. Автоматика работала, несмотря ни на что. Гун из последних сил, на одних локтях вполз по трапу внутрь капсулы. Дал команду выхода на орбиту и повалился на пол.

В экранах внешнего обзора он видел, как рвались со всех сторон ракета за ракетой. Капсулу потряхивало. Но она каким-то образом каждый раз успевала уворачиваться, спасая своего изувеченного обитателя.

Гун занимался собой. Полуослепший и оглушенный, с перебитыми руками, простреленным во многих местах телом, он ползал по полу вдоль стен, от ниши к нише, пока почти наощупь не отыскал регенератор. На его счастье в капсуле их было два, как и полагалось по инструкции. На нем не стали экономить, и это спасало его в очередной раз.

Стиснув рукоять регенератора зубами, Гун привалился к стене, подтянул к себе колени и уткнул обрубок правой руки в раструб. Долго не мог включить прибор, тыкался им в стены, плечи, злился и нервничал. Но справился и с этим делом. На оцепеневшую и полубесчувственную кисть будто плеснули расплавленным оловом. Но Гун не отдернул руки, терпел.

Даже когда капсулу потрянуло так, что он кубарем полетел к другой стене, не выпустил из

раструба кисти. Только удивился — в чем дело, ведь они уже должны были выйти за пределы атмосферы планеты?! Снова включил обзор. Нет, они никуда не вышли. Капсула металась в освещенном пространстве, но понять что к чему не было никакой возможности. Гуну оставалось лишь довериться мозгу капсулы. Что он и сделал.

Рука отрастала на глазах. Боль была страшная. Но это была приятная боль. Когда Гун убедился, что все, вплоть до острых поблескивающих чернотой когтей восстановилось, на него вместо радости накатила досада. Так по-глупому влипнуть! Как последний недоумок! Какие-то полудохлые слизняки расправились с ним словно с беззащитным ребенком! И где аннигилятор? Наверное, валяется там, у тропы. Нет, все верно, так и должно было случиться — это плата за беспечность, за то, что возомнил о себе, уверовал в удачливость собственную и непобедимость! А сам?! Не успел даже руки поднять! Так и надо, впредь умнее будешь да расторопнее... Но спасся, спасся же! И это главное.

Новая рука плохо слушалась. Ее надо было разрабатывать. Но еще до того, как заняться этим, до того, как отрастить левую руку, Гун растворил регенератором все кусочки свинца, вошедшие в тело и причинявшие боль при малейшем движении. Потом затянул хитиновые покровы своей кожи-панциря. Самые важные центры организма не были затронуты. Во всяком случае, это пока никоим образом не проявлялось. А стало быть, можно не слишком расстраиваться.

Левую руку Гун отращивал, сидя в кресле у пульта. Ему надо было разобраться в обстановке. Проглоченные подряд три порции стимулятора влили в него такой заряд энергии, что Гун рвался в бой. Но это вовсе не означало, что он собирается рисковать попусту.

«Потолок» был перекрыт. Как ни напрягался мозг капсулы, найти ходы сквозь самые верхние

слои атмосферы ему не удавалось — несколько орбитальных станций и спутников полностью контролировали пространство, каждый его малюсенький квадратик. Оставалось искать боковой выход. Но с двух сторон уже ничего хорошего не светило, там широко раскинули «радарную сеть» — при попытке прорыва капсулу и тряхануло так, что Гун почувствовал себя жучком в коробочке. Можно было, конечно, попробовать на малой высоте. Но у земли не извернешься, никакие антигравитаторы не помогут, при самом простом маневре можно врезаться в ее поверхность. Рисковать не стоило.

Гун с тоской вспомнил о тихой и уютной подводной пещере. Надо было оставаться там, в зеленоватом расслабляющем сумраке. Но что толку предаваться воспоминаниям и жалеть о чем-то!

Похоже, он попал в ловушку. Оставалось лишь проверить два направления, чтобы убедиться в этом. Но вместе с тем Гун вдруг понял — внутри этой ловушки вроде бы никто не покушается на его жизнь, на существование капсулы. То есть, эти слизняки все же хотят не просто уничтожить пришельца, но и понять — кто он. А может, это только казалось. Поди-ка проверь, что у них там на уме!

Навстречу неслись два предмета. На огромной скорости неслись. Гун выжидал, хотя уже не раз давал себе слово перейти от созерцания к действию. Предметы напоминали Гуну те допотопные летательные аппараты, что существовали в его мире еще до образования Системы. Он видел такие или похожие в мнемофильмах. Но они несли опасность.

Вот и сейчас от аппаратов отделились по две небольшие ракетки и пошли на сближение с капсулой. Гун взял резко вверх. Обогнув широченные дуги, ракетки последовали за капсулой. Далее рисковать не стоило, Гун включил защитное поле. Притормозил. И тут же увеличил ход. Раке-

ты разорвались будто по команде — их взрыватели сработали в тот миг, когда ракеты вошли в поле.

Примитивная техника! Гун даже улыбнулся снисходительно. Но тут же погасил улыбку. Один раз он уже влип. Да и не один даже. Его капсулу можно было накрыть и такими средствами. Попробуй допусти хоть одну ошибку — и тебя разmozжит о внутренние переборки! Мозг работает на пределе. Но он все время помнит о живом существе внутри. А существо это не всякую перегрузку выдержит.

На севере и северо-востоке прорваться также не удалось. Стоило Гуну подобраться ближе к невидимой границе, как тут же прямо по курсу расцветали пышные клубы раскаленных газов, будто лепестки фантастических цветов распускались вдруг из невидимых дотоле гигантских бутонов. Планетяне не жалели зарядов. И Гун знал: чем дольше он будет медлить, тем большее число пусковых установок они смогут сконцентрировать в местах возможных прорывов. Нельзя было рассчитывать на отсрочку.

И он решился. Перегрузки вдавили его в кресло. Веки сами собой напоззли на глаза. Руки стали неподъемными. Но голова работала, как прежде. Да и мозг капсулы ловил мысленные команды на лету. Вираз был лих и крут. На бешеной скорости пройдя вдоль северной границы ловушки, капсула почти вертикально взмыла вверх, но тут же изменила направление и под прямым углом пошла на прорыв.

Гун не почувствовал удара. Когда его будто мячик выкинуло из кресла и швырнуло на экраны, он был уже без сознания.

Филипп подал рапорт полгода назад. Шесть долгих месяцев он ждал ответа. И вот наконец о нем вспомнили, просьбу его удовлетворили. Со следующей недели прощай навсегда армия, прощайте майорские погоны! Хватит, поигрался не-

много, а теперь пора и остепениться. Да и вообще, не его это была дорожка — в училище пошел за компанию с приятелем. Окончил через пень колоду. Перед каждым вылетом его трясло. Хотя и не показывал виду. Но сколько же можно! Одно удерживало — хорошо платили. Но не станешь же всю жизнь дрожать и просыпаться по ночам из-за этих поганных бумажек! Филипп по-новому вдыхал воздух жизни. Все его теперь радовало, все интересовало, все пьянило.

Сегодня последний вылет. А там — да пропади они пропадом, эти самые военно-воздушные силы! Парень он хоть куда: крупный, рослый, красивый. Бабы так и льнут, друзья надежные, есть уже договоренность — будет подрабатывать консультантом на одной небольшой фирмочке. Башли, правда, поменьше, ну да ничего, тоже нормальные, на жизнь хватит.

А в эти дурацкие игры Филипп не верил. Да и кто в них верит! Сказки для малых детишек: пришельцы, новые разработки потенциального противника, то да се! Крутят, вертят, нет чтобы прямо сказать: ребята, идут очередные маневры, надо попотеть немного, повкалывать, а после передохнете. Дубье, солдафоны! Но ему-то наплевать, он сегодня последний раз сядет в свой «Призрак» — на пару часиков, и все. А потом еще неделька на оформление документов. Хорошего понемножку!

Когда давали «боевое задание», лицо Филиппа было непроницаемо. Но в душе он хохотал над каждым словом полковника, таких обалдуев — поискать! Чего лепит! Нет, вы только послушайте его! И глазом не моргнет!

Дежурство в воздухе было постоянным: одни садились, другие поднимались. Дело привычное. А для перехватчиков и вовсе заурядное. Ну, а последние два дня — дежурство с боевыми стрельбами, по мере надобности и при обнаружении «объекта».

После инструктажа полковник сказал ему, отозвав в сторону и взяв под локоток:

— Может, сменить тебя, Фил, как ты? — Голос полковника подрагивал. — Чего тебе париться напоследок!

Филипп усмехнулся в открытую. Ему была непонятна такая забота.

— Ну что вы, шеф, — проговорил он, закидывая голову назад и выставляя крупный агрессивный подбородок, — неужели вы хотите лишиться меня последнего удовольствия?

Полковник пожал плечами.

В этот день «Призрак» как никогда был послушен Филиппу. И ему вдруг стало жалко свою «ласточку», которая, несмотря на все страхи, бессонные ночи и капризы своего пилота, ни разу не подводила его. Филипп чуть было не прослезился. Он и вообще был сентиментальным человеком — любил романтические фильмы и постановки, умилялся детским каракулям. Но это не означало, что он не умел держать себя в руках. Хороша «ласточка», ну да и Бог с ней. Может, достанется отличному парню, которому все эти дела по душе. А с него хватит!

На исходе второго часа бортовые локаторы засекли «объект». Филипп, как и было положено по инструкции, пошел навстречу с небольшим углом отклонения. И с ходу выпустил все восемь ракет по цели — парами. Тут же свечой взмыл вверх, чтобы обезопасить самолет от действия ударной волны да и от случайного столкновения.

Он начал свой вираж заблаговременно, не доводя до последних секунд, ему ни к чему было испытывать судьбу в этот последний день. Но произошло невероятное — «объект», нарушая все законы движения и аэродинамики, резко изменил направление и, проделав невероятный маневр, оказался рядом.

В последнее мгновение Филипп увидел будто остановившуюся, зависшую в прозрачном воздухе

черную полусферу и зашедшие с тыла, нагоняющие ее ракеты. Он даже успел сосчитать их — по выработанной, ввевшейся в мозг и кровь привычке: ракет было ровно восемь. Он не услышал жуткого грохота, порожденного столкновением его «Призрака» с черной полусферой, и тем более слившихся разрывов всех выпущенных им же ракет, для него все растворилось в белом ярком свете, растворилось и тут же пропало.

Гун вывалился из люка, придерживаясь одной рукой за трап. Он понимал, что в любую минуту может произойти непоправимое, и потому спешил. В темноте он сумел нащупать парализатор и что-то острое, колющее. Быстро запихнул и то и другое в карман. Левая нога была сломана в двух местах. Это Гун определил сразу, как только пришел в себя. Правый глаз вытек. И его уже не восстановишь регенератором. Этот прибор болтался, прихваченный ремешком, на шее. Положение было ужасное.

Вывалившись, Гун сразу нащупал правой рукой верхушку дерева и отпустил трап. Опять его занесло в то же самое проклятое, заколдованное место, все на тот же склон!

Дерево под тяжестью тела согнулось. И Гун, не удержавшись, полетел вниз. Он упал в какие-то колючие кусты и чуть не выколол уцелевший глаз. Сильно отшиб локоть, сломал пару гребневидных отростков. Но он не стал задерживаться, не стал восстанавливать переломанную кость ноги. Стиснув зубы, кривясь от боли и еле перебирая уцелевшими тремя конечностями, он пополз к огромному и замшелому валуну. И только когда полностью скрылся за ним, немного успокоился.

Его опасения не оказались напрасными. Капсула выдержала чудовищное воздушное столкновение, совершенно кошмарный взрыв настигших ее ракет. Она донесла его кое-как до земли. Но все

внутри нее разладилось, мозга больше не существовало. И потому не существовало никаких сроков, никаких десяти или даже оставшихся восьми дней...

Взрыв был настолько мощный, что валун вздрогнул, накренился и чуть было не придавил обессиленного Гуна. Но все обошлось. Лишь на какое-то время Гун лишился слуха. Ничто на свете не могло отвлечь его от самого важного дела. Даже если бы весь мир взорвался, Гун не повернул бы головы. Он, согнувшись в три погибели, водил раструбом регенератора по сломанной ноге. Кость медленно, с искривлениями, но все же срасталась. Шансов на спасение оставалось немного. Гун хотел воспользоваться и этим немногим.

Через несколько минут он ковылял вниз по склону, подальше от этого страшного, изуродованного взрывом места. Откуда-то издали уже доносился шум тархтелок.

Именно сейчас Гуно захотелось жить так, как никогда ему не хотелось. И жить не подопытным существом в лабораториях, а полноценно, по-своему! Только бы успеть спуститься к реке! Они никогда не найдут его там, в подводном полумраке! Им и в головы их слизнячьи не придет разыскивать его под водой, в прибрежной мути. Вперед же!

Но он успел добраться лишь до той тропы, где чуть не погиб совсем недавно. Голова кружилась, ноги подкашивались. Быстро бежать он не мог. Какой это был бег! Он падал через каждые двадцать метров. И где-то по дороге потерял парализатор. Теперь он оставался совершенно безоружным, если не считать обычного трехгранного ножа, измученным, больным, трясущимся от болей и нервного напряжения. Даже залепить вытекший глаз было нечем, глазница зияла воронкой, грозя заражением или иными неприятностями. Гун был на пределе.

Гул голосов и звук моторов настиг его у расщелины. Выбора не было, и он, с трудом протиснувшись в эту окаменевшую щель, спустился в пещеру — точнее, просто упал на ее сырой каменный пол. Подняться туда, наверх он уже не смог бы.

Преследователи — или просто разыскной отряд — прогремели ребристыми шинами, подошвами над головой, что-то крича, переругиваясь возбужденными голосами. И пропали. Наверное, проскочили мимо. Гун с облегчением выдохнул. Ему была дарована очередная отсрочка.

Остаток дня и всю ночь он провел в пещере, перебравшись поближе к выходу из нее. Но он не спал. Его не переставая трясло в ознобе. Ему нужны были лекарства и покой. Покой был, но это был относительный покой. Лекарств же не было никаких, а от регенератора в таких делах толку мало. Но Гун не отчаивался.

Сержант Тукин давным-давно понял, что надеяться можно лишь на себя самого. Поэтому он и возился с Ральфом, словно зеленопузый курсант-салага. Ральф постепенно привыкал к дохлой пантере и не шарахался от нее, как в начале. Надежды, правда, было мало. Но Тукин не хотел упускать и самой маленькой возможности подзаработать.

И потому, когда на следующий день объявили общую тревогу и всех погнали на поиски неизвестных, Тукин не доверился узкоглазому Киму, прихватил пса с собой. Ведь должно же было и ему когда-то повезти!

Правда, и на этот раз не обошлось без мелких неприятностей. Один из новичков, залезая в машину, сорвался и каблуком левого сапога засветил сержанту под правый глаз, другой ногой салага попал прямо в живот своему доблестному командиру. Тукин скрючился. Но тут же залепил новичку такую затрещину, что настроение его

надолго повысилось. Да и провинившийся стал смотреть на него несколько уважительнее.

Весь этот суматошный день Ральф только понапрасну путался под ногами у сержанта и прочих ребят из отряда. Но вел себя спокойно, не скулил, не ныл, не дергался, как ошпаренный, на поводке. Только раз, когда они проезжали вдоль той самой тропы, где днем раньше устроили настоящее побоище эти прохиндеи из местных банд, Ральф вдруг снова прижался к ногам сержанта и с тоскою заглянул в его светлые глаза. Тукин погладил пса. Но взял на заметку и этот случай.

Палатки они разбили ниже. Ночь была беспокойной. И попробуй засни, когда в окрестностях, среди этих диких лесов и гор, бродят какие-то жуткие твари, которых и усмотреть-то невозможно. Заснешь, а они тебя и прихватят! Или ножом в спину! А может, еще как. К утру все были разморенные, понурые. Да никому толком и не хотелось связываться с незнакомцами — а ну их, пусть себе бродят!

Сержант засветло объяснил каждому что к чему, дал свой участок местности. Их дело — хоть какие следы найти. А прошаривать леса цепями пригонят какое-нибудь другое подразделение, покрупнее да помногочисленнее. Ну, а не найдут, так на нет и спроса нет! Только сержанту Тукину очень хотелось найти.

Часа четыре он безрезультатно лазил по склонам, заглядывал под вывороченные корни деревьев, не забывая перекликаться по условному с ближайшими своими подчиненными и временами докладывать обстановку в центр по рации. От пса пользы не было. Но Тукин был упрям.

К исходу пятого часа он обратил внимание на то, что Ральф начинал вести себя странно. Стоило его повести вперед, по направлению к высокой сосне, как он упирался всеми четырьмя лапами, поскуливал, норовил вырваться. От радостного предчувствия сержанта прошибло потом.

— Ну чего ты, сучонок хренов, — прошептал он совсем тихо Ральфу, — учуял, что ли? Ну?! Ну, давай, веди!

Пес никуда сержанта вести не собирался. И тогда Тукин поступил наоборот, он ослабил поводок, чтобы проверить себя. Ральф рванулся назад. Но Тукин не пустил его туда. Тогда Ральф потянул влево, потом вправо — он готов был бежать на все три стороны, но только не к сосне.

— Молодец, Ральфушка, — приласкал его Тукин.

И поволок пса за собой. Чем сильнее упирался тот, тем больше был доволен сержант, тем уверенней себя чувствовал. Он снял с предохранителя автомат, висящий на правом плече. Положил палец на спусковой крючок. Было страшновато идти одному. Но Тукин не хотел дожидаться своих ребяток, не хотел он и делиться по праву принадлежащим ему и только ему солидным кушем. Он уже чувствовал, как карманы оттягивают тугие пачки купюр, как жжет сердце через нагрудный кармашек кредитная карточка.

Рассмотрев вход в пещеру, Тукин понял — этот тип должен быть там. Он выпустил из рук поводок, чтобы не тянуть за собой упирающегося пса, лишнюю тяжесть и помеху. Ральф, словно за ним гналась стая гепардов, помчался в сторону палаток.

Усмиряя нервную дрожь, сержант Тукин достал фонарь, еще плотнее прижал к телу автомат и шагнул в пещеру.

Он сделал всего три или четыре шага, прежде чем яркий сноп света армейского фонаря вырвал из тьмы странную фигуру. Какой-то непомерно большой человек в сером изодранном балахоне сидел, привалясь спиной к земляному своду. Сидел прямо на растрескавшейся сырой глине. Голова его в непонятном и нелепом головном уборе была свешена на грудь, и потому лица Тукин не видел. Но он понял, что никакой это не человек!

И даже не человекообразная обезьяна или еще какая тварь, о которых постоянно травят байки по телеку и в газетах. Больше всего поразили сержанта руки или лапы, он не знал, как назвать. Они лежали на коленях и производили жуткое впечатление — Тукин даже не смог сосчитать, сколько на каждой пальцев, сколько черных поблескивающих отточенных когтей. Такими же страшными были и нижние конечности.

Тукин невольно отшатнулся, попятился к выходу. Но все же он нашел в себе силы, остановился. Он заметил, что существо сильно дрожало. И понял — с этой тварью что-то неладное, она или больна или сильно ранена. Никакого оружия рядом с сидящим не было. И Тукин решился. Не спуская ствола автомата с груди существа, он как-то неуверенно крикнул:

— Эй ты, а ну встать! Давай, давай...

То, что показалось Тукину головным убором, вовсе не было им. Сержант это сразу понял, когда существо медленно подняло голову. Ничего более страшного и уродливого Тукин не видал на свете. Его даже передернуло. Он чуть было не нажал на спуск от неожиданности. Усеянное мелкими и крупными пластинами лицо существа постоянно меняло выражение, но при этом все равно казалось неестественной маской, жуткой и чудовищной.

На любое движение сержант без промедления ответил бы выстрелом. Но существо не двигалось. Оно лишь смотрело на Тукина одним-единственным глазом. И был этот большой круглый глаз напоен такими переполнявшими его болью, страданием, безнадежностью, что Тукин чуть не выронил автомат. Нет, он не мог стрелять в эту тварь. Да не то что стрелять! Он не мог себя заставить отвернуться, выйти, крикнуть своим...

Эта тварь, это обессиленное существо вызывало в сержанте страх и отвращение. Он готов был ненавидеть уродливого пришельца. Но не мог...

Он не мог даже пойти и выдать эту страдающую, умирающую тварь. Все мысли о причитающемся ему куше растворились, развеялись в туманно-розовой дымке. А наяву оставались лишь сконцентрированные в одной маленькой точке боль, страдание, безнадежность. Тукину стало не по себе.

Он видел, как существо, собрав, наверное, остатки сил, воли, медленно приподнялось, опираясь спиной и руками о своды. Но не шевелился. Теперь он знал, что оно не сделает ему ничего плохого.

Но он знал и другое — то, что и он не сделает ничего плохого этой жуткой, но беспомощной твари с одним-единственным уцелевшим глазом и подгибающимися ногами.

Сержант вышел из пещеры и, не оглядываясь, побрел прочь. Он не понимал — с какой это стати, почему он должен жалеть пришельца. Но это было не столь важно. Он будет молчать, он обойдется без всех этих хреновых наград и поощрительных! Нужны они ему больно!

У кустов стоял Ким и широко улыбался. Одна рука у Кима была за спиной.

— Никого нет, начальник? — вежливо спросил он.

Тукин просипел недовольно:

— Опять?! Все вы тут охренели, разболтались, вот что я скажу! Ты мне ответь, рядовой Ким, почему у тебя такой козырек неуставной, где кепарь шил?!

Ким заулыбался шире прежнего. Но не ответил. Какой-то он был сегодня странный. И Тукину это не понравилось.

— Чего молчишь?

Козырек кепаря затрясся. Но Ким уже не улыбался. Глаза его были расширены и совсем не походили на обычные щелки.

— Так, значит, никого?

— Ты что это..., — начал было Тукин.

Но Ким его перебил:

— Сам говоришь — никого. Значит, никого и не было.

Ким вытащил из-за спины какую-то круглую штуковину, похожую на большой апельсин, прошептал тихо еще раз: «Ни-ко-го!» — протянул сержанту.

Но когда тот сделал ответный жест, вытянув вперед раскрытую ладонь, из штуковины вырвался совсем небольшой пучок света. И сержант Тукин повалился лицом вперед на землю.

— Ни-ко-го-о, — пропел Ким бесстрастно, потом оглянулся и поднял рацию сержанта.

Штуковину он сунул в карман, отчего тот страшно оттопырился. Но это не смутило Кима. Центр отозвался сразу:

— Седьмой? Что там у вас?

Ким широко улыбнулся, прежде чем ответил. Его лицо было сегодня не таким уж и желтым. Да и сам он не был похож на обычного угодливого и простодушного парня.

— Капитан, докладывает рядовой Ким. У нас потери! Да! Эта тварь прикончила сержанта! Мы так все любили его, так уважали! Что? Что?! Она уходит, но мы держим след! Мы ей зададим жару! Что?! Есть, капитан, принимаю команду на себя.

Ким выключил рацию. Постоял над телом сержанта. Потом пнул его беззлобно ногой и пошел к пещере, возле входа в которую росла высокая и красивая сосна.

Когда планетянин вышел, Гун понял — он спасен. Он умел чувствовать, он понимал, он проникал в души и видел в них. Ему было совсем плохо. Но он знал: приступ пройдет и все наладится. Главное, чтобы его не тревожили, дали бы отлежаться. Развеются страхи и тревоги, кончатся преследования — не век же ему в бегах пребывать! И все наладится, все пойдет своим чередом.

Он приспособится к этой новой жизни, он станет частью этой планеты.

Пошатываясь и оседая на слабеющих ногах, Гун подошел к высокому гладкому дереву. Прислонился к нему, обдирая мягкие чешуйки коры. Он не чувствовал опасности. Чутье никогда не подводило его.

Но тот, кто окликнул его сзади, не был живым существом. И Гун от неожиданности вздрогнул. Повернулся не сразу.

Узкоглазый говорил, не разжимая губ. Все было и так понятно. Гун прикрыл глаз и потянулся за ножом. Он уже сжал рукоять, когда рука внезапно онемела, повисла плетью. Трехгранное лезвие вонзилось в землю у ноги.

— Не надо. Это лишнее, — проговорил узкоглазый. — Ты не сердись на меня, Проклятый, и вообще не сердись, ведь на моем месте мог быть и другой, верно?

Гун молчал.

— Система не рассчитывала на Чудо. Ты меня понимаешь? Чуда не должно было быть, это ошибка. Извини!

Узкоглазый вытащил из кармана аннигилятор, кивнул на прощание собеседнику и как-то жалко улыбнулся.

Но Гуну Хенг-Ороту Две тысячи семьсот тринадцатому по рождению и четырнадцатому из осужденных к смерти, Великолепному и Навеки-Проклятому, уже не нужны были ни улыбки, ни извинения, его могучее и страдающее тело, вместе со всеми мыслями, чувствами и самой Душой, исчезло в пламени аннигилятора, обратилось в мельчайшую невидимую пыльцу, которой было суждено пребывать в этом мире до его гибели.

Следователь был мягок и вкрадчив. Он заходил то с одной стороны, то с другой. Ему не приходилось занимать терпения — видно, сама профессия да долготелний опыт выработали в нем

привычку относиться к допрашиваемым так, как относится многомудрый и убеленный сединами учитель-наставник к капризным и бестолковым ученикам.

— И все же я очень прошу вас, вспомните, как выглядел этот человек? — спросил он, широко улыбаясь, будто заранее пытаясь погасить раздражение собеседницы.

Савинская ударила кулаком по столу.

— Черт бы вас побрал! — произнесла она глухим усталым голосом. Произнесла медленно, разборчиво, делая ударение на каждом слове. — Ну сколько раз вам можно повторять одно и то же?! Это был не человек! Понимаете, не че-ло-век!

Улыбка следователя стала еще обаятельней и шире. Он откинулся на спинку стула, и тот закрипел под тяжестью плотного упитанного тела. Маленький носик следователя сморщился так, словно его обладатель вот-вот чихнет, и совсем потерялся меж полных румяных щек, серенькие крохотные глазки заискрились, доверчиво, по-детски. Савинской показалось, что этот жирный боров сейчас громко, в голос, расхохочется.

Но следователь не чихнул и не захохотал. Он лишь понимающе развел руками и сказал тихо:

— Разумеется, ночь, темнота... спросонья всякое могло показаться.

После той жуткой, кошмарной ночи что-то изменилось в характере Савинской. Из спокойной и равнодушно относящейся к подавляющему большинству житейских передрыг женщины она превратилась в нервное, озлобленное и недоверчивое существо, она высохла, почернела лицом и как-то сразу состарилась. Если бы старик Савинский увидал сейчас свою толстуху Машу, он ни за что бы не признал ее, а если бы и признал, то сбежал бы из дому в тот же час. Но старика Савинского, судя по всему, не было в живых. Правда, и трупа его не удалось найти. Но это ничего не меняло.

— Вы меня порядком утомили, Грумс! И вам наверняка влетит от начальства! Я вам это гарантирую! Ну что вы ломаете мою мебель, а?! — Савинская привстала, оперлась руками о столешницу. — Какого дьявола вы привязались к вдове убитого? Я вас спрашиваю, милейший комиссар Грумс! Вместо того, чтобы бежать с высунутым языком по следу убийцы, вы сидите здесь, развываясь, и издеваетесь над незащищенной женщиной!

Следователь не обиделся. Он лишь прикрыл свои маленькие глазки, закивал понимающе. Стул под ним перестал скрипеть.

— Все в интересах дела, мадам Савинская, все для вашей же вящей пользы, служба-с! — Грумс помедлил и смущенно добавил. — Не угостите ли чайком, мадам?

— А может, вас еще и накормить и стаканчик поднести, а? И спать с собой уложить?! А убийца будет разгуливать на свободе?!

— Ну, зачем же так? Поймаем, будьте уверены, поймаем.

Савинская вытащила из ящика бутылку прохладительного, достала откуда-то снизу запыленный стакан, поставила и то и другое перед следователем.

— Пейте и выматывайтесь отсюда! — сказала она. — Мне все равно добавить больше нечего.

Грумс вытащил из бокового кармана мятый платок, протер краешек стакана и плеснул в него теплой шипучки.

— Надо же, какая дрянь, — пробурчал он, выпив чуть больше половины стакана. — Я такой гадости со времен войны не пивал. Прямотаки болотная водица.

И все же он проглотил остатки. Выпучил заслезившиеся глазки на Савинскую и умоляюще поднес сложенные пухленькие ручки к лоснящемуся подбородку.

— Еще раз, — произнес он сиропным голосом, — еще разочек! И с самого начала, мадам.

Первым желанием Савинской было схватить бутылку за горлышко и ударить ею по башке этого наглого типа. Ее выводили из себя уравнищенность и спокойствие следователя, мало того, приводили в бешенство. Нахал! Да как он смеет! Да откуда он вообще взялся на ее голову! И что это за несчастье такое — на седьмом десятке, когда бы доживать в тишине и покое оставшиеся годы и не тужить ни о чем! Нет, она этого так не оставит! Она найдет управу на всех этих негодяев!

И все же она сдержала себя.

— Ладно! Но потом я вас выставлю вон!

— Вот и прекрасненько, мадам! — обрадовался Грумс.

Они сидели на веранде деревянного двухэтажного дома, стоявшего на довольно-таки большой поляне прямо посреди дремучего, малопроходимого леса, на той самой роковой поляне, где все и произошло.

— Я слышала его шаги, — начала Савинская, — он все чего-то колобродил внизу, все включал приемник, слушал, курил — до меня долетал дым этих вонючих сигарет. Вы помните, о чем тогда трепались по радио наши местные болтуны?

— Нет, — соврал Грумс с самым простодушным видом.

— Ну, тогда я права, — заключила Савинская, — гнать вас надо! В шею гнать! Это что же получается — все про все знают, вся местная публика только об этом и говорит, только и чешет без передышки свои языки на эту тему, а наши блостители ни черта и не слышали, не в курсе? А за что мы налоги платим, Грумс? Я вас спрашиваю!

Грумс вздохнул тяжело. Развел руками. Виноватого покачал головой. Но про себя он порадовался — развязался-таки язык у этой старой патлатой ведьмы. А то он думал, она и вовсе одичала

в глуши, забыла, как следует обходиться с представителями властей. Но ничего, теперь все пойдет как по маслу. Теперь эту мегеру не остановишь, и она выложит все до капельки, раскроется! Грумс был уверен, что из старухи можно выжать ценную и столь необходимую ему информацию. Он даже поежился в предчувствии чего-то такого...

— Ладно, я вам скажу! Считайте, что я заработала для вас недельное жалование, комиссар. Тогда по радио болтали о каких-то типах, что шатаются по округе и о том, что каждый, видите ли, добропорядочный гражданин должен их опознать, связать и доставить, куда следует, или уж донести на них. И за это, Грумс, давали хорошие деньги! О-о, мне бы эти денежки, комиссар! Уж я бы нашла, что с ними делать! Но ладно, чего это я?! Короче, искали каких-то бандитов, а кое-кто намекал, что и не бандитов вовсе! Какие у нас бандиты, так, наркоты вонючие, да и те по своим углам ошиваются, боятся на люди вылазить. Но намекали, комиссар! Дескать, и шпионы это, и террористы, а совсем свихнувшиеся говорили будто пришельцы! Вы не смотрите на меня так! Я вам прямо скажу, если б не видала собственными глазами, я б такую ахинею и повторять не стала. Только мне кажется, что это и не пришельцы, Грумс. Это был дьявол, вот что я скажу.

Грумс сочувственно улыбнулся, кивнул.

— Да вы не смейтесь! А то замолкну вот сейчас, и ни словечка вы из меня не выдавите!

Грумс сделал постное лицо. Но теперь он был уверен — не замолкнет старая погремушка, не остановится. Он налил себе еще немного из бутылки, выцедил. Было жарко и душно. Грумс обливался потом, его мучила жажда.

— Или нет, не дьявол... это был, — Савинская запнулась.

— Это был высокий человек в маске, мадам.

Савинская снова ударила кулаком по столу. Лицо ее скривилось.

— Ну нет! Раз уж вы собрались слушать, так не перебивайте! — почти прокричала она. Но тут же успокоилась, продолжила: — Так вот, он все ходил внизу, скрипел, пыхтел, охал...

— Кто, мадам, дьявол или человек в маске?

Савинская задумалась, выкатила свои базедовые глаза и без того выпученные, болезненные, непроницаемо черные.

— Вы меня не сбивайте! Внизу ходил старик Савинский, мой муж! Потом он выключил приемник, забрал ружье...

— Значит, вы видели, как он забрал свое ружье? — очень тихо и очень деликатно спросил Грумс.

— Ну конечно же нет! До чего вы тупой, комиссар! Я лежала наверху и ничего не видала, не могла видеть! Я потом уже обратила внимание, утром, когда рассвело, что его ружья и пистолета не было на месте.

— Так, значит, был еще и пистолет?

— Разумеется, был! Попробуйте-ка пожить в наших краях без оружия, Грумс! Вас тут быстренько обучат уму-разуму! У вас-то у самого, небось, под мышкой кольт висит, а под другой — автомат, так ведь?

— Нет, мадам, — комиссар широко распахнул обе полы своего светлого просторного пиджака — ничего у него там не было, кроме пропотевшей и оттого темной рубашки. — Мне это без необходимости.

— Ага, так я вам и поверила, — теперь Савинская, впервые за время беседы, широко улыбнулась. — Ладно, слушайте. Он забрал все и ушел. Я не знала, куда он ушел, но потом уже сообразила, что он пошел в сторожку. Для чего он туда пошел, Грумс, как вы думаете?

— Наверное, там было попрохладнее? — предположил комиссар.

— Нет! Я тоже так думала сначала. А потом я поняла — не в этом дело! Он пошел туда,

наслушавшись этих бредней по радио! Он пошел туда и залег. Понимаете, залег в засаду! Он знал, что эта проклятая тварь придет сюда!

— Не буду спорить, мадам, но зачем нам предполагать что-то? Откуда мы можем знать, зачем пошел Савинский в сторожку. Может, он просто захотел в одиночестве раздавить бутылочку любимого винца? Так ведь?!

— А чтоб у него не отобрали стакана, он вооружился до зубов?! Меня поражает ваша логика, комиссар! Считайте, что я вам заработала не недельное, а месячное жалованье! Он пошел туда именно с целью залечь в засаду, ясно?!

— Ну, хорошо. Я больше не буду вас перебивать. Давайте все по порядку. Итак, он ушел в сторожку.

Савинская уселась поудобнее, победно взглянула на этого глуповатого борова Грумса. Она и не ожидала, что беседа, поначалу бывшая непереносимой, становилась чем-то даже увлекательной. Ничего, она еще не такая дура! Она еще сумеет пораскинуть мозгами и любого заткнет в этом деле!

— Я лежала в полудреме. Но я все слышала. Можете смеяться надо мной, но мне казалось, что я слышала и мысли моего старика. Да-а, мозги у него шевелились как тяжеленные жернова. Но мыслишка-то была совсем простенькая — прихлопнуть этого самого, который скрывался в лесу, или всех их приколошить, вот что! И отхватить приз! Хотите верьте, хотите, нет, но он размышлял именно об этом. Эх, и простофиля же был муженек, царство ему небесное! Упокой, Господи, душу раба твоего!

— По-моему, вы рановато начинаете отпевать мужа. Факт смерти не засвидетельствован.

— А мне и не надо никаких свидетельств, Грумс. Вы видали то место, где стояла эта проклятая лачуга?

— Конечно, мадам! Я облазил там каждый

вершок и вдоль и поперек. Там ни черта нету. Вы мне скажите прямо, припомните хорошенько — может, вы на этом самом месте недельку-две назад жгли сено или еще чего-нибудь? Только не спешите, не торопитесь, пожалуйста, с ответом.

Савинская налилась багрянцем, глаза ее стали злыми.

— Там стояла лачуга, понятно! Наша маленькая сторожка! Нет, вы все-таки дождетесь, я вас вышвырну вон, Грумс! Не надо шутить над старой и больной женщиной! Что вы себе еще позволяете?!

Следователь не стал извиняться, оправдываться. Он лишь пониже склонил голову. Пускай выкричится, старая перечница! Пускай, пускай! Может, из нее желчь-то вся и выйдет, станет помягче да поговорчивее, потолковее.

Но Савинская уже успокоилась. Ее даже подзадорили слова Грумса. Теперь она не собиралась уступать ни пяди. Хоть где, хоть на суде перед присяжными, хоть перед самим Господом Богом, она повторит то же самое, не прибавив и не убавив ни одного словечка! И пускай не строят из нее дуру! Она пока что в своем уме! И ум этот лучше, чем у некоторых!

— Лачуга испарилась в одно мгновение! Даже мгновения не прошло, а вот так — есть! и нету! Со всеми железьяками, стекляшками — знаете, там были и замки, и цепь какая-то, и сетки, и разная дребедень... все это исчезло, вспыхнуло и пропало! Даже ружья с пистолетом! Я уж не говорю про моего бедного мужа Савинского! — она всхлипнула и надолго замолчала.

Грумс деликатно выдержал паузу.

— Я вам соболезную, — сказал он полупшепотом.

— То-то! Поверили! — посмотрела на него теплее Савинская: — А еще говорили, факта нет, не засвидетельствовано!

Следователь и теперь не верил во все эти сказ-

ки. Он предпочитал не обострять и без того обостренных отношений, а потому готов был поддакивать, какую бы околесицу ни несла эта выжившая из ума баба. Все равно что-нибудь да проскользнет в ее болтовне, какая-нибудь зацепочка да попадется!

— Я выглянула в окошко за минуту до того, как вдруг включилось освещение, понятно вам?! Вы, наверное, заснули?

— Я очень внимательно слушаю, мадам.

— Так вот, была ночь, вы правы. Но и ночью кое-что видно, так?

Грумс кивнул.

— И я не шизофреничка, не истеричка, комиссар, я нормальная женщина, у меня не бывает видений. Даже, как вы изволили выразиться, спр-сонья!

— Виноват, мадам, — вставил следователь галантно, с наклоном головы. И мысленно послал Савинскую к черту.

— Я видела все! Эта тварь стояла у заборчика, у самого входа в дом. Я сначала рассмотрела черный силуэт, знаете, такой огромный, странный, на двух ногах, с двумя руками, если бы я увидела нечто подобное за двести или триста метров, я бы могла сказать — да это человеческая фигура... Но вблизи, нет, меня не проведешь! Это был не человек, Грумс!

— Ну, а кто же?

— Это был не че-ло-век, Грумс! У людей, даже у гигантов, не бывает таких голов, не бывает таких жутких рож!

Следователь снова улыбнулся.

— Опишите мне, пожалуйста, эту маску, что была на голове вашего незванного гостя.

Савинская опять приподнялась над столом. Казалось, глаза ее вот-вот вывалятся из глазниц.

— Слушайте, комиссар, мне ничего не стоит разглядеть ту маску, что вы напялили на себя, ясно?! Но на этой твари не было никаких масок!

Я это видела даже в темнотище! А когда вдруг вспыхнуло освещение, когда наши прожектора ее ослепили, я чуть не грохнулась в обморок. Вы видели когда-нибудь чешуйчатого ящера на картинках?

Следователь помялся.

— Я давненько не брал учебников в руки, мадам, мне так трудно сразу ответить.

— Вот и надо вас гнать со службы, ничего-то вы не знаете! Напрягите свое жалкое воображение, и представьте: круглая морда — два глаза, дырки вместо носа, пасгь, а сверху — пластины, как чешуя, только толще и больше! А глаза?! Чтоб мне до гробовой доски таких не увидеть! Разве у масок бывают глаза, Грумс? Живые глаза?! Нет, вы ошибаетесь, комиссар. Эти глаза мне теперь каждую ночь снятся, в них пропасть, Грумс, в них сам ад!

Следователь поморщился. Даже его железного терпения не хватало. Он начинал уставать. А от жары и жажды было просто некуда деваться. И как эта мерзкая карга живет тут, в этом проклятом пекле! Как она еще не окочилась! Чтоб ей наяву явились все эти фантомы с глазами!

— Что было надето на нем... на ней, этой твари? — спросил он вяло.

— Серый балахон, — выпалила Савинская, — такой, знаете, как эти самые носят... нет, не балахон! Что-то вроде комбинезона — и куртка и штаны все вместе, такие сейчас для малышей шьют.

— Та-ак-с, — задумчиво произнес следователь, — а на ногах?

— Вот вы попали в точку! — Савинская сильно волновалась. Ни ног, ни рук у этой твари не было! Зачем же говорить о том, что у нее было надето на ногах! Вы послушайте, это были когтистые лапы, черные, страшные.

— Где, внизу иливерху?

— И там и тут! На такую лапину с когтями

ни башмака, ни сапога не натянешь! А в верхней она держала шутовину, как мячик, круглую. Только вспыхнул свет, как эта тварь обернулась к сторожке, где был мой бедный муж, — и сразу резануло по глазам, словно молнией резануло! Я ослепла даже, но лишь на мгновение... а потом я видела, как эта тварь потопталась немного и бросилась в лес. Бегом! Она неслась, как никто на земле не может нестись! А сторожки не стало!

Савинская уперлась локтями в столешницу, обхватила лицо руками и зарыдала. Разговаривать с ней далее было бессмысленной затеей.

— Спасибо, мадам, — сказал Грумс, вставая, — я думаю, мы разберемся с этим делом. Прощайте!

Он задержался на минуту у заборчика, на том самом месте, где, по рассказам этой выжившей из ума бабы, стоял кто-то в ту ночь. Подобрал маленький черный шарик, сунул его в карман. Никаких следов не было, это задолго до него определили эксперты. И потому он не стал задерживаться. Поклонился еще раз. И тяжело отдуваясь, проклиная жарищу и весь этот лесной ад, побрел к маленькому вертолету, где его поджидал скучающий пилот.

Желтолицый Ким не был рожденным. Он был сотворенным. Но это вовсе не означало, что он не умел любить или ненавидеть, чувствовать, переживать, нет, все ему было доступно. И добавок ко всему этому многое другое, чем не были наделены рожденные.

Когда Гун Хенг-Орот Две тысячи семьсот тринадцатый, Великолепный и Навеки-Проклятый, распался на молекулы и растворился в земном воздухе, Ким сунул аннигилятор в заплечный ранец, снял свою форменную кепку с длинным козырьком и несколько минут простоял в молчании над этим скорбным местом. Памятника или какого-либо иного надгробного знака Навеки-Прокля-

тому не полагалось, он должен был исчезнуть бесследно. Не умереть, не сгинуть, не пропасть, а именно исчезнуть — полностью и насовсем!

Но Киму было жаль Гуна, на его взгляд Проклятый был ничуть не хуже, чем все прочие обитатели Системы. А как он вел себя здесь, на Земле? Всего несколько случайных жертв, раздавленные при посадке пантера с детенышем, обломанные ветви... и все! Гун практически не наследил здесь. А это удалось бы далеко не каждому.

Ким не знал Гуна прежде. Он его узнал лишь на Земле. И он не отказался бы от такого товарища. Но у Кима не было выбора — еще в Системе, прежде чем свернуть его в биогранулу и запихнуть в ячейку капсулы, в его мозг заложили программу. Хотел того Ким или не хотел, но он был запрограммирован на убийство Проклятого. И он его убил!

Что же делать, такая была раскладка! Но кто помнил в Системе о каком-то сотворенном Киме, когда его свертывали и запихивали в капсулу, обреченную на вечное скитание по Вселенной? Да никто! Проклятый совершил тягчайшее преступление — открыл вход в Систему для непосвященных, для рожденных вне Системы. Его наказали, его обрекли на смерть. Точнее, на невоскрешение — ведь вероятность того, что капсула попала бы в подходящие условия, где мог сработать механизм воскрешения, была бесконечно малой. Но все думали о Проклятом, все заботились о его судьбе. А кто-нибудь хоть на миг разве вспомнил про то, что сотворенные имеют душу, что вместе с Гуном в мрак небытия отправляется еще одно существо, то самое, что должно в том невероятном случае, если Проклятый оживет и сумеет встроиться в чужой мир, разыскать его и убить?! Нет, на сотворенного смотрели как на кусок пластика, как на аннигилятор или саркофаг Проклятого, как на любую, даже самую незначительную деталь капсулы. Жители Системы не хотели пач-

кать рук, не желали быть даже косвенно замешанными в убийстве.

Гун Хенг-Орот боролся за жизнь до последней секунды, он цеплялся за нее, как больной, обреченный на смерть и вдруг начавший выздоравливать. Но ему не оставляли ни малейшего шанса. То, во что верил воскресающий Проклятый, было лишь маленькой оттяжкой. Живое орудие смерти опустилось на планету вместе с Воскресшим. Все было продумано до мелочей.

И его тогда не звали еще Кимом. Он имел порядковый номер и больше ничего.

Ячейка капсулы выстрелила биогранулой в издыхающую пантеру, которой Гун разорвал брюхо своими железными когтями. Несколько часов ушло на то, чтобы гранула начала обретать в еще теплом животном веществе свои первоначальные свойства. А потом подросла группа поисковиков во главе с неудачливым сержантом Тукиным, вечно попадавшим в переделки. Поисковики шарили у склона горы, в месте посадки. Да только ни черта они там не нашли!

Кому-то из них должно было не повезти. И не повезло желтолицему Киму, правой руке сержанта. Когда желтолицый подошел к труп пантеры, склонился над ним, ожившая гранула пулей пронзила ему сонную артерию, вошла в кровь, растворилась в ней, разлилась по всему телу и принялась уже в качестве мириадом невидимых глазом частиц за сложнейшую работу. Рядовой Ким не успел даже распрямиться — не то что упасть или осесть на траву — он уже был не рядовым Кимом, он был Нерожденным. В доли секунды он стал Сотворенным, и его внешнюю оболочку кожу и прочие покровы, заполнило совершенно иное вещество, он обрел иное строение, ничего общего не имевшее с анатомией землян. Но при всем при том он сохранил и внешность Кима, и его голос, и его память, и его привычки, и все прочее вплоть до мельчайших деталей — ни один

из землян не смог бы догадаться о перевоплощении.

И программа начала действовать. Если бы Проклятый догадывался о возможности существования убийцы, если бы он узнал о нем в первые минуты! Да он мог шутя, одним когтем разорвать любое тело, в которое внедрилась биогранула, и тем самым погубить ее, спасти себя. Но ему не дано было это знание! А через полчаса, когда в теле Кима поселилось нерожденное сверхсущество, было уже поздно.

Лишь об одном мечтал тот, кто стал Кимом, — чтобы Гун Хенг-Орот погиб раньше, чем он его настигнет. Но этого не случилось, Гун был крепким орешком — он ушел не только от поисковиков-наземников, но и от всех служб слежения, он практически внедрился в земную жизнь.

На пути Кима встал сержант. Пришлось его убрать. Во время поисковой операции это дело прошло незаметным — аннигилятор не оставляет следов, разве что чуть обгоревшую траву, кору дерева или что там еще подвернется, да легкий, тут же рассеивающийся дымок. Вот и все, что осталось от сержанта Тукина! От Проклятого не осталось ничего!

Этот простак капитан по рации сообщил о повышении — дескать, теперь Ким становится сержантом, командиром отряда. Как будто тому был какой-то прок в этом назначении!

Нет! Совершенно другие мысли одолевали Кима Сотворенного. И мысли эти были мрачны. Во-первых, Гун все-таки наследил: это и убитый старик, рассыпавшийся на молекулы вместе со своей лачугой, это и оброненные им, Гуном, предметы, совсем не свойственные для этого мира, пусть их мало, пусть они затеряны в дебрях леса, но они есть, это и перестрелка с бандой наркомафии на склоне горы, возле «тропы», это и два сбитых самолета, это и наверняка что-нибудь еще, не всплывшее пока! У Кима была масса дел

вперед. Но было кое-что и во-вторых! И вот именно это не давало ему покоя. Ким не верил, что его оставят в живых, после того, как он выполнит программу полностью, заметет остатки следов. С ним расправятся не менее хладнокровно и жестоко, чем он проделал это с Гун Хенг-Ортом Две тысячи семьсот тринадцатым, Великолепным и Навеки-Проклятым. Его убьют, нет ни малейших сомнений. Но где этот очередной убийца — снаружи или внутри? Кто он и как его обнаружить? Ответов на эти вопросы Ким не знал. А может, ему все только казалось, может, никакой угрозы для его жизни и не было? Всякое могло быть, ведь в Системе на него смотрели как на пустое место, кому он там нужен был! Кому он нужен в этом мире?!

Постояв немного над местом распыления Проклятого, Ким натянул на круглую коротко стриженную голову форменный кепарь. И полез в пещеру, в последнее пристанище Гуна.

Киму не нужны были ни фонари, ни прожектора, ни свечи — Сотворенный и так все видел прекрасно, даже в самой крошечной тьме видел. Он сразу же понял, что Гун пользовался нейтритизаторами — потому ни малейшего следа запаха в пещере не ощущалось. Только у самого входа, в ложбинке, Ким обнаружил несколько чешуек и почти подсохшую лужицу крови. Он тут же выжег все аннигилятором. Пошел дальше. Кое-что заметил у выхода на «тропу» — там, у краев каменной щели болтались крохотные обрывки комбинезона. Видно, Гун лез в пещеру в спешке и суете, его угораздило зацепиться. Да и немудрено, ведь он был в то время в полуобморочном состоянии, весь израненный, с вытекшим глазом... Кима передернуло. И он умел чувствовать!

До сбора своего отряда он успел побывать и на самой «тропе», у развилки. Там подобрал пару шариков-стимуляторов, оторванный ноготь Проклятого. Сжег на высоченной сосне несколько за-

цепившихся за кору черных пластин и чешуек. Прощупал буквально каждый миллиметр. Все было чисто. Ни у кого не должно было вызвать сомнений то, что здесь произошла самая обыденная перестрелка двух группировок местной наркомафии. Впрочем в этом никто и без его стараний не сомневался. Но Ким был дотошным созданием, если он брался за дело, пусть даже и неприятное дело, он выполнял его со всей тщательностью.

Покончив с «уборкой территории», он вытащил рацию, доложил:

— Капитан, эта тварь ушла. Нам не удалось наступить ей на хвост! Потерь, кроме сержанта Тукина, нет. Но парни выдохлись, им нужна небольшая передышка.

— Ладно, — проскрипело из рации голосом капитана, искаженным и каким-то металлическим, — вам там виднее на месте. Давай, сержант, привыкай! Я думаю, ты будешь достойной заменой нашему бравому... э-э, как его, Тукину! Жаль парня! Да, кстати, когда вернешься, не забудь составить бумагу... Так, говоришь, даже следа не осталось?

— Так точно, капитан! Будто ничего и не было!

— Не расстраивайся, кому надо, разберутся, — заверил капитан. И рация замолкла.

Через двадцать минут Ким собрал отряд в условленном месте. Парни стояли грязные, выдохшиеся, чувствовалось, что они на совесть выполняли свою работенку. Да только толку не было.

— Пусто! — сказал один, невысокий крепыш, и развел руками. Потом, покосившись на товарищей, недоверчиво пробурчал: — А может, он сам сбег?

Ким посмотрел на него как на свихнувшегося.

— А за каким дьяволом ему сбежать, Дик, — проговорил он устало, — куда и от кого?!

— Еще утром мы вместе хлебали варево у костра... а ты говоришь, накрылся Тукин, ухайдакала его эта гадина! Чего-то не очень верится!

— Пойди и проверь! — отрезал новоиспеченный сержант. — А коли сбежал, так сам и вернется. Все, парни, не черта нам совать носы в такие дела, в которых мы ни хрена не смыслим! Верно?!

Вялый хор голосов поддержал командира. Без энтузиазма и уверенности, но поддержал.

— Кэп сказал, кому надо — займутся этим делом! А мы можем лишь одно сделать для нашего бравого сержанта, для нашего боевого товарища и друга. Помянем его!

Ким достал фляжку, свинтил крышечку. Подождал, пока и другие поисковики сделают то же самое — тут не было возражающих или несогласных, — поднял флягу к лицу.

— Ты был геройским парнем, Тукин! Пусть память о тебе не выветрится из наших голов!

Он глотнул из фляги, потом еще и еще раз.

Пора было возвращаться на базу.

Вождь племени поглядывал на незваного гостя с уважением — только очень солидный и состоятельный человек мог быть таким толстым и таким белым. К тому же гость дал ему большую сигарету с золотой нашлепочкой. Вождь не стал ее раскуривать, спрятал до лучших времен, когда можно будет покрасоваться с ней под сенью пальмовой хижины, открытой лишь для него, среди своих тучных и красивых жен.

— Моя твоя не понимай! — сказал он четко и вытаращил глаза. — Лес балшая!

Грумс вытер испарину на лбу мятым клетчатым платком, придвинулся ближе к вождю — там было прохладнее, туда долетали струи воздуха из-под опахал прислуги. На этот раз следовательно сидел без пиджака, в одной коротенькой и пестренькой рубашечке, в длинных, до колен, шортах и в белой панаме. Но все равно ему было чертовски жарко!

Он вытащил из саквояжа бутылочку прохлади-

тельного, выпил ее прямо из горлышка. Вождю не предложил. Тот сидел совершенно сухой, даже поеживался, будто его знобило. Огромные белки глаз вождя были болезненно желты, нос изрезан ритуальными бороздками. Вождь мог сидеть так часами.

Но Грумсу не хотелось высиживать столь долго на этой адской сковородке.

— Лес балшая, — повторил вождь туманно, — дерево многа, кукаче, — он ткнул себя пальцем в жирную голую грудь, — сапсэм мала!

Грумс вытащил из саквояжа бутылъ джина. Поставил перед вождем. Глаза у того загорелись. Хватило еле уловимого движения головы, чтобы парнишка из прислуги подхватил бутылъ, пропал с ней на миг, а потом появился с маленьким стаканчиком в руке, согнулся в поклоне.

На этот раз вождь выпил, не предложив гостю.

Выпил, крикнул совсем простецки. Но тут же напыжился, раздулся и важно провозгласил:

— Мы это называем бнхгуро-нгхоро!

Акцент и коверканье слов куда-то запропастились. Но толку от этого не прибавилось. Не так-то просто было договориться с туземцами, а тем более, вывести у них чего-нибудь хоть на грош.

— Переведите, уважаемый! — попросил Грумс занудным голосом. — И перестаньте паясничать, я ведь знаю, что вы учились в Оксфорде и Москве!

Вождь снова глотнул, снова крикнул. Теперь и с него полил пот.

— О-о, это не просто перевести, комиссар! — произнес он с придыханием и грассированием, так, словно он провел немалое время и в Сорбонне. — Это вам не латынь. Бнхгуро-нгхоро! — он задрал к небесам толстый палец. — В народе говорят так — это большой и сильный руконогий дьявол, который свалился с Луны, чтобы покарать всех, кто еще остался обитать в лесу!

— И все это укладывается в два слова? — с недоверием спросил Грумс.

— Нет, комиссар, — ответил вождь напыщенно, — это все укладывается лишь в первое слово! Второе же означает — вездесущее лесное существо, от которого нет спасения, которое питается жуками и гусеницами, спит на деревьях, но в назначенный час сожрет всех без остатку, чтобы набрать силы и запрыгнуть обратно на Луну! Таков смысл второго слова.

Грумсу вдруг стало смертельно скучно в этой глуши, рядом с этим толстяком в венке. Ему захотелось сейчас же улететь отсюда. И все же он показал вождю маленький черный шарик, тот самый.

— Моя не понимай! — нагло ответил вождь и усталился на саквояж.

Пришлось вынуть еще бутылку.

— Моя очень плоха понимай твоя!

Вождь пучил желтушные глазища, надувал губы и ждал.

Грумс достал еще бутыль.

— О-о, моя почти нашла общий язык с твоя! Почти-почти! — проканючил вождь.

Грумс встал, двинул ногой саквояж в сторону бутылок и уже собирался нагнуться, чтобы уложить их на прежние места. Но вождь ухватил его сальной ладошкой за щиколотку, остановил.

— Ну, это просто неинтеллигентно, комиссар, — сказал он с московским аканием. — Мы же культурные люди!

Грумс передумал. Он вытащил последнюю бутылку из саквояжа и придвинул ее к первым двум, стоящим перед вождем.

— Ну?! — рывкнул совсем неинтеллигентно.

Вождь хлопнул в ладоши.

На его хлопок никто не отозвался. Парни из прислуги продолжали усиленно махать пальмовыми ветвями. Тогда вождь с кряхтением приподнялся и, припадая на левую ногу, пошел в хижину.

Появился он нескоро. Но появился не с пустыми руками.

В раскрытой ладони вождь держал два черных шарика — точно таких же, как и у Грумса. Он их сразу же отдал следователю.

— Каменные слезы бнхгуро-нгхоро! Он их оставил на тропе.

— Ладно! Давайте, давайте скорей! — сказал Грумс. И засунул «слезы» в карман. — Что там у вас еще?!

Другой рукой вождь волочил за собой по земле какую-то серенькую штуковину яйцеобразной формы и с тоненькой ручкой, он волочил ее за длинную, явно имеющую иное происхождение веревочку, которую приспособили к штуковине его люди.

— Вот, забирайте! Два дня я себе ломал голову над этой штукой, — сказал он капризно, — но так и не разобрался с ней! Во всяком случае, стрелять из нее нельзя, комиссар. Забирайте! А там уж сами решайте, откуда она взялась в джунглях. Может, вам еще хорошенько врежут за то, что вы лезете в такие области, куда лезть благонамеренным гражданам не полагается! И правильно сделают, если врежут! Только предупреждаю, я тут не причем! Я ничего не хочу знать о тех хреновинах, которые изобретают наши яйцеголовые парни в своих дурацких лабораториях, понятно?!

— Да ладно вам, — оборвал его Грумс. Он был несказанно рад этому случайному подарку. Но на его потном расплывшемся лице никоим образом нельзя было прочесть и следов этой радости. — Вы лучше расскажите, что знаете кроме этого. Да вот еще, мне надо потолковать с вашими людьми, может, они порасскажут, мало ли...

Вождь снова выпучил на него глазища, покачал головой, оттопырил нижнюю губу.

— Дерево много, кукача сапсем мала, где взять?! — проговорил он, нахально поглядывая на

пустой саквояж. — Моя твоя сапсем плоха понимай!

Уходить из отряда Киму, да к тому же вот так, сразу, было никак нельзя. Какое-то время — и не меньшее, чем полгода, а то и весь год, надо было выдержать, точнее, продержаться. А уже потом потихонечку, полегонечку уходить. И от возможных преследователей уходить, и от нудной казарменной жизни.

Был, конечно, и другой выход. Нерожденный мог переселиться в иное тело, поменять обличье. Но тогда кое-что могло сохраниться в памяти Кима, прежнего Кима, ведь он останется жить. Убирать и его Нерожденному не хотелось по двум причинам: каждая новая смерть — это соответствующий новый след, зачем их плодить, и вторая, ему было жаль этого желтолицего парня, который так попросту влип в необыкновенную историю, ведь пока Нерожденный в его теле, с тем навряд ли что случится, но стоит покинуть эту оболочку и на первом же допросе черноглазого сержанта собьют с толку, запутают, а там пойдет, поедет, закрутится... Нет, раньше времени покидать столь удобного тела не стоило.

Но ему надо было во что бы то ни стало облазить все те места, где успел побывать Проклятый. Нелегкая задача! Если бы все шло нормально, если бы не поднялась вся эта кутерьма! На поиск запустили не только военную разведку и спецподразделения, но и несколько бригад, прибывших из центра, из самого федерального бюро госбезопасности! Шныряли и еще какие-то типы, в штатском, все вынюхивали, выводывали. Правда, Ким был заранее уверен, что ни черта у них не выйдет. Но сидеть, сложа руки, он просто не мог.

Ночью, оставив на казарменной койке в сержантской свой фантом и удостоверившись, что никто не торчит снаружи, он выпрыгнул в окош-

ко, огляделся. Плотно затворил оконные рамы. И спешной, деловой походкой пошел к заборчику.

— Ким, мать твою! — окликнул его кто-то снизу.

Он взглянул под ноги. Там лежал прямо на траве тот самый невысокий крепкий парень, что сомневался в смерти сержанта Тукина. Рядом с ним расположилась молоденькая мулаточка — худенькая, с осиной талией, и совсем еще детскими глазами. Она, видно, не на шутку перепугалась и потому вцепилась в локоть парня, тянула его на себя.

— Ну, ты даешь, командир! — пьяно удивился парень. — Еще немного — и нас было бы двое... Малышка бы не выдержала такого веса, ха-ха!

— Ничего, Дик, зато ты выдержишь дюжину таких малышей! — попробовал отшутиться Ким.

Внутренне он напрягся. Не хотелось убирать с пути этого хмурого паренька да еще и его подружку.

— Куда тебя несет на ночь глядя? — поинтересовался парень.

Девушка тоже осмелела:

— Глядя! Свихнулся, пьяница! Где ж глядя, уже второй час ночи!

И время догадались засечь, подумалось Киму, теперь если что... Но в сущности, это были пустяки.

— Не вам же одним любовью заниматься! — сказал он игриво, помахал рукой. — Привет!

Ему не ответили. Парочка вновь была увлечена друг другом.

Нерожденный внутри Кима отключил сознание желтолицего полностью. Теперь надо было быть настороже! Еще одна такая незапланированная встреча — и его вычислят. Все, хватит играть в игрушки!

Перепрыгнув через заборчик, Ким в три прыжка преодолел стометровое расстояние до леса и скрылся в нем.

Теперь все было в его руках. Не было нужды маскироваться. Остановившись на ближайшей крошечной полянке, Ким задрал гимнастерку до груди, ощупал ладонью левый бок — сквозь кожу совсем немного выпирало твердое угловатое... анализатор созрел. Пора было его применить. Во мраке ночи Ким-Нерожденный видел точно так же, как и при ярчайшем солнце. Он видел эту пористую смуглую кожу, живую, нежную. Ему не хотелось ее портить, пусть и ненадолго. Но время шло.

Ким поднял на уровень груди правую руку, внимательно взгляделся в нее, судорога пробежала от локтя к пальцам, ладонь начала цепенеть, в плече появился нестерпимый зуд. Но вместе со всем этим происходило и более важное: из кончиков пальцев, прямо на глазах, начали вырастать плоские и бритвенно-острые когти стального цвета. Пока механизмы биотрансформации работали слабовато. Но Ким знал, это лишь на первых порах, дальше будет все в норме.

Дождавшись, когда когти отрастут на нужную длину и убедившись, что рука свободна, не испытывает прежнего оцепенения, он сжал пальцы плотнее. И вонзил когти в мягкую, пористую кожу. Разрез был грубоватым, не скальпельным. Но это не смутило Кима — уверенным движением он повел руку вниз, сдирая большой клочок кожи. Кровь потекла на брюки. Но он тут же остановил ее. Заглянул в образовавшуюся дыру — там холодно посвечивал ребристый бок анализатора. Ким запихнул руку поглубже в тело, обхватил анализатор цепкими пальцами и вырвал его наружу. Что-то зачмокало, зачавкало внутри раны. Левой рукой он прижал полуоторванный клочок кожи. Расправил его, разгладил. Вздыхнул глубоко, задерживая воздух в легких. Рана затягивалась на глазах. Лишь маленькое бурое пятно на брюках у ремня напоминало о ее существовании.

Но главное, в руке у него тускло посвечивал вызревший, еще слизисто-мокрватый, тепленький, но самый настоящий исправный анализатор. Ким обтер его руками. Заправил гимнастерку под ремень. Присел на полусгнивший пенёк.

Анализатор позволял прощупывать местность на несколько миль в радиусе. Он реагировал на все: на чужеродные предметы, в том числе и на все изготовленное в Системе и в Федерации, на любую опасность, откуда бы она не исходила, на живых существ, которые могут пересечь путь или как-либо еще помешать обладателю прибора, на источники всех существующих во Вселенной излучений и на многое другое, чего человеческий организм просто не в состоянии воспринять. При этом на самом анализаторе не было никаких табло, экранчиков, датчиков — ничего ровным счетом. Он вбирал в себя все из окружающего пространства, раскладывал на кирпичики-составляющие, анализировал, вычислял, предугадывал... и выдавал информацию прямо в мозг владельцу. Киму эта штукавина сейчас была просто необходима.

Он запихнул ее в нагрудный карман, нежно погладил. Затем его левая рука машинально скользнула по заросшему боку — сквозь гимнастерку чувствовалось, что внутри созревает еще кое-что, еще одна штукавина без которой не обойтись на этой чуждой планете.

Но выжидать не следовало.

Ким совершенно ясно и четко увидел, что на много миль вперед, назад, влево и вправо все пусто, что здесь искать нечего, так, копошилась какая-то живая мелочь, кто-то кого-то пожирал или пока еще только преследовал — все это было не заслуживавшей внимание ерундой.

Он встал с пенёка. Скинул с себя ненужное обмундирование, оставив лишь гимнастерку и брюки. И быстрее белки взлетел по гладкому стволу высоченной сосны на самую верхушку —

она была так тонка и слаба, что не смогла бы выдержать и менее весомого тела, она бы прогнулась под тяжестью куницы или росوماхи. Но под Кимом она не согнулась, даже не склонилась в сторону на самую малость. На полпути к вершине он включил внутренний антигравитатор — земная тяжесть перестала быть для него цепью, приковывавшей к поверхности.

Ким-Нерожденный еще раз обозрел с высоты окрестности. Чутье подсказывало ему, что надо было двигать на восток от части, где мирно похрапывал на казарменной койке его собственный фантом. Анализатор пока молчал.

И Ким неторопливо, со скоростью заурядного вертолета, еле-еле обгоняющего машины, несущиеся по скоростным шоссе, полетел прямо на восток, туда, где Проклятый кое-что оставил.

Грумс не метил в новоявленные Шерлоки Холмсы и уж тем более не собирался стать одной из многочисленных ипостасей комиссара Мегрэ. У него своих забот хватало — как бы не влипнуть в какую-нибудь дрянную историю и дотянуть спокойно до пенсии, вот что волновало его. И ничего более! Но Грумс был обязан выполнять то, чего от него требовало начальство. И от этого деться было некуда, иначе и до пенсии не дотянешь, и в самую дрянную, даже наидряннейшую историю влипнешь — вышибут с работы за милую душу — и живи тогда на тысячу монет в неделю, перебивайся с пива на пепси-колу! Нет, не прельщала такая перспектива комиссара Грумса. И ему поневоле приходилось тянуть служебную лямку.

Ох, до чего же это было нудное и противное занятие! Но только виду не приходилось показывать. Да и кому охота смотреть на неудачников! Пускай лучше смотрятся в собственные зеркала, чем на него! Так думал Грумс, возвращаясь из джунглей.

Его растрясло на этом паршивеньком вертолетике-стрекозе. Но он держался. Оглохший от грохота винтов, с кружащейся головой и растревоженным желудком он вылез из чрева машины. И не попрощавшись с пилотом, побрел к себе в контору. Заперся в кабинете. Позакрывал все окна. Потом уселся на потертое зеленое кресло с жесткими подлокотниками, которое он давненько собирался сменить. Его еще подташнивало после болтанки в воздухе. Но Грумс крепился.

Штуковину, которую ему дал вождь за кучу бутылок джина, он сразу запихнул в ящик стола. Еще в вертолете он потыкался в нее с разных сторон и там же сообразил, что для его мозгов это слишком крутой орешек, а может, это и вообще просто болванка, от которой не будет никакого толку.

Грумс думал о шариках. Он отдавал свой на экспертизу. Но дурачье-лаборанты, как ни призывал их быть тщательными и добросовестными в исследованиях главный эксперт конторы, так ничего толком и не установили. Все их дурацкие приборы и реактивы просто не срабатывали, давали осечку... Но Грумс им, конечно, не верил. Просто они были лентяями и дармоедами, гнать их всех давным-давно надо было из конторы, вот что! Он их обругал тогда, отобрал шарик. Но они лишь хихикали да переглядывались. А сам ихний шеф так и сказал комиссару: «Слушай, старина, да выбрось ты эту хреновину! Ни черта она тебе не даст, не смейся людей!»

Грумсу было наплевать на все советы и на всех советчиков. Два шарика, те самые, что достались от вождя, он упрятал в сейф. А с третьим вернулся к креслу. Сел на подлокотник. И нервно подергивая ногой, перебарывая тошноту, начал разглядывать черненький кругляш, держа его тремя пальцами перед самыми глазами, — комиссар был близорук, но очков не носил.

Он долго вертел его, подносил к носу, нюхал.

Запаха не было. И тогда Грумс высунул кончик языка и лизнул шарик — вкуса тоже не было, словно кусочек спекшейся смолы облизнул. Он еще раз попробовал кругляш языком и губами. И уже хотел было убрать его, как вдруг комиссара качнуло — то ли от дрыгающей ноги он потерял равновесие, то ли у него не прошло еще головокружения после полета, не столь важно — но он завалился назад, через подлокотник в кресло. От резкого движения голова его запрокинулась, рот приоткрылся, пальцы дрогнули — и шарик оказался сначала во рту, а потом и в горле.

Грумс почувствовал, как кругляш холодной тяжестью пошел по пищеводу вниз, и сам внезапно похолодел. Бог знает, какую отраву или еще чего он проглотил!

Он подскочил на кресле словно резиновый стокилограммовый мячик, выпрыгнул из него и тут же запихнул два пальца в рот. Не помогло. Тогда он подряд выглотал три бутылки прохладительного, стоявшего в холодильнике в углу кабинета и снова сунул пальцы. Еле успел подбежать к мусорной корзине — его вырвало. И еще долго потом рвало, минут восемь или десять. Но шарик так и не вышел.

Грумс вышвырнул корзинку за окно, снова затворил его, уселся в кресло, набычился, нахмурился. И стал ждать смерти.

Ждать пришлось долго. Грумс чуть не заснул. Он с трудом преодолевал дрему, лишь по одной причине преодолел — он хотел умереть не во сне, а в сознательном состоянии, в трезвом уме и ясной памяти. Сон прошел, смерть не приходила. Зато навалился жуткий аппетит. Грумс даже не заметил, как его перестало мутить и как появилось желание сожрать целиком кабанью ногу. Это все произошло столь незаметно, что он подумал, подышать на пустой желудок не стоит, это будет просто глупо выглядеть, ведь даже смертникам по их желанию дают хороший последний обед, буты-

лочку винца, сигарету... во всяком случае, раньше давали.

И Грумс решил, прежде чем отойти в мир иной, хоть немного перекусить в соседней забегаловке. Там кормили не столь паршиво, как в остальных дешевых заведениях городишки. В респектабельные комиссар не ходил, он был человеком экономным.

И он встал. Встал, как тысячи раз вставал из-за стола, вставал с этого кресла. Встал, прикладывая усилий ровно столько, сколько нужно было для отрыва грузного тела от потертой кресельной ткани. Но на этот раз произошло невероятное — его подкинуло над столом. Грумс больно ударился голыми коленками — он еще не переоделся после посещения вождя — о край столешницы! Еще немного и он подлетел бы в воздух, врезался головой в потолок. Но что-то его удержало. Вот она, смертушка, подумалось Грумсу, она, оказывается, приходит вместе с легкостью, с парением, ты превращаешься сперва в воздушный шарик, тебя тянет ввысь... ну, а потом? А потом — суп с котом! Так мрачно завершилось рассуждение Грумса. Потом душа и вовсе отлетает от тела, уходит туда, в небеса! А тело плюхается, замирает, его подбирают, кладут в ящик и при скоплении зевак зарывают в землю, чтоб глаза не мозолило живым! Да, именно так! Он почти уверовал в собственное предположение. Но пришла мыслишка, которая отрезвила Грумса. Он вдруг вполне резонно отметил — а с чего ты, приятель, взял, что твоя паршивая, грешная душонка, которая вся в дерьме по самые уши, если у нее есть уши, должна взлететь в небесную синь?! Нет, ей дорога в обратную сторону, вниз, под землю!

Грумс сразу обрел способность рассуждать трезво. Нет, он не помирает. Тут дело в другом. Он чуть пошевелил рукой, и она взлетела вверх, словно ее подтолкнули снизу. Тогда он вцепился в подлокотник кресла, потянул его на себя — то

легко поддавалось. Одной рукой он поднял тяжеленное кресло, почти не ощущая его веса.

Грумс все понял — чудес не бывает, это действие шарика. Но он сообразил и кое-что другое: если это допинговое средство, и он сейчас в состоянии необычайного подъема всех внутренних сил, то со временем наступит и обратное, он впадает в бессилие, как и бывает обычно — сколько спортсменов отдали свои жизни из-за страсти к рекордам! И он решил не напрягаться, надо было спокойненько поглядеть — надолго ли хватит этого стимулятора, каковы будут последствия.

И все же он решил испытать себя еще разок — присел на корточки, сжал рукой ножку стола. С ним пришлось повозиться. И все же старинный массивный стол, сработанный на совесть лет восемьдесят назад, имеющий две огромные тумбы со множеством ящиков и непомерную резную по краям столешницу, медленно поднялся в воздух. Грумс встал, вытянул руку вверх — стол, словно прямоугольный выточенный из черного дерева дирижабль, завис над его головой. Это было сказочное зрелище.

Грумс осторожно опустил стол на прежнее место. Плехнулся в кресло. Он полез было в карман за своим вечно мятым клетчатым платком, чтобы вытереть испарину на лбу привычным жестом. Но почти сразу же остановил движение руки, коснулся ею лба — никакой испарины не было, лоб был абсолютно сух.

Он никогда не слышал о существовании таких мощных допинговых средств. Это было фантастикой. Но это было! Себе Грумс верил.

Неужели эта старая злая ведьма, эта сумасшедшая баба, свихнувшаяся в глуши, была права?! Или он тоже свихнулся?! Нет, не может быть, он полностью отдает себе отчет. И все же... Ничего подобного на Земле быть не могло. Это была неземная штукавина! И он ее по дурости

сожрал, проглотил! Черт бы побрал его любопытность!

Но мысли почти не отвлекали Грумса от анализа произошедшего. Он судорожно искал ответа на единственный вопрос — кто там был, у нее, у этой карги?! А в ушах стоял ее скрипучий раздраженный голос: «Это был не человек! Понимаете, не че-ло-век!!!»

Киму понадобилось не больше десяти минут лету, прежде чем анализатор засек наличие следов Проклятого. Пришлось тут же свернуть на северо-восток, совсем на немного — чутье его не подвело.

Ким еще не знал, что именно его ожидает. Но он был готов ко всему. И когда с высоты сотни метров внизу открылась ухоженная поляна с двухэтажным домом посередине и аккуратненьким заборчиком, с рядом мачт-прожекторов, он тут же спустился.

Анализатор указал место, где были рассыпаны шарики стимуляторов. Ким подобрал три штуки, распахал по карманам — пригодятся. Но анализатор не умолкал, слал команды в мозг. Теперь объект, представляющий некоторую опасность, находился не снаружи, а внутри дома. И даже не объект, а субъект — живое существо. Это было сложнее и непредсказуемее. Но и это не могло остановить Кима.

Оправив обмундирование, отряхнувшись немного и пригладив ежик волос, он прошел через калитку к двери, постучался.

— Кого там черт несет ночью?! — послышался ворчливый старческий голос.

— Служба, мадам! — ответил Ким учтиво.

— Вы что, с ума посходили? А ну, убирайтесь вон! Не то я стрелять буду... и в полицию позвоню. Вон!

— Зачем же звонить, когда к вам и так пожаловали из ведомства охраны спокойствия граждан,

мадам? — предельно вежливо проговорил Ким. — Не беспокойтесь, пожалуйста. Я вас очень прошу простить за визит в неурочный час, но мой вертолет застрял в трех милях отсюда. Мне пришлось добираться пешком, мадам, это было не просто сделать, я голоден, устал, мне негде остановиться на ночлег.

Скрип половиц подсказал Киму, что хозяйка спустилась вниз.

— Тут были уже и из полиции, и из армейской разведки! Хватит заниматься ерундой! Убирайтесь вон!

— Выбросьте хотя бы циновку какую-нибудь или одеяло, не на земле же мне спать возле вашего дома! — голос Кима прозвучал жалобно, почти плаксиво.

Из-за двери послышался кашель, сопенье.

— А вы не бандит из этой шайки, а? Смотрите, у меня револьвер заряжен! И я не промахнусь!

— Нет, мадам, я уверяю вас, что я не грабитель и не убийца. Откройте! — Киму надоело уже терять время. Он был готов и на более крутые меры.

Но дверь распахнулась. На пороге стояла невероятно постаревшая вдова Савинская — полуседа, обрюзгшая, с провалившимися глазами.

— Черт с вами, заходите!

Никакого револьвера в ее руках не было.

— Спасибо.

Ким прошел к столу и сел на скрипучий стул.

— Чайку, если можно! — попросил он.

Старуха заворчала:

— Вот все так, придут, нагрудят, нахамят, а еще и просят чего-то! чай им подавай! Обойдетесь!

— Но, мадам, зачем же всех в одну кучу... — начал было Ким.

— А куда еще?! — очень просто ответила Савинская.

Она была в серенькой ночной рубаше и набро-

шенной поверху цветастой шали. И все-таки она расщедрилась, вытащила из ящика бутылочку прохладительного.

Ким глотнул, поморщился.

— Однако....

— Вы спать просились! Видите, там вон, в углу лежанка? Идите и спите!

— Два вопросика перед сном, мадам, — Ким широко улыбнулся, и его узкие глаза превратились в щелки.

— Ну уж нет! Хватит!

— Я вас не задержу.

Савинская вгляделась в гостя своими непроницаемыми черными глазами, наморщила лоб.

— Что-то вы не очень-то похожи на полицейского. Наврали, небось?!

Ким посерьезнел, улыбка мигом слетела с его лица, широкоскулого и желтого.

— Вы правы, я из другого ведомства, но не менее солидного. И потому прошу отвечать на вопросы без утайки, мадам. У нас не принято дипломатничать. Итак, коротко: да-да, нет-нет!

— Я спать хочу! — зло сказала Савинская. — Чего привязались?!

— Как выглядел тот, кто приходил к вам тогда, вы понимаете, о ком я говорю?

— Сколько можно трепаться об одном! У вас там тыщи чиновников сидят! Что ж теперь, каждый будет приходить сюда, и каждому все заново рассказывать?! Умники нашлись.

Ким сделал еще глоток из бутылки. Такой вредной женщины он не встречал на Земле. Видно, нет толку на нее тратить время, надо иначе.

Но Савинская вдруг ответила:

— Это был не человек, я уже сто раз объясняла всем вашим олухам! Это был...

— Кто?

Савинская молчала. Рот у нее был раскрыт. В глазах застыл ужас. Она смотрела на голые ноги Кима.

— Кто, мадам?!

— Разве ваши ходят босиком? — спросила она, еле шевеля языком.

— Какое это имеет значение, мадам. Я снял сапоги, чтоб удобнее было идти через лес, ведь я вам уже говорил об аварии.

Савинская была бледна как сама смерть. Она наконец догадалась, кто перед нею сидит.

— Тот тоже был босиком, — пролепетала она, — но у него были жуткие черные когти вместо ног.

— Так вы все-таки видели его, — утвердительно произнес Ким.

Савинская молчала. Казалось, на глазах у нее прибавляется седина в волосах.

Но Ким не был любителем дешевых эффектов. С него было достаточно того, что он узнал. Пора было закругляться.

Он встал и пристально поглядел на оцепеневшую Савинскую.

— Вы ничего не помните! — произнес он твердо, с нажимом. — Повторите!

Савинская с помертвевшим лицом и застывшими скрюченными руками, которыми за секунду до того она пыталась ослабить давление ворота рубахи, синюшными губами прошептала:

— Я ничего не помню. Я ничего не помню. Я ничего...

— И никогда не вспомните!

Губы Савинской сжались в ниточку. Она была на грани, казалось, вот-вот рухнет на пол.

— Повторите!

— И никогда не вспомню. И никогда...

Ким провел рукой перед ее лицом. Потом прислушался к анализатору — тот помалкивал, все было спокойно и тихо.

Он, мягко ступая босыми плоскими ногами, вышел с веранды. Притворил за собой дверь. Один из важнейших и опаснейших следов, оставленный Навеки-Проклятым, был замечен. Надежно замечен.

А Савинская, простоявшая в оцепенении столбом до самого рассвета, постепенно пришла в себя. Легла. И спала весь день. Впервые за все время после гибели мужа она спала спокойно, ее не мучали кошмары, не преследовали навязчивые голоса, не мерещилась в каждом углу жуткая нечеловеческая рожа, усеянная черными пластинами, рожа с двумя круглыми переполненными безысходностью глазами.

Семь дней Пак Банга билась в жестоких судорогах, злые корчи полностью овладели ее телом и вытворяли с ним, что вздумается. И как только позвоночник выдерживал! Ее то скрючивало в комок, то выгибало дверной пружиной — так, что казалось, хребет уже переломился и затылок вот-вот упрется в поясницу. Затем начинало сворачивать спиралью или вдруг распирать изнутри, будто ей запихнули во внутренности свернутую резиновую камеру, а потом принялись ее накачивать через шланг насосом. пытка была невыносимой! Пак Банга орала, визжала, вопила, пока был голос. Потом могла только хрипеть, сипеть и задыхаться. Глаза вылезали из орбит, суставы выворачивало. Все тело зверски болело, словно его и снаружи и изнутри продырявливали тысячами тупых шипов. Не болела лишь голова. Но в ней была такая смертная тоска, в ней поселился такой леденящий ужас, что по сравнению с ними все физические муки были вполне терпимы. Вот уже семь дней она не могла заснуть ни на единую минуту. Явь сменялась кошмарными наваждениями, наваждения явью, все перепутывалось, смешивалось... Хреново было без ширева!

Проклятые легавые упрятали-таки ее в психушку! Опять упрятали! Хотя она давала себе слово, что лучше подохнет, лучше пустит себе пулю в лоб или перегрызет собственные вены, но только не это! И все же эти гнусные фараоны, подлые твари прихватили ее на тропе! После пе-

рестрелки, после того страшного видения, когда отвратительное чудовище, насквозь продырявленное и истекающее кровью, карабкалось по сосне, а потом исчезло, будто поднялось на небеса! А Хромой, спятивший прямо там, на «тропе», все продолжал палить из своего огромного ручного пулемета. И его самого трясло! А над раскаленным стволом плавился воздух, она все видела! Она и сама выпустила в мерзкую тварь обе обоймы из своей малышки «сузи». Она не промахнулась ни разу. Но тварь все же смоталась! И вот тогда она поплыла — поплыла уже по-настоящему, перебралась в мир грез и видений, слишком велика была доза! Переборщила она тогда. Иначе бы живой они ее не взяли! У-у, проклятушие легавые! Они всегда являются в самое неподходящее время! Ну да ничего, Пак еще с ними посчитается, ей бы только оклематься, только бы отойти! Еще неделька — а она знала это по опыту — и она или перекинется или начнет выправляться, а тогда... Тогда ей еще многое придется сделать, придется и посчитаться кое с кем! Теперь Пак подышать не хотела! Это вот если бы сразу, тогда ништяк! Тогда все в кайф! Но после всего, что она вынесла, после недели жутких мук — нет уж, фигушки, теперь она будет держаться! И этим падлам в белых халатах не удастся ее угробить своей химией! Она сама оклемается! Вот только бы продержаться!

Вчера с нее сняли смирительную рубашу. Но бинты на руках еще оставили. Эти повязки были столь крепки и туги, что она не могла их разодрать даже зубами. Она каталась по обитой мягким пластиком камере, билась головой в обшивку — да все без толку, с таким же успехом можно было биться о пенопласт или морскую пену! Трижды за эту неделю к ней являлось жуткое существо, рычало на нее, выставив острые клыки, свирепо вращало круглыми глазами, шевелило пластинами на голове, тянулось крючковатыми когтистыми лапами к горлу... И всякий раз исче-

зало, растворялось в воздухе. Но было очень страшно, так страшно, что судорогой перехватывало горло и она не могла даже хрипеть. Пак была уверена, что если бы этим вонючим легашам и чокнутым докторишкам вкупе с раскормленными санитарями хоть разок явилась эта тварь, все бы они с благим матом разбежались из своих комнат и кабинетов, все бы помешались, и уж никогда бы они не высунули носа из собственной задницы! Эти хмыри были храбрыми лишь с ней, беззащитной и больной!

Но и помимо глазастой твари Пак навещали такие чудовища и уроды, такие ей представлялись рожи, лапы, когти и прочее, что и не опишешь, и не перескажешь! Да еще голоса! Они ее преследовали постоянно! Одни хрипели, рычали в самые уши: тебе крышка! ты сдохнешь, сука! ты уже подыхаешь! бейся, бейся башкой! выпрыгивай отсюда! Другие нашептывали изнутри: ничего, Пак, все обойдется! ты только слушай нас! растворишься в своих видениях! позабудь обо всем! не просыпайся! это будет вечный кайф! Она боялась и тех голосов, и других. Она всего боялась.

И потому, когда дверь в камеру распахнулась и на пороге застыли две обрюзгшие расплывшиеся фигуры в зелененьких халатиках, она вжалась спиной в мягкую стену, выставила вперед обмотанные руки, чтоб хоть как-то защитить себя, захрипела, зашипела, начала плевать в видения — вон! убирайтесь! сгиньте к чертовой матери! Ее снова начало трясти.

Но видения не исчезли.

Они приблизились.

— Ну что, Банга, прочухалась? — спросил ехидным голоском врач, а может, и оборотень.— Мозги прочистились?!

Она плюнула в него. Но жирный врачеватель душевных ран ловко увернулся. И представил другого.

— Это из полиции, Банга. Ты лучше не шути



с ними, ладно? Будь послушной девочкой, и через недельку мы тебя выпишем.

— Врешь, сука! — прохрипела Пак.

Другой толстяк, с маленьким носиком и светленькими заплавленными глазками, представился:

— Меня зовут Грумс! Комиссар Грумс. Я хотел бы задать вам пару вопросов.

Пак передернулась.

— Сгинь нечисть! Сгинь!

Врачеватель мягко улыбнулся.

А Грумс вполне серьезно разъяснил:

— Мы вам не мерещимся, Банга, мы тут на самом деле стоим! Да и вы уже почти в форме. Так что давайте займемся делом. Я не буду утомлять вас.

— Тогда пусть этот хрен вкатит мне дозу, иначе я говорить не стану! — заявила Пак твердо.

— Исключено! — ответил «хрен».

— Все вы суки! И говорить я с вами не буду! Выматывайтесь!

— Это очень серьезное дело, Банга, — проговорил следователь мягко, — я вам советую не упорствовать.

— Я сказала, дадите ширнуться, тогда скажу! Нет, и разговоры нет!

— Я тебе вкачу, Банга, вкачу! Но кое-что другое! Ты мало корчилась?! Еще хочешь?! — поинтересовался врачеватель.

— Ну, хотя бы косячок забейте, дайте шмальнуть, — жалобно протянула она, сдаваясь, — хоть затылочку, ну-у?!

— Банга, ты же знаешь, мы тебе ничего не дадим, хоть ты лопни! Одно могу пообещать, я тебе сделаю инъекцию снотворного, и ты на сутки отключишься, лады?! Больше — ни-че-го!

Предложение было заманчивым. Пак сдалась.

— Лады! — прохрипела она. — Смотри не обмани только, душегуб чертов! Не верю я всем вам!

— Как знаешь, Банга, как знаешь, — врачеватель повернул голову к Грумсу. — Приступайте, комиссар, она будет послушной девочкой.

Грумс огляделся растерянно — сесть было не на что. Врачеватель понимающе развел руками, дескать, тут не положено. И отступил к двери, которая так же была обита мягким пластиком.

— Расскажите мне, что произошло в тот день. С самого утра и до... до того, как вас увезли.

Пак вздохнула. Она не могла сосредоточить взгляда на чем-то одном, пусть это была даже фигура следователя, глаза ее блуждали по всей камере. Но память-то не отшибло. И она начала:

— В тот день я подыхала без ширева! Хромой мне дал немного.

— Оружие тоже он дал?

— Ты у него спрашивай, легавый! Я за себя говорить буду, понял?! Пак Банга еще не ссучилась ни разу! Так что ты меня не зли, легаши!

Грумс поморгал белесыми ресницами. Успокаивающе помахал рукой.

— Ладно, Банга, ладно. Толкуй по делу. Меня не интересуют ваши делишки. Меня интересует этот тип, ты понимаешь, о ком я?!

— Этот хмырь не наш, комиссар! Я за него отвечать не собираюсь! — Пак задумалась. — Вы меня не ввязывайте в эти дела, откуда мне знать, на кого он работает?! Может, это политика?! А мне не хрена шить скользкие делишки! Я, легавый, не той масти!

Грумс снова успокоил ее. Он знал, как себя вести с этими наркотами и шмаровозами, он с ними третий десяток возился, знал все их нравы, привычки. Народец был шепутной, конечно, но не такой уж и страшный, как его описывали в романах.

— Расскажи, что он из себя представлял, и не бойся, я тебе слово даю, что толковища среди ваших из-за этого парня не будет, тебя никто, Банга, не тронет. А политику оставим политикам,

какое нам дело до них, верно, Банга? Нам ведь с тобой наплевать на этих яйцеголовых умников!

Пак скривилась, почесала ухо обмотанной рукой.

— Не-е, вы лучше колите Хромого, он вам все расскажет. Он за стопку монет мать продаст.

Грумс снисходительно, по-отечески уставился на Пак.

— Твой подельник, Банга, сидит в соседней палате и пускает пузыри из носа. Он уже обгадил там все, прислуга не успевает выносить. Вон, доктора, — он кивнул на жирного врача в халате, — хотят его привязать к параше, чтоб так на ней и сидел! Чего говорить с безумцем, Пак?!

То, что Хромой трехнулся, Пак видела еще на «тропе». Но она думала, что старый жадный боров оклемается. Но, видно, комиссар не врал!

— Ну, хорошо. Слушай! Эта харя бежала по тропе, когда мы с Хромым вылезли из щели. Она бежала прямо на нас. Но я не стреляла в него, комиссар, — соврала Пак. — Это все он, Хромой, он перепугался до смерти. Он палил в эту тварь, так можно палить в целый батальон солдатни. Он расстрелял все боезапасы. Но он ее не уколошил, комиссар Я сама видела! Все вышли целыми, так что мокрого здесь нету, комиссар! Или он сдох потом?

— Кто? — поинтересовался Грумс.

— Ну, этот... эта тварь, она сдохла?

— Я ее или его не видал, Пак, потому тебя и спрашиваю, — проговорил Грумс совсем ласково, по-приятельски. — Пак, не надо трясти коленками, я вовсе не собираюсь лепить из тебя с Хромым мокрушников. Мне вообще до тебя дела нету, пускай тобой доктора занимаются, поняла? Меня интересует лишь тот парень. Рост, вес, внешний вид. Что за маска на нем была?

Пак наконец заставила себя сосредоточить взгляд на следователе, на его пухлом белом лице. Это ей стоило огромных усилий.

— Чего ты хреновину порешь, легавый! Какая маска?! У нее была рожа, как в фильмах ужасов, еще хуже — какая-то... знаешь, как у большой круглоголовой ящерицы, понял! Она была выше любого человека на голову, руки, ноги — все с когтями! Не просто же так у старого жирного борова, у этого гада Хромого крыша поехала! Он чокнулся со страху! А Хромого маской не напугаешь! Я бы тоже, может, чокнулась, но я уже торчала, легаш, видно, ширево и спасло меня.

— А это не могло быть галлюцинацией?

— Вы осматривали место?

— Да.

— Ну и что?!

— Ты, наверное, права! После галлюцинаций таких следов не остается. Там все выжжено!

— То-то! Соображаешь, легавый! Не-е, ты не обижайся на меня, комиссар, но раз эта тварь не сдохла и не свалилась с неба, то вы ее навряд ли поймаете! Скорей, она вам всем задаст шороху!

Грумс переминался с ноги на ногу. Опять ничего путного ему не удавалось выбить из опрашиваемой. Все вокруг до около, а уцепиться не за что! Прямо бесовская возня какая-то, заколдованный круг — рожа, когти, небеса.

— Я скажу тебе точно, не лезь ему поперек дороги, хуже будет! Вон, Хромой, он набил эту тварь свинцом, как рождественского гуся набивают яблоками, он напрочь перебил ей обе руки, вышиб глаз — он же долбил ее из ручного пулемета, почти в упор!

— И что?!

— А то! Она на одних ногах, вся изодранная в клочья, обливаясь кровью, вошла по гладкому стволу... и пропала. Там еще стемнело перед этим, наверное, ее забрал вертолет, я так понимаю! Но ты бы видел, комиссар, как она лезла. Это была нечеловеческая сила и ловкость.

Грумс обернулся к доктору.

— Я вас попрошу, пожалуйста, выйдете на минутку.

Тот удивленно приподнял брови. Но вышел.

Тогда Грумс подошел к совершенно гладкой мягкой стене.

— Поглядите, может, это будет похоже, — сказал он.

И утопил ладони в пластике, подтянул вверх свое грузное, совершенно неподъемное на вид тело, тут же переставил ладони выше — одну за другой, и оказался под самым потолком, на высоте четырех метров. Затем он, не оборачиваясь, прыгнул на пол, мягко, бесшумно.

— Ну что, похоже?

Когда Грумс повернулся. Пак Банга валялась на полу без чувств. Он бросился к ней. Ударил по щеке, потом по другой.

Банга открыла глаза.

— Сгинь! Сгинь, чертово отродье!!! — заорала она во всю глотку неожиданно вернувшимся голосом.

Врачеватель ворвался внутрь камеры с двумя санитарями. Эти brave ребята тут же прижали бьющуюся в истерике женщину к полу. Поглядели на врача. Тот в свою очередь поглядел на комиссара.

— Будете еще беседовать?

Грумс откашлялся, оправил помявшиеся брюки, качнул головой.

— Да нет! Пожалуй, и так все ясно!

Коротковолосый крепкий парень вперся в кабинет Грумса словно в собственную квартиру. Из-за плеча его выглядывало настороженное личико мулатки. У нее были испуганные глаза и пухлые губы.

— Вы тут, что ли, занимаетесь этим делом? — спросил парень довольно-таки грубовато.

— Каким именно? — поинтересовался комиссар.

— Не притворяйтесь, — недовольно проворчал

парень. — Вы все прекрасно понимаете. Я хочу вам помочь немного, — он засмутился вдруг, лицо порозовело, брови насупились — Я был приятелем нашего сержанта, того самого, Тукина.

Грумс предложил обоим сесть.

— Нет, мы на минутку, — парень заложил руки за спину. — Я вам одно хочу сказать, не верю я, что сержанта сожрала эта тварь, враки все это! Они оставались вдвоем с этим малайцем, с узкоглазым Кимом, комиссар. И хотя мне не полагается подозревать собственных командиров, я вам скажу, тут дело неладно.

Грумс оттопырил нижнюю губу. Ему уже порядком надоела вся эта путаница. Пора было сдавать дело в архив. И спокойненько досиживать свой срок, не вмешиваясь ни в какие темные аферы, пусть там замешаны хоть инопланетяне, хоть черт с дьяволом, хоть политиканы!

— Я не доверяю нашей армейской разведке, комиссар. Им все до лампочки...

— Вы очень мнительный, э-э...

— Дик! Меня зовут Диком, комиссар.

— Вы просто слишком впечатлительны, Дик. Все же предельно ясно. Зачем вам ломать себе голову?! Это же не ваша работа, Дик, верно? Вам же за нее не платят?

— Наплевать! Пускай не платят. Мое дело сказать, а вы сами решайте. Но я советую вам присмотреться к узкоглазому! Вы видали когда-нибудь, чтоб нормальный человек запрыгивал с земли в окошко на втором этаже, а?

Грумс вздрогнул. Это было очень интересно.

— А вот мы с этой девочкой видели! — парень вытолкнул мулатку вперед. — Скажи!

— Ага-а! — сказала мулатка и снова спряталась за спину парня.

— Ладно, разберемся, — заверил Грумс. И встал, давая понять, что прием окончен.

Когда эти двое вышли, он снял трубку телефона. Набрал короткий номер.

— Машины есть? — осведомился он. — А когда? Минут через пять? Лады!

Не прошло и десяти минут, как он снова трясся в этой грохочущей своими винтами «стрекозе». Пилот на него не смотрел, он, не переставая, жевал какую-то бесконечную жвачку, и ему было совершенно наплевать на сменяющихся пассажиров, будь те комиссарами или же их подопечными.

Зелень внизу была непроглядная — недаром многие называли этот лес самыми настоящими джунглями. Но все же они быстро разыскали ту ухоженную поляну с двухэтажным домом посредине.

Савинская не вышла встречать гостя. Она сидела на веранде и пила чай. На этот раз она была аккуратно причесана, свежа и совсем не походила на старуху. Глаза ее были сонными, невероятно глубокими.

— А-а, комиссар?! — воскликнула она, одаривая его улыбкой. — Я рада вас видеть, прошу!

Грумс в нерешительности остановился в дверях. Чего-чего, но подобного приема он не ожидал. Он еще ощущал в себе действие стимулятора и потому старался двигаться очень размеренно, не прилагая слишком много сил. Но тут оцепенел от нескольких слов.

Савинская уже достала чашку с блюдцем и наливала гостю чай из огромного крутогобокого самовара, явно привезенного из какой-то невероятно далекой и полусказочной России. Движения ее были легки, размеренны.

— Присаживайтесь, дорогой Грумс, это божественный нектар, а не чай. И не говорите ничего, я даже слушать не желаю! Сначала отдохните, выпейте чашечку, другую.

— Благодарю вас, мадам, — учтиво ответил Грумс.

Он попытался улыбнуться, но не смог, наоборот, лицо его стало кислым, глаза заслезились.

Ему очень не понравились перемены в хозяйке лесного жилища. Когда он летел сюда, он не хотел верить ни во что, он надеялся, что все его предположения окажутся ложными, что все развеется в прах, разнесется по ветру, а он сам просто-напросто посмеется над собой добродушно и снисходительно, как над простоватым, мнительным Диком и его впечатлительной подружкой. Но вышло иное.

— Вас будто подменили, комиссар! Что, неприятности по службе? Или вы все никак не можете найти этого парня?!

Грумс чуть не поперхнулся.

— Какого парня, мадам?

— Ну, того самого, в маске?

— Я ни черта не могу понять, мадам Савинская, вы же мне двадцать раз повторили, что это был не человек! У меня до сих пор в ушах ваш голос стоит! А сейчас вы про парня в маске... Что произошло?!

Савинская улыбнулась широко и добродушно. Теперь пришла ее очередь смотреть на комиссара как на бестолковое, непонятливое дите. И она годилась на роль учителя-наставника.

— И все-таки, дорогой Грумс, я права — у вас какие-то неприятности, верно? Вы сегодня такой рассеянный, все путаете. Но вы не волнуйтесь, я никому и никогда, — голос ее понизился до проникновенного дружеского полусшепота, — ни о чем не расскажу! Это не повлияет на вашу карьеру. Да мало ли чего бывает, я иногда и сама кое-что забываю, вот вчера, к примеру, забыла проглотить на ночь снотворное... И чтобы вы думали?

Грумс вытаращил маленькие бесцветные глазенки. Он уже готов был услышать любую вещь, даже самую страшную и неожиданную.

— Вот, и вы не догадываетесь! А я вам отвечу: я заснула и без всякого этого противного снотворного, ха-ха! — Савинская была довольна

собой и это перло из нее с каждым словом, с каждым движением.

— Но...

— Никаких но, мой милейший и любезнейший Грумс, это был обычный жулик, напяливший на себя маску. Я вам по секрету скажу... я предполагаю, что он хотел спереть мою шубу! Я вам сейчас покажу, она у меня в сундуке! Я ее боюсь вешать в шкаф, сами знаете, какие тут нравы!

Грумс привстал.

— Нет-нет, ради Бога, ничего не надо показывать, я вам верю... Но, мадам, зачем вам в этом чертовом пекле шуба?! И кому еще она может здесь понадобиться?! Это же уму непостижимо!

Савинская надула губы.

— Комиссар, шубу всегда могут спереть! И везде! — она говорила с ним уже менторским тоном. — А у меня она хранится как память о далекой и заснеженной родине моих родителей! Вы не поверите, но иногда, в праздничные вечера я достаю ее из сундука, расправляю, встряхиваю и набрасываю на свои плечи...

Она привстала и продемонстрировала всю процедуру — правда, без главной детали, но и так все было ясно. Движения Савинской были величавы, царственны.

— Вам, Грумс, этого не понять! В этой дыре...

— Но ведь был кто-то, вы не отрицаете же! — попытался вернуться к прежнему комиссар.

Савинская поскунчила.

— Ну разумеется, был! Ах, Грумс, это уже ваша забота разыскивать этих мелких воришек, забудем про них! Ведь по лесу всегда бродят темные людишки, верно? А если вас так интересуют детали, так вы лучше расспросите моего мужа, старика Савинского, как он только отыщется, он вам все расскажет!

Грумс был близок к обмороку.

— Мадам, разве Савинский не погиб?!

Она замахала на него руками, сделала строгое лицо и сказала с укором:

— Типун вам на язык, дорогой Грумс, разве можно так! Ну пропал человек без вести, потом отыщется, а может, сам придет... Как вам не совестно хоронить живого!

Больше комиссар ни о чем не спрашивал Савинскую. Он выпил еще чашечку чая, рассказал последний городской анекдот, мило распрощался с приветливой хозяйкой. И улетел.

Больше всего Киму пришлось поработать в тех местах, где Проклятого засекли с вертолетов. Это было не столь далеко от жилища Савинских, миль в четырех.

Когда Ким собственными глазами увидел эти переломанные, искореженные стволы деревьев, местами сожженных или полусожженных, когда он вдоволь набродился среди воронок и вывороченных корней, он сумел представить себе ту страшную ночную бомбежку. Это было непостижимо, Проклятый уцелел чудом! Свыше часа, в несколько заходов его забрасывали бомбами и ракетами с самолетов и вертолетов. Судя по отметинам в земле, они шли на бреющем полете и укладывали свои «подарочки» ряд за рядом, местами и квадратно-гнездовым способом!

Ким мысленно увидел, как Проклятого швыряло ударной волной из стороны в сторону, как градом сыпались на него осколки, вывороченные деревья, обломки, обрубки, камни, комья глины... Это был земной ад! Но ведь Проклятый ушел из под бомбежки! Вот в чем была загадка.

Ким не стал ее разгадывать. Слишком мало времени оставалось до рассвета. С помощью анализатора он собрал около трех десятков разных вещей и вещиц, утерянных здесь Гуном. Кое-что уничтожил, кое-что оставил для себя, пригодится. Но ничего припрятывать не стал. Любую возможность случайного нахождения странной вещи,

пусть возможность практически и неосуществимую, он должен был исключить. И он справился со своей работой. Еще один участок был чист. Шансы на то, что земляне найдут хотя бы часть косвенных улик пребывания на их планете гостей из иного мира, все убывали и убывали, их почти не оставалось.

Несколько минут можно было потратить на отдых. Ким распластался прямо на земле, широко разбросав руки и ноги. Когда слабость охватила все тело, он перевернулся на спину. Уставился в черное усыпанное звездами небо. Где-то там была Система, в которой его сотворили. Где именно, Ким не знал. Да и какой толк знать?! Назад пути все равно не было!

Он потрогал ладонью левый бок. Выпуклость определялась совершенно четко, прощупывались два уголка и ребро. Значит, все в порядке, механизмы биотрансформации работали. А это главное! Теперь сам черт ему не брат! В любой миг, в любую долю мига он может отдать мысленный приказ этому внутреннему сложнейшему органу его сотворенного тела, и тот практически мгновенно соберет рассеянные по телу мириады микрочастиц, которые и являются по сути дела Нерожденным, соберет их в комок, свернет в биогранулу, вытолкнет ее в артерию. А тогда...

Не двинув ни рукой, ни ногой, лишь упруго оттолкнувшись от земли мышцами спины, Ким подлетел вверх живой молнией, ровно на двенадцать с половиной метров подлетел. Его когтистая правая рука сжала тельце шмыгнувшей по воздуху от дерева к дереву летучей мыши, сдавила его.

Опустился он медленно, плавно и опять на спину. Поднес к глазам бьющееся животное — тельце трепыхалось, пыталось вырваться. Но Ким был голоден — что делать, и ему приходилось поддерживать свои жизненные силы, полеты не проходили бесследно, а на одних стимуляторах долго не продержишься, они высасывают силы из организма.

Он неторопливо пообрывал крылья у мыши, откинул их. Потом бритвенно острым когтем срезал головку. Тельце все еще трепыхалось. Ким сунул его в рот, начал жевать. Вкус был неприятный, более того, отвратительный. Но Нерожденного сейчас мало интересовали подобные пустяки.

Анализатор молчал. Значит, поблизости все было в полном порядке. И все-таки возвращаться пока не следовало. Неподалеку протекала река. Надо было обязательно пролететь над ее руслом.

Проглотив остатки трепещущего теплого и еще полуживого мяса вместе со всеми косточками, железками и сухожилиями, Ким встал. Стряхнул с себя оцепенелость. Он был готов к поиску.

Черное зеркало реки отражало звездную россыпь. Лететь над этим бесконечным, извивающимся зеркалом было одно сплошное удовольствие. Ким готов был лететь вечно. Да только ночь на этой планете не была вечной. Ему приходилось спешить, ведь к рассвету надо было лежать в казарменной койке. А там начнутся обычные занятия, вся эта суeta и бестолковая возня, от которой никак не избавиться до поры!

Ему было жаль потерянного времени! Ему было еще более жаль времени, которое лишь предстояло потерять за годы вживания в эту жизнь. А как хорошо было здесь, на природе! Не надо было заниматься ненужными и пустыми делами, здесь все было прекрасным, достойным, созерцания, здесь можно было наслаждаться бытием!

Анализатор показал, что вдалеке сохранился след. Ким сразу же отвлекся от созерцания красоты.

Он уже понял, что к чему. Ускорил полет. Промчавшись на самой маленькой высоте около трех миль, он камнем упал в воду. И сразу ушел в глубину.

Вода была теплой и мутной. Но Ким все видел. На илистом дне лежали остатки крокодила — кожа, что-то из костей. Анализатор показывал,

что к ним прикоснулась рука Проклятого. Ким сообразил, что Гун разорвал холоднокровную тварь надвое, ухвативши ее за челюсти, потом отведал нежного белого мяса, а остатки выбросил. Конечно, никто и никогда из землян не смог бы определить, что произошло с крокодилом! Да они бы и не догадались даже задуматься над этим вопросом, попадись им останки! Все было чисто. Но Ким все-таки уничтожил и этот след.

Немного ниже по течению он обнаружил еще одни объедки, оставшиеся от Проклятого. Сжег и их. Можно было подниматься наверх. Но Ким не спешил. В воде было так приятно. Нет, что бы там не подсказывал ему инстинкт самосохранения и внутреннее чутье, что бы ни показывали приборы, а он с удовольствием бы пожил на этой милой планетке! Не так уж здесь все и плохо было, как писали о том газеты и журналы, как болтали комментаторы по радио и телевидению! Поглядели бы они, что творится в Системе! Вот тогда бы начали ценить свое! Ну да побоку их, пускай сами разбираются, а он, Нерожденный-Ким, будет радоваться жизни и просто жить. Жить назло всем и всему, назло землянам с их подозрительностью и завистью, назло Системе!

Он обнаружил маленькую подводную пещерку у берега. В ней было спокойно и уютно. Она могла служить отличным местом для отдыха и укрытия. Ни одна тварь не смогла бы его здесь найти! Ким задержался в этой подводной пещере. Его легкие сейчас работали в режиме жабр, и потому в пещере он чувствовал себя будто в прохладном и наполненном свежим ночным воздухом местечке. Можно было бы вздремнуть часик в этом надежном убежище. Но дело, прежде всего дело!

Мимо проплыла стайка мелких пугливых рыбешек — каждая размером в полноглотка сержанта Кима. Нерожденный втянул их внутрь себя вместе с водой. Воду потом выпустил. Рыбешки были

безвкусовые, на девять десятых состоявшие из той же воды. Но почему бы не попробовать!

Ким лежал в пещере. Анализатор молчал. Но что-то внутренне подсказывало Киму, что всего лишь пару дней назад здесь же лежал Навеки-Проклятый. Лежал и точно так же наслаждался жизнью, дышал полной грудью, строил планы на дальнейшее... Ким осознал это с такой потрясающей ясностью, что ему стало нехорошо. Более того, на него навалились тягостные предчувствия.

Но нет! С ним все будет в порядке! Он выплыл из пещеры наружу, пробрался почти по самому дну к стрежню. Всплыл.

Где-то здесь должен был всплыть и Проклятый. Надо был заканчивать дело. Почти с досадой Ким оторвался от поверхности воды, взлетел. В мозгу запищало — анализатор снова показывал вдаль, на склон темневшей даже в ночи горы, огромной, уходящей в поднебесье. К ней Ким и полетел.

Когда Грумс вернулся в свой кабинет, выдвинул ящик стола и обнаружил, что вымененная у вождя серая штукавина исчезла, он не бросился искать ее в других местах. Он задвинул ящик, откинулся на спинку кресла. Все было ясно?

Но на всякий случай он вызвал Кирика, своего секретаря и помощника.

— Слушай ты, дармоед! — обратился он к старинному приятелю и собутыльнику. — Ты ничего не брал тут? Не рылся в моих сундуках?

— Жара плохо действует на твои стареющие мозги! — буркнул Кирик и вышел.

Комиссар понял, что нечего было затевать пустого разговора. Дело понятное — кто-то шел по следам того парня в маске, или черта, или нечеловека, или мерзкой твари — все по разному называли, и это было неважно, так вот, кто-то шел по следам, стирал их один за другим, будто уборщица в хорошем и дорогом отеле, подхватывающая на лету каждую соринку, не давая ей

опуститься на вощенный или какой иной пол! А раз этот тип шел по следам того типа, так значит, он шел и по его собственным следам, он тенью бродил за самим Грумсом. И это было чертовски плохо! Это могло кончиться тем, что комиссару не придется дожить до заветной пенсии, а то и до завтрашнего утра! Грумс расстроился.

Но сидеть и плакать было не в его привычке. Хорошо, он уже поджидал собственную смерть, сидючи в кресле! И больше он не станет этого делать! Он найдет способ, как защитить себя, как обезвредить эту сволочь, будь она хоть самым дьяволом!

Он устроит такую западню этому гнусному и подлому дьяволу, что от того не останется ни рогов, ни копыт! Еще бы! Комиссара Грумса не купишь на дешевку! Его не проведешь бабьими сплетнями! Весь мир провалится в преисподнюю, но он, комиссар Грумс, доживет до пенсии и отдохнет на славу!

— Кирик, бездельник, ты слышишь меня! — Грумс по внутренней связи обратился к помощнику. — Немедленно ко мне рядового Дика... там сам разберешься, из поисковиков, невысокого, белобрысого! Давай, действуй!

Через полчаса Дик стоял перед комиссаром, переминался с ноги на ногу, шмыгал носом.

— Ну, выкладывай! — дружелюбно предложил Грумс. — У меня сегодня времени побольше, с удовольствием выслушаю все твои сомнения, предположения, давай!

— Не понимаю, о чем вы, комиссар, — пробурчал Дик и состроил недовольную гримасу.

Грумс тяжело вздохнул.

— И не помнишь о своем визите ко мне?

— Вы меня с кем-то спутали, точно! Я пойду ладно?

— погоди, у тебя была подружка, мулаточка, верно?

— Верно, комиссар! Она вчера окочурилась с перепоею, такие дела. Придется искать новую.

— А что говорят медики?

— Это вы у них спросите. Я думаю, пить меньше надо, вот и все! Это я могу выглушить три пузыря виски, а ей хватило одного, такие дела.

Грумс поднялся из-за стола. Подошел к Дик у вплотную. Заглянул в глаза.

— А тебе не кажется, парень, — спросил он, — что и мы с тобой можем завтра окочуриться, как ты говоришь, а?

Дик пожал плечами.

— Все под Богом ходим, чего ж тут странно-го, может, и мы откинем копыта, комиссар. Только я не очень спешу с этим делом!

— Ладно, идите!

У самой двери Грумс окликнул парня.

— А больше никто из ваших не подозревал этого самого, Кима? Не замечали?! — спросил он.

— Комиссар, вы перегрелись на солнышке, — ответил Дик и улыбнулся.

Грумс снова плюхнулся в кресло. Попробовал ногой приподнять стол. Тот пошел вверх. Значит, стимулятор еще действовал. Грумс не стал упражняться далее, опустил стол. Ему было не до силовых фокусов сейчас.

И все же он подошел к сейфу. Вытащил один черный шарик оттуда, положил в карман. Мало ли, сейчас ему могло пригодиться все. Он даже протер свой старый, давно не используемый, ржавевший в сейфе револьвер. Сунул его за ремень, у поясницы. Но все это было не то! Все это детский лепет!

Он снова вызвал Кирика.

— Слушай, старина, — сказал по-дружески, — ты только не думай, что я спятил! Выпиши мне автомат из хранилища, у ребят не бери, не надо лишних разговоров. И приволоки сюда, ладно?

— Ладно, — ответил сухощавый и смуглый

Кирик. — Но при одном условии — если ты мне дашь честное слово, что не меня собираешься угрохать из этой штуковины, идет?!

Грумс расхохотался. К нему вернулось присутствие духа.

— Идет, старый шут! Я тебе даю честное слово, что я не угрожаю тебя из этого автомата! Я тебя придушу собственными руками! Давай, не тяни резину.

Когда Кирик вышел, Грумс принялся обдумывать план операции. Надо было перехватить инициативу, иначе добра не жди! Старую мегеру Савинскую этот тип-невидимка обработал, Дика тоже, его подружку вообще ухлопал. На «тропе» и в пещере никаких следов, нет их и на поляне, и у склона горы. Оставались вождь, Банга и сержант Ким. Последний был ближе всех. И Грумс решил не затягивать дела. Чего ему бояться?! Пусть только дернется этот желтолицый, кем бы он ни был, — Грумс ему двумя пальцами хребет переломит! Но только он не станет доводить дела до таких крайностей, он старый и опытный полицейский, он зайдет сбоку.

Не прошло и получаса, как комиссар стоял за небольшим заборчиком у самой стены казармы, там, где его никто не мог увидеть, и наблюдал за тем, что творилось на плацу. Он не понимал, как можно в такую жару да еще в полном обмундировании заниматься строевой подготовкой. Впрочем, парни были молодые — им все по зубам.

Ким работал с рядовым составом усердно, на совесть. Грумс пронаблюдал за ним минут двадцать и пришел к выводу, что здесь все чисто — обычный солдафон, служака и ничего более. Зарабатывает себе очередное звание! Выслужился из рядовых. В части давно, все его знают как облупленного. Даже если он чей-то агент, если он подставное лицо и выполняет чью-то волю, то как он мог оказаться у Савинской?! Туда только

на вертолете и доберешься! И никакие стимуляторы не помогут! Нет, враки! Этот Дик, может, и хороший парень, да видно, слишком перебирает по части горячительного или просто мнительный. Хотя и его можно понять, ухлопали приятеля, а тела не нашли и найти не могут. Тут поневоле станешь мнительным и запьешь!

Грумс навел справки о поисковиках. Ничего вызывающего подозрения не было. И он вернулся к себе. Он не собирался плестись в хвосте у невидимки. Надо было опередить того. Он заказал вертолет. Но не маленькую «стрекозу», а побольше, повнушительнее и посолиднее. Поднял тихо, без паники, спецотряд. И вылетел вместе с ним в лес, к вождю. Если этот чистильщик куда и придет, так именно туда! И напрямик угодит в западню.

Так рассуждал Грумс. План его был предельно прост. Но от сведущих людей Грумс не раз слышивал, что все великое бывает простым. И он не сомневался. К вечеру, если потребуется, он вызовет подмогу. И на этот раз проклятушая тварь или ее пособник не уйдут, крышка им настанет! Был, конечно, и риск! Но лучше уж так, чем сидеть в креслице и поджидать убийцу. А что тот заявится и уберет одного из последних свидетелей или, может, просто слишком любопытных, на его взгляд, Грумс не сомневался.

Он был готов к борьбе.

Дхунго-бун Гханг не удивился, когда с первыми лучами солнца полог его пальмовой хижины откинулся и внутрь вошел желтоглазый и босой малаец в полувоенной форме. Он привык, что после двух- или трехдневной попойки к нему заходили всякие типы. И этот был не худшим вариантом — Дхунго учился в Оксфорде на юриста, а в Москве на врача-психиатра, и он знал, что галлюцинации могут быть самыми разными, но лучше на них не обращать внимания. И он прикрыл глаза.

Его толстые и красивые жены спали. В хижине стоял мелодичный храп. Минуты через две, чтобы проверить, не испарился ли призрак, Дхунго открыл один глаз.

Малаец сидел прямо перед ним, скрестив ноги по-турецки. И ждал.

— Если ты пришел за моей душой, — просипел Дхунго, — так это слишком рано, приятель, я не собираюсь пока туда! Видал, сколько у меня баб? Их же всех надо содержать — и поить, и кормить, и... — он хотел сказать про одежду, но сообразил, что на его «бабах» практически ничего не было, и промолчал.

— Нет, я пришел не за твоей душой. Она мне не нужна!

Вождь приободрился.

— Тогда будь добр, подкати ко мне вон ту бутылочку, а?!

Малаец сходил в угол хижины за бутылкой. Откупорил ее. Поднес к губам Дхунго. Тот глотнул. И сразу ожил.

— Меня интересует бнхгуро-нгхоро, — сказал малаец.

Вождь сделал задумчивое лицо, потерял пальцами подбородок. Он уже понял, что малаец никакая не галлюцинация и что, следовательно, с него надо хоть что-то содрать за информацию. А также и за нарушение покоя, его собственного и его любимых жен.

— Не так-то все это просто, — проговорил он загадочно.

Малаец выдернул из его руки бутылку. Наклонил ее горлом вниз — драгоценная влага полилась на циновку.

— Стой! Ты чего?! — встрепнулся вождь. — Так себя приличные гости не ведут, отдай бутылку!

— Ты видел его сам?

— Нет!

— Так чего же болтаешь кому ни попадя?!

Только теперь вождь обратил внимание на острейшие когти гостя. И все сразу понял — недаром он имел два диплома.

— Его видела только моя жена, вон та, что с краю! — проговорил он отчетливо и трезво. — Если она тебе нужна — забирай! А я ничего не слыхал, ничего не видал! — Дхунго-бун Гханг соорудил лицо законченного дурака, совершенно бессмысленное и наивно простецкое. — Хочешь, и бутылку забирай! Мы живем в глуши, нас никто не видит, никто не слышит. Мало двух жен, бери трех!

Малаец молчал. Он смотрел прямо в глаза вождю.

И Дхунго-бун Гханг прикрыл глаза, размяк, заснул.

Ему снилось, что малаец подошел к спящим женам, провел над ними когтистой рукой, прошептал что-то, а потом вышел. Но этот сон сразу же забылся, как забывается множество никчемных и пустых снов.

Проснулся вождь поздно. Солнце стояло высоко. Жены сплетничали в тенечке, грызли орехи. А его самого тряс за плечо комиссар Грумс. Еще вождь заметил, что в хижине стоят два молодцеватых парня в маскировочных накидках и касках.

— Чего там, война, что ли, началась? — спросил вождь, протирая глаза.

— На-ка, глотни! — предложил ему Грумс.

Вождь покачал головой.

— Убери это мерзкое пойло. Говори, зачем пожаловал?!

Грумсу уже надоело за последние сутки удивляться. И все-таки он приподнял свои облезлые брови вверх. Если сам великий предводитель лесного племени Дхунго-бун Гханг, пристрастившийся к зелью еще лет двадцать назад то ли в английских пабах, то ли в московских забегаловках, отказывается от глотка джина поутру, после явной вчерашней попойки, то, значит, или мир

перевернулся или что-то у него с мозгами не так.

— Бнхгуро-нгхоро! — процедил Грумс в лицо вождю.

— Сам такой! — ответил тот. — Чего надо?

— Кто у тебя был?

— Никого!

— Слушай, я представитель власти! Если ты не перестанешь поясничать, я вынужден буду тебя арестовать!

— Попробуй, Грумс! Мои жены выцарапают тебе твои маленькие свинячьи глазки! Говори, зачем пришел?

— Что это? — комиссар сунул под нос вождю черный шарик.

— Не знаю, комиссар! Отвяжись!

— Подумай хорошенько! Это же «слезы дьявола»?!

Вождь почесал переносицу, потом поскреб ногтями под мышками. После раздумий сказал глухо:

— Наверное, Грумс, это твое собственное дерьмо!

Комиссара начинало трясти. Он был вне себя от бешенства. И он злился не столько на вождя, сколько на того, кто повсюду опережал его. Он бы придушил собственными руками этого поганого ублюдка, он бы стер его с лица земли! Лишь бы только он попался в его руки. Но похоже, на этот раз западня останется пустой. Пора сматывать удочки! Эта тварь сделала свое дело и больше сюда не заявится. Надо искать новое место.

И все же он еще раз переспросил:

— Дхунго, ты большой и хороший человек! Я тебе приволоку двадцать ящиков джина, клянусь! Скажи прямо, не юли, неужто ты ни черта не помнишь?! Ну! Я тебя прошу, ответь!

Вождь улыбнулся открыто и простодушно. Положил руку на плечо Грумсу. Чуть сжал ладонь.

— Комиссар, мы же с вами интеллигентные

люди, ну зачем нам пудрить друг другу мозги, ну, подумайте, — проговорил он с душевной теплотой и особой мягкостью в голосе. — Я вам тоже кланусь, что моя твоя ни хрена не понимай!

Если бы не эта дурацкая необходимость отбывать положенные часы на плацу или в казарме, Ким давно бы уже справился со всеми делами и мог бы преспокойненько затаиться.

Но с реальностью приходилось считаться. Все ниточки вокруг самого себя он обрубил в течение двух дней — если ищейки и заинтересуются чем-то, так их интерес быстро угаснет, сами отвяжутся — поймут, что ловить им здесь нечего!

Оставались, правда, еще кое-какие свидетели, помнившие о Проклятом. Но Ким не спешил прочистить их мозги. Он знал, что им и так ни один нормальный человек не поверит, ведь оба свидетеля сидели в психушке — в расположенной далеко за пределами городка, в тихой сельской местности, лечебнице, предназначенной для тех, у кого или нервишки подрасшатались или произошел сдвиг по фазе. Нерожденный, вселившийся в Кима, используя запасы его же мозга, быстро овладел и специфической терминологией и жаргонными словечками — потому он все называл своими именами. Он вообще начинал забывать про существование Системы, про тамошние порядки — на черта они ему здесь, на Земле-матушке?!

— Ты чего, заснул, Ким! — сержант из соседнего взвода ударил его по спине. — Сегодня жалование выдают! Или ты хочешь, чтоб твой конвертик там и остался лежать не востребованным?

Ким широко улыбнулся, затряс головой — так, что длинный козырек его форменного кепаря тоже затрясся в такт движениям.

— Не бойся, дружище, чего-чего, а про деньжата я никогда не забуду!

И он направился к штабному зданию. Все было

как нельзя кстати. Он ведь и на самом деле за-
был, что сегодня не простой день, а пятница, что
сегодня жалованье выдают — а значит, после
трех гуляй, служивая братия! Большинство из
поисковиков направится в бордели и бары, на
дискотеки и в прочие увеселительные места. А с
ними пойдет и он, Ким...

Конвертик был потолще, чем раньше. После
смерти Тукина это была первая выплата, первая
Кимова сержантская получка. И к нему, разуме-
ется, тут же привязались парни из отряда.

— Это дело надо обмыть, Ким, не жмись! —
сказал один преграждая путь.

Другой зашел сбоку.

— Повышения не каждый день бывают, с тебя
причитается, старина!

Остальные помалкивали. Но на их лицах было
все и так написано достаточно ясно. Выпендри-
ваться не стоило. И Ким сказал, громко сказал,
чтоб все слышали:

— В семь вечера у «Веселой вдовушки», лады?!

Упрашивать никого не пришлось. От него тут
же отвязались. Ким все рассчитал, к семи он
должен был полностью освободиться, даже порань-
ше на часок. Но этот час он оставлял на всякий
пожарный случай, мало ли чего! К тому же сей-
час был день — по воздуху не полетишь, десяти-
метровыми прыжками по шоссе или обочине не
помчишься! Все надо было делать самым обыч-
ным образом, по-человечески. Но в любом вари-
анте он уложится в отведенное время. До пси-
хушки сорок минут езды на автомобиле, а это
сухие пустяки.

И все-таки он забежал в казарму, быстро пере-
оделся в штатское — черную майку с желтой
надписью «Колорадо», короткие белые шорты,
кроссовки. Перекинул через плечо сумку, в кото-
рой было все необходимое. И выскочил наружу.

Он не пошел к контрольно-пропускному пунк-
ту. Оглядевшись внимательно и проверив себя с

помощью анализатора, утвердившись в мысли, что за ним не следят, он перемахнул в глухом местечке через ограду.

Оставить машину на шоссе удалось не сразу — народ пошел недоверчивый, да и банда ведь продолжала шалить в окрестностях, а потому и поводов для особой доверчивости ни у водителей, ни у пешеходов не было. Но, наверное, сороковая или даже пятидесятая по счету машина, из проезжавших мимо, притормозила.

— Залезай, парень! — сказал небритый и мордастый владелец легковушки. — Только учти, я задаром не подвожу! Куда тебе?

— Да тут по пути, — Ким назвал нужное место, но чуток с переездом на всякий случай.

— Двенадцать монет!

— Ладно, трогай!

Легковушка дернулась, затарахтела — она была старой модели. Но для Кима это не имело никакого значения.

— Слушай, парень, — полуобернулся к нему водитель, — я тут не часто бываю, только проездом. Но слышал одну залепуху про вас, в центре слышал, там болтают, что у склона черти завелись, а может, инопланетяне! Ты мне растолкуй это дело, а?

Теперь Ким повернул к нему свое желтое скуластое лицо.

— Годится! Только ты учти, я даром информацию не выдаю, понял?

— Сколько? — по-деловому спросил небритый.

— Двенадцать монет, — ответил Ким и улыбнулся еще шире.

— Идет!

Небритый был явно свойским парнем. С таким можно было иметь дело. Но в другой раз.

— Тут и, вправду, завелись инопланетяне, ты прав! — Сказал Ким.

— Да ну?!

— Вот тебе и ну!

— Сам-то видал?

— И видал и слышал!

— Ага, загинай! Еще скажи и на одном толчке сидел?! — небритый рассмеялся собственной остроте.

Ким его не поддержал.

— Тут есть инопланетяне, — проговорил он, — только ты ответь мне честно, как настоящий мужик, чего бы сделал, если б повстречался с пришельцем, а?!

Водитель поскреб большим пальцем левой руки недельную щетину, задумался. Потом сказал:

— А черт его знает, может, донес бы в бюро расследований, а может, попросил бы чего.

— Ну, из бюро бы тебя, знаешь, куда послали?!

— Догадываюсь!

— А просить бы чего стал?

Небритый снова задумался.

— Как это чего, — произнес после минутного замешательства, — машину новую, мешок монет, бабу другую... ну чего еще? А-а, вон, — он оттопырил губу, — чтоб три зуба заново выросли... Да нашел бы чего попросить, встретился бы только!

Ким поглядел на него очень серьезно.

— Ты что, думаешь, что инопланетянин-пришелец это золотая рыбка, что ли? — спросил он.

— Тут ты прав, парень! — отозвался небритый. — Это я загнул, точняк! Я те вот что скажу, я б от него драпанул бы, чтоб не сожрал или еще чего не сотворил... Ну, а если б он меня поймал, тогда б чего-нибудь точно выпросил, что ж я, болван последний, чтоб такой случай упускать!

— Ну, тогда не упускай, проси, — предложил Ким.

— Это у тебя-то?!

— У меня!

— Кончай загибать! Ты лучше рассказывай, как условились!

Ким поднял руку на уровень лица небритого. На ней, разумеется, уже не было никаких ногтей.

— Ну, в таком случае я тебя попрошу кое о чем, хорошо? — проговорил он.

— Чего-то ты мне не нравишься, парень! — буркнул водитель, но ходу не сбавил.

— Это дело вкуса, — отозвался Ким. — Так вот, я тебя очень попрошу, чтобы ты забыл о нашей встрече, забыл обо мне и нашем разговоре. А еще я тебя попрошу, чтобы ты перестал трепаться о всякой ерунде! Ну сам подумай, какие в наше время черти и инопланетяне! Правда ведь?! Зачем распространять ложные слухи?! Не надо этого делать! Понял?

Водитель молчал.

— Вот и договорились, ты обо всем забыл! И меня здесь нет!

Водитель не ответил. Да он и не мог ответить. Он был один в машине. Ему это не просто казалось, а он совершенно точно знал, что едет от самого Дронкса один, едет уже четыреста миль, что он никого не подсаживал и никого ни за какие коврижки не посадит — была охота связываться с незнакомцами, сейчас любой из них мог оказаться убийцей и грабителем, на черта ему искать на свою задницу приключений!

Так он и добрался до дальних загородных поселений — в полной уверенности, что едет один. Высадил там Кима, даже не взглянул в его сторону, тут же газанул, умчался. И если бы кто-нибудь спросил его, зачем он приостановил машину, проехав на полторы мили дальше психушки, он бы посмотрел на вопрошающего как на сумасшедшего и не счел нужным бы даже ответить ему.

Часы показывали половину четвертого. Но Ким не следил за стрелками и цифрами. У него были свои, внутренние часы.

До психушки он добирался пешком, задворками.

Перемахнул через двухметровый забор с шипа-

ми поверху. В мозгу попискивало — это анализатор предупреждал о наличии следов, оставленных Проклятым, и о возможной опасности. Но Ким и без него знал, куда он идет и зачем.

Внутренняя территория лечебницы была обсажена ровными, доходящими до пояса человека кустиками. Они шли рядами. Разрозненно торчали одинокие деревья. Спрятаться за ними было не просто. Но пока и не было нужды прятаться. В этом глухом местечке жили, видно, спокойно, не таясь и не боясь никого, даже буйных пациентов лечебницы. Наверное, те находились под строгим контролем. А может, персонал и не слишком много времени уделял слежению да наблюдению за посетителями и постояльцами совсем по другой причине. Для Кима все это было не столь важно. Он шел к цели, и уже ничто не смогло бы его остановить. Даже сам он, захоти вдруг повернуться и уйти без явной причины, ничего бы не вышло. Программа, заложенная в Нерожденного, работала. И она гнала его вперед.

Вышедшего из-за угла пристройки санитар Ким усыпил на месте, сразу. Тот даже не увидел его, закрыл глаза, присел на корточки, а потом и завалился на бочок. Он не проснется до вечера, если кто-нибудь не растормошит его.

Входов было несколько — основной, черный, хозяйственный, подвальный. Ким шмыгнул в хозяйственный — там было проще пройти и остаться незамеченным, так как все пространство у дверей, за ними и в коридорчике было заставлено контейнерами. Ким выюном проскользнул между этими огромными и плотно составленными ящиками. Заглянул в маленькое зарешеченное окошко. Там, в довольно-таки большом помещении человек двадцать больных в пестренках халатиках мыли посуду. За их спинами виднелся суперсовременный моечный агрегат. Но Ким сразу смекнул — трудотерапия! Ничего, это дело полезное. Но не для него. И он стал пробираться дальше,

по коридорчику, туда, где помигивала синенькая лампочка.

Анализатор все время пищал. Но Ким не обращал на него внимания. Открыть запертую дверцу для него не составило труда, он лишь запустил в замочную скважину длинный ноготок, отросший на глазах, поковырял там с минуту, и дверь распахнулась.

Похоже, Ким оказался недалеко от цели. Тишина и пустые освещенные зеленым светом коридоры говорили о том, что блуждать ему недолго. Видно, именно тут содержались те, кто был особо опасен, кого не выпускали в другие помещения, а тем более, во двор и на улицу, в садик.

Он заглянул в глазок: тощий и совершенно голый человек отбивал земные поклоны, один за другим. В следующей палате-камере немолодая парочка предавалась любовным утехам, рядом на табурете сидел санитар и пускал слюни. Ким прошел дальше. Но больше не глазел в кругленькие дырочки, он почувствовал, что здесь нужных ему людей нет.

В центре небольшого холла виднелся столик с креслами по краям. Но никто в них не сидел. Ким подошел ближе и увидел плотно сомкнутые двери лифта. Ни кнопок вызова, ничего похожего на них не было. Он оглянулся — окно зарешечено. Да и стекло — явно пуленепробиваемое. Пришлось вернуться и искать другой путь.

А время шло. Парни из его отряда, небось, начищали свои перышки, готовились к грандиозной попойке. Иначе и не могло закончиться предстоящее застолье — будет попойка, будут девицы, будет драка — все будет в «Веселой вдовушке». Только вот к этому времени надо успеть замести последний след.

На третий этаж Киму пришлось ползти по внешней стене, ощупывая почти каждый миллиметр ровной кирпичной кладки. Но главное, снизу его никто не видел. Все остальные трудности бы-

ли преодолимы. Правда, стена была гладенькой — без карнизов и бордюриков, и долго пришлось перемещаться, присасываясь к ней, по горизонтали, прежде чем он обнаружил открытую фрамугу.

Ким ужом проскользнул внутрь. Напугал молоденькую медсестру. Та выронила какую-то склянку и застыла с раскрытым ртом. Но Ким не позволил ей опомниться, тут же усыпил и ее. Лишь потом оттащил тело к креслу, усадил в него, хотя нужды в этом не было. Заглянул в первый же глазок — на полу билось в истерике неопределенного пола существо. Ким прошел мимо. Анализатор пищал все сильнее. Еще в двух камерах-одиночках сидели какие-то звероватые типы со страшными бандитскими рожами. В четвертой был Хромой.

Ким потянул на себя ручку. Дверь не поддавалась. Замок был тройной, и с ним пришлось повозиться. Когда Ким вошел внутрь, он первым делом залепил пластырем глазок. Уже потом обернулся к Хромому.

Безобразный лысый толстяк с совершенно идиотским лицом сидел на пластиковом мягком унитазе и пускал пузыри из носа. Слюни текли на подбородок, висели на нем мутными сосульками. В камере стояло жуткое зловоние. Но Нерожденному было все равно, чем пахнет, розами или дерьмом. Это была его работа.

— А-а-а, — обрадовался чему-то Хромой, — опять пришел, ну заходи, заходи, только у меня ничего нет...

Ким подошел ближе, заглянул больному в глаза. Ни черта человеческого в них не было! Это были глаза даже не животного, в тех виден явный разум, сметка, понятие, это были глаза насекомого — стеклянные, холодные и пустые.

— Заходи, заходи, — повторил Хромой.

Ким усилием воли заставил больного сосредоточиться, собрать остатки разума, пусть ненадолго, пусть на несколько секунд. И спросил:

— Что ты видел на «тропе»?

Хромой прохрипел невнятно:

— Дьявол, всем конец, это дьявол, он приходил за нами, ты тоже дьявол, я все вижу...

Ким понял, что каким бы безумным ни казался на первый или второй взгляд человек, внутри, в глубинах сознания и подсознания у него всегда что-то сохраняется.

— Не было никакого дьявола, понял! — сказал медленно, с нажимом.

— Был! — ответил Хромой. Упал с унитаза, пополз к Киму. — Был!

Тот поднял руку, провел ею над головой Хромого, заглянул в безумные мутные глаза.

— Повторяй за мной: не было никакого дьявола! ничего не было! ты все забыл! ты ничего не помнишь! не было никакого дьявола!

Хромой протянул к нему скрюченные грязные пальцы с обгрызенными ногтями.

— Был дьявол! — сказал он, захлебываясь и теряя голос.

Ким подумал, что и здесь попадают крепкие орешки. Но это его не смутило. Внушение должно было сработать, безотказно сработать!

— Ты все забыл! — он поднял обе руки, принялся делать пассы над лицом Хромого. — Ты все забыл! Твой мозг чист как у младенца! Ты все забыл!

Хромой неожиданно попятился от незванного гостя. Глаза его прояснились. Он выставил вперед дрожащий палец. И закричал почти в полный голос.

— Я ничего не забыл! Это ты дьявол!!!

— Молчи!

— Нет!

— Я приказываю тебе замолчать! И все забыть! Хромой упал на колени, закашлялся.

— Приказываю — все забыть!

Безумные глаза утратили ясность. Но из горла вырвался сип:

— Я все помню! Убирайся отсюда, дьявол!

Ким улыбнулся. Прислушался к анализатору — тот пищал без умолку. И немудрено!

— Хорошо, старик, ты сам выбрал свою судьбу, я не хотел тебе причинять зла... Впрочем, для тебя и это будет добром!

Хромой погрозил пальцем.

— Помню! Помню все!!!

Ким кивнул.

— Ладно, помни! Я не сумел повлиять на твою память и твой мозг. Но это не означает, что я такой уж бессильный! Слушай меня! Ты сейчас умрешь от инфаркта, твое сердце не выдержит, понял? Так и установят врачи потом, по трупу, мол, сердце не выдержало! Ладно, начали! Раз, два, три! Раз, два, три!!!

Хромой схватился рукой за грудь.

— Видишь, ты уже почувствовал, как сбивается ритм, — проговорил Ким с усмешкой и зачистил: — Раз, раз, раз, два, три... — он все убыстрял и убыстрял счет.

Хромой сначала налился пунцовой краской, потом позеленел. Он обеими руками держался за грудь, но не мог сдержать обезумевшего рвущегося наружу сердца.

— Раз, два, три, раз...

Хромой упал. Из открытого рта хлынула кровь.

Ким отступил к двери. Содрал пластырь с глазка.

— Вот и хорошо, так будет всем хорошо, — пробурчал он под нос. — Так никто никогда ничего не узнает.

Он вышел.

В коридоре было по-прежнему пустынно и спокойно. Но анализатор надрывался! Киму было ясно, в чем дело. Ведь в соседней камере-палате сидела та самая Пак Банга, что также любила путешествовать по «тропе».

На всякий случай Ким прошелся в один конец

коридора, потом в другой. Нет, все было спокойно. Анализатор реагировал лишь на эту спятившую наркоманку, больше ни на кого! Оставалось довершить начатое. И все! Он будет свободен! Он отслужит еще год, от силы полтора в шкуре этого незадачливого узкоглазого паренька, и конец! Прощай, сержант Ким! Ты останешься в гарнизоне, будешь гонять своих парней-поисковиков, будешь пыхтеть с ними на плацу и снарядах, бегать с ними по горам, получать раз в неделю приличное жалование, ходить по борделям и кабакам, поднакапливать денег, чтобы когда-нибудь, на старости, открыть свою овощную лавочку, а может, и погребок... Тебя будут повышать, уважать, любить, ненавидеть, бояться, все будет, старина Ким, лишь одного не будет! Ты никогда не вспомнишь про всю эту историю! Никогда тебе в голову не придет шальная мыслишка, что будто бы происходило с тобой что-то неладное, нет, не придет! На твоем брюхе не останется даже малюсенькой ниточки шрама — все срастется, все заживет, и ты не узнаешь, как в твоем теле выращивались необходимейшие для Нерожденного вещи и как он сам жил в твоем теле! Да это и незачем тебе знать, Ким! С тобой будет все в полном порядке! Если, конечно... Нет, никаких «но», никаких «конечно», все будет в норме, Ким!

Он постоял несколько секунд перед дверью, за которой скрывалась последняя свидетельница. Заглянул в глазок — Банга спала. И запустил в три скважинки сразу три ногтя-коготка.

Черная сумка, висящая на длинном ремешке за спиной, тяжело колыхнулась. Круглое ядрышко аннигилятора надавило на поясницу. Все было тихо. Все было нормальненько! Ким провернул все три замковых механизма одновременно и, не вынимая ногтей из скважин, потянул дверь на себя. Она не поддалась. Тогда он толкнул внутрь. Дверь держалась. Лишь с последней попытки он сообразил сдвинуть ее в сторону — дверь мягко

уехала в стену, но тут же, пропустив Кима, вернулась на место. Ему понравилось, что в клинике нестандартный подход не только к пациентам, но даже к камерам и дверям. И все же сам он поступил стандартно. Проверил дверь, залепил глазок.

Банга спала. Он подошел ближе. Ткнул ее мыском под ребра, совсем тихо ткнул.

Пак открыла глаза.

— Опя-ять! — простонала она.

— Нет, — сказал Ким, — я тебе не мерещусь, Банга. Я пришел к тебе наяву. Поговори со мной!

— У тебя есть ширево?

— Нет.

— И курнуться нету?!

— Нет, Банга, я не увлекаюсь этими делами.

— Тогда проваливай!

Ким присел на корточки перед ней.

— Проваливай, кому сказала!

— Не спеши, давай потолкуем.

— Ты легавый, да?

— Нет, — Ким опять улыбнулся, — я совсем из другой конторы? Расскажи мне, что ты видела на «тропе»?

Пак устало выдохнула. Закрыла глаза.

— Всем нужно знать одно и то же! Это бред какой-то! На черта тебе сдалась эта «тропа», легаш?!

— Я хочу знать, как выглядел в ту минуту Проклятый, как он ушел от вас.

— Кто? — удивилась Пак, открыла глаза.

— Проклятый! Говоря попросту, тот самый парень, которого за преступления вышвырнули много-много лет назад из нашей звездной системы, тот самый, которого не принял и ваш мир.

Банга подозрительно уставилась на гостя.

— Вот кто по-настоящему чокнутый! Вот по кому психушка плачет! — просипела она.

— А ты подумай, — ненавязчиво продолжал Ким. — Подумай хорошенько, кого ты видела? Это был человек?

— Не-ет!

— А чему же ты удивляешься?

— Я не верю во все эти побасенки! У меня собственная башка набита всякими тварями и всякой дрянью! Мне еще инопланетян не хватало! И вообще, чего это ты разоткровенничался? Думаешь, я тебе все выложу, а ты меня пришьешь, и никто не узнает про нашу беседу, так?!

— Нет, я тебе прямо скажу, убивать тебя не для чего, ты просто позабудешь все! Все полностью: и про «тропу», и про «нечеловека», и про мой приход... а потом тебя выпишут, и все будет для тебя как прежде!

Пак с трудом разогнула скрюченную спину. Встала.

— Ну, и чего тебе надо?

— Куда он пропал?

— Не знаю! Он влез на дерево, весь искалеченный, я видала таких лишь валяющимися на мостовой после взрыва — с оторванными руками, с вывалившимися наружу глазами, с вывороченными кишками, всех в крови — это у нас, когда боевички баловались. Так вот, этот твой приятель выглядел еще хуже! Но он умудрялся ползти по стволу, а потом впрыгнул в какую-то темную штуковину с плоским днищем. Она сразу улетела. И стало светло. А потом так гроыхнуло, что у меня уши заложило. Но гроыхнуло далеко, там внизу, у выхода из пещеры, понял?! Его, небось, развалило в пыль! Только ведь он все одно не жилец был, ясно! А я приторчала, там же приторчала! Меня и повязали, легавые суки!

Ким выслушал рассказ молча. Он все и так видел примерно в таком же свете. Черт возьми, сколько пришлось вытерпеть Проклятому! Как с ним обошлась судьба! А он сам, Нерожденный в шкуре Кима, что сделал он?! Ему стало совсем тошно! Но ведь в его памяти, в его свернутом мозгу была заложена программа устранения Проклятого! Что он мог сделать?! И все равно ему

было не по себе. Но ничего, это пройдет! Сейчас он обработает эту бабу, и все!

— Ладно, Пак! Тебе скоро будет лучше! А сейчас ты все начнешь забывать. Зачем тебе в мозгах хранить всякую пакость?!

— А ты тоже оттуда? — с опаской спросила Пак.

— Да, я именно оттуда. Но ты не бойся!

— Странно.

— Ну что тебе странно! Успокойся! Сейчас ты все это позабудешь.

— погоди!

— Ну?! Что еще!

Пак очень волновалась.

— Странно, что вас оттуда так много! Вы, наверное, мне мерещитесь все же, точно, мерещитесь! В жизни так не бывает!

Ким нахмурился. Анализатор уже не пищал, а сиреной ревел в мозгу. Но он ничего не мог понять.

— Почему много? Что ты говоришь?!

— А то!

— Поясни!

— Тут еще один приходил, толстый такой, его краном не подыметь! — затараторила Пак. — А он на одних ладошках по стенам и потолку ползал, как муха, еще похлеще! Вот так-то!

Ким схватил ее за плечи, встряхнул с силой.

— Кто это был?! Отвечай! Кто?!

— Это был я, Ким! — раздался из-за спины приглушенный голос.

Ким обернулся.

Спиной к запертой двери стоял толстяк в светлом костюме, поверх которого был напялен огромный бронежилет. На голове у толстяка была надета сетчатая металлическая маска-экран. В руках он держал автомат. Держал, наставив дуло прямо в лицо Киму. По обе руки от толстяка стояли восемь здоровенных парней в таких же сетчатых масках. Четверо из них держали напере-

вес ручные крупнокалиберные пулеметы, у двоих на плечах лежали короткие и толстоствольные гранатометы — острия гранат также смотрели Киму в лицо. Еще двое придерживали за края свернутую крупноячеистую сеть.

— Это западня, Ким! — сказал толстяк почти ласково. — Ты сам вошел в нее! Вошел на приманку! Вошел и захлопнул дверь. Что делать, Ким, но ты попался, не надо дурить!

Нерожденный решал, что же предпринять. Его мозг работал сейчас с тройной нагрузкой. Когда они успели войти? Видно, тогда, когда Пак орала. Он не услышал! Здесь мягкие полы. Нет, все равно это непростительная ошибка — так попасться!

— Спать! Всем спать! Немедленно спать! — выкрикнул он и послал гипнотический заряд чудовищной силы, способный уложить армию.

Пак рухнула на пол, словно у нее подрубили ноги.

Но толстяк и солдаты стояли.

— Спать!!!

— Не дури, Ким! Ты видишь эти штуковины? Ты сам должен понимать, что экраны не пропустят твоих сигналов. Не дури. Сбрось сумку и ложись на пол!

Западня захлопнулась. И бежать было некуда. Ким метнулся к стене. Мгновенно из его пальцев выскочили наружу острейшие плоские когти. Он наискось резанул по пластику, ухватился за край, отодрал пластину шириной в два метра. И тут же ударил кулаком в стену — кирпичи должны были вылететь, огромным цементированным куском... Но они не вылетели. Их не было. Под пластиком высвечивалась тусклая стальная стена.

— И так везде, Ким. Не рыпайся, не трать понапрасну сил и времени! Ложись!

Ну уж нет, решил Нерожденный, здесь вы из гранатометов палить не станете, самих себя убиваете к чертям! Нет! Не бывает безвыходных

положений! Мы еще потягаемся, кто кого! И он резко взлетел вверх, под потолок.

Пулеметная очередь прозвучала глухо. Пули не рикошетили, они вязли в пластике. За первой ударила вторая, потом еще две, потом все смешалось в общем треске. Киму задело лишь плечо да немного левую ногу. Это было ерундой. Но все-таки они прижали его к полу, не давая подняться вверх.

— Завязывай, Ким! Ты всем надоел уже! Парням пора на обед, не зли их!

Ускорив все реакции в организме мысленным приказом, Ким перешел в более быстрое временное измерение и молнией метнулся на толстяка. Он должен был повалить его, сокрушить, пробить себе дорогу к двери — ни один землянин не смог бы выдержать подобного натиска... Но толстяк мощнейшим ударом в челюсть отбросил его к противоположной стене.

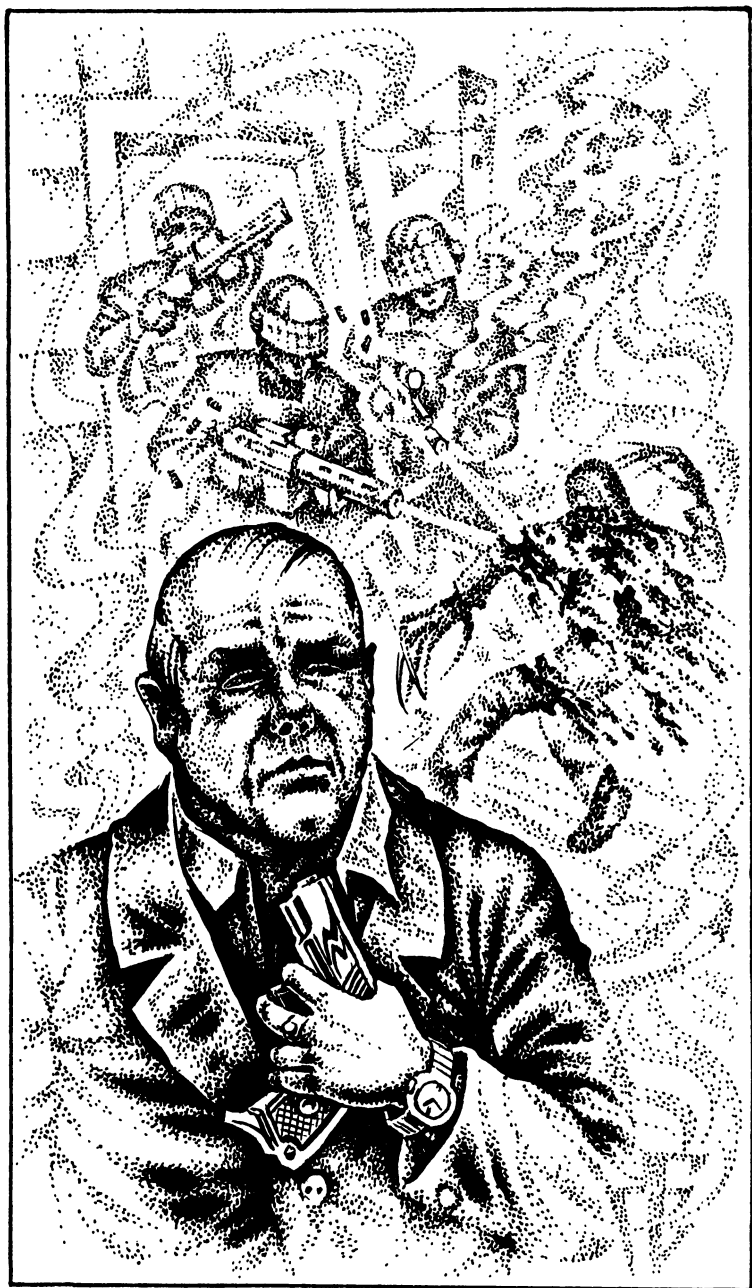
Ким попробовал прорваться еще раз, потом еще. Исполинской мощи удары повергли его на землю, оглушили. Толстяк был силен, как динозавр. Лишь чуть прочухавшись, Ким вспомнил слова Банги. Точно! К ним попали стимуляторы! Иного быть не могло. Но это означало, что он обречен, ведь придется вести схватку на равных, даже с перевесом на их стороне. А это было равносильно битве с паровым катком.

Оставалось еще одно средство. Оно висело в сумке, за спиной. Но к нему следовало прибегать лишь в крайнем случае.

— Все, Ким! Понимаешь, все! Западня захлопнулась!

В ярости он изрезал бритвенными когтями весь пластик, поотдирав огромные куски. Но везде просвечивала сталь. Он швырял эти куски в солдат, пытаясь отвлечь их, ослепить. Но парни были, видно, привычные к потасовкам, они знали, как себя вести.

Очередной удар толстяка свернул Киму че-



люсть на сторону, сплющил нос. Ребра у него были и так уже переломаны. Но Ким держался. Держался, потому что внутри него был Нерожденный! А это существо не так-то просто уничтожить!

В какой-то неуловимый момент на него набросили металлическую сеть. Он тут же разодрал ее в клочья, не дав себя повалить, сбить с ног. Силенка еще была в этом теле!

В руках у парней появилась новая сеть. Они выжидали момента. Но и он выжидал. Он уже понял, что никакого подкрепления не будет, что надо их давить, пересиливать по одному, что парни сломаются, что не выдержит даже этот наглотаившийся стимуляторов суперсилач. И он снова и снова бросался на них, пользуясь тем, что оружие пока они против него не применяли.

Троих удалось уложить. Остальные держались. Они стояли насмерть, не уступая ни пяди. Ким потянулся к заплочной сумке. Но толстяк и тут опередил его.

— Давай! — прозвучало визгливо.

И одновременно пять очередей ударили в Кима. Били по рукам и ногам.

Кожа ошметками летела по углам, капли крови разлетались, будто из центрифуги, скрипели и скрежетали кости, оторвало четыре пальца, пробило колени, лодыжки, перерубило все сухожилия на правой ноге... Но Нерожденный держался. Он не хотел сдаваться. Титаническим усилием он восстанавливал поврежденные ткани. И держался!

И все же, когда его рука уже вытащила из черной сумки небольшой, размером с детский мячик или апельсин, шар, и когда ослепительная вспышка должна была сжечь не только всех стоящих на пути, но саму пластиковую стену, пробить дыру в стали, на Кима снова обрушилась тяжелая сеть. Одновременно глухо бухнул гранатомет — руку вместе с зажатым в ней аннигилятором вырвало из плеча, отбросило в угол. Едкий

дым заполнил и без того продымленную, загазованную камеру. Отрикошетившей гранатой изуродовало и повалило на пол двух парней, стоявших впритык с толстяком. Но сам толстяк уцелел. Он без передышки всаживал пулю за пулей в истекающего кровью Кима. И сам не верил ничему из происходящего. Да, комиссару Грумсу казалось, что это бред, паранойя, помноженная на шизофрению и все психозы, вместе взятые! Этого просто не могло быть! Но все это было!

Уже с оторванной рукой и перебитыми ногами Ким бросился на комиссара Грумса. Но тот сбил его на пол, чуть не оторвав при этом ударе самой головы.

И все же Нерожденный тут же вскочил. Его мог спасти только аннигилятор. И он прыгнул в угол, где лежал шар. Несколько очередей врезались в его тело. Плетью обвисла левая рука. Он скинул кроссовку, попробовал зацепить шар пальцами ноги — из них мгновенно выросли длиннющие цепкие когти. Но и это не получилось! Очередью оторвало ногу у самого колена. Нерожденный стал падать. И в этом падении ему в трех местах перешибло хребет.

Он рухнул на пол мешком. И все-таки он пополз к выходу, извиваясь изуродованным, окровавленным телом, отталкиваясь от пластика единственной, но тоже искалеченной ногой. Глаза у него вытекли. Из дыры в черепе студенисто свешивались, трепеща и подрагивая, мозги, они тоже начинали вытекать... Но он полз. Он не хотел погибать. В запасе у него оставалось последнее средство.

Он смог поползти лишь до середины камеры, тело обмякло, дрогнуло, застыло.

— Спекся! — сказал Грумс не своим голосом. И сделал шаг вперед.

Парни, содрав с себя каски и сетчатые экраны, тяжело отдувались. Они еще не могли разговаривать. Лишь смотрели друг на друга полубезумны-

ми глазами — в таких переделках им бывать не доводилось.

Комиссар Грумс подошел ближе к истерзанному Киму, точнее, к его изуродованному до полной неузнаваемости телу.

— Да, он готов! Он не менее мертв, чем его оторванные руки и ноги!

Комиссар даже нагнулся над трупом. Ему было интересно посмотреть на столь выносливое и неумертвляемое существо, которое он все же приколошил! Приколошил, и славу Богу! Теперь он точно дотянет до пенсии! И отдохнет всласть! И не просто дотянет, а с повышением, с прибавкой жалованья! Все, никакой это не бред, это правда! Его взяла, он победил их всех, черти бы их побрали, кем бы они там ни были! Он их пересилил! Все внутри у комиссара Грумса торжествовало и пело. Это был счастливейший миг в его жизни. Это был его звездный час! Впереди — рай земной, садик с гладиолусами, домик, жена, внуки, и покой! покой!

Ким был убит. Но Нерожденный еще пребывал на самой кромке жизни и смерти. Он проваливался из тьмы на свет и из света во тьму, все перемешалось для него. И все же он решил использовать последний шанс. Он собрал в момент просветления все силы, взвинтил себя — и тут же мириады микрочастиц, разбежавшихся по телу бывшего Кима, собрались воедино, сконцентрировались в сверхплотном кругленьком шарике... шея убитого неестественно вывернулась, набухла, вспучилась. С маленьким кровавым фонтанчиком из нее вырвалась наружу биогранула. И тут же вонзилась в сонную артерию склонившегося над трупом комиссара Грумса.

Никто из парней ничего не заметил.

Лишь один вяло спросил:

— Ну чего там, комиссар? шабаш, что ли?!

Тот, к кому адресовался вопрос, сходил в угол камеры, подобрал забрызганный кровью шар, об-

тер его, сунул в карман. Потом еще раз оглядел поле боя и произнес бодро:

— Все парни! Мы покончили с этой тварью! Мы выиграли! — и весело подмигнул им.

Парни заулыбались в ответ. Они не знали, что стоящий перед ними толстяк вовсе не комиссар Грумс.





*Не вечна наша телесная оболочка,
не вечна юность и сама жизнь, не вечно
нажитое богатство, не вечна власть,
не вечен союз любящих – и потому да
не соблазнится мудрец ничем из этого!
Лучше ведь не мараться грязью, чем
после отмываться от неё.*

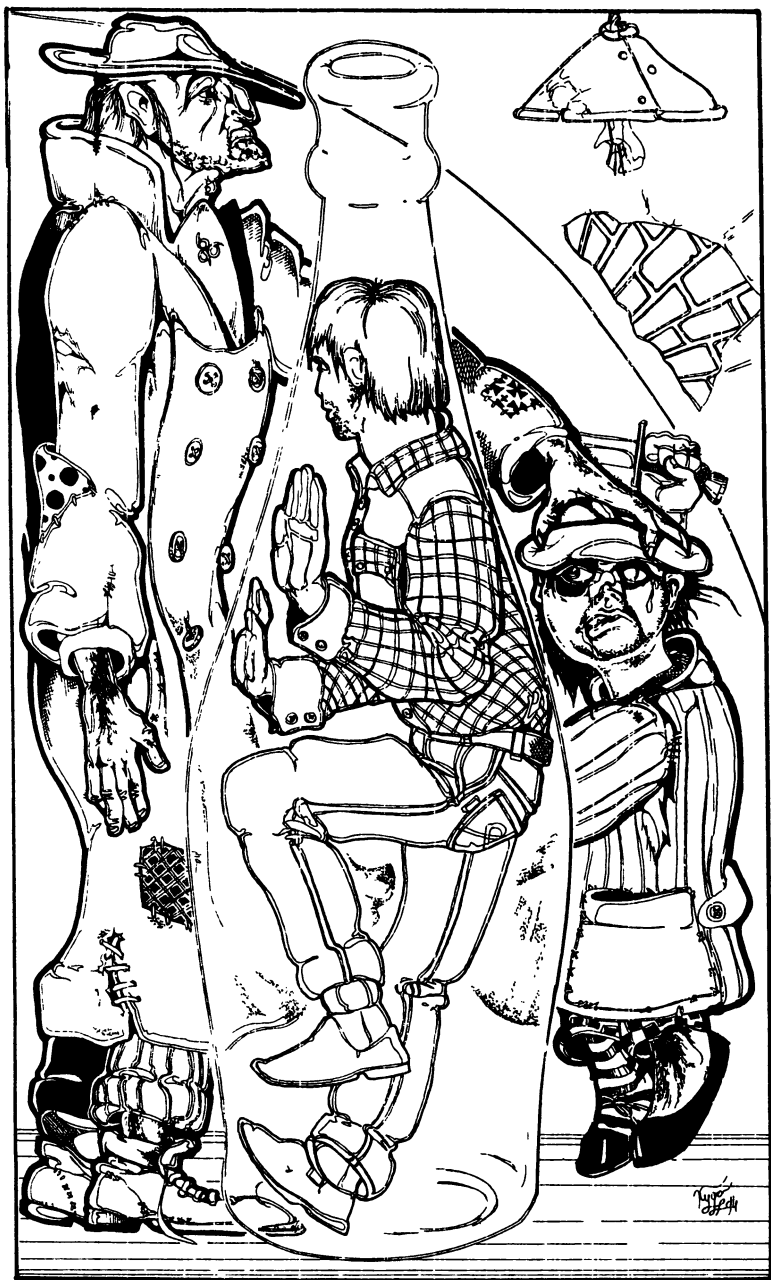
Из Махабхараты

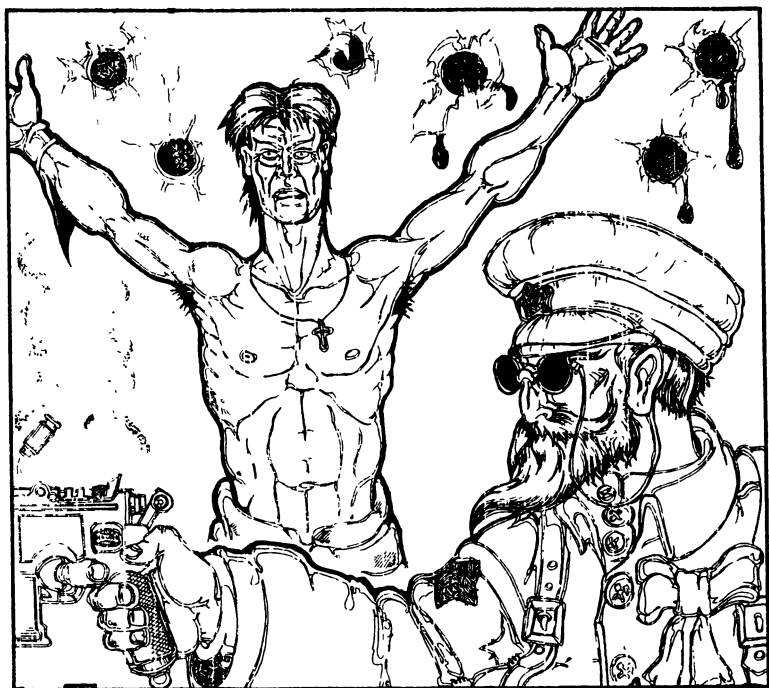
*Снег без грязи –
как долгая жизнь без вранья.
В.Высоцкий*

Черное Знамя

эпизод:

**Сатанинское
Зелье**





Прелюдия

*Кому суждено быть повешенным,
тот не утонет.*

Народная мудрость

Зрелище было впечатляющим до жути. Огромный, выше роста человека, сугроб, ослепительно белый, припорошенный чистым, видно, выпавшим за ночь снежком... и большущее разлапистое алое пятно на нем — пятно, переливающееся, темнеющее, почти чернеющее по краям, оплавливающее снег, прожигающее сугроб.

Сергей не сразу понял — что это. Лишь секундой позже в голову как ударило — кровь! Он невольно отшат-

нулся. Но напирающие сзади не дали уйти, наоборот, они подтолкнули еще ближе. Глаза заболели от этого страшного сочетания — красное на белом, кровь на снегу! Это было ненормально, неестественно, невозможно. Но это было.

Внизу, у сугроба, погрузив скрюченные пальцы в подтаявшую жижу, кто-то лежал. Сергей видел только эту вывернутую посиневшую руку. Но с него хватило. Он резко надавил плечом в чью-то жирную грудь, пихнул кого-то локтем, вовремя успел прикрыть лицо, раздвинул еще двоих... и выбрался из толчеи.

— Псих ненормальный! — бросили ему в спину.

Но Сергей ничего не слышал. В голове у него гудело. Уши словно ватой заложило. Отпихнув от себя еще двух любопытных, несущихся к сугробу сломя голову, он вышел к остановке, прислонился спиной к зеленоватому холодному стеклу, перевел дух. Сердцебиение прошло не сразу. Да и перед глазами прояснилось не в один миг. В таком состоянии Сергей редко бывал, раза два или три, не больше, да и то — с жуткого похмелья, после таких забегов “ в ширину “, от которых и окочуриться недолго. Но вчера-то он не пил, так, кружку пива да два глотка из чекушки, остававшейся еще с третьего дня...Он тяжело, с присвистом, выдохнул. Сдвинул шапку на затылок, и неожиданно почувствовал, что лоб у него мокрый и совсем холодный, как стекло за спиной. Он даже вздрогнул.

Надо было садиться в автобус, ехать на работу. Но Сергей стоял, не мог себя заставить сделать и шага. И с каждой минутой, с каждой секундой в нем нарастало непонятное и неприятное ощущение — ему хотелось вернуться к сугробу, его тянуло туда, как человека, страдающего высотобоязнью, неостановимо тянет на край пропасти — сердце замирает от ужаса, дыхание перехватывает, но нестерпимо хочется еще разок, последний, заглянуть туда, в бездну, в гибельный провал.

И Сергей отодвинулся от стекляшки, переступил с ноги на ногу. Незримый магнит был сильнее его.

На этот раз волна тошноты не подкатила к горлу, да и сердце вело себя поспокойнее. Лишь какая-то пелена все застила. Сергей сомнамбулой продрался сквозь толпу, заглянул через плечи, пытаясь разглядеть лежащего. На пятно он старался не смотреть — в конце концов не в пятне суть! А в чем? Приходилось тянуть шею, изво-

рачиваться, и все-таки краешком глаза ему удалось увидеть нужное.

В слякотной грязи под сугробом лежал по пояс голый человек. Был он к тому же босой. Лишь драненькие вытертые дешевые джинсы были на нем. Но и те лохмотьями свисали с посиневших ног, одна штанина была задрана выше колена, открывала изуродованную багровыми вздутыми рубцами ногу. Русые волосы на затылке были взъерошены и черны, словно кто-то хорошенько потрепал их, а потом полил мазутом. На синей неестественно выгнутой спине в беспорядке было разбросано пять или шесть больших черных волдырей. Казалось, что их не так давно прорвало, запекаясь по краям кровь бурела, но еще поблескивала местами... Сергей не сразу сообразил, что к чему. Что-то скользнуло под ногой. Он быстро присел, подобрал грязный цилиндрок с разорванной боковинкой — это была гильза! Сергей служил в армии в свое время, знал все виды патронов и гильз, но такую видел впервые. Он сунул ее в карман, машинально сунул. А глаза сами уже потянулись к трупу — страшное было зрелище, дикое. Но не оторваться!

Неужели стреляли? Сергей поежился. Ему стало не по себе. Но почему, как, когда?! Он живет рядом, совсем рядом, он должен был слышать звуки выстрелов! Но ничего он не слышал, ни о чем не догадывался...

Толпа гудела, гомонила.

— Мафия! Точно говорю, мафия! Со своим расправились, гады!

— Да ладно, все теперь на мафию валят! Сами себя пугаем! Ты че думаешь, каждая пьянь подзаборная — это тебе мафия, что ли?!

— Ой, а как отделади-и, как отделади!

Отделали лежащего и впрямь на славу — вся спина, шея, вывернутые руки были исполосованны, покрыты синяками, ссадинами. Казалось, что это вообще не человек лежит, а какой-то нелепый, сработанный бракоделами манекен, над которым вдоволь натешились неумные проказники. И все же это был человек! Да не просто человек, а кто-то очень знакомый, виденный много раз... У Сергея в висках заломило. Но вспомнить не мог, хоть убей! И вытертые джинсы были чем-то знакомы, что-то напоминали — хотя поди разберись, джинсы они и есть джинсы, все одинаковые.

Сергей присел на корточки, попробовал заглянуть

снизу, заглянуть в лицо. Нет, ни черта не было видно. Из пенистой грязи торчало лишь синюшное опухшее ухо, все остальное было там, в месиве из воды, земли, снега, окурков, плевков и семечной шелухи.

— Чего, худо стало, что ль? — поинтересовался у Сергея мужичонка в ватнике, от которого несло одеколонным перегаром. — Ты еще на карачки встань, паря!

Сергей не ответил. Поднялся. И почувствовал руку на своем плече.

— А ну! Разрешите!

Человек в милицмейской форме протиснулся вперед, все загородил. И как ни пытался потом Сергей, он не мог ничегошеньки разглядеть — толпу отодвинули по-дальше, следственная бригада управила в считанные минуты, санитары бросили тело на носилки, бросили брезгливо и поспешно, будто имели дело не с человеком, а с падалью или поганым вонючим мешком. И все... Уехали. Толпа рассосалась — глазеть было не на что. Лишь бурело пятно на белом сугробе. Но это было уже совсем не то пятно, что несколько минут назад, то было алым, страшным, а это можно было принять за след от выплеснутых на снег помоев.

— Пришили! И слава Богу! — проворчала сердитая насуспенная старушка в черном.

Пенсионер в очках и драном рыжем "пирожке" добавил:

— В колыбели надо таких душить, сволоту поганую!

Злоба была необъяснимой, но натуральной, нутряной. Сергея даже передернуло. Он не смог себя заставить не то что вступить в прения, но и поглядеть даже на сердитых комментаторов.

— А все от того, что пьют! — заключила старушка. — Им все для жизни дало государство, живи и радуйся, а они все пьют! Вот и захлебнулся родимый!

— Туда и дорога!

Пенсионер скрипнул зубами и ушел.

А Сергей вдруг увидал в месиве клочок плотной серой бумаги. Нагнулся. Подхватил двумя пальцами. Развернул. Разобрал с трудом, буквы были полустертыми, тусклыми, но разобрал обрывки слов: "... ОПУСК... адцати четырех ноль... сар..." Далее следовала неразборчивая закорючка-подпись. Понять что-либо из этой бумажки было невозможно. Но и ее Сергей сунул в карман куртки.



Взглянул на часы — он уже на целых сорок минут опаздывал на работу! А еще надо добираться!

Он чуть не бегом бросился к остановке.

Начальник пообещал Сергею неприятности в будущем, как то лишение премиальных, неподвижение по службе и прочие, но успокоился через минуту, сообразил, что собственные нервы дороже. Сергей с трудом досидел до обеда. Потом написал заявление на отгул за работу на овощной базе — отгулов у него была тьматьмушая, до второго пришествия! И немудрено, на базы гоняли чуть не каждую неделю. Начальник поморщился, похмурился, посопел. Но отпустил.

— Все равно от тебя толку ни хрена! — сказал на прощание. — Валяй!

Толку от Сергея в конторе было побольше, чем от других. Но он не стал задирать. Лишь бросил на прощание:

— Валяю!

И подхватив сумку, накинув куртку, камнем слетел по лестнице, выбежал на свежий морозный воздух. Он знал, куда идти! Знал, что делать! Ведь можно годами сидеть и рассуждать: это нужно, это не нужно, это целесообразно, это нецелесообразно и непрактично, так, мол, лишь одни дураки поступают. Нет, хватит, пускай его принимают за круглого и полнейшего идиота, но он все же пойдет туда, он их всех заставит, он... А что собственно он мог?! Да ничего! Но эта мыслишка, на секунду задержавшись под черепной коробкой, упорхнула из-под нее. Пускай думают, что хотят, пусть считают, что он трехнутый, что ему больше всех надо, пусть! Он крутил пальцами в кармане шершавую гильзу, заводил себя, заранее зная, что ничего не выйдет, что его пошлют куда подальше.

Перед отделением остановился, отдышался. Почистил мыски сапогов о снег. Попробовал собраться.

За барьерчиком и стеклянной перегородкой сидел мордатый узкоглазый сержант — видно, подменял дежурного. Сергей решил подождать. Но дежурный что-то не появлялся.

Сержант зевал, чесал стриженный затылок, ерзал на стуле. Но на Сергея не глядел, словно и не замечал посетителя. Напротив, в зарешеченной клетушке пьяно, с

посвистыванием и прихлопом, храпел какой-то выловленный досрочно алкаш. И все было до того спокойно и мило, что будто и не отделение, а богадельня в глуши, будто не милицейское присутствие, а старый разворованный дотла лабаз.

Первым не выдержал Сергей. И путанно, длинно и бестолково рассказал сержанту про утренний случай. Сержант глядел сонными глазками, дергал носом. А в итоге спросил:

— Ну и чего?

Сергей опешил.

— Как, чего? — поразился он, выгребая из кармана свои находки — гильзу и клочок бумаги. — Человека убили! А вы спрашиваете — чего! Я вам помочь хочу, понимаете? Вот!

Он положил на барьерчик “улики”, двинул их сержанту. Но тот и глазом не повел.

— Убили, убили... — передразнил он вяло, с ленцой. Но потом оживился и, вытаращив на Сергея бесцветные глазки, выпалил: — Да щас на каждом шагу мочат! Чего ж теперь, прыгать до потолка прикажете?! Или бегать с высунутым языком кругами?!

Такой подход обескуражил Сергея. Он-то считал, насмотревшись фильмов и начитавшись книжек, что доблестные отечественные шерлоки холмсы не упустят интересного дела, что они наверняка уже полклубка распутали, вышли на след... Но похоже, никто не начинал заниматься этим делом. Может, на самой Петровке?!

— Не сорите тут, не надо, — раздраженно проворчал сержант и ткнул пальцем в вещественные доказательства, — уберите! Там вот, в углу, урна стоит, бросьте! — И совсем уже тихо буркнул себе под нос: — Мусорят тут, понимаешь, дрянь всякую носят! Рапустился народишко!

У Сергея по спине побежали мурашки. В глазах помутилось. Ему показалось вдруг, что из-под верхней губы сверкнул у сержанта клык — нечеловеческий, изогнутый и страшный. А еще — что ухо, маленькое и розовенькое, стало вдруг каким-то звериным, рысьим, в желтых глазах блеснул хищный огонек. Сергей отшатнулся от барьерчика. Протер глаза ладонью. Но он уже видел и без этого, что ухо никакое не звериное, что это просто завиток волос упал на него, и что клыка тоже

нет, а есть обычная золотая фикса — она-то и поблескивает.

И все равно охота разговаривать с сержантом, что-то ему доказывать, пропала.

— Где дежурный? — поинтересовался Сергей.

— Заняты все! — зло ответил сержант. — Не отвлекайте, гражданин.

— Кто дежурного спрашивал? — раздалось из-за спины.

Сергей повернулся. На него в упор смотрел узколицый человек с красной повязкой на рукаве и капитанскими погонами на плечах.

Пришлось все пересказывать заново. Кончая, Сергей добавил с надеждой:

— Наверное, на Петровку передали, дело-то серьезное!

Капитан хмыкнул, переглянулся с сержантом. И пошутил как-то мрачно:

— Где тело, там и дело — в морге! — Но потом добавил серьезнее: — Вы не беспокойтесь, гражданин, и эти свои фигурьки спрячьте, кому надо, разберутся, у нас следователь ноне дошлый пошел... — Он снова переглянулся с сержантом, прихихикнул, перемигнулся. — Чего там волноваться, спишут! Щас пьяни подыхает за ночь сотнями! Понял, молодой человек? Как указ отменили, так пачками пошли, косяками, ха-ха!

Они почти в голос рассмеялись с сержантом — как бы в две скрипки. Но соло вел капитан.

— Так что, идите вы домой и отдыхайте, как положено!

Сергей засуетился, занервничал. И хотя он уже понял, что дергаться бесполезно, запричитал, пытаясь вызвать в собеседниках хоть что-то человеческое, пытаясь достучаться до них.

— Я его знал, точно знал! — говорил он скороговоркой. — Нужно обязательно опознание трупа провести, я должен в морг попасть, я вас очень прошу... где начальник отделения? Где следователь, который ведет дело? Понимаете, я обязан! Никто ничего не знает, а...

— А что — вы? — настороженно и подозрительно спросил капитан.

— Я узнаю его!

Капитан крикнул и отвернулся. А сержант, выйдя из-

за барьерчика, ухватил Сергея под локоть и очень вежливо повел к выходу.

— Идите, гражданин, идите, — приговаривал он мягко, но властно, — и не встревайте, куда не следует! Ваше дело одно, одно ваше дело...

— Какое? — в растерянности поинтересовался Сергей.

— Не нарушать! — пояснил сержант. — Вот ваше дело! А со всеми остальными мы тут сами разберемся! Бродяга-алкоголик, которого утром нашли в сугробе, свезен в морг! Замерз, перепился и замерз! Понятно?! Вам же объясняли русским языком — дело обычное, пачками!

Сергей попробовал выдернуть руку. Обернулся к капитану.

— Да у него ж было пять дырок в спине! — закричал он. — Пять пулевых ранений! И вдобавок весь изрезанный, избитый! Вы чего-о?!

— У вас нервы расшатаны, гражданин! Идите!

Сержант вывел его на улицу. Прямо к машине со страшной надписью “спецмедслужба”. Сергею показалось, что сержант сейчас запихнет его в машину, что его увезут, скрутят, сунут под холодный душ или бросят прямиком на нары. Но сержант выпустил его локоть, подпихнул в спину.

— Отдыхайте, гражданин!

— Его убили! — простонал Сергей.

Сержант поглядел в серое небо, почесал затылок.

— Может, и убили, — проговорил он задумчиво, — ему же и лучше, чего зря мучиться, а?!

— Как это?! — не понял Сергей.

— Да лучше не мучаться никак! — пояснил сержант. — Ступайте себе!

Сергей плюнул под ноги. Круто развернулся, запахнул куртку. Мелькнула мысль — бежать на Петровку, немедленно, сейчас же, пока запал не вышел... Но видно, вышел! Сергей выматерился вслух. И пошел в другую сторону, к магазину.

В последние два года магазином можно было назвать одно-единственное заведение — ту точку, где торговали вином да водкой, в других — продуктовых и промтоварных, ни черта не было, и потому столь звучного названия они не заслуживали. Были, правда, всякие там валютные, чековые и прочие распределители, но это все

не для простого обитателя разваливающейся страны, а потому — их будто и не было. Сергей часто ломал себе голову над всеми такими штуковинами. Но голова до конца, до прояснения не “доламывалась”, видно, срабатывал самый простенький и в то же время очень надежный тормоз — инстинкт самосохранения. Без него многие бы давно свихнулись! Лучше было ни о чем не думать.

После посещения околотка и всего, что в нем произошло, путь был один, иначе Сергей не выдержал бы, надо было расслабиться! Расслабиться, а уже потом, с новыми силами, с новой энергией браться за дело, за расследование! Черт с ними со всеми! Он сам разберется! Он сам распутает ниточку! Ему главное — вспомнить! Вспомнить, кто это был! Он обязательно вспомнит! И тогда все сразу прояснится.

Сергей брел к заветной точке, распахивая, расталкивая школьную детвору — она шла с занятий или на занятия, в зависимости от смены. И всегда здесь было полно малышни! Всегда кто-то мешался, крутился под ногами, галдел, бегал, игрался, шумел, хныкал, голосил, хохотал, обзывался и прочая, и прочая. Все это было привычно. По какой-то невесть кем заведенной и устоявшейся традиции винные магазины строили или открывали непременно напротив школ, детских садов и яслей, видно, для того, чтобы от поколения к поколению число клиентов не снижалось. А может, и по какой-нибудь более обстоятельной и сокрытой государственной таинственной пеленой причине. Но дело было не в этом.

Сейчас Сергею нужен был пузырь, и все! Ничего больше! Все остальное потом. Для начала надо прочистить мозги, расслабиться!

— Куда прешь, сука! — прохрипел ему в ухо интеллигентного вида мужчина средних лет. И оттолкнул локтем.

Сергей понял — без очереди не прорваться. И все же попробовал, сунулся с другой стороны. Получил локтем поддых. Удружила женщина в цветастой косынке. Да еще завизжала в лицо как резанная:

— Уйди-и!!! Уйди-и-и, зараза!!!

Сергей пристроился в конце очереди, ничего не подлаешь. Стоял, злился, нервничал, глазел. Очередь наполовину была женской. Раньше, еще лет пять-шесть назад в винный стояли практически одни мужики. Но с то-

го времени, как с калориями и тем более с килокалориями в продуктовых стало совсем плохо, женщины решили, видно, возмещать недостаток энергии самым простым образом. Наверное, они поступали правильно. Да и как иначе, надо было приучать и себя самих и детей с внуками к тому единственному “топливу”, которого в стране хватало на всех.

Сергей стоял и мучился. Успокоение не приходило. Он уже был готов снова полезть на рожон, попытаться пробиться понахалке — а чего там, пускай саданут пару раз по роже, пускай обматерят, ничего, можно стерпеть.

Но в это время к концу очереди подошел маленький плюгавенький мужичок в балониевом стародавнем плащике и галошах на босу ногу. Галоши были примотаны бечевой, на плаще не было ни единой пуговицы. Глазища у мужичка краснели клубничинами, сивухой несло от него за версту, даже в этой очереди она перешибала все запахи. На лбу красовалась огромная шишка. Мужичок покачивался из стороны в сторону и мычал. В руке он держал восьмисотграммовую непроницаемую “бомбу”.

— Ну, православная-я, кому-у?! — наконец выдал мужичок и икнул.

Все насторожились. Но первым среагировал Сергей. Он сунул мужичку пятерку. Вцепился в бутылку.

— Не-е, — пьяно пробурчал тот, — не-е, друг любезнай, маловато! Давай еще рупь пятьдесят! За хранение!

— Чего?! — не понял Сергей.

Мужичок поглядел на него безумным глазом — другой он прикрыл, видно, для того, чтобы Сергей не двоялся перед ним.

— А того-о, милай, что без очереди — двойная плата! Вот чего! И хранил ее, знаешь, скоко?!

Сергей не ответил. Его не интересовало, сколько времени мужичок хранил бутылку. Он видел, что посудина запечатана, как надо, что все путем. А переплатить, дело привычное. Нашупав в кармане деньги, он сыпанул их мужичку в ладонь, не считая мелочи, зная, что не меньше двух рублей.

— Благодарствуем! — мужичок снова икнул. Привалился к Сергею. Но бутылки не выпустил. — Ты слушай, милай! Я ж ее на чердаке нашел! Сам, видать,

сховал, коды нажратый был! Да и позабыл! Вона как! А вчера сь и нашел! Пять штук было! Я три уже скушал, во как!

— Понял, понял, — занервничал Сергей и потянул бутылку на себя. — Чего вцепился?!

— Вот всегда так! — обиделся вдруг мужичок. — С человеком по душам! По-братски, значит! А они-и-и... — он присел на корточки, запахнул полы плаща и зарыдал. Да так горько, что Сергей отвернулся, пошел прочь — еще подумают, что это он виноват, он, мол, обидел человека! Из очереди зло выкрикнули бесполым визгливым криком:

— Ух сука, ух ловкач! Взял все-таки! Все стоят, понимаешь, а этот гад! Развелось паразитов!

Сергей на ходу повернул бутылку этикеткой к себе. На последней было четко и однозначно выведено: “СОЛНЦЕДАР“. Сердце встрепенулось. Пахнуло юностью. Врал, все врал мужичок в галошах — эта бутылка пролежала где-то не меньше десяти лет! Эх, и отравы же была в свое время! Сколькие Богу душу отдали! Но Сергей пил “солнцедар“ неоднократно, еще в послеармейские, студенческие годы пил. И знал, что какой бы дрянью ни был этот “солнечный“ напиток, а небось получше денатурата или лосьона, получше, где-то вровень с “тройным одеколоном“. А потому — прочь сомнения! Повезло! Здорово повезло!

Он спешил домой. В однокомнатную свою квартирентку, которую выменял после развода с женой. Там он сейчас усядется спокойненько со стаканчиком в руке и все разложит по полочкам, все обмозгует, вспомнит. И пускай они не хотят ловить убийц! Он тоже не очень-то стремится выяснять, кто они! Еще выяснишь на свою голову! Но кто этот истерзанный синий малый, он обязательно узнает! Всех знакомых, полужнакомых, знакомых знакомых переберет, но докопается! Ведь не может быть, чтоб ошибался!

И все же, как ни спешил Сергей, он свернул к сугробу. Пятно кто-то уже засыпал песком. Да и внизу меси-во и крошево подмерзло. Будто и не было ничего! Сергей внимательно осмотрел подножие сугроба, обошел его со всех сторон. Потом вернулся к тому месту, где лежал труп. И стал ковырять ногой снег. Провозился долго, и все без толку. Лишь какой-то шип железный в палец толщиной выковырял из-под серой корочки. Шип был

странный, ни на что не похожий. Сергей сунул его в карман, к гильзе.

У самого дома, в подворотне, ему преградили дорогу два опустившихся вконец типа. Сергей не любил таких бродяг, называл "хмырями". Но обычно хмыри были пугливыми и тихими. К прохожим они не приставали, наоборот шарахались от каждой тени, боясь угодить в приемник-распределитель. Несчастные людишки!

Но эти повели себя иначе. И Сергей растерялся, прижал к груди сумку с бутылкой — еще отнимут! Да, он испугался именно за "бомбу", что еще с него могли взять хмыри.

Но те на сумку и не глядели.

— Не спеши, падла, — тихо сказал низенький хмырь. — Разговор есть.

Был он совсем маленьким, почти карликом. Круглая ушастая голова маячила на уровне груди Сергея. На оттопыренной слюнявой губе чернела шелуха от семечек. Маленький вздернутый нос был перебит в двух местах и залеплен грязным пластырем. Из-под кургузой кепчонки торчали клочья черных вьющихся волос. Дранный ватник, с выбивающимися наружу клочьями свалывшейся нечистой ваты, скрывал почти все тщедушное тельце хмыря-карлика. Но что бросалось сразу, просто кричало, било — так это глаза: дикие, выпученные, эдакие черные сливы в обрамлении желтушечных яблок. Причем один был наполовину скрыт желтым переливающимся бельмом. Смотреть в такие глаза не было сил. И Сергей невольно отвел взгляд.

— Што, падла, почуял, где тебе хвост прижмут?! — обрадовался хмырь-карлик. — Чего зенки прячешь?!

Неожиданно сильно он пихнул Сергея к стене. А когда тот уперся спиной в каменную кладку, коротко, но резко двинул кулаком в живот.

Сергей согнулся от боли. Но тут же выпрямился, вскинул руку. Ударить не успел — второй хмырь перехватил его кисть и ткнул головой в лицо. Из носа побежала кровь, заливая губы, подбородок, новенький клетчатый шарф, который Сергей три дня назад купил по большому благу за четверную цену.

— Не надо, — вяло попросил второй. В голосе его дрожали слезливые, умоляющие нотки. — С вами же по-интеллигентному разговаривают. Не надо!

— Я ща порежу падлу! — процедил снизу хмырь-карлик.

Что-то блеснуло в полумраке подворотни. И Сергей почувствовал, как в его горло уперлась холодная острая сталь. Он сразу оцепенел. Нет, тут дело не в бутылке, не в “бомбе”! Тут кое-что посерьезнее! С ножом у горла он не мог смотреть вниз, на карлика. Зато появилась возможность получше разглядеть второго.

Лишь сейчас Сергей заметил, что тот невероятно высок — на две головы выше его, если не на все три! Поначалу он не показался таким лишь потому, что страшно сутулился, клонил голову набок, подгибал колени. Но видно, все время находиться в полусогнутом состоянии длинному был трудно и он временами выпрямлялся, нависая над прижатой к стене жертвой.

— Ну вот, успокоились, хорошо, — проговорил длинный хмырь совсем плаксиво.

Лицо у него было вытянутым, изможденным, серо-зеленым. Мятая велюровая шляпа, наверное, подобранная в какой-нибудь помойке, скрывала верхнюю часть лица. Лишь слезливые унылые глаза высвечивались из-под полей. Глядя в эти мутные, перевитые сетью набрякших красных жилок глаза, хотелось плакать — столько в них было тоски и отчаяния. Обвислый огромный нос, казалось, не имел хрящей, болтался над безвольными серыми губами сморщенным понурым огурцом. Подбородок был усеян бородавками всех величин. Из бородавок торчали в полнейшем беспорядке седые волоски. Поднятый воротник серого допотопного макинтоша прятал от взгляда шею, щеки. Макинтош был весь в заплатках, и кроме того на нем, видно, не так давно веселая и шумная компания устраивала пикник — каких только пятен не было на серой вытертой ткани. Макинтош был явно из “Богатыря”. И все же не скрывал костлявых кистей длинного хмыря. Руки же его были просто страшны — таких мослов Сергей не видывал, разве лишь на картинках, где изображался Кощей Бессмертный. Это были не руки, а целые грабли — костистые, обтянутые сухой прозрачной кожей, огромные. Из-под обгрызенных чуть не до основания ногтей сочилась кровавая жижица. И грязны эти руки были настолько, что казалось — их владелец минуту назад встал с четверенек.

— Мы же с вами культурные люди, — жалобно про-

слюнил в ухо длинный хмырь. И вывернул Сергею руку так, что тот застонал.

Нож давил все сильнее. Карлик-хмырь хихикал и матерился. Потом вдруг со всей силы ударил Сергея коленом в пах. Тот вскрикнул. Боль была жутчайшей. Но согнуться он не мог. Нож почти прорывал кожу, еще немного, и он вонзится в горло, прорежет связки, артерию... и тогда все, тогда кранты! Мука была непереносимой.

— Мне кажется, он все понял, — неуверенно промямлил длинный хмырь. Слезы катились из его глаз и смешивались на клетчатом шарфе с кровью, сочащейся из носа у Сергея. Хмырь почти вжался лицом в лицо жертвы, тяжело и вонюче дышал в ухо. И избавиться от него не было никакой возможности.

— Ни хрена эта падла не поняла! — злобно прошипел карлик. — Вот щя я ему жилу отворю, пушу поганую кровь, тогда разом скумекает, сучара позорная!

Длинный тяжело вздохнул, утер лицо о Сергеево плечо. И предложил:

— Пусть сам скажет, а?!

— Чего-о?! — изумился карлик.

— Я думаю, он понял.

Острые перестало давить на кожу. И Сергей приоткрыл рот. Но сказать ничего не смог. Лишь прохрипел невнятно, на выдохе. Свободной рукой он растянул сумку, протянул бутылку хмырю-карлику.

— Спрячьте, спрячьте, молодой человек! — совсем уныло проговорил длинный. И уложил бутылку обратно. — Порядочные люди себя так не ведут. Неужто вы могли подумать на нас такое?! Как не стыдно!

Карлик снова саданул кулаком в живот, но совсем тихо, лишь размах был нешуточным, а удара Сергей почти не почувствовал. Может, все внутри онемело, может, карлик так забавлялся, играл с жертвой. Сергей ни черта не понимал!

— Надо мочить сразу, на месте! — сказал хмырь-карлик расстроенно. — Какого хрена нам с ним возиться?!

— Не время, — ответил длинный. И выпрямился во весь рост.

Сергею показалось, что длинный уперся головой в свод подворотни. Но он уже не верил своим глазам, все было как в кошмаре.

— Мы его замочим, коли не образумится, замочим! — продолжил длинный. — Вы поняли, молодой человек? Нет?! Странно! — Длинный опять разрыдался, словно Сергей своим непониманием разобидел его не на шутку.

— Ежели еще разок сунешься в это дело, падла, — разъяснил хмырь-карлик, — я из тебя, сучий потрох, лапши настругаю, понял?!

Нож снова уперся в горло.

— Он верно говорит, молодой человек, — закивал головой длинный, — Оставьте вы это дело! Ну зачем вам путаться в него? У вас есть работа, дом, неплохая... э-э подруга, если я не ошибаюсь. Зачем вам портить себе карьеру и репутацию?

— Я безо всякой репутации на тот свет спроважу! — прохрипел карлик. — Еще сунется — и замочу! — Голос его вдруг осекся. Карлик поглядел на длинного. — Ну че ты, в натуре?! Ну че возиться?! Гуманист, едрена, на свою башку!

— Не-е, не надо, — промямлил длинный.

Сергей почувствовал, как ослабла и пропала совсем хватка — длинный выпустил его руку. Вроде бы, пронесло! Сергей гулко выдохнул.

В этот миг хмырь-карлик дернулся к нему. Но длинный ухватил его за воротник, приподнял... и неожиданным движением, распахнув огромную полу, спрятал карлика под своим необъятным макинтошем.

— Все равно порежу падлу! — визгливо донеслось из-под полы. И смолкло.

Длинный низко поклонился, приподнял шляпу — так, что Сергей увидал его лысую и почему-то морщинистую голову, покрытую точно такими же бородавками, что и на подбородке.

— Прощайте, молодой человек! Надеюсь на ваше благоразумие!

И повернулся к Сергею спиной, побрел в сторону улицы. Уже на свету из-под полы макинтоша выскочил хмырь-карлик, обернулся и погрозил Сергею кулаком. Через мгновение оба исчезли.

Сергей выскочил из подворотни, но тут же замер — никого на улице не было. Лишь какая-то угрюмая женщина волоком волокла в обменный пункт два неподъемных тюка макулатуры. Вид женщина имела дикий и напуганный, непохоже было, что она умеет читать. За



женщиной бежал мальчонка лет четырех и плаксиво просил купить мороженое. Когда он досаждал особо, женщина останавливалась, плевала в его сторону и цедила глухие невнятные ругательства.

Шарф пришлось отстирывать с мылом. На это ушло минут десять. И как ни странно, процедура принесла Сергею успокоение, ему даже представилось вдруг, что все происшествие в подворотне было нелепым сном, что он просто поскользнулся, грохнулся, расшиб нос, потерял сознание. А в бреду чего только не привидится!

Главное, “бомба” была цела, все остальное — семечки! Все образуется, и он припомнит кого видел утром у сугроба, все припомнит, а тогда... тогда и разберется.

Квартира у Сергея была маленькая, убогая — комнатуха в двенадцать метров, кухонька — два на два, совмещенные ванная с туалетом да метровая прихожая. Дом стоял с “хрущевских” времен, и потолки были “хрущевскими” — Сергей рукой доставал.

Умывшись и покончив с шарфом, он вытащил бутылку из сумки, достал с полки на кухне стакан, кусок позавчерашнего сыра, малость подплесневевшего, но вполне еще съедобного. И пошел в комнату. Все поставил на стол, уселся в поскрипывающее кресло. Задумался.

Стол был огромным для Сергеевых апартаментов, он занимал чуть не половину комнаты. По своему назначению и форме он был письменным столом, но использовался по-всякому: и для работы, и для застолий, и как кровать для временных постояльцев, раза три или четыре он даже выполнял роль помоста или сцены для залетных подружек Сергея и его друзей — подружки эти исполняли на нем канкан или раздевались как в самом настоящем стриптизе. Не все у них, конечно, получалось “фирменно”, профессионально, но ребятам да и самому Сергею нравилось, а больше всего нравилось лихим подружкам, и не так-то просто было от них потом отвяжаться — каждая из попробовавших этот номер непременно хотела его повторять до бесконечности, сиять местной “этуалью” на помосте-столе.

Сейчас Сергей сидел за столом в полном одиночестве, думал, с чего начать: выпить, а потом набросать схему поисков или же сначала разработать схему, а потом уж и выпить. Положение было похлеще, чем у известно-

го “буриданова осла”, которому предстояло сделать выбор между двумя абсолютно одинаковыми стогами сена. Но Сергей все же был не “ослом”, он не хотел помирать от голоду между двумя кормушками. И потому правой рукой он полез во внутренние ящики за листом бумаги, а левой потянулся к бутылке. Лист лег на столешницу, бутылка встала на лист.

Горлышко было законопачено на совесть. Сергей провозился три минуты, прежде чем срезал ножом пробку. Не медля, налил в стакан, доверху налил. Но пить не стал. Пододвинул лист ближе. И стал набрасывать на него группками всех своих знакомых, сослуживцев — бывших и нынешних, дальних родственников и просто примелькавшихся людей. Полчаса у него ушло на это занятие. Листа не хватило, пришлось доставать второй. Всех, виденных им сегодня, после утреннего зрелища, Сергей вычеркнул сразу. С оставшимися было труднее. Каждого надо было раздеть, повернуть спиной к себе, затылком, всмотреться — и все это мысленно. Всех лысых, плешивых и кудрявых он также повычеркивал, слишком высоких и коротышек тоже. Оставалось человек пятьдесят. Вполне могло быть и то, что Сергей кого-то забыл, пропустил. Ничего, решил он, потом вспомнятся.

Перед глазами стояла изуродованная синюшная спина, вывернутые руки, подогнутые босые ноги, запекшийся в крови затылок. Но все это могло не принадлежать ни одному из списка, а могло и многим сразу, поди разберись. Нет, неразрешимая задача стояла перед Сергеем.

Он отодвинул от себя оба листа, положил на них гильзу, обрывок с непонятными письменами, железный шип. И потянулся к стакану. Пил медленно, глоточками, смакуя давно забытый вкус ядреной гостормозухи, плодово-выгодного, в котором и не пахло плодами, зато сильно отдавало нефтью и мазутом. Ничего, Сергей и не такое пил, он не боялся. От “солнцедара” ломило скулы и глаза лезли на лоб. Но Сергей пил, прислушиваясь к собственным ощущениям, наслаждаясь реакцией организма на гнусную отраву, как наслаждается закоренелый мазохист, распарывая себе брюхо острой бритвой. Это было противоестественно, но это было — Сергей вспоминал юность, с которой распрощался, как ему казалось, лет пятнадцать назад. А юность его была угарна, хмельна, загульна, женолюбива и прекрасна. Был он

когда-то отчаянным малым, бузотером, вольнодумцем... Все прошло, уплыло вместе с годами, хотя... какие там годы — между тридцатью и сорока, разве ж это годы!

Он одолел-таки стакан, опустошил до доньшка. И долго не мог отдышаться. По мозгам ударило почти сразу, голова отяжелела, зато мысли стали более расторопными, шустрыми. Сергей придвинул к себе листы, с ходу вычеркнул еще пятерых, лишь после этого протянул руку за сыром, откусил немного и стал медленно, со вкусом жевать.

Когда на листах осталось не больше двадцати фамилий, Сергей застыл с ручкой в руке — он уже не мог с полной уверенностью вычеркнуть ни одного из претендентов на роль трупа, лежавшего у сугроба. Пришлось достать чистенький листок и перенести всех туда. Каждую фамилию Сергей расположил в отдельности, обвел квадратиком... На этом дело окончательно застопорилось.

Он протянул руку к бутылке... и удивился ее тяжести. Поднес “бомбу” к самым глазам. И чуть не выронил ее из руки — “бомба” была полна! Черная маслянистая жидкость, именуемая “солнцедаром”, плескалась аж в самом горлышке, будто бутыль только что откупорили. Вот это был номер! Похлеще тех, что откалывали подруженьки-забавницы на столе!

Рука дрогнула. И большая капля вина упала на лист, растеклась бурым дурно пахнущим пятном. Сергей лизнул пятно языком — вкус был обычный. Он чуть отхлебнул из горлышка — опять-таки все в норме: тормозуха как тормозуха, крепкая, мерзостная, вонючая. Сергей решил, будь что будет. И налил полный стакан, выглушил его одним залпом. Но бутыль при том на стол не поставил, так и держал в руке.

В голове загудело сильнее. По телу разбежался животительный огонь. Но сейчас Сергей не прислушивался к себе, он заглянул в горлышко “бомбы”. Там все было в порядке — зелье плескалось именно на том уровне, на каком и должно было плескаться при нехватке двух стаканов.

— Померещилось! — проговорил Сергей вслух. И поставил бутыль.

Список он крутил и так и этак, даже переворачивал вверх ногами. Но ничего не помогало — любой из претендентов годился на роль трупа. Оставался самый про-

стой способ — по порядку обзвонить каждого. Сергей поплелся в прихожую — телефон стоял там. Набрался терпения. Двенадцать человек отозвались сразу, их пришлось вычеркнуть. Оставшиеся восемь молчали. Круг сужался. Еще немного, и он будет у цели!

Сергей вернулся в комнату. Взялся за бутылку. Она опять была полна. Так сходят с ума, подумалось ему. И ведь не пьян, совсем не пьян — что такое два стакана, пустяки! Вспомнился нелепый сон-бред про подворотню, про длинного и карлика... Но он ни с чем не вязался, и Сергей отмахнулся от него. Нет, надо было выяснять, в чем дело! Иначе и свихнуться недолго.

— А, была не была! — почти выкрикнул он.

И налил стакан. Выпил. Еще налил. И опять выпил. Без малейшего промежутка во времени налил третий, потом четвертый. Бутылка опустела. Зато Сергея чуть не вывернуло наизнанку. Он еле сдержался.

Голова сильно кружилась, перед глазами все мелькало — так в общем-то должно было быть после шести стаканов, выглушенных практически один за другим. Но Сергея почему-то напугало это состояние. Он подумал, что отравился. Он вспомнил, что слышал где-то, будто при отравлениях бывают иногда слуховые и зрительные галлюцинации. Наверняка и с ним происходит нечто похожее, наверняка, тормозуха его выбила из колеи!

Надо было бежать в ванную, совать пальцы в рот, пить побольше воды с содой, чтоб вырвало, чтобы прочистить желудок и пищевод... Но Сергей вместо этого плюхнулся на диванчик и заскрипел зубами. Ему что-то не хотелось бороться за свою жизнь.

С кухни, из репродуктора доносилось надрывное:

— Раздайте патроны, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, надеть ордена!

Сергей зажал уши. Ему вдруг показалось, что “розданными патронами” сейчас начнут палить по нему. Он даже испугался. Но потом как-то сразу успокоился: нет, эти не будут в него стрелять, эти ребята славные, они его наоборот защитят, прикроют своими телами... хотя дела у них швах! Все в голове плыло, покачивалось, переливалось. Прошло минут пятнадцать, но Сергей не помирал. Ничто у него не болело. Его даже тошнить перестало. Ноги и руки слушались нормально. Да и все было в норме. Он даже усовестил себя — трус, тряпка, разбался с шести стакашков-то! И-эх, совсем плохой стал!

Сергей поднялся. Подошел к столу. Не прикасаясь руками, заглянул в “бомбу“. Та была полна.

— Ну что ж, чему быть, того не миновать! — заключил он опять-таки вслух с пьяненькой ухмылкой. — Нам же лучше!

И трясущейся рукой налил себе стакан. Выпил. Потом еще! Теперь в голове загудело по-настоящему, не на шутку. Сергей почувствовал, как качнулись стены, как все поплыло куда-то. Но он не дал себе расслабиться, удержался на кромке сознания.

— Ниче, щя пра-авери-им! — выдал он совсем пьяно. Икнул. Глуповато улыбнулся. Чуть не упал. Но все же удержался, оперся о столешницу. Налил еще стакан. — Где-е наша-а не про-оп-оп-оп-адала-а!

И опять выпил. Тут же развернулся лицом к дивану, приготовился рухнуть на него, ибо последний стакан был пределом, а падать все-таки лучше в мягкое. Но не упал. Наоборот, в голове стало проясняться. Сергей огляделся по сторонам. Да он совсем не был пьяным! Так, немного поддавшим, но не пьяным! Вот это дела! Выпил. И опыт удался — голова прояснилась окончательно.

Но это почему-то не обрадовало Сергея. Стоило стоять в очереди, покупать пойло с переплатой, мучиться с ним, чтоб ложиться сегодня на трезвую голову. Ну уж нет! И он налил себе еще.

Но прежде, чем поднес стакан к губам, произошло непонятное: бутыль с бесконечным “солнцедаром“ вдруг пропала со стола, а на ее месте образовалось нечто сферическое, прозрачное, переливающееся. Сергей так и застыл со стаканом в руке. То, что он видел, не могло существовать на белом свете — это было слишком фантастично для реальности! Прозрачная сфера имела столько внутренних граней, что и не сосчитать! Причем они не заслоняли одна другую, а просвечивали друг сквозь друга. И на каждой грани, на каждом уровне что-то переливалось, булькало, появлялось и исчезало — в небольшом объеме был заключен целый мир, да что там мир, сотни, тысячи миров! И Сергей видел их все сразу! Он понимал, что просто нельзя видеть столько много... Но он видел! Это было какое-то наваждение!

А когда он нагнулся над сферой, что-то мохнатое и страшное всплыло из ее глубин, раззявилось жуткой оскаленной пастью, сверкнуло серебристыми изогнутыми клыками, хищно раздуло волосатые узкие ноздри и под-

мигнуло Сергею черным бездонным глазом, в котором отражалась, наверное, вся Вселенная. Сергей отпрянул назад, ударился головой о стену, расплескал полстакана. И в тот же миг он увидел, как из сферы к нему тянется когтистая мохнатая рука. Ужас парализовал его волю. Стакан выпал. Но было поздно. Костлявая сильная пятерня сомкнулась на его горле, дернула на себя.

А через мгновение пропало все: боль, страх, пьяненькая дурь и трезвые сомнения, ощущение собственного тела, все! Лишь обдало каким-то неземным холодом, да так, будто этот холод не снаружи пришел, а изнутри.

Наваждение первое

*Есть многое на свете, друг Гораций,
что недоступно нашим мудрецам.*

В. Шекспир

Хум был уверен, что сами боги подарили ему Бледного Духа. Да, они вышвырнули его из своей Преисподней именно здесь, и неспроста. Он давно ждал подобного подарка. Еще бы! За последнее время Хум принес богам столько жертв, что должны же они были его услышать?! Вот и услышали! Всего три восхода назад Хум повесил на Священном Дубе одиннадцатую жену, предпоследнюю. Она орала, визжала, плевалась, поносила мужа на чем свет стоит. Но Хум не боялся, он знал, что боги все равно с первого раза не услышат, им наклоняешься, пока они дадут чего-то, попросишься. Но на всякий случай он заткнул рот висящей жене клоком старой медвежьей шкуры. Жена умерла перед восходом. И сразу после ее смерти боги выбросили на лужайке за пещерой Бледного Духа. Теперь Хум мог не беспокоиться. Его дочери не пропадут! Он поскреб ногтями свою исполинскую котлообразную грудь и довольно осклабился.

К Духу нужен был особый подход. Хум хотя раньше и не видал посланцев богов, но он все знал. Недаром был в племени за волхва. Настоящий-то волхв помер еще две зимы назад, наступил на колючку и помер. А приемника не оставил. Вот Хуму и пришлось почти во все самому вникать, разбираться с премудростями да пытывать понемногу из жен волхва чего они знали, о чем слыхивали от старца. Жены были глупы, но иногда вспоминали кое-что. И их счастье, иначе Хум развесил

бы всех по ветвям Священного Дуба на радость богам. Но нет, пускай поживут, пригодятся еще.

— Гум, гум, гум! Бым, бым, бым! — весело напевал Хум, прилаживая бревно над Духом.

Он всегда все делал на совесть. Постарался и сейчас. А как же! С этими богами, демонами да духами иначе никак нельзя! Это раньше, мальчишкой Хум на коленях жалобным голоском выпрашивал удачи перед растресканными идолами. Сейчас другое дело, сейчас он не станет плакать и рвать волосы на голове. Он давно понял, что действительны лишь два способа: жертвы и битье! На жертвы Хум не скупился. И бил богов-идолов от души, до самозабвенья. Он знал по опыту, что если десять восходов подряд дубасить бога-идола по голове кулаком, то он непременно прийдет на землю Хума или медведя, или несколько бычков, а если расщедрится, так и целого мамонтенка. Главное, чтоб прислал! А там уж Хум сам управится, у него целых четыре дубины — и каждая усеяна клыками диких огромных вепрей, каждой можно проломить череп взрослому мамонту! Ну, а коли чего не так, ребята из племени помогут, недаром же он за них молится неустанно, от восхода до заката!

Конец бревна Хум тесал кремнеевым скребком. Получилось неплохо — самый кончик, острие сходилось хвоинкой. Таким можно было букашку проткнуть. Хум радовался.

— Бым, бым, бым! Дум, дум, дум! Эх! Ух! Ах!

Дух ему попался совсем бледный и совсем немощный, смотреть не на что. Но Хум знал, духи обманчивы. И еще он знал — в племени уже много зим не рождалось здоровых детей, одни лишь уроды появлялись на свет и калеки. Так можно было и род погасить. Но теперь дело другое, теперь все на поправку пойдет — не зря Хум чародействовал да волхвовал, не зря извел всех почти жен.

Дух лежал на траве голый. Хум содрал с него непонятные тонкие шкуры, бросил их в костер, вокруг которого плясали его дочери и несколько парней-охотников. Им бы только плясать! Несколько раз Хум тыкал Бледного Духа под ребра и в пах, тыкал остороженько — пальцем. Но тот не приходил в себя, видно, после Преисподней на белом свете было тяжело! Хум вздыхал сочувственно, ждал, подправлял сыромятные ремни в сво-

ем сооружении, пробовал жгуты, шевелил палочкой угли в загашенном маленьком костерке. Пора бы уже!

Сергей очнулся от каких-то дурацких звуков. Кто-то совсем рядом беспрестанно бубнил, ухал, охал. Да с таким старанием, с таким чувством, будто ему за это деньги платили.

— Бум, бум, бум! Гум, гум, гум! Ух!!!

Перед тем, как открыть глаза, Сергей вспомнил костлявую лапу, душившую его, по спине пробежала дрожь. Надо же присниться таким страстям! И все же он приоткрыл глаза не сразу, побоялся, что сон окажется явью. Приоткрыл — осторожно, медленно.

Прямо над лицом висело что-то огромное непонятное. Сергей захотел отвести это непонятное рукой, но рука не послушалась его. Другая тоже. Да и ноги были словно чужими.

Он лежал на спине. Лежал на траве — острые стебельки щекотали ему шею и плечи. Руки были стянуты чем-то, прижаты к земле. Ноги тоже. И теперь ему удалось разобрать, что висело над лицом, над головой его. Захотелось закрыть глаза, не смотреть. Но что толку?! Огромное заостренное бревно чуть покачивалось в полуметре над его носом, уходило вверх и крепилось к грубым неотесанным сваям, крепилось какими-то жгутами, грубыми ремнями — Сергей не мог разобрать толком. И все было до того хлипко и ненадежно, что сердце замирало и хотелось кричать в голос.

Он дернул головой. Но колышки вбитые возле шеи с одной и другой стороны не давали возможности отвести голову из зоны действия страшного нависающего орудия смерти. Сергей был беспомощнее новорожденного младенца.

— Бум! Бум! Бум! — пробасило в самое ухо.

И перед глазами замаячила ужасающая харя. Ничего подобного Сергею не доводилось еще видеть. Харя была огромна, красна, пучеглаза и невероятно зубаста. Казалось, во рту не тридцать два зуба, а все сто тридцать два. И все же харя эта принадлежала человеку. Лохматому, бородатому, с расщепленным надвое носом и кольцом в губе, с ртом до ушей и низеньким морщинистым лбом, но человеку! Сергей застонал. Он ни черта не мог понять. Откуда в Москве взялся краснорожий волосатый

дикарь? Откуда это бревно? Почему вдруг трава, ведь на дворе зима?! И вообще — где он, что с ним?! Постепенно стало доходить, что это не дикарь с травой и бревном перенесся к нему в квартиру, а скорее наоборот. От ужасной догадки внутри все замерло. Он в плену! У кого? Где? Почему?!

— Развяжите меня! — потребовал Сергей сипло и неуверенно.

Зубов, казалось, стало еще больше, сдавленные хриплые звуки посыпались из раззявленной пасти. Дикарь отодвинулся. И Сергей смог его рассмотреть полностью. Зрелище это не принесло успокоения. Дикарь был нечеловечески здоров и больше походил на гориллу, чем на человека. Но в отличие от гориллы или любой другой обезьяны, у дикаря на груди болталась тяжеленная связка бус, составленная из камней, зубов, клыков, костей и... и желтенькой пуговицы, явной срезанной с Сергеевых джинсов. Бедра дикаря были обернуты бурой с проседью шкурой. Шкура была велика, но она не доходила и до колен верзилы, открывая кривые невероятно толстые и короткие ноги, заросшие густейшей рыжей шерстью.

— Развяжи! — повторил Сергей. И тут же понял, что не стоит просить, не поможет.

— У-у-у! — завыл дикарь на одной ноте. И принялся наколачивать в большой серый бубен, обшитый кругляшками-бусинами.

Сергей дернулся еще раз, напрягая все тело. Но ничего не вышло. Он мог лишь немного приподнимать голову — до тех пор, пока колышки не упирались в уши, не причиняли острую боль. И все! Но он разглядел, что лежит совершенно голым, что с него содрали все. И это было настолько неприятно, что если бы дали на выбор возможность или освободиться, или прикрыть наготу, Сергей наверняка выбрал бы второе.

Верзила-дикарь кончил выть и стучать. Нагнулся. И на грудь Сергею полетел маленький красненький уголек. Он упал в волосы — те зашипели, свернулись, запахло паленым. Больно обожгло кожу. Сергей вздрогнул. И при виде этого дикарь залился смехом, а потом принялся бубнить с двойным воодушевлением.

— Эй! Есть кто-нибудь! — завопил благим матом Сергей. Никто не отозвался. И он закричал еще сильнее: — Лю-юди!!! Спасите!!! Помогите!!!

Орал он долго. Пока не осип. Даже дикарь выпучил на него и без того выпученные глаза. И вдруг произнес тонюсенько и малоразборчиво:

— Зачем кричал? Твоя не кричи!

У Сергея волосы дыбом встали. Он готов был уже ко всему. Но чтобы первобытный дикарь заговорил на русском, пусть и ломанном русском, это было выше всякого понимания.

— Твоя молчи! — пригрозил дикарь. — Твоя — у-у!!! — Он выразительно показал пальцем на висящее бревно.

Потом выдернул колышек, осторожно повернул голову Сергея налево. Там в черной куче золы и пепла отдельными искорками высвечивались красные угольки. Дикарь взял один прямо пальцами, подул на него — уголек разгорелся. Потом дикарь поднес уголек к свисающему жгуту, а может, и труту, поглядел лукаво на Сергея и поджег угольком жгут — тот начал еле заметно, но неостановимо тлеть.

— Бум, бум, бум! Дум, дум,дум! — возрадовался дикарь по-своему. И ударил два раза себя в грудь пудовым кулачищем.

А до Сергея дошло, что к чему. Ему оставалось жить совсем недолго, ровно столько, сколько будет тлеть этот жгут. Потом огонек дотянется до сваи, до узлов, которыми крепится бревно... и все! Одно лишь было непонятно — к чему столь выразительное орудие убийства, ведь под него можно было бы смело класть двух мамонтов или с десятков пещерных львов. А на человека хватило бы и двадцатой доли такого ствола, такой тяжести. Но какая разница! Сергей отвернулся.

— Твоя — моя! — проговорил дикарь, указывая сначала на Сергея, потом на себя, давая понять, что хозяин тут он.

И неожиданно зычно гаркнул. Через миг из-за его плечей выглянули несколько лиц — Сергей не сразу понял, что лица эти принадлежат женщинам. Были они красны и грубы, без следов косметики. Зато в каждом носу красовалось по кольцу. Кольца были костяные, толстые, они почти полностью скрывали пухлые выступающие вперед губы. В глазах у всех пятерых светилось любопытство, смешенное с недоверием и даже боязнью.

— Бледный Дух! — многозначительно произнес дикарь-верзила. И завыл.

Женщины принялись плаксиво подвывать ему. Но дикарь их оборвал властно, наградил каждую оплеухой. И ткнул пальцем в Сергея.

Самой смелой оказалась самая маленькая. Она подошла совсем близко. Склонилась над пленником, заглянула ему в глаза. Она вся дрожала, словно разглядывала не человека, а на самом деле какого-то злобного и ужасного духа или пойманного зверя.

Сергей решил подыграть. И щелкнул зубами. Щелчок получился совсем слабым, неумелым. Но женщина кошкой отскочила от него, прижалась к верзиле.

— Палахой Дух! — произнес дикарь невнятно и плюнул себе под ноги. Потом указал на трут, на ползущий вверх огонек.

Но Сергей не понял, что именно от него требовалось. Лишь теперь до него дошло, что женщины довольно-таки привлекательны, несмотря на свою дикарскую внешность. И привлекательны не так, как бывают привлекательны горожанки, хилые и изнеженные, худосочные и отекающие, а напротив — своим пышущим здоровьем, ощутимой на глаз упругостью. Сергей еще не видывал таких полных и высоких грудей, не доводилось. Да и бедра, талии, шейки и прочие прелести были совсем неплохими! Вот ножки коротковаты... зато как плотны, манящи! В Сергее начинал просыпаться мужчина. Но он вспомнил о своей наготе. И отвернулся.

— Сапсэм палахая Дух! — прошипел дикарь раздраженно.

И подтолкнул к пленнику ту, что повыше. Женщина сделала два шага. И остановилась, промычала что-то. Верзила согласился. И через минуту женщина подбежала к Сергею с другой стороны с огромной костью, на которой трепыхался порядочный кусок мяса. Она ткнула мясом Сергею в губы.

— Пошла вон! — заорал тот истерично.

Мясо было сырым, и его чуть не вырвало, комок подкатил к горлу. Женщина бросила кость рядом с пленником. Отошла.

Огонек медленно полз вверх. Но с такой скоростью ему предстояло ползти еще не меньше часа. И Сергей опять отвернулся.

Дикарь трижды обошел его кругами, наколачивая в бубен, подывая. Потом снова напустил одну из женщин. Та уселась на Сергея верхом, положила руку на

живот, потом опустила ее ниже, погладила. Но Сергей не мог реагировать ни на что — омерзительный кусок подгнившего сырого мяса лежал возле лица. От одного запаха можно было потерять все остатки сил.

Женщина встала, подошла к верзиле. Тот отвесил ей тумака. Потом пинками прогнал всех. Нагнулся над Сергеем, погрозил ему кулаком, указал на угол. И ушел.

Сергей сделал еще одну отчаянную попытку вырваться из забытия, из кошмарного бреда. Но так как он не мог себя ущипнуть ни за нос, ни за ляжку, ни за щеку, пришлось поступить на иной манер — Сергей кусанул собственный язык с такой силой, что в глазах потемнело и на них тут же навернулись слезы. Видение не пропало! Это было просто наказание какое-то!

Хум был недоволен. Проклиная все на свете и грозя мысленно богам, которые обдурили его словно мальчишку, он направился в жертвенную пещеру, чтобы поговорить с идолами по-свойски. По дороге ему вновь пришлось обойти Гунхгу, занимавшую половину поляны. Со злости Хум плюнул в сторону Обиталища Зеленых Духов. Но плевок не долетел. Он никогда не долетал до матовой сероватой обшивки, так же как не долетали камни, палки, дубины и все прочее, брошенное в Гунхгу. С языка Хума само слово переводилось очень длинно и красочно: Огромная Круглая Гора, Спустившаяся с Рассерженных Небес и Несущая в Себе Злых Зеленых Духов Заоблачной Преисподней. Но не в длинноте и красивости дело было, а в никчемных Духах, которые со своей глубиной лишь место занимали. А на месте этом Хум давно мечтал соорудить новый жертвенник или возжечь Непотухающий Костер. Но поди, попробуй! Трижды Хум совался к Круглой Горе и трижды его отшвыривало назад с такой силой, какой у матерого мамонта не будет. В четвертый раз Хум пробовать не стал.

— Бум! Бум! Бум! — напевал он раздраженно, стараясь делать вид, будто ему все нипочем.

В пещере Хум подошел к Старому Богу. И долбанул его кулаком в лоб — да так, что пересохшее дерево закрипело, затрещало. Но Хум не успокоился. Он пару раз пнул идола, потом навесил ему с обеих сторон не меньше десятка оплеух, отшиб себе руки, разъярился



пуще прежнего. И стал вымещать недовольство на идолах второразрядных: заплевал их от оснований до голов, наградил целым градом тумачков. И снова обернулся к Старому:

— Кого подсуну-ул!!! — завопил он истерично.

Идол промолчал.

Хум совсем остервенел. Набросился на него с кулаками.

Снаружи доносились визгливые голоса его беспечных дочурок.

И когда младшая, Хуха, залилась особенно взбалмашно, терпение Хума иссякло. Он выскочил наружу, набросился на молодежь. Парни убежали сразу. И все таки Хум успел бросить в спину одному камень. Парень упал с переломленным хребтом, задержался. И Хуму сразу полегчало, будто камень этот, попавший в юнца, не рукой его собственной был брошен, а с сердца упал. Дочери испуганно взвизгнули как по команде. И восхищенными глазами уставились на папашу. Они знали, что сейчас придет черед одной из них. Но бежать не пытались, все равно не получится!

— Дуры! — проворчал Хум.

Ухватил младшую и поволок к Бледному Духу. Он тащил ее за руку и бубнил свой привычный мотив. Надо было спешить, иначе заостренное бревно лишит его единственной надежды! Хум успел позабыть, что он сам приладил бревно, сам зажег трут, он был полностью поглощен внутренним спором с тупыми и непослушными богами, которых надо бы почаще колошматить, а может, и вовсе сжечь в золу!

Хуха упиралась для виду, кривила губки, постанывала. Но по глазам ее было понятно, что она вовсе не прочь немного пообщаться с Бледным Духом, лишь бы тот не артачился и не воображал о себе слишком многого.

— Гляди у меня! — пригрозил Хум дочке. — Повешу на Дуб!

Та все понимала. Но что она могла поделать.

На этот раз Хум не стал церемониться. Он усадил младшую на Бледного Духа верхом и так надавил на ее плечи могучими руками, что Хуха вскрикнула. Но крик ее был радостным.

Обрадовался и Хум.

После того, как дикарь ушел, Сергей совсем расстроился. Какой-никакой, но все ж таки человек, живая тварь, при нем была надежда на спасение. Теперь и она пропала — огонек полз вверх по жгуту, бревно нависало жутким орудием.

— Сволочи! — в бессилии простонал Сергей. Ему совсем не хотелось помирать. Да еще помирать вот так, по-идиотски, какой-то допотопной лютой смертью.

Он не хотел смотреть на кошмарное острие. Но парализующий волю ужас был сильнее. Глаза сами возвращались к хищному жалю, не могли от него оторваться. От чудовищного напряжения замелькали в них мушки, заплясали червячки, задержались зеленые и красные полосы. Сергею казалось, что сам воздух плавится и дрожит. Он прикрывал глаза — но лишь на миг, дольше не выдерживал. И снова впивался взором в нависающее орудие.

А когда ему стало совсем нехорошо, когда свело судорогой мышцы шеи и окончательно пересохло в глотке, он вдруг увидал, что по стволу змеится, стекает вниз что-то зеленое, зыбкое. Он проморгался до слез, но зелень не исчезла.

— Изыди, дьявол! — прохрипел он, вспоминая нечто старинное, вычитанное, а может, и виденное где-то в кино. — Изыди, кому уговорю!

Зелень скопилась на острие большущей нависающей капель. В ней прорвалась дыра. А из дыры высунулся мутный глаз. Он покачивался на морщинистом толстом стебле и глядел на Сергея. Глядел изучающе, с любопытством.

— Вы ошибаетесь, — прозвучало глуховато из зелени.

Сергей не понял, откуда именно раздавался голос. Но его не смущало это, он был готов вцепиться в соломинку.

— Дьявол тут совсем не причем, хотя... — голос осекся, будто говоривший внезапно пришел в замешательство. — Дискутировать не время. Займемся делом. Как вы тут очутились?

Сергей вздохнул, хотел выругаться. Но вместо ругательства из губ вырвалось:

— Спросите чего полегче! — И тут же раздражение захлестнуло его: — Спятил! Точняк, спятил! С призраками болтать начинаю, заговариваюсь!

— Ну-ну! — прозвучало ободряюще. — Какие тут призраки, вы что?

Сверху сползла еще капля зелени, слилась с предыдущей, потом накатила третья, четвертая. И из зеленой мути и мрази вытянулись двумя свисающими до земли мочалами какие-то руки, похожие на безвольные тряпки. Одной из них задело Сергея — прямо по лицу, и он вздрогнул от холода, от омерзения. Но рука-тряпка тут же отошла. А сверху целой струей слилось с полведра зеленой жижи. Огромная капля-шар повисела немного и упала наземь. Из капли поднялось вверх существо с морщинистой головой и двумя глазами на стеблях. Было оно невысоко, расплывчато. К тому же существо все время дрожало, тряслось и обмахивалось длиннющими гибкими, но вялыми ручищами.

— Кто вы? — спросил Сергей удивленно и все еще ничему не веря.

— Да так, — отмахнулось существо, — вам не понять, чтоб было проще, можете нас считать за инопланетных пришельцев.

— Кого это вас?

Из капли, растекшейся по траве и угольям, вытянулось еще одно существо — поплотнее, но такое же омерзительное, гадкое.

— Хватит? — спросило оно скрежещуще. И зло зыркнуло на Сергея налитым красным глазом.

— Хватит! — ответил тот машинально.

И существо осело, обратно втекло в расплзшуюся каплю. Будто и не было его.

— Нас может быть и больше, — заверило первое, трясущееся. — Но не в нас дело, мы тут давно. А вот вы...

Договорить существо не успело, появился разъяренный волосатый дикарь. Сергей скосил глаз — зелени словно и не было!

— Гум, гум, гум! Бам, бам, бам! — ударило в уши.

Сергей и сообразить ничего не успел, как на него уселась голая девица. Сама-то она была достаточно деликатна. Но дикарь не оставлял ни места, ни времени для любезничаний. Он навалился на девицу сверху. И Сергей понял, чего от него хотели, он не мог сопротивляться, бороться с самой природой — разбуженное естество его откликнулось на женскую плоть. И он вскрик-

нул вместе с дикаркой — столь все неожиданно произошло.

— Бам! Бам! Бам! Дым! Дым! Дым!

Возбужденный здоровяк бегал вокруг них, сопел, чесался, колотил в бубен — и был судя по всему невероятно рад. Девушка работала усердно — так, словно во весь опор скакала на бешеном скакуне. Сердце в груди Сергея билось загнанным зверем, грозило проломить ребра-клетку и умчаться в первобытную чащобу.

А когда все кончилось и обезумевшая от счастья девушка сорвалась с него, убежала с дикими воплями, перебегающими иступленным хохотом, Сергей обмяк. И почувствовал на своей щеке слюнявые губы дикаря-здоровяка — тот от избытка чувств облобызал пленника чуть ли не с ног до головы. А потом и сам с воплями и гугуканьем убежал куда-то.

Сергей и опомниться не успел, как дикарь приволок вторую девушку, толстую и низенькую. И все повторилось. Но уже медленнее, без неистовой и горячей скачки, а размеренно и плавно.

— Гым! Гым! Гым! — заходилась волосатый здоровяк и приплясывал, подпрыгивал, бил бубном по собственной макушке.

Толстушка мячиком спрыгнула с Сергея. Но сладкая истома все еще выворачивала его тело. Невольно выгнувшись, закидывая голову назад, он вдруг замер — взгляд остановился на огоньке, ползущем по жгуту. Тот проделал ровно половину пути. Все внутри у Сергея замерло: из блаженного огня его бросило на сырой и зябкий лед. Они прикончат его, выжмут как виноградину и прикончат!

Неожиданно в правое ухо кто-тодохнул, сыро и зловонно. Сергей скосил глаз — там тряслась бесформенная зеленая жижа.

— Не сопротивляйтесь, хуже будет, — просипело из жижи. — Силы берегите, хе-хе...

Зелень исчезла, только кончики зелененьких стебельков еле покачивались возле уха. Не сопротивляться? Хуже? Сергею не совсем нравилась его роль. Но еще меньше ему нравилось висящее над ним бревно.

— Хым! Хым! Хым! — донеслось из-за кострища.

И под наблюдательным оком ликующего дикаря на Сергея взгромоздилась третья девушка, рыжая и конопатая, чем-то смахивающая на всклоченную рысь. На

этот раз дело сразу не пошло. Девиде пришлось изрядно попытеть. Но она сумела растормошить пленника. Сергей почувствовал, как зануло в паху, живот сковало ноющей противной болью — ведь ему не дали практически отдышаться, сколько же можно! Сколько их там еще!

— Твоя не ленись! — сурово проговорил дикарь. И так посмотрел на Сергея, что тому совсем плохо стало. Но дикарь не дал ему прикрыть глаз, хлопнул по щеке и указал пальцем на тлеющий жгут. — Твоя — хорошая Дух! Будет палахая — тук-тук! Понимай?!

Сергей все понимал. Но сказать уже ничего не мог. Рыжая рысь выжимала из него остатки сил и соков. Она настолько вошла во вкус и роль, что трижды ударялась лбом о бревно, отчего то принялось раскачиваться. При виде этого маятника Сергей начал слабеть. Но рыжая цепкими пальцами ухватила его за бедра, извернувшись как-то особо хищно, вжала его в себя... и Сергей ожил. Только в голове у него наступило вдруг окончательное помутнение: это было слишком — и любовные утехи силком, и бревно-маятник, и беснувшийся, ни на минуту не замолкающий дикарь... и еще две раскрашенные припухшие рожи, выглядывающие из-за плечей рыжей рыси! Неужто и они? Нет, это будет его конец, гибель!

Он застонал. И рыжая разразилась ответным стоном-воплем, она, видно, приняла издаваемые им звуки за страсть любовную. Но Сергей стонал по иной причине — на него обрушилось в виде комка воспоминаний все: и костлявая рука, вцепившаяся в его горло, и зеленая трясущаяся мразь, и кровавое пятно на ослепительно белом снегу... Все слилось, завертелось огненным фейерверком, взорвалось. А в момент взрыва он испытал острую сладостную боль, изогнулся, насколько мог и почувствовал, как с него падает рыжая, падает куда-то вбок, всхлипывая и тяжело дыша.

— Хым! Хым! Хым! — горланил дикарь.

Но он оказался умнее, чем Сергей предполагал. Когда четвертая дикарочка уже набрасывалась на жертву, он ей задал такого тумака, что та полетела в противоположную сторону, сотрясая всеми своими немалыми престеями.

Волосатый выдрал из связки на груди круглую бусину размером с грецкий орех и без тени деликатности, грязной лапицей пихнул бусину Сергею в рот. Тот по-

пробовал выплюнуть угощение, но не тут-то было! Дикарь так зажал ему челюсть, что пришлось проглотить бусину целиком, не смакуя ее на вкус. Ладонь оторвалась от губ Сергея, взмыла вверх. А в ухо прослужило:

— Надеюсь, теперь у нас появится несколько минут для непринужденной философской беседы?

Не было нужды оборачиваться — слюнул зеленый инопланетянин, его, похоже, не смущала обстановка, он был расположен к душевным беседам. Сергей заскрипел зубами. Но то, что ему пришлось услышать в следующую секунду, ошарашивало и наводило на мысль, что все это, несмотря на очевидность и реальность, все-таки самый натуральный бред!

А сказал зеленый вот что:

— Мы выяснили кой-какие обстоятельства, мнэ-э, связались с центром, запросили исходные... не хотим вас расстраивать, но вам не стоило лезть в это дело, не стоило!

— В какое? — на выдохе переспросил Сергей. — В какое дело?!

Зеленый замаялся. Но немного погодя выдал:

— В это самое! Не валяйте дурака! Самое неприятное на всем белом свете, извините за ваше, земное выражение, которое ровным счетом ничего не передает, самое неприятное — это замкнутые циклы! Прямо не знаю, как вы будете выбираться!

— Куда! Откуда? — закричал Сергей. — Чего вы хотите от меня?!

Дикарь-здоровяк подошел к нему вплотную и двинул ногой в челюсть. Он явно не видел зеленых, а может, просто не замечал их, делал вид, что не замечает.

Сергей не почувствовал боли. Наоборот, к нему возвращались силы — наверное, начинала действовать чертова бусина, чем бы она ни была на самом деле.

— Живьем выбраться из замкнутого цикла удастся очень немногим, — грустно прослужил зеленый, — единицам! Да и те... — он оборвал фразу. Сергей понял, за молчанием таилось нечто более страшное, чем заостренная дубина-бревно над его головой. Но он не собирался верить на слово всякой расползающейся и расплывающейся зеленой мрази, будь она хоть инопланетная.

И потому спросил глухо:

— Какой еще цикл?

— Обыкновенный, — спокойно ответил зеленый, —

самый обычный замкнутый цикл. На вашем языке иначе не передашь, хотя, разумеется, все значительно сложнее. Своими глупыми, непродуманными действиями вы замкнули несколько цепочек внешних структур Осевого пространства, ну и... чего теперь говорить — делишки ваши препаршивейшие! Любое нормальное существо, в каких бы пространственно-временных координатах оно ни обитало, как бы тупоумно ни было, но с вами поменяться местами — нет уж, не согласилось бы! Лучше вот эдаким волосатым дикарем, лучше бревном, что висит над вашим носом! Обрекать себя...

— Да заткнись ты! — выкрикнул Сергей. — Отпевать будешь, когда сдохну, понял?!

Зеленый умолк, обиженно засопел. А дикарь подошел ближе и еще разок двинул Сергею в челюсть ногой. Понятия о гуманизме здесь были еще те!

Сергей тихонько застонал. А зеленая гнусь, переливаясь и оставляя темные пятна на траве, поползла куда-то, скрылась из виду.

— Бым, бым, бым! — заладил свое дикарь. И ударил в бубен над самым ухом у Сергея. — Гум! Гум! Гум!

С подвываниями, криками и приплясыванием он трижды обошел пленника. Потом нагнулся, больно ущипнул за нос и снова указал корявым толстым пальцем на ползущий по жгуту огонек.

Сергей закрыл глаза — на него напала тоска, воистину — тоска смертная, от которой хоть в петлю, хоть под топор, хоть под вот эдакий колышек! Скорей бы уже!

Но похоже, его не торопились приканчивать.

— Твоя — хороший Дух! — произнес дикарь свирепо и как-то не по-людски, напомним Сергею интонациями голоса известного врачевателя Кашпировского. — Моя — хорошая шаман! Твоя и моя — Большое Камланье! Твоя и моя — кан... кым... консенсус! — последнее слово дикарь выдал лишь с третьей попытки, при том облился потом и покраснел от усердия.

У Сергея в висках заломило. Да, это бред! Конечно, бред! Это его расстроенное воображение чудит, это его свихнувшиеся мозги порождают чудовищ сна: и дикаря этого, и зеленого, и нахальных и сладострастных девиц! Но ничего — он проснется, обязательно проснется, весь этот кошмар скоро закончится, надо лишь подождать, перетерпеть... у него уже бывали с перепоя кошмарные наваждения, пускай попроще, не такие жуткие, но бы-

вали. И они всегда проходили, забывались... И этот кошмар пройдет!

— Не пройдет! — прослонило в ухо. Но уже с другой стороны. — Это не бред, уважаемый, это все правда, явь.

— Изыди-и, — обессиленно прошептал Сергей. Слезы потекли по его щекам.

— Ну, а что толку, если я изыду, по вашему выражению, а?! — грустно спросил зеленый. — Что изменится? Неужто вы думаете, что тут же проснетесь на своем диванчике в своей комнатушке?!

— Бре-е-ед!!! — вырвалось у Сергея. Откуда этот тип мог знать про диван, про комнатушку? Нет! Это все порождение его воспаленного мозга! Откуда дикарь может знать слово “консенсус”, которое и на родном-то языке звучит дико, нелепо и гнусно, откуда?!

— А оттуда же, — прослонила зеленый, обдавая Сергея такой вонью, что хоть нос зажимай. — Оттуда же, из вашего мозга. Дикарь выковыривает у вас словечко за словечком, он хоть и глуп, хоть и туп, но владеет телепатическими приемами... Ох, как ему тяжело приходится, вспотел весь, да-а, нелегко с вами общаться, милейший, нелегко, в вашей, извините за выражение, башке столько всякого мусора понабито, что... впрочем у вас будет возможность убедиться, что все происходящее — реальность! Вы угадываете желание этого волосатика?!

— Нет, — испуганно ответил Сергей.

— Хорошо вам! — заверил его зеленый и исчез.

А дикарь нагнулся над Сергеем, грубо ухватил его за нижнюю челюсть, открыл рот, запустил в него сразу несколько пальцев. Пальцы эти были невероятно грязны и солонны на вкус — Сергея начало уже выворачивать, но то, что последовало, разом переменяло реакцию его организма на поведение дикаря. Теперь и Сергей понял, что к чему. Дикарь, вцепившись пальцами в зуб верхней челюсти, принялся его медленно, но уверенно раскачивать. Он сопел, кряхтел и не обращал ни малейшего внимания на обезумевшую от боли жертву.

От такой пытки у Сергея волосы встали дыбом, глаза начали вылезать из орбит. Боль была адская. Он орал, хотел орать, но весь рот был забит этими наглыми грязными пальцами. Челюсть горела, голова раскалывалась...

— Дым! Дым! Дым! — прогремело в ухо.

И дикарь подпрыгнул вверх. Заголосил, задирая бо-

роду к небесам. Потряс в воздухах вырванным зубом-клыком. И не медля, приспособил его в связку бус — воткнул в черный смоляной шарик. Воткнул так, что зуб Сергеев торчал вверх острым корнем. Украшение, видно, очень обрадовало дикаря. Он подхватил свой бубен и пустился в пляс.

А Сергей лежал и мысленно благодарил судьбу, Бога, всех, кто был причастен к его спасению. Он остался жив! Но надолго ли?! Огонек медленно полз по жгуту. Полз и полз! И ничем его нельзя было остановить! Хоть бы ветер подул, ураганом, вихрем! Хоть бы дождь пошел! Нет, небо было ясным, солнечным. Ничто не предвещало непогоды.

Сергей проглотил скопившуюся во рту кровь. И сунул язык в дырку — она была огромна! Да, это не бред, это самая настоящая реальность, прав зеленый гад!

— Бым! Бым! Бым! Гам! Гам! Гам!

Дикарь-телепат умчался. А Сергей вдруг захохотал — в голос, не стесняясь своего безумного, истерического смеха. Он хохотал минут пять без передышку, как заведенный. Смолк внезапно, словно ему в рот вставили заглушку. Снова сунул язык в дыру — и ему показалось, что он дотянулся аж до внутреннего свода черепа где-то в районе затылка. Да-а. Сергей выдохнул. И вдруг почувствовал, что не прочь пообщаться с одной из девиц-дикарок. Желание пришло сразу, неожиданно, это было удивительно и странно. И желание это исполнилось моментально. Сергей и сам не заметил, как на нем оказалась черненькая грудастая дикарочка — казалось, она сконденсировалась из воздуха. Но тут же принялась за дело: она вобрала его плоть в себя столь искусно и страстно, что Сергей позабыл про все на свете, про нависающую смерть, про всякие там замкнутые циклы и прочую чушь!

Он наслаждался. Он плыл по волнам сладострастного мерно покачивающегося моря, и море захлестывало его, затягивало в свои изнуряющие дивные пучины, заставляло подчиняться своим отливам и приливам, набегающим особенно жгучим девятым валам. Это была сказка! А под самый конец девица умудрилась проскользнуть под острием бревна и припала к его груди своими тугими тяжелыми грудями-шарами, придавила к земле, впилась губами в губы. При этом она так сдавила его бедра ногами, что Сергей застонал — чувство наслаждения

было столь остро и мучительно-прекрасно, что ему показалось, будто огромное острое бревно сорвалось и пронзило его тело. Черненькая застонала вместе с ним, и их стоны слились.

Чуть позже в этот совместный звук влился восторженный вопль дикаря. Он прозвучал извне, словно бы из совсем другого мира. И вернул Сергея к реальности.

Черненькая медленно и томно отползла в сторонку. Огонек подбирался к хлипкому узлу на самом верху сооружения. Сколько ему еще ползти — минуту, три? Сергей видел, что дикарь-телепат совершенно позабыл про бревно, про трут, про огонек. И он стал мысленно призывать его: “Ну взгляни наверх, чертова рожа! Ведь утратишь же! Ну-у?!”

Дикарь был увлечен ритуальной пляской. А на Сергея уже взгромождалась следующая девица, маленькая и худенькая, с разлетающимися по сторонам грудями и испуганным взором. Она пристраивалась как-то неумело, осторожно, словно боялась поверженного Духа. Тело ее трепетало, руки подрагивали...И все это до того распалило Сергея, что он чуть не выдрал колышки из земли.

Когда они слились, на лице дикарки появилась гримаса боли, а сама она дернулась вверх, пытаясь приподняться над ним. Не получилось! Тяжелая рука волосатого придавила худенькую к Сергею. И тот сам, несмотря на неудобное положение, на боль в пояснице, принялся раскачивать почти бестелесую, невесомую всадницу — только колыхались в такт его движениям ее полные разбегающиеся груди.

Дикарь хохотал, бил в бубен. Сергей изнемогал, но не желал прекращать изнурительной любовной скачки, вожделение захлестнуло его. Захлестнуло настолько, что когда по телу пробежала обжигающая волна, он рванулся, выдрал из земли колышки, проскользнул под бревном, уперся ладонями в колышущиеся груди, свел их, сдавил, опрокинул худенькую, навалился на нее всем телом, впился губами в нежное тоненькое горло... и совсем потерял разум!

Он даже не заметил, как сорвалось с креплений исполинское бревно, как оно с шумом вонзилось в землю, качнулось и застыло. Только почва содрогнулась, загудела. Но Сергей и этого не заметил, потому что его самого трясло, било, выламывало.

Прочухался он, когда внезапно взлетел в воздух.

Взлетел вверх ногами, соскользнув с худенькой дикарки и ударившись головой о бревно. Лишь позже он понял, что произошло — огромный и бесноватый шаман, ухватившись одной рукой за обе щиколотки, поднял его как какого-нибудь зайчонка, суслика! Поднял, да и держал так!

— Бым, бым, бым! Дум, дум, дум!!! — вопил он на всю округу. А у Сергея над головой покачивалась зеленая непонятная травянистая земля. И торчало в этой земле совершенно безвредное и нисколько не страшное бревно, торчало, как торчит из земли самый заурядный кол или же столб.

Хум потряс Бледным Духом, вздевая его еще выше. Издал победный клич. Нет, не зря он развешивал жен по Священному Дубу, не зря! Не понапрасну колошматил тупых и упрямых богов! Теперь у его дочерей будут сыновья, да не простые, а оттуда принесенные, из Преисподней! Теперь никто не сможет оспорить его права волхва! Никто не позарится на наследство старого шамана!

— А-а-а-ууууу!!! — взвыл он от избытка чувств.

И пошел к лесной хижине, волоча Духа за ноги. Дорога была неровная, усеянная камнями, ветками, сучьями, корнями, торчавшими из-под земли. И потому Бледный Дух все время кричал, ругался, стонал. Но Хум не верил Духу, он вообще не верил, что эти духи могут испытывать все то же самое, что и обычные люди, нет, притворяется, вывернуться хочет, ускользнуть в свою Преисподнюю! Но только мудрого и тертого Хума не проведешь! Его не обдуришь как мальчишку!

Теперь для закрепления успеха оставалось одно — запереть хитрого Духа в хижине вместе с дочерьми, запереть на десять, а то и двадцать лун. И тогда уж они сами возьмут из него все, что нужно. Ох и хитер же Бледный Дух, хитер! Но и Хум не дурак!

Хижина была просторной. На полу валялись связки плодов и охапки длинных и широких, ободранных с облезлого дерева листьев. В такой хижине можно жить и любить. Хум привязал Духа к большому столбу. Выкопал из тайника в углу кусок сушеного мяса, сунул его в рот Духу — кто знает, может, и духов надо подкармливать на всякий случай?! Хум не хотел рисковать. Тем

более, что Дух был хлипким и на самом деле уж каким-то чересчур бледным.

Дочери пришли сами. И глаза у них при виде привязанного Духа разгорались. Хум мог гордиться девчонками — такие своего не упустят!

И все же он их выгнал пинками наружу. Потом сходил за тыквенным жбаном, в котором хранил настойку кореньев любви. Жбан отнес в хижину. Дух был на вид слабеньким, не внушал он доверия Хуму. Вся надежда была на коренья, недаром же сам Хум их выкапывал три полнолуния кряду в Чертовом лесу, что за три восхода ходьбы отсюда.

Сергею надо было бы радоваться, что избежал лютой и дурацкой смерти. Но он не радовался. И был прав. То, что его ожидало, могло превратиться в смерть еще более лютую. Уж лучше бы его проткнуло насквозь!

До захода солнца его не трогали. А потом началось... Все смешалось, все спуталось, это был какой-то сладостно-кошмарный ад! В темноте было трудно сосчитать девиц, Сергею казалось, что их не пять, а десять, сто, тысяча! Весь мир состоял из их блестящих во мраке глаз, из их горячих животов, грудей, бедер, ног, рук, влажных губ... Они поили его какой-то дрянью, вонючей и горькой, и набрасывались снова, терзали, мяли, высасывали, мучили ласками и были дьявольски ненасытны.

Его оставили в покое лишь с восходом солнца, когда слабенькие лучи стали пробиваться меж плохо подогнанных друг к другу жердей. Девы ушли усталые и довольные, почти уползли.

А вместе с одним из лучиков в хижину пробрался зеленый гнусавец. Он прополз под пологом, закрывавшем входную дыру, прополз зеленой мерзкой жижиистой лужицей. Сергей не видал прежде живых луж. Но теперь его ничто не удивляло. И когда из гнуса и мрази высунулся на стебле мутный глаз, он лишь вздохнул тяжело и отвернулся.

— Я вам не помешаю? — поинтересовался зеленый.

Сергей скривился.

— Они вам наверное доставили некоторое беспокойство? — не дождавшись ответа, спросил зеленый.

— Это вы верно выразились, — проворчал Сергей, — именно — некоторое. Чего надо?

— Нам всегда нужно лишь одно. Мы собираем информацию о разных мирах и их представителях, вот и все! Зря вы сердитесь, наш интерес к вам чисто научный!

Сергея передернуло. Он и так чувствовал себя не в своей тарелке, а теперь предстояло еще выступать в роли подопытного кролика. Ну, мерзавцы, ну негодяи!

От нахлынувшего раздражения перед глазами его замелькало что-то непонятное, набежали видения, сумбурные и бестолковые, как бы наслаивающиеся на явь, высветились чьи-то рожи, хари, лапы, когти, зубы... И среди них выделилось вдруг и застыло на мгновение противное какое-то лицо с крохотным пенсне на носу, узкими усиками и бородкой клинышком, с выпученными черными глазками и змеящейся улыбкой. Глазки сверкнули на Сергея... и все пропало, будто и не было.

— Уф-ф! — тяжело выдохнул он.

— Не волнуйтесь, — прогнусавил зеленый, — обычный обратный всплеск плюс интерференционные процессы.

— Понятно, — сказал Сергей, хотя он ни черта не понял. — Вы вот что — раз уж такой умник, так говорите, как выбраться отсюда! А с процессами потом разберемся. Не хрена тут теоретизировать!

Зеленый полностью вытянулся из своей клейкой лужицы, задрожал, затрясся. Длиннющий холодный палец уперся в живот Сергея. И тому стало сначала зябко, потом и его затрясло будто в ознобе, так, словно ударил мороз, руки и ноги совсем заоченели. Но Сергей не понимал, что же происходит, не мог связать одного с другим, ему показалось, что все это последствия пылких и страстных утех.

Зеленый убрал палец. И сказал скушным голосом:

— Я могу вытянуть из вас всю энергию, ясно? — Он помедлил, вздохнул. — Но я не стану этого делать... пока не стану. Вы понимаете?

— Плевать я хотел на вас на всех! — ответил Сергей.

Зеленый не рассердился, наоборот, обрадовался.

— Это прекрасно, — заявил он, приблизившись вплотную, — просто прекрасно, что вы усекли основное — нас много! Очень много! А вот вы, уважаемый, один. И все ваши так далеко отсюда, что и представить невозможно! Да и какие они ваши, сброд какой-то!

— Но-но! — возмущился Сергей. Ему стало обидно за землян. — Без оскорблений!

— Пардон! — самым пошлым образом извинился зеленый. — Но это все так.

— Откуда вам знать! Вы со мной-то повстречались всего полдня назад!

— Вы запомнили, милейший, я ведь не просто болтал с вами, я вас изучал. И теперь все мы знаем о вас гораздо больше, чем вы сами, ясно?! Подпространственная корпускула, в которой заключено биоэнергетическое поле земной цивилизацией, располагается в такой глухомани, почтенный, что может заинтересовать лишь узких специалистов, да и то навряд ли. Это ж уму не представимо — какая глушь, какая дичь! Вы меня простите, я стараюсь подбирать выражения помягче. Другие бы с вами и разговаривать не стали, о чем можно говорить с засохшей былинкой, которую ветром гонит через пустыню, а?

— Ладно уж, так и былинки?! — вяло возмущился Сергей. У него разболелась десна, та самая, из которой дикарь вырвал клык, и где сейчас была такая дырища, куда можно весь язык запихнуть. Боль была слабенькой, ноющей, очень неприятной. Но приходилось сдерживать себя во всех отношениях. И потому он пролебезил полалайски: — Ладно, вам виднее, может, и былинки, может, и глухомань. Но посочувствуйте былинке, проявите милосердие, хоть намекните — куда бежать, как выбираться?!

— Вы все же изрядно тупы! — прогундосил зеленый, выпаливая мутные глазища на Сергея. — Уже давно пора было сообразить, что убежать вы можете в любую минуту! Но смысл?! Какой во всем этом смысл, милейший, если вы уже самым роком обречены на замкнутый цикл?! Или я до этого неясно выражался?

— Яснее некуда! — согласился Сергей. Ему все опротивело. И он захотел спать.

Но в этот миг полог приподнялся, и в хижину вползла черненькая, грудастая дикарочка. Она обожгла пленника таким неистово-вожделенным взглядом, что тот чуть было чувств не лишился. Растопырив руки, выставив вперед груди словно стволы боевых орудий, она медленно пошла на Сергея. Дыхание ее было тяжело и страстно.

Но мрак хижины сыграл злую шутку. Дикарка на-

толкнулась на зеленого, заключила его в свои объятия — по-первобытному цепко и хватко, с любовной жадностью, даже с алчностью... Всего секунды ей хватило, чтобы разобраться, что к чему. А зеленому той же секунды хватило, чтобы влиться в лужу и мгновенно вытечь через щель из хижины. Но через эту секунду мрак распорол такой дикий вопль, будто черненькую дикарочку принялся насиловать саблезубый тигр! У Сергея сразу же заложило уши. От страха и неожиданности он зажмурился.

А когда осторожно приоткрыл глаза, в хижине никого не было. Он облегченно вздохнул. Случайность спасла его. Надолго ли?

Перебарывая сон, он заставил себя сосредоточиться. Ведь надо же разобраться, понять — где он, что с ним?! Иначе нельзя, иначе с ума можно спятить! Измерения какие-то, биозерна, корпускулы... Непонятно. Но ладно, допустим, он в ином измерении, допустим! Или в прошлом? Нет! Никаких дикарей-телепатов в земном прошлом не было, чушь это! Там было все по-другому! На какой-то иной планете? Тоже нет! Когда он мог перенестись? И на какое расстояние? Нет, это все следует отместить! Он в другом измерении, где-то совсем неподалеку от своей земной квартирки, совсем рядом — в обычном пространственном понимании. Это уже ближе! А в другом измерении могут быть и первобытные дикари, и инопланетяне, и прочая дрянь! Вроде бы сходится. У Сергея голова разламывалась и ныл зуб. Не мог он сосредоточиться, и все тут! А почему собственно — не на другой планете?! Откуда такая уверенность?! Да и в прошлом могло быть всякое, наверняка Землю посещали инопланетяне, а как же?! И дикари разные бывали, это ж от природы, наверное, а может, и какое-то тайное позабытое с веками знание. Все может быть! Вари, башка, соображай! Отметай лишнее, ненужное... этот, как его, дедуктивный метод, тот самый, шерлокхолмсовский! Ну! Сергей сразу отмел предположение, что все это похмельный бред или кошмарный сон — у него была возможность убедиться в реальности происходящего. Больше он испытывать себя на прочность не желал. Хватит! Но другого отместить и отбросить с уверенностью он не мог. Дело застопоривалось. И выхода, лазеечки не было видно.

Ко всем неприятностям прибавилась тянущая, сосу-

щая боль в паху и животе — измученные, исстрадавшиеся железы давали знать о себе, напоминали, что им нужна передышка, что всему мера должна быть. Ах, если бы меру устанавливал сам Сергей! При одной лишь мысли о дикарочках он вздрагивал, ухайдакают его любвеобильные дивы! Бежать, только бежать! Иного выхода нет... Что-то такое говорил зеленый, надо вспомнить... Сергей напрягся. Ага, тот говорил, что убежать он сможет в любую минуту? Враки! Каким образом?! Все наврал, гнида зеленая! Если б мог смотать удочки, так еще бы из-под бревнышка деру дал, а как же! Нет, хватит, надо спокойнее! Сергей набрал побольше воздуха в грудь, затаил дыхание.

И явился его мысленному взору белый сугроб с кровавым пятном поверху. И от оцепенения свело скулы. И дошло до него, что начало там.

— Не-ет! — завопил он. — Не на-адо-о!!!

Приоткрылся полог, и в хижину ударил дневной свет. Но Сергей не увидел его, какая-то нечеловеческая, сверхъестественная сила выдрала его из пут, отбросила к сырому проваливающемуся настилу крыши, а потом ударила оземь.

Но не земля, не трава, не сено, не охапки листьев приняли безвольное тело, нет, он упал в липкую ледяную грязь. Упал и тут же вскочил на ноги. В крошечной тьме ничего нельзя было разобрать, лишь мелькали желтые огоньки, висели в небе какие-то дурацкие нити, горел где-то вдали тусклый и опять-таки желтый прямоугольник.

Сергей бежал сломя голову, не разбирая дороги, не соображая, куда бежит. Его вели инстинкты — темные, непонятные, оберегающие тело своей властью, без помощи разума. И только когда Сергей в безумном беге ворвался в подворотню, ударился голым плечем о кирпичную стену, он понял: желтый прямоугольник — это окошко полуночника, огоньки — далекие фонари, а нити — троллейбусные провода. И сам он — возле собственного дома.

Он рванул еще сильнее. Вбежал вверх по лестнице, грудью, руками, головой ударил в дверь... та поддалась, она не была запертой. И он упал в прихожей. Упал, сотрясаясь, заходясь в рыданиях, смешанных с полубезумным смехом, всхлипами, судорожными аханьями, накатившей нервической икотой. Он был грязен, гол, мокр.

На полу, прямо под ним растекалось сырое темное пятно. Но он был дома. Он был спасен!

Минут сорок он лежал в прихожей, приходил в себя. Потом запер дверь, побрел в ванную, включил горячий душ. Тело отошло почти сразу, через несколько секунд после того, как его коснулись упругие струи. Сергей стоял под душем, ковырялся языком в дыре и заклинал сам себя: “Бред! Бред!! Бред!!!”

Еще через полчаса он устал. Горячая вода размягчила тело, лишила его гибкости, способности к сопротивлению. Сергей не выключал душ. Он лишь сделал его немного попрохладнее. И уселся на дно ванной.

Пора было выходить. Но Сергей не мог себя заставить сделать самого простого движения — протянуть руку, повернуть кран. Ему было страшно. Все могло пригодиться, померещиться. Все! Спьяну он вполне мог обратиться на улицу голым, может, он вышел нормально, одетым, а там добавил, раздавил еще пузырек, а то и два — и его понесло, понесло, потом его раздели, ограбили, бросили в снег, в грязь... И зуб выбили! Или он сам его выбил, упал — и выбил! Сергей опять засунул язык в дыру. Нет, так не выбьешь! Так просто нельзя выбить, чтоб с корнями, чтоб... Сумашествие какое-то! Хотя почему бы и нет? Всякое бывает. Вот с ним и случилось эдакое, что и не объяснить. Чему удивляться-то?! Да после этого напитка самоубийц, после наркотически-отравляющего “солнцедара” всего ждать можно было! А ведь он высосал целую бутыль... Эх! Вот эта бутыль и пугала Сергея, воспоминание о ней удерживало его в ванной, не давая выйти. Выйдешь — а она там, на столе. И сфера! И все прочее!

Сергей крутанул кран. Встал. Перешагнул через край ванны. Набросил на себя махровый вытертый халат, до толе тряпкой болтавшийся на вешалке. Прикрыл дверь.

Бутыль стояла на столе.

А где ж ей еще стоять, подумалось Сергею, только здесь! Смелее! Он сделал шаг вперед, потом еще. Приподнял посудину. Он не хотел верить в происходящее, разум не желал признавать нереального, бредового. Зато рука его словно почувствовала тяжесть посуды и потому не дрогнула даже, подняла ее — бутыль была полна!

Сергей замер. Его мышцы напряглись настолько, что

казалось вот-вот затрещат, захрустят кости. Оцепенение кончилось вспышкой ярости.

— Мать вашу... — заорал он истошно, — чтоб вам всем... Вон! Вон!! Сгиньте!!!

Рука с такой силой швырнула бутыль в окно, что та пушечным ядром пробил двойные стекла, оставляя в них рваный неровный след, и канула во мрак ночи.

Сергей бросился на пол и принялся колотить кулаками по паркету. Он бился в истерике, рвал на себе халат, в кровь разбил нос. Он не мог заставить себя поверить, что это правда, он не хотел верить!

— Вы напрасно это, — раздалось из-под потолка гнусавым голосом зеленого. — Бесполезная затея, милейший. Учтите простую вещь, это же и ребенок должен понимать, вы вступили в связь с таким миром, почтенный, которому нет дела до ваших нервов. Впрочем, как знаете!

Сергей поглядел на потолок. Там никого не было. Он встал. В целехоньких оконных стеклах отражался свет люстры да и она сама. Бутыль стояла на столе. Полная, нераспечатанная.

— Ну и хрен с вами! — пробормотал он невнятно. Повалился на диван. И тут же заснул.

Ему ничего не снилось в эту ночь. Его просто бросило в черный провал сна, а потом подняло наверх. Ничего в промежутке не было. Открыв глаза, Сергей увидал, что уже светло. Мелькнула мыслишка — опять опоздал на работу. Ничего, не привыкать.

Он еле поднялся. Умылся кое-как. Выпил припасенную еще третьего дня бутылку кефира. Есть не хотелось. Он все помнил. Но прежних страхов почему-то не было. Была лишь разбитость, боль в десне, боль в животе, боль в паху и тоска.

Ноги дрожали и голова кружилась. Но он выбрался из дому. Прошел через несколько дворов, к дальним помойкам, тем, что располагались возле пустырей. Вытащил из сумки бутыль. И без раздумий шархнул ее об асфальт — черная мерзость расползлась мазутным пятном, прожгла легкий ледок. Осколки рассыпались. Но Сергей для надежности разворошил их носком ботинка, самые крупные расшвырял.

— Во-о! С утрава глушут до беспамяти! — проворча-

ло сзади старушечьим голосом. — Ироды проклятушие! Сталина на вас нету!

Сергей хотел было напомнить бабке, что именно Сталин-то и отменил сухой закон в России, что ежели и “глушат”, так с его легкой руки... но все было бесполезно, наверняка у бабки в голове свой мир, свои порядки, своя история — и не переделать их, нет.

Он подхватил снежку в пригоршню, протер виски. Полегчало.

Надо было идти на работу.

Стая растрепанных, явно кем-то вспугнутых ворон пронеслась над головой с оглушительным истошным карканьем. Улетела. Но тут же вернулась, словно ее и с другой стороны шуганули. Сергей взмахнул рукой — и чуть не сшиб на лету ближнюю. Поднялся дикий галдеж. Вся эта черная пернатая туча разом бросилась к земле. Сергей дернулся, поднял руки. Но его испуг был напрасным. Воронье пало на мазутно-солнцедарную лужу, принялось долбать клювами по асфальту — да так, что сотня отбойных молотков могла бы позавидовать им. Сергей отпрянул к мусорному баку, присел на корточки. Ему было плохо. Его начало выворачивать — измученный желудок изверг все, проглоченное за последние сутки: и тормозуху, и кефир, и все наспех умятые булочки да бутерброды, точнее, то, что от них осталось. Потом пошла зелено-желтая желчь, противная, гнусная, напоминавшая о живой, самодвижущейся лужице. А вороны, пробив слой асфальта своими клювами, ринулись в образовавшуюся воронку, пропали в ней — лишь эхо доносило приглушенное злобное карканье. Из провала пошел пар.

— Опять авария, едрит их! — проворчала любопытная старушка. — Трубу прорвало!

Сергей проморгался, утер выступившие слезы. Да, это просто прорвало трубу. Он взглянул вверх — в сером безнадежно-мрачном небе кружилась черная стая, никуда она не проваливалась, обычное голодное воронье, перепутавшее в Москве все времена года, озверевшее, окончательно повыбившее из столицы и пригородов прочую пернатую живность, сожравшее всех голубей и воробьев, добывающее бродячих кошек и собак, приглядывающееся к двуногим. Сергей знал, что расплодившиеся и обнаглевшие твари обожрали до костей десятка с три забулдыг, валявшихся в полном бесчувствии, забили

трех или четырех старушек “божьих одуванчиков” и утащили не меньше дюжины грудничков прямо из колясок — обо всем этом писали газеты. Но управы на воронье не было — видно, пришло его время, видно, на смену одним обитателям городов приходили другие, более приспособленные, жестокие. И это был естественный отбор, в котором выживали сильные, со слабыми не церемонились.

Старушка стояла и грозила воронью сучковатой палкой, она была готова защищать себя. В ее сухоньком, измочаленном жизнью тельце было столько напора и яростных первобытных сил, столько уверенности в своем праве на жизнь, что Сергею стало стыдно. Он приподнялся, отряхнулся, снова протер снегом виски. Нет, он еще повоюет! Ранехонько он себя хоронить собрался! Он всем им покажет, сучарам поганым, тварям подлым, кем бы они ни были на самом деле, хоть инопланетными исследователями, хоть хмырями подзаборными, хоть самими дьяволами с сатаной! Они еще поспорят, поборются! Сергей резко развернулся и твердым уверенным шагом, преодолевая наваливающуюся слабость, пошел к троллейбусной остановке. Старушка повернула к нему голову, молча кивнула. И перекрестила его в спину.

Еще на подходах к остановке Сергей увидел хвост огромной километровой очереди. Полубопытствовал. Ему ответила женщина в сером пальто и сером платке, из-под которого торчал неснятый кругляш бигудей.

— Да чего, — проговорила она с готовностью, — в гастроном с ночи соль привезли да спички, вот народишко-то и собралось. Становись, молодой человек, а то пока будешь расспрашивать да кругами ходить, все расхватают. Тут не зевай!

— Спасибо, — ответил Сергей, не глядя.

У него был запас и соли, и спичек, и прочей необходимой мелочи житейской. Но если даже и не было бы ничего в закромах, он стоять бы не стал, пропади все пропадом! обойдется он без соли, и без спичек! А на худой конец, уж если позарез потребуются, скажем, спички, ежели уж дойдет до того, что хоть обливай себя бензином да жги живьем — огонек всегда отыщется, доброжелатели бесплатно поднесут, только свистни! Впрочем, с бензином еще хуже, тут лучше рассчитывать или на солярку, или на ту же солнцедаровскую тормозуху. Ничего, была бы шея, а петля отыщется! С такими

мрачными мыслями Сергей добрел до остановки. Полчас прождал.

На работу пришел к обеду. Сел писать объяснительную, а заодно и заявление на три дня за свой счет.

Начальник подписал и то, и другое.

— Иди, гуляй! — сказал он и подмигнул, явно намекая на что-то.

Намек был прозрачен. Сергей знал, что сам начальник был предусмотрительнее его, опытнее и рассчетливей — он всегда за день до начинающегося запоя брал отпуск на недельку, а то и две. Потом месяц держался. И по-новой! Все привыкли к этой цикличности, многие под нее подлаживались, подгоняли и свои делишки. Все прекрасно понимали, чем они занимаются, а потому и взаимных претензий не было — работенка бестолковая, ненужная, денег за нее не платят: зарплата “деревянными” — разве ж это деньги! На том и стояли. Как стояла на том и вся окружающая их страна: ты мне шиш под нос, а я тебе — два! В результате в стране кроме шишей ни черта не было, что оставалось до поры до времени, повывезли расторопные купцы с заморскими паспортами да их местные помощники, так же переменившие место жительства. В стране оставались неудачники, горемыки, алкаши... и те, кто еще надеялся что-то урвать, оттяпать свой кусок из разлагающегося трупа. Переводились сюда со всего мира хмпредприятия и прочая нетерпимая в цивилизованном обществе промышленность, везли изо всех уголков планеты радиоактивные отходы, списанные баки с бактериологическим оружием, зараженную землю и другую гадость. Население вздыхало, морщилось, разводило руками. Но оно все понимало — больше ведь девать эту гадость некуда, там ведь “цивилизованный мир”, а тут... тут терпеть надо и каяться, да так, чтоб всеобщее покаяние, чтоб всем до единого ниц пасть, беря на себя грехи человечества и его выроdkов. Кто знает, может, именно в этом и была великая сермяжная правда? Может, и впрямь, надо было принести в жертву один народ, чтоб другим лучше жилось? Отдать на закланье обреченный люд, во искупление грехов всего земного сообщества? Как две тысячи лет назад распяли одного за всех, так и ныне надо медленно распять, предать мучительной лютой смерти уже многих, так, видно?! Сергей не знал, так или не так. Он знал другое — все это осуществлялось на практике, а значит, был в

этом некий печальный и страшный смысл. Лишь об одном он иногда смутно, урывками думал — будет ли принята эта жертва, даст ли плоды она? Или же канет в пропасть безвременья и безвестности еще один великий народ, униженный, обобранный, изничтоженный, почти сведенный на нет? А если канет просто так, зачем это заклатие, зачем жертва? Неужто он так мешает всем прочим народам, что его надо непременно извести под корень? Видно, мешает... Иначе бы помогли, хоть как-то помогли бы, по крайней мере, не бросали бы в утопающего камнями, не пинали бы пытающегося подняться. Впрочем, им виднее, да, им виднее... Сергей не собирался додумывать своих дум, ну их в задницу! Ему отгулы нужны, отпуск, а все остальное — гори синим пламенем! Он не брал на себя роль пожарника, нет, не брал! Ему бы самому уцелеть в этом адском огне, продержаться бы хоть немного!

Они зашли с начальничком за дверь огромного еще дореволюционного шкафа-секретера, распахнули дверцу, чтоб любопытные не подсматривали, коли в кабинет ворвутся. И тяпнули по стаканчику “стрелецкой“. Начальничек крикнул, тут же содрал с Сергея за угощение два рубля. На том и распрощались.

“Стрелецкая“ подогрела его. На выходе, в коридоре Сергей присел на подоконник, вытащил из брючного кармана мятый список. Разгладил бумажку на колене. Восемь квадратиков, восемь фамилий. Нет, он доберется до донышка! Он все узнает!

Мимо прошел Дима Шебуршин, прошел своей разлапистой уродской походочкой, не замечая Сергея.

— Стой! — крикнул тот.

— Чего надо? — поинтересовался Дима.

— Ты живой? — глуповато спросил Сергей.

— А ты? — Дима покрутил пальцем у виска и ушел.

Сергей мысленно выругался. И вычеркнул еще одну фамилию из списка. Все, здесь ловить больше нечего, все остальные не из родимой конторы! Сергей сунул язык в дыру — десна затягивалась, рана заживала. Да и в паху уже не тянуло и не давило. Он понемногу оживал. Перед глазами стояла несгибаемая старушка, готовая воевать хоть со всем вороньем на белом свете, стояла черным выморенным временем древком, и ее черные одежды развевались по ветру черным, прошедшим сквозь огни и воды, через бои и сражения знаменем.

Может, зная это и было когда красивым, цветастым, как российский трехцветный флаг, например, а может, оно было просто белым, чистым, незапятнанным, но пройдя через всю эту кровь и боль, оно стало черным, ибо не могло уже впитывать в себя иных красок... Сергей мотнул головой. Сунул список в карман. Вышел.

В соседнем здании, желтом и облупленном, четыре верхних этажа занимал дом-интернат для детей-сирот с отклонениями в развитии. Детей этих на улицу не выпускали. И никто их никогда не видал. Лишь иногда редкие прохожие или старожилы останавливались, услышав дикие визги, вопли. Кто-то принимал здание за живодерню и равнодушно отворачивался, проходил мимо, кто-то думал, что это резвятся кошки. Табличка была затертой, наполовину сбитой. Висела она на уровне второго этажа, потому что в первом располагалась столовая-распивочная под огромной светящейся вывеской. Жратвы в столовке давным-давно не было, только бормотуха. Зато народу — не протолкаться!

Сергей туда и завернул. Надо было залакировать “стрелецкую“. Он знал, что в распивочной приторговывают самогоном, настоящим на табаке и курином помете, но сам никогда не пробовал этого пойла, опасался.

— Подай, Христа ради! — потребовал у него хриплым баском милостыни ханыга, сидевший у входа. И протянул синюю ладонь. — Подай, кому говорю, жлоб поганый!

Сергей прошел мимо. Остальные нищие-алкаши лишь жалостливыми взглядами проводили счастливчика, идущего в кумирню Диониса. Подавали плохо. Но все равно — к вечеру все попрошайки обычно бывали пьяны в стельку. Ночевали они тут же. У одного на глазу была кровавая повязка — то ли дружки подсобили, то ли воронье выклевало, дело житейское.

Бормотуху разливали в поллитровые пивные кружки. Стоять в длиннющей, вьющейся бесконечной спиралью очереди Сергею не хотелось. И он перекупил полную кружку у ханыги, перекупил за двойную цену. Тот вздохнул, спрятал денежки за пазуху и встал в очередь. Ему некуда было спешить.

А Сергей спешил. Он в два присеста опустошил кружку. И выбрался на свежий воздух. Набрал полную грудь, не замечая ни дыма, ни прочих растворенных в

аере прелестей. Одноглазый дернул его за штанину. Прорычал:

— Подай, ядрена энтилигенция! Не то укушу!

Он разинул пасть, из которой торчали три гнилых черных зуба. Сергей подумал, что и впрямь укусит, это было бы несказанно мерзостно. И бросил попрошайкам полтинник. Пока те дрались из-за монеты, он ушел, сопровождаемый дикими воплями с третьего этажа: то ли там одно из дитятей-сирот просилось на горшок, то ли до него добрались врачеватели-вивисекторы.

Силы восстанавливались. Хоть дрянная была бормотень, но какие-никакие калории и в ней содержались. Сергей проехал три остановки. Остальной путь до сугроба проделал пешком.

Он почти не узнал того места. Сугроб осел, посерел. Пятно на нем скукожилось, превратилось в черную маленькую ямку. Может, это и не то пятно было вовсе, а совсем другое.

Сергей нагнулся над ним, втянул воздух ноздрями, грудью. Запахов не было. Тогда он присел у подножия, начал ковырять слежавшийся снег рукой.

— Ваши документы! — слышалось из-за спины.

Сергей оглянулся. Над ним возвышался тот самый, вчерашний сержант. Узкие глазки на свету выглядели и вовсе щелочками, золотая фикса посверкивала в уголке приоткрытого рта. В руке у сержанта была черная резиновая дубина, он ей выразительно покачивал.

— Что, уши заложило?!

Сергей полез в карман за паспортом. В последние полгода был введен строжайший паспортный режим — за появление на улице без документов полагалось от полутора до пяти лет исправительных работ. Кроме того, без паспорта не отпускали ни одного вида товаров, кроме, разумеется, спиртных напитков. И потому Сергей приспособил под паспорт бумажник с молнией. Сам бумажник крепился цепочкой к пиджаку, не потеряешь!

Сержант долго разглядывал документ, брезгливо удерживая его кончиками коротких мясистых пальцев. Казалось, в мозгу его идет титанический мыслительный процесс, что он решает: отпустить ли опасного рецидивиста, поверив в него, или же упечь-таки для надежности в лагерь. Сержант решил, что пока можно отпустить. Он вернул паспорт Сергею. И сказал недовольно:

— Я бы вам посоветовал подумать о прописочке!

— Это как? — не понял Сергей.

— А так, что можно ее лишиться, вот как! — с ехидной улыбкой пояснил сержант. И фикса его сверкнула как-то особо ярко.

— Я человек законопослушный, — заверил Сергей.

— Ну-ну, — равнодушно промычал сержант, отвернулся и пошел к остановке, покачивая своей дубиной.

— Эй, убийцу-то разыскали, нет?! — крикнул вслед Сергей.

Сержант обернулся. В глазах его, неожиданно расширившихся и приобретающих уже знакомую злобность потревоженной рыси, было столько всего, что Сергей решил — пора уносить ноги!

И все-таки он задержался у облупленной стены дома. Прямо на прогалинке, в подмерзшей грязи лежала гильза — точно такая же гильза, какую он подобрал вчера. Сергей быстро нагнулся и поднял находку, сунул в карман. Скосив глаз, он увидел, что сержант что-то говорит по своей рации, говорит, поглядывая на него, Сергея.

В подворотне возле дома стоял низенький хмырь и поигрывал своим тесаком. Когда Сергей проходил мимо, он коротко махнул рукой — лезвие молнией сверкнуло у глаз. Но лица не задело. Хмырь тут же убрал нож в карман ватника, сплюнул Сергею под ноги семечной шелухой и отвратительно рассмеялся.

Бутыли на столе не было. Она стояла на подоконнике — все такая же полная и не распечатанная, даже запыленная немного.

Сергей взял ее за горлышко, пошел на кухню, открыл крышку мусоропровода — “бомба” с грохотом полетела вниз, потом гулко ухнуло, звякнуло. И все стихло.

Он вернулся в комнату. Достал гильзу из кармана. Присовокупил к ней первую, шип, обрывок бумаги с непонятными словесами. Рядом положил список. Даже если весь мир, все параллельные, перпендикулярные, инопланетные миры, все измерения и пространства, существующие в этой Вселенной, восстанут против него, он не отступит! Пусть хоть сам дьявол вылезет из преисподней! Плевать! На всех плевать! Сергей со списком побежал к телефону и стал по новой обзванивать тех, кто вчера не откликнулся на его звонок. Затея принесла ре-

зультат — еще двоих пришлось вычеркнуть. Оставалось пятеро. Пятеро претендентов на роль трупа! Но труп-то был только один!

Сергей долго сравнивал гильзы. Они были одинаковы. Даже царапинки на их боках располагались одинаково. Значит, и стреляли из одного ствола, иначе быть не могло. Вот шип? С шипом так сразу и не сообразишь. Может, он вообще не при чем тут? Сергей отодвинул шип в сторонку: теперь перед ним лежали две кучки, в одну входили обе гильзы и клоч бумаги, в другую — шип. А сколько было волдырей — дыр на спине убитого? Сергей напряг память. Пять или шесть? Все-таки шесть! Не меньше. Значит и гильз должно быть шесть! Где-то валяются четыре ненайденные! Если он их найдет, тогда точно, нет никаких сомнений! Тогда он на верном пути! Сергей чуть не сорвался с места, чтобы бежать опять к сугробу. Но удержался, еще раз попробовал прочитать обрывки писанины на клочке. Не так все и мудрено там было. “ОПУСК” — это наверняка “ПРОПУСК”! Но куда? Зачем? Какой пропуск? Это где-то там в Фергане, в Закавказье, где идет гражданская война, там пропуска, там комендантские часы, но откуда здесь все это возьмется?! Нет! Ерунда! Сергей отодвинул клочок. Но тут же опять взялся за него. Точно, пропуск! Как он сразу не сообразил: “ПРОПУСК...до двадцати четырех ноль-ноль”!

Пропуск и гильзы! Это сочетание весьма вероятно! Сергей покосился на край стола. Там стояла полная и нераспечатанная бутыль.

Репродуктор на кухне включился сам:

— Четвертые сутки пылают станицы.
Потеет дождями донская земля.
Не падайте духом, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, налейте вина!

Налить, так налить! Сергей сорвал пробку с бутылки, плеснул в стакан. Тот стоял со вчерашнего — немутный и мутный. Выпил залпом. Бормотень согрела пищевод, желудок. Бормотень, как бормотень — высшее достижение эпохи развитого социализма и окончательного несокруσιμο-живучего застоя. Сергей крикнул. Налил еще стакан. Потом третий. Поглядел на бутылку — та почему-то не наполнялась, и это показалось Сергею обидным, он понемногу косел.

С кухни загрохотало голосило на все лады:

— Белая армия, белый барон
Вновь предрекают нам царский тро-о-он!!!

Сергей откинулся на спинку кресла. То скрипнуло, подалось. Еще два месяца назад по радио и телеку передавали, что последний трон и остальные царские регалии проданы на аукционе. Трон купил африканский вождь с трудным именем. Корону, скипетр и державу — какой-то старый друг страны Советов с незапоминающейся глухой фамилией. Причем, один расплатился бананами, другой трубами. Так что волноваться о каких-то там “предречениях” не стоило — проклятый царизм со всеми своими отрывками и причиндалами был искоренен полностью и окончательно. Песенка носила явно провокационный характер и была рассчитана на неустойчивых элементов. Сергей пошел на кухню и вырубил репродуктор.

Когда он вернулся, бутыль стояла наполненная до краев. Но без пробки!

Сергей глотнул прямо из горлышка. И чуть не подавился. В рот ему попал какой-то мерзкий, слизистый, тягучий комок, высосанный из бутылки. Это было уже слишком! Сергей выплюнул слизистую дрянь — она расползлась по полу зеленым густым пятном-лужицей. И из лужицы этой высунулся мутный глаз на морщинистом стебле.

— Здрась-те! — выдавил Сергей со злобой. И побежал в ванну прополоскать рот.

Он долго натирал зубы пастой, не жалел ни их, ни зубной щетки, ни больной десны. Наконец избавился от мерзкого привкуса. И увидел в зеркале зеленого. Тот стоял позади, трясся.

Только теперь Сергей по-настоящему рассмотрел его лицо, а точнее морду отвратительную, гадкую. Морщинистый лоб, уходящий назад, к яйцеобразному затылку, был покат, глаза торчали словно у кальмара, вместо носа, губ, подбородка висели то ли отрепья какие-то, то ли клочья водорослей-полипов. А все в сочетании было непереносимо и могло надолго лишить аппетита.

— Да, именно так мы и выглядим, — грустно подытожил зеленый. — Я мог бы вам явиться и в человеческом облике, но зачем этот маскарад, верно?

Сергей кивнул. Хотя ему хотелось сказать: “А кто вас вообще просил являться?!”

— Вы ввели себя в резонансную частоту с генерато-



ром, — продекламировал зеленый нараспев. — И теперь вам будет трудно выйти из этого режима. Вам кажется, что генератор преследует вас, что от него невозможно избавиться. Но все это кажущееся. На самом деле он вас притягивает к себе, вот так.

— Это вы про “бомбу”, что ли? — переспросил Сергей.

— Ага, — коротко подтвердил зеленый. И выглянул из-за плеча.

Сергей окинул взглядом его фигуру. Была она вытянутая какая-то и скользкая на вид, словно зеленый натянул на себя лягушачью пупырчатую кожу. Тоненькие ручки и ножки выгибались дугами, были согнуты в локтях и коленях. Казалось, зеленому трудно стоять, он все время приседал, изгибался, поводил спиной и шеей, тянул вверх плечи, касаясь ими своих водорослей-отрепьев. На поясе у зеленого был черный ремень с кругленькими подвесочками, и все — больше никакой одежды! Сергей присмотрелся внимательнее — не исключено было, что он принимал за кожу, натянутый на тело комбинезон. Руки инопланетянина заканчивались четырьмя длинными пальцами без ногтей. На ногах пальцев было лишь по три, зато каждый из таковых имел длину не менее четверти метра. Сам же зеленый на своих полусогнутых конечностях был на полголовы выше Сергея. Несло от него болотом.

— Значит, “бомба” — это генератор, так?

— Так-то оно так, но добавить надо, — уныло проговорил зеленый, — что “бомба”, как вы выражаетесь, это не просто бутылка с бормотухой, а целый мир. Огромный невероятно сложный мир! В нем заключено несколько таких Вселенных как ваша!

Сергей усмехнулся, передернул плечами.

— А чего ж этот мир такой маленький — на четыре стакана? — поинтересовался он ехидно.

— Не беспокойтесь, он больше, чем вы себе можете представить. Но не в этом суть.

— А в чем же?!

Зеленый присел в слизистую лужицу и перетек из ванной в прихожую, а потом в комнату. Сергей прошел за ним. Протянул руку к бутылке, обнюхал горлышко. Ничего подозрительного вроде бы не было. И он приложился к ней, надолго приложился. Бутылка опустела на три четверти.

— Уф! — тяжело выдохнул Сергей, погладил себя по животу. — Вот где весь ваш мир!

Зеленый, свисавший с потолка слизистыми мочалами, захрюкал, заколебался. Сергей не сразу понял, что это смех, ему самому было не смешно.

Наконец зеленый перестал хрюкать, шлепнулся на пол, вытянул из лужи глаза, а потом вытянулся и сам.

— Вот это и есть мир подлинный, — сказал он нравоучительным тоном, — а ваша Вселенная — только мираж. Ее нету!

— Как это нету? — удивился Сергей.

— А никак нету, — подтвердил гнусаво зеленый. — Ваша Вселенная и все ее обитатели — это лишь отражение других миров, тени. Понятно?

— Не верю! — упрямо заявил Сергей. — Какие мы тени, вы что-о?! — Он приложился к бутылки и высосал остатки. — Вот где тени, были — и нету!

Зеленый перетек к подоконнику, по стене вполз на него, выпрямился во весь рост... и неожиданно прошел сквозь стекла, ни капельки не повредив их. У Сергея глаза на лоб полезли.

— Пойдемте со мной, — позвал зеленый из-за стекла.

Сергей стоял в оцепенении. Только что за окном был день. Он точно это помнил! А сейчас там было темно, да так темно, будто по всей Москве вырубили освещение.

— Ну, чего вы боитесь? Пойдемте!

Сергей шагнул вперед. Встал на подоконник. Дотронулся до стекла. Но не ощутил его. Да, он видел стекла, видел рамы, но не чувствовал их, руки проходили сквозь них свободно, как сквозь воздух.

Зеленый ухватил Сергея за ворот рубахи, потянул.

— Пойдемте!

Сергей взлетел над подоконником, качнулся в сторону улицы. Но не упал. Сердце дрогнуло, замерло. Зеленый, распластавшийся всем липким телом по стене дома, крепко держал Сергея за воротник. Все остальное было как и обычно: внизу шныряли редкие прохожие, луна отсвечивала на крышках мусорных баков, пахло талым сырým снегом.

— Куда мы? — спросил Сергей дрожащим голосом и вцепился руками в карниз.

— Туда, — ответил зеленый

Он пополз вверх по стене. Через полторы минуты

они оказались на крыше. Спутнули облезлую тощую кошку. С карканием унеслась в темноту опалевшая ворона.

— Вот, глядите!

Зеленый провел Сергея по покато́й крыше к самому верху. Осторожно обнял его за плечо хлипкой холодной рукой. Другой указал в высь — в мрачное беззвездное небо.

Сергей всматривался долго. Но ничего не увидел.

— Вон там, чуть левее. Видите звездочку?

Что-то зелененькое мигнуло и стало приближаться, увеличиваться в размерах, вырастая на глазах, занимая все больше места в небе.

— Мы оттуда!

Сергею зеленое свечение ни о чем не говорило. Но он кивнул.

— Наш мир старше вашего на миллиарды лет, на целую вечность! Глядите!

Свечение уже полыхало на все небо. Но оно почему-то не освещало землю. И Сергей невольно протер глаза.

— Это не галлюцинации, не сомневайтесь. Это правда. Видите отсвечивающие желтизной спирали и сферы? Это метagalактики нашего мира. Их триллионы! А в каждой метagalактике миллиарды галактик, состоящих из сотен миллиардов звездных систем, типа вашей солнечной системы, но устроенных по-своему, непохоже и всегда отлично друг от друга. Это наш мир!

У Сергея голова закружилась. Ничего кроме сумбурного мигающего на все лады свечения он не видел. Слишком уж многое на него обрушилось в один миг. Голова раскалывалась.

— Ну и что? — тупо спросил он.

— А ничего, — ответил зеленый. — Ваша Вселенная и есть отражение этого мира и все! Как в зеркале, понимаете? Есть натуральный предмет, и есть его отражение... Вот и с вами так. Одна лишь деталь — отражение, которым является ваш мир, слишком увлеклось, заигралось — и почувствовало себя самостоятельным, почувствовало себя реальным миром со своими собственными законами и своей собственной жизнью!

Сергей резко скинул холодную руку зеленого с плеча.

— Вранье все! — сказал он зло. — Откуда вам

знать?! Вы вчера только про нас узнали, так?! Все вранье!

Зеленый сочувственно покачал головой. И сказал на-зидательно:

— Даже если бы мы узнали о вас лишь полчаса назад, нам бы все равно хватило времени, чтобы понять, кто вы такие, чтобы изучить в доскональности всю вашу историю и спрогнозировать ваше будущее. Это совсем не сложно. И особенно в такой примитивной системе! На зеркальную поверхность вашего мира четыре миллиарда лет назад извне было брошено несколько биоспор. Они-то и дали толчок. Они, образно выражаясь, оживили отражение. Из этих спор и развивалась вся биомасса вашей захолустной планетенки, из этих спор появились и вы все, хомо якобы сапиенс.

Сергей повернулся к зеленому, попытался заглянуть в его глаза. Но в тех была тоскливая муть, ни капли разума не просвечивало в них.

— Не сходится что-то, — заявил он, — бросили, потом забыли? Вчера опять вспомнили, все разузнали, бредятина!

— Не бросили, милейший, а обронили случайно. Никто и не заметил — когда у вас из кармана при каком-нибудь движении выпадают крошки табака, пыльца, вы разве замечаете? Нет! Вот и у нас так.

— И сколько же лететь до вашего мира? — спросил Сергей. — Наверное, до него миллион парсеков и столько же световых лет?

Зеленый пошевелил отрепьями-водорослями и сказал тихо:

— Да нет, он же тут, рядом, внутри вашего мира. А точнее, это ваш мир внутри нашего. Я же вам говорил уже, что мы инопланетяне не в прямом смысле, инопланетяне для вас могут быть лишь в вашем мире: на другой планете, в другой звездной системе, в другой галактике. А мы из Другого Мира! Запомните это!

— И дикарь?

— Что — дикарь?

— Из другого мира?

— Ах, тот самый? Нет! Дикарь ваш вместе с бубном и своими дочурками обитает в одном из перекрестных пространств. И поверьте, ему там неплохо, ведь эти пространства более реальны, чем ваша Вселенная-отражение.

У Сергея начала голова опухать. Но он не желал верить, что мир, в котором живет, в котором жили все его предки, включая первых простейших, это чье-то отражение. Нет! Зеленый ему мозги пудрит, баки забивает, лапшу на уши вешает и попутно лепит горбатого!

— Вглядитесь! Вот где жизнь!

У Сергея и так глаза на лоб лезли от зеленого свечения. Все мелькало, расплывалось радужными пятнами, переливалось.

— Значит, споры?

— Угу!

— И генератор этот поганый — тоже ваш?

Зеленый отпрянул.

— Ну что вы! Генераторы вне миров и пространств. Вместе с силовиками они создают поля замкнутых циклов. А поле перехода в свою очередь связывает различные пространственные структуры. Потому и опасно попадать в него. Вы же убедились в этом, верно? Замкнутый цикл непредсказуем!

— И для вас?

— И для нас! — грустно согласился зеленый. — Но вам помогут из него выйти.

Сергей почувствовал неладное. Ему показалась странной последняя фраза, более того — страшной. И он резко обернулся, во второй раз сбрасывая хлипкую зеленую руку с плеча. И обернулся вовремя.

— И-эгр-ххх!!! — прохрипело со всех сторон, как-то жутко, по-звериному.

И высветилась из темноты чудовищно уродливая фигура. Некто маленький, корявый и расплывающийся упирался в покатую кровлю крыши четырьмя выгнутыми иззубренными лапами. Вместо головы колыхался у него фиолетовый стекающий каплями вниз студень. А из студня этого выпучивались два красных безумных глаза. Грудь и спина чудовищного карлика были откинута назад, руки воздеты вверх и за голову. А в руках... Сергей чуть не закричал. В руках был здоровенный посверкивающий во тьме кинжал-тесак. Еще мгновение — и должен был последовать удар.

Сергей выбросил вперед голую руку, пытаясь хоть так защитить себя.

— Стой, тварь! — заорал он нечеловеческим голосом. И уставился в красные глаза.

Снова со всех сторон прохрипело, пророкотало. И



карлик на четырех лапах исчез, оставив после себя запах жженой резины и хлорки.

Сергей опустился на железо крыши, он не мог стоять. Руки и ноги тряслись. Сердце заходило, неистово било в ребра.

— Ну вот, все испортил! — гнусаво выдал зеленый.

— Да пошел ты! — оборвал его Сергей.

— Пошел, не пошел — а переход не получился, и вы сами виноваты! Разве можно отвлекать оператора в момент работы, в самый напряженный момент, когда требуется зоркий глаз и верная, точная рука?!

— Это смотря кому требуется, — вяло промямлил Сергей. — Мне такие руки с такими игрушечками в них не требуются! В гробу я их видал!

Он вскочил на ноги, отпихнул от себя зеленого. И опрометью бросился к чердачному окошку. Спрыгнул вниз, упал, подвернул ногу, но тут же вскочил — бежать было можно. И он побежал через чердачную тьму к двери. Трижды грохался, трижды поднимался, набил шишку на лбу, раскровянил руки. Но выбрался на лестничную клетку. Через полминуты он был дома.

Бутыль-генератор стояла на столе.

Сергей подошел к дивану, плюхнулся на него. Он будет спать! Спать — и все! Пусть хоть весь мир сойдет с ума! Пусть по крышам и квартирам шастают зеленые! Пусть его протыкают насквозь! Он будет спать!

Но сон не приходил. Прошло волнение, убежали и рассеялись страхи, тревоги. Успокоилось сердце и ослабились мышцы. Но сна не было. Сергей лежал и размышлял. Он и без зеленого был знаком со всеми этими бреднями насчет спор, которые якобы попали на Землю из Дальнего Космоса и из которых пошло все живое. Правда, до отражений всяких никто еще не додумывался, но все равно — бредятина, чушь на постном масле! Споры могли быть, не в них дело! Но вот развиться из этих самых спор разумная одушевленная материя не могла. Не могла, и все тут! Для этого мало каких-то там спор. Для этого нужно было, чтобы в живую материю кто-то или что-то вселилось, чтобы в нее вдохнули душу. Ведь сам по себе разум — ничто! Это просто ЭВМ, машина мыслительная! Без самоощущения, без личностного осознания себя. Нет, бред все это! И не в спорах суть! Разве важно, из какой именно глины Бог слепил человека? Важно, что он вдохнул в эту глину Душу,

Одухотворенную Жизнь! И причем тут зеленые слизи, причем их Другой Мир?! Нет! Четыре миллиарда лет развивалась на Земле Биоматерия — от простейших соединений полуживого с неживым и до человека, через всех этих амёб, рыб, членистоногих, ящеров, простейших млекопитающих, гоминидов. Но ведь если бы в эту биоглину не была вложена Душа, она бы и оставалась биоглиной еще миллиарды, триллионы лет! Так бы и развивалась — беспредельно, поглощая самое себя, порождая все новые и новые виды: за млекопитающими пришли бы другие, а за теми еще кто-нибудь, и так до бесконечности. Но что-то ведь породило человека! Что-то отдало часть своего Дыхания безмозгло-обездушенной глине?! Нет, не обездушенной, ибо никто и не отнимал у нее Души, у нее и не было Души, и не могло ее появиться. Все сложнее, гораздо сложнее. Какая там к дьяволу дарвиновская теория эволюции — голубые пузыри выползающего из люльки человечества! Из рыбы — ящер, из ящера — птица, из ящера — животное млекопитающее, чушь! Эволюция была и могла быть лишь внутри вида. Рыба могла стать сильнее, зубы ее острее, плавники мощнее, ибо и выживали сильные и мощные. Кошка могла стать огромной и могучей, стать тигром или львом, а могла приспособиться к камышовым зарослям и стать камышовым котом. Но рыба не могла стать кошкой. И кошка не могла стать человеком. Как из дельфина не мог вывестись крот, а из муравья кит. Дарвиновская теория развалилась на глазах! Это сто лет назад могли поверить, что мыши прыгали с ветки на ветку, спасаясь от хищников, и что выживали лишь те, у которых перепонки были шире — а в результате родился новый вид мышей — летучие! И ведь верили! А почему бы и не верить, если все так логично и стройно? Но один вопрос — где логично и стройно? Ответ — на бумаге. В жизни иначе — исследователи так и не нашли ни единого останка переходных форм. Были мыши и были летучие мыши, а вот полулетучих или четвертьлетучих мышей не было! То же самое и с обезьянами. Объявили на весь свет, что человек произошел от обезьяны, записали это во все учебники. И пошли навешивать друг дружке степени, медали, раздавать премии и звания за внесение “все новых и новых вкладов” в теорию эволюции. А человечество безропотное знай себе моргало доверчивыми глазенками и восхищалось умниками — ах,

мудры, ох, дотошливы! А умники-то дурили народец почему зря! Иногда, правда, и себя задушивали до полнейшего умопомрачения.

Сергей ворочался с боку на бок. Но никак не мог прогнать навязчивых мыслей. Не спалось, ну ни в какую не спалось! Что-то долбило в его затылок долотом: “Ты должен додумать эту мысль сегодня, именно сегодня! С рассветом из тебя все выветрится, и ты никогда не узнаешь правды, даже тени правды, ты всегда будешь ходить вокруг да около, но не приблизишься к разгадке. А сегодня твой слабый мозг через твою душу соединен с той Душою, что дает откровения, дает, может быть, лишь раз в жизни, да и то не каждому. Лови миг удачи! Не пропусти его!

Сергей дважды ходил на кухню. Пил воду. По пути косо поглядывал на бутыль-генератор. Но она почему-то больше не пугала его — бутыль и бутыль, пусть в ней хоть десять в сто двадцать пятой степени миров заключено, плевать!

Воды напился вволю. И снова завалился на диван, лишь пружины заиграли, запели свою звонкую песнь.

Никаких переходных звеньев между обезьяной и человеком не было. Их не нашли несмотря на колоссальные затраты, вложенные в поиски. Их нелепо искать! Так думалось Сергею. Просто глупо на это тратить деньги. Ибо тот вид животного, что стал человеком, та самая “обезьяна” не была человеком, она не была даже предчеловеком, как и не была и переходной ступенькой. Она была биомассой, в которую вдохнули Душу! И без всякой эволюции, в один прием оплодотворенная Духом биомасса, это самое животное, не оставившее следов, породило Человека. Да, именно так, мать-“обезьяна” родила Человека сразу, с его мозгом, с его Душой Богодухновенной. Так же, как простая земная женщина, человеческое существо, оплодотворенное той же Силой, без всяких промежуточных ступеней и форм, сразу, из себя породила Христа, Бога, Существо Высшего Порядка. И не могла эта женщина-дева рожать в поколениях эволюционирующего человека-бога, эдакого растянутого во времени сначала однашестнадцатая-бога, потом — однавосямая-бога, потом — четверть-бога, потом — полу-бога... нет, не могло такого быть! Ибо Сила, вселяющая Душу в существо, вселяет Ее сразу. Даже ученые-бездари, морочащие друг другу головы, изобретающие

одну схему за другой, шаманящие над толпами непосвященных, и те заметили, что с определенной цикличностью Земля проходит сквозь неведомые зоны жесткого космического излучения. Источников излучения шаманам установить не удавалось, да и не удастся. Но они поняли — есть источники, а может, и всего один источник! Периоды невероятно долги, они заключают в себя сотни миллионов лет. Но они определены, они ритмичны, как ритмично и Само Внеземное Дыхание. И когда это Дыхание касается Земли, происходят на первый взгляд странные вещи. Но лишь на первый взгляд! Дохнуло один раз — и простейшие, без всяких там эволюционных ступеней, стали рыбками, рачками. Дохнуло второй — и появились ящеры во всем их многообразии. Третий — и ящеры, породив новый вид биоглины, словно по команде вымерли, нужда в них отпала... Разумеется, не три и не четыре Божественных Вдоха-Выдоха донеслось до Земли, не один День Творения был потрачен на созидание мира, в котором можно было поселить свое Одухотворенное Подобие, не один! И врет все зеленый, конечно, врет! Если Земля и отражение какого-то иного мира, так не его обитатели, породившей зеленую слизь, а Того Мира, из Которого пришло Оплодотворяющее и Одухотворяющее Дыхание! И как бы ни называли его шаманы — жестким ли излучением Космоса, потоками ли каких иных частиц, оно остается именно Дыханием Бога, ибо Сущность, породившую Одушевленную Материю, иначе как Богом не назовешь.

Сергей откинулся на спинку дивана. Лоб у него был мокр и холоден. Но пронзившее его Просветление не позволяло замечать подобных мелочей. Он стоял на пороге Великой Тайны. Но до конца проникнуть в эту Тайну он не мог. Не хватало чего-то, небольшой детальки, частности — а может, и самого главного. И видно, для постижения Тайны этой надо было дожидаться самой малости — очередного Дуновения Извне, очередного Вдоха-Выдоха, который преобразует человека, вдохнет в него Душу еще более высокого порядка. Вот во всех ли?! Это вопрос вопросов. Ведь из животных людьми стали совсем немногие, единицы. Это потом они расплодились — как и завещано им было: “Плодитесь и размножайтесь!” Кучка гоминидов, породивших несколько людей, обрелась где-то в Экваториальной Африке. Более трех миллионов лет назад! Жесткое излучение изменило их ген-

ные системы, и у них, животных, родились мутанты — Первые Люди! Не труд их создал, не умение бить палкой о камень или камнем о скалу. Обезьяны сотни тысяч лет делают и то и другое, но людьми не становятся несмотря на все свое упорство и прилежание. Излучение-Дыхание стало тем Божественным Непорочным Зачатием, которое дало первобытному миру одушевленного хозяина. И животные оказались способными к сохранению одухотворенных, они не дали им погибнуть, вынянчили как своих детенышей, те и были их детенышами. Но когда три миллиона лет спустя Непорочное Зачатие принесло в мир Существо Следующего Порядка, люди, не готовые еще к этому переходу, восстали и убили Его. Эксперимент не удался, впервые не удался за все четыре миллиарда лет! Но смертью Своей это Высшее Существо искупило грехи убивших Его людей и всех предшествующих поколений. Оно доказало, что людская биомасса, хоть и не сейчас, но позже, потом, пусть через сотни тысяч лет, а может, и всего через тысячи превратится в ту самую глину, в которую проникнет Живительное Дыхание — тогда человеческие матери родят Новое Поколение, тогда начнется новый отсчет времен и все предыдущее покажется лишь предисторией! Но как новые Сверхсущества будут смотреть на своих отцов и матерей, на людей? Как мы смотрим на “обезьян”, на животных, породивших людей или бывших хотя бы глиной, из которой люди слеплены?! Нельзя предугадать. Может, они будут добрее, чем мы! Может, им передастся Божественная Сущность в большей степени?! Все может случиться, всякое может быть. Не в этом главное. Главное, что врет зеленый!

Сергей измучился вконец. Не было никаких сил терпеть эту изнуряющую будоражающую работу мозга. Он снова встал. Побрел в ванную. Сунул голову под холодную струю. На какое-то время полегчало. Но потом накатило снова. Нет, он еще не был готов к столь ошарашивающему Знанию. Оно было слишком отлично от всего предыдущего, от школьных и институтских учебников и лекций. Мозг не принимал полностью просачивающегося в него Откровения.

Вернувшись в комнату, Сергей плюхнулся в кресло. Долго сидел в нем, словно окаменев. Потом протянул руку к бутылке. Та была полна и запечатана.

— Вот зар-раза! — выругался Сергей.

И зубами содрал пробку. В этот миг он со всей отчетливостью понял, что пока не годится на роль глины, в которую можно вдохнуть нечто более путное, помимо того, что в ней уже имеется. Нет, не вдохнуть! Он вспомнил свои проказы с дикарями, пьянства, дебоши, стриптизы на столе, молодецкие мордобои... нет, глина, первобытная глина! Вот разве лишь на роль животного-оплодотворителя для последующего мутагенеза, но уже в теле матери, такой же животной глины? Да-а, Сергей отнесся к себе критически, да и как он еще мог к себе отнестись, если даже тупой и жизнерадостный до садизма дикарь и тот сообразил, что Бледный Дух годится пока что лишь для одной цели. Дела-а!

Сергей надолго припал к бутылки. Он оторвался от нее, когда последняя капля перетекла в его глотку.

— Фу-у-у!!! — выдохнул он совершенно обалдело.

Перед глазами все поплыло, пол качнулся. Но Сергей решил не затягивать дела. Он пил не для того, чтобы обалдеть. У него была иная цель. Генератор должен был сработать и на этот раз, если вообще верить хоть чуть-чуть зеленому оплетая.

— Ну, поехали! — провозгласил Сергей вслух на манер космопроходца.

И снова приложился. Рука дрожала. Слезы бежали из глаз, горло выталкивало выпитое обратно, но он пил. Пил до тех пор, пока не почувствовал, что начинает трезветь.

— Лады! — тихо прошептал он.

И поставил бутылку на край стола.

Сфера появилась внезапно, без переходов. И теперь Сергей видел — в ней и впрямь мириады миров. На этот раз она раздробилась на многослойные микроскопические и невероятно прозрачные хрустальные соты. В каждом сегментике отражалось что-то свое, отличное от соседнего отражения. И все менялось, переливалось до тех пор, пока в сердцевине сферы ни образовался черный провал. Сергей вздрогнул, ему показалось, что мохнатая лапа уже тянется к горлу. Но все произошло иначе — из мрака провала арканом-молнией вырвалась тончайшая витая цепь, она захлестнула в несколько оборотов его голову, плечи, руки до локтей. И тут же Сергея рвануло, выдрало из кресла и швырнуло в темноту, швырнуло с такой силой, словно к другому концу цепи была привязана пара диких кобылиц, сорвавшихся с привязи.

Наваждение второе.

*Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертво.
Умойся в утренней заре, как в море,
Очнись, вот этот мир, войди в него!*

И.-В. Г е т е

В склепе было холодно. И Барух Бен-Таал, теург и сын теурга, зябко кутался в длинный черный плащ. Заклинание демонов было ремеслом их рода. А потому старый Барух не собирался менять своего занятия. Деда утопили в мешке лет двадцать назад. Отца сожгли на прошлой неделе. Барух горевал недолго, он знал — смерть всего лишь переход в иной мир, в иную нематериальную субстанцию. Святая Инквизиция в этих местах не особо утруждала себя работой: в месяц казнили не больше двух-трех десятков колдунов и ведьм. И Барух всегда присутствовал на этих празднествах.

Он стоял и прислушивался к предсмертным воплям сжигаемых. Но лишь дважды он уловил те интонации, какие бывают при переходе в потусторонние сферы — в душераздирающих криках проскальзывала еле уловимая нотка восторга. Еще бы! Перед ними открывались врата Иного Мира! Отец Баруха помер вообще без криков и воплей. Он молчал до последнего мига. И Баруху почему-то показалось, что его отца-теурга не принял Иной Мир. Это было странно, даже неприятно.

А когда все разошлись, когда помощник палача принялся рыться в золе, выискивая в ней что-то одному ему ведомое, из черной тучи пробился узенький ослепительный луч, застыл на мгновение, уперевшись в кучу пепла, и пропал, у Баруха в груди защемило — это астраль, конечно, астраль! И теперь его отец-теург там, в астральных сферах. Непостижимо, ибо заказан был ему путь туда! Но он, видно, там!

Барух Бен-Таал не тешил себя надеждой, что ему удастся вызвать дух отца. Но хоть какой-нибудь из демонов ведь должен был попасться в гексаграмму?! Обязательно должен! На этот раз Барух готовился долго и очень тщательно. И место он выбрал самое подходящее — заброшенный родовой склеп. Род пресекся два поколения назад, кичливые гардизцы были то ли бесплодны, то ли слишком любили выяснять отношения на мечях. Но в склеп никто не закахивал, это место считалось проклятым.

Барух выглянул в щель — луна была полной, выше она уже не вскарабкается. Пора начинать. Гексаграмму он разложил на широченной надгробной плите основателя гардизского рода, Барух не питал особого уважения ни к основателю, ни к самому роду — главное, плита подходящая: два роста в длину, полтора в ширину, лучше и не найдешь. И кости под ней древние, тоже неплохо. С костями было туго. Верхний треугольник Барух выложил из подгнивших тушек жаб и летучих мышей. Для надежности обложил их седыми волосами безумных старух — пришлось специально ездить в порт и выкладывать полгинеи, чтобы тамошние головорезы обрили трех окончательно спятивших от прорицаний фурий. Но ничего, зато больше силы будет в магической фигуре! Сверху треугольник полил змеиной желчью — кончики седых волос встали дыбом, а это был хороший знак. Потом Барух закрепил все мельчайшим порошком предварительно высушенной, истолченной в ступе печени василиска. Печень оставалась еще от деда, тот закупал этот необходимый компонент на Востоке, закупал большими партиями — с лихвой хватило и на отца с сыном.

Нижний треугольник Барух выложил за две минуты. Но быстрота эта была мнимой, ведь для того, чтобы добыть столько позвонков, Баруху пришлось проковывать на старом чумном кладбище всю прошлую ночь. Кладбище обходили стороной — у всех на памяти еще

был страшный мор, хотя прошло целых десять лет, хотя и было после него три мора поменьше. Но тот был особый — две трети провинции закопали в землю! Барух не был суеверным. И чумы он не боялся, переболел в детстве. Только не изжил, видно, в себе всего мерзкого и мелкого, всего людского, противно было в развороченных могилах, ох как противно! Барух выдирает из полуизгнивших трупов позвончики. Те рассыпались, не поддавались, все булькало, хлюпало, воняло. Барух, не переставая, твердил магические заклинания и делал свое дело, пока не набрал целый мешок.

Заодно прихватил дюжину черепов, пригодятся.

На выходе с чумного кладбища его чуть не застучала стража. Пришлось отлеживаться на сырой холодной земле. Вот тогда, видно, и простыл малость.

Барух откашлялся, поправил капюшон, вечно сползающий на спину. Достал семигранную бутылку с мочой дракона и окропил черной густой жижицей позвонки. В углах гексаграммы он возжег огни Кибелы, предварительно разлив в свинцовые плошки жир, вытопленный из ведьм и суккуб, попавшихся когда-то в пыточные подвалы Святой Инквизиции. У Баруха был знакомый, тамошний писарь, и он за совсем скромную плату поставлял множество нужных для теургии вещей. Суккубы — демоны в женской плоти, попадались очень редко, и потому Барух всегда платил за их жир и волосы дороже. Но не доверял он писарю, тот был изрядный мошенник, мог подсунуть гнилой товарец, а то и вовсе обмануть — выдать свиное сало за жир детоубийцы. Но Баруха не проведешь, он всегда пробовал компоненты на вкус, недаром был потомственным теургом.

Серебрянные цепи он разложил в центре магической фигуры, разложил пентаграммой — ни одному инкубу не вырваться из освященных самим Сатаной цепей! Барух берег их как зеницу ока, эти цепи достались деду от его деда, а тому от прапрадедов, выкованы они были во времена, когда мир не делился еще на заоблачные, земные и подземные сферы. Это было подлинное богатство рода теургов!

— Да покроется Вечным Мраком этот мир! — провозгласил теург Барух Бен-Таал из Гардиза. Снял с пояса мешочек, высыпал содержимое в центр пентаграммы — горючая соль застыла желтым конусом. На вер-

шину Барух положил снятый с мизинца перстень с аква-
марином.

Потом распахнул черный тяжелый плащ, зябко пое-
жился, расправил грудь и перевернул амулет-пантакль,
висевший на золотой цепи, к гексаграмме, так, чтобы
треугольный глаз был нацелен зрачком на вершину ко-
нуса, чтобы лунный свет, проникающий в щель меж
плитами склепа, отразившись в изумрудно-агатовом
зрачке пантакля, пал на аквамарин.

Остальное было проще пареной репы. Барух взмах-
нул руками — и на стенах сырого и мрачного склепа за-
качались тени семи шандалов, возгорелись пять смоля-
ных факелов, вставленных в пазы гробниц, с обеих сто-
рон открылись провалы в саму Преисподнюю — и отту-
да вырвался вихрящийся дым, запахло серой, огненные
языки взметнулись до потолка склепа и осели, оставив
лишь красные отсветы. Барух разинул рот, чтобы произ-
нести магическое заклинание... и вспомнил с ужасом,
что забыл очертить вокруг себя обережный круг!

Но было поздно.

Заклинание, непередаваемое человеческими языками,
само вырвалось из его губ, прогремело под сводами и с
гулом провалилось в Преисподнюю, будто оно было со-
творено не из слов, а из камня.

Вздрогнула земля, загудели качнувшиеся стены, над-
гробная плита накренилась, но устояла. Верхний треу-
гольник засветился мертвенно-синим светом. Нижний —
трупно-желтым. Цепи стали подниматься, словно их
кто-то невидимый тянул сверху за незримые нити. И
лишь после этого сатанинским пламенем вспыхнула го-
рючая соль — будто проснулся под надгробной плитой
яростный вулкан. Гул и рев стали невыносимы.

Барух упал наземь, закрыл голову руками. Он на-
шептывал все известные ему заклинания, лишь бы толь-
ко разбуженные демоны не уволокли раньше времени в
ад. Его трясло и било словно в тропической лихорадке.
Но похоже, никто не покушался на его жизнь. Душа же
его давным-давно была продана Дьяволу.

Барух приподнял голову, когда все смолкло. Он осто-
рожно раздвинул веки, взглянул вверх — на надгробной
плите сидел опутанный цепью демон-инкуб. Наэлектри-
зованные седые волосы безумных фурий тянулись к не-
му со всех сторон, подрагивали в смрадном продымлен-
ном воздухе. Оплавленные позвонки змеями вились по

плите — теургия без всякого философского камня превратила их в чистейшее золото.

Но не золото сейчас интересовало Баруха.

Он вскочил на ноги. Вытянул вперед руки в заклинающем жесте. И прохрипел властно, с нажимом:

— Замри, посланец ада! Отныне твой повелитель я!

Демон пялил на повелителя глаза и, похоже, не собирался подчиняться. Казалось, он вообще не понимал, чего от него хотят.

Барух полез в карман за флаконом с ядовитым настоем инкубомора. Но вытащить не успел — послышался дикий грохот, звон, лязги, раздались громкие, перебивающие друг друга голоса, возбужденные крики... и от удара в спину Барух Бен-Таал из Гардиза полетел на гранитные плиты.

Первым чувством Сергея после того, как его вынесло из мрака, была радость — нелепая, необоснованная и беспричинная радость. Он обрадовался тому, что жив, что тьма не поглотила его, и что он не распят по рукам и ногам на земле, что он сидит, малость опутанный, сидит и все видит.

Какой-то патлатый старик в черном плаще махал перед ним руками, кричал, грозился, чего-то требовал. Но Сергей уже чувствовал, что дальше словесных угроз старик не пойдет, что он, судя по всему, сам его побаивается. И потому радость не умялась. Хотя от воню можно было рехнуться.

Встревожился Сергей, лишь когда в мрачное и сырое помещение, где он сидел, ворвалась целая команда бородатых мужиков в шлемах, панцирях, с алебардами в руках. Передний ткнул старикана древком в спину, и тот упал. Шестеро подскочили к Сергею и выставили вперед длинные узкие мечи.

— Вы чего-о? — удивился тот, все еще не понимая серьезности своего положения.

— Взять! — процедил самый толстый и напыщенный. И махнул в сторону Сергея коротенькой ручкой.

Меченосцы дернулись было, но тут же замерли.

— Инкуб!!! — просипел один с таким видом, будто его толкали в пламя.

— Взять инкуба, дармоеды! — разъярился коротышка и рванул кружева на груди.

Сергей ушам своим не верил. По обличью и прочим приметам вся эта вооруженная банда должна была выражаться на испанском, в худшем случае, на португальском. Но они шпарили по-русски, да еще без малейшего акцента! На загримированных под средневековых стражей актеров эти люди похожи не были.

— Убрать этого! — провизжал напыщенный.

И патлатого старика тут же уволокли за ноги — голова его безвольно билась о гранитные плиты, из карманов высыпался какой-то серенький порошок. Сергею старик не нравился. Но ему не нравилось и столь непочтительное отношение к старости. Он сделал попытку встать.

— Щя всех сожрет! — прошипел крайний меченосец. И попятился в ужасе. Глаза у него были шальными, лицо бледным даже при тусклом свете луны и плошек, казалось, он вот-вот грохнется в обморок.

— Не сожрет, — заверил кто-то из мрака. Вперед выступил кривоногий и вислоусый верзила с алебардой в руках. — Тут особый подход нужен.

Он взмахнул древком алебарды, перевернув ее тупым концом к Сергею-инкубу, задержал на мгновение в воздухе... и все пропало.

—... параграф тридцать седьмой, глава шестнадцая, пункт четвертый, та-ак-с! Чего там у нас, погляди-им, ага, вот! Демон-инкуб, принявший человеческий облик и отрицающий свою сущность, подлежит допросу с пристрастием по трем категориям. В случае упорствования...

Голос долетал до Сергея как сквозь вату. Голос был занудный и явно похмельный. Понять, о чем говорилось, не было никаких сил — в голове перемешивались параграфы, пункты, дознания, ссылки, примечания, категории — тут и в нормальном состоянии запутаешься. Он сидел на чем-то очень неудобном, спину кололо, ноги — тоже, под локти словно иголок навтыкали или гвоздей. Сергей пошевелинулся — в ягодицы впилось что-то острое. Он попробовал встать — не тут-то было! Наоборот, его еще сильнее прижало к невидимым остриям. Они были совсем коротенькие, кожи явно не протыкали, но их было так много, что и деваться некуда, они были повсюду! Сергей подумал даже, что у него просто-напросто затекло все тело, что сейчас оно отходит, вот и колет

как иголками... Но нет, все было иначе, он это сообразил через несколько секунд. Снова дернулся — и опять обожгло зад, спину, ноги, руки.

— У-у-у, зар-раза!!! — простонал он. — Да что ж это творится, эй! Есть кто-нибудь?!

— Есть, есть! — отозвалось занудно. — Никак прочухался, отродье сатанинское, а?!

— Развяжите! — потребовал Сергей.

— Ага, щас! — пронудил похмельный. — Тебя развяжи!

— Хоть повязку с глаз снимите! Ну чего она вам?!

Голос прозвучал над самым ухом:

— А как зыркнешь ежели по-бесовски, тогда что?!

— Не зыркну! — Сергей постарался, чтоб голос его был этанолом прямоты и честности. Получилось плоховато, лживо и дрожаще.

Но это, видно, и успокоило похмельного.

— А у тебя глаз не дурной случаем? — спросил он для проформы, уже распутывая узел на затылке. — А то тут одному развязали четвертого дня, а у помощника писаря баба наутро шестипалого принесла.

— Причем тут глаз?! — не понял Сергей.

— А при том! — твердо заявил похмельный. — Всех четверых и сожгли! Вот при чем!

— Кого это четверых-то?

— Бабу, мальчика, помощника и подследственного с дурным глазом, а как же?! Порядок должен быть!

Повязка спала с Сергеева лица. И он увидал занудного. Им оказался бритый, в меру упитанный человек среднего роста, одетый в серую рясу с откинутым капюшоном. За ухом у бритого торчало гусиное перо. На носу красовалась огромная бородавка.

— Советую во всем признаваться сразу, — сказал бритый протокольным тоном. — Ты у нас не один!

— Хоть бы дощечку какую подложили, — взвыл Сергей, — колет, сил нет!

Бритый поморщился.

— Будет тебе и дощечка, и целая доска гробовая, ежели выложишь все как на духу. А нет — золу по ветру развеют да плюнут вслед на все четыре стороны! — проговорил он заплетающимся языком.

Сергей старался не двигаться, стоило шевельнуться — и в тело вонзались маленькие тупые иглы. Он лишь теперь сообразил, что сидит в пыточном кресле. Руки

его были привязаны к подлокотникам, ноги скованы зажимами, сзади из спинки кресла торчали две длинные железные штуковины, они не давали нагнуть головы. Но Сергею и так было видно почти все. Сферические своды пыточной в несколько слоев покрывала сажа, казалось, что она вот-вот начнет отваливаться слоями. Своды были низкими и давящими. В двух метрах справа, в стене, располагалась грубая каминная ниша. В ней краснели затухающие угли, а рядышком вповалку лежали грязные щипцы и клещи всех размеров. Сергею эти инструменты сразу не понравились, аж по лбу заструился холодный пот. Последний раз он испытывал такое же чувство, сидя в зубоврачебном кресле. Но там руки и ноги были свободны, и он мог убежать в любую минуту. Даже под бревном дикаря-телепата ему не было столь худо, там грозила смерть, но смерть мгновенная... Здесь намечалось, судя по всему, нечто повеселей.

— Хоть бы сказали — за что?! — выдавил из себя Сергей.

— Это ты, нечестивец, нам говорить будешь! — возразил бритый. — А мы будем спрашивать! — Он нагнулся ниже и шепнул Сергею в ухо: — Чего-то я не верю, будто ты инкуб, непохоже! Может, врут?!

— Конечно, врут! — обрадовался Сергей.

— А может, и не врут, — философски заметил бритый. — Сейчас времена смутные, ненадежные, поди, разберись! Но я так думаю, что ежели все инкубы такие, и в ад-то не страшно провалиться, верно? — Он пьяно икнул. И прикрыл рот сизой ладошкой.

— Где не был, там не был, — промямлил Сергей, — врать не буду. По мне, у вас самый настоящий ад и есть!

Бритый замахал на него руками, перекрестился суетно и быстро.

— Не богохульствуй, нечестивец! У нас житуха славная, никто не жалуется. Попробуй только вякни!

— Вот-вот! — согласился Сергей.

Бритый его не понял. Уставился тупо, разинув рот.

А Сергей повернул голову налево... и чуть снова не провалился в забытие. На поросшей плесенью сырой стене крепились две широченные почерневшие от времени доски. А в досках, точнее, во всевозможных пазиках, пазах, дырах, дырочках, в ремешках, зажимчиках, скобках было понатыкано и развешено столько пыточных

орудий всех форм и размеров, что глаза разбегались. Там были иглы, иголки, иглища, пилы, пилки, крючья, крюки и крючочки, буры, сверла, трезубцы, вилки и вилочки, ножи, ножички — и прямые, и изогнутые, и трехгранные, и зазубренные, и прочая, прочая, прочая. Внизу, под досками, лежали тиски, тисочки, растяжки и такие штуковины, каких Сергей отродясь не видывал. Предназначение их было однозначно.

— Оснащено все у вас тут на совесть, — процедил он.

— Не жалуемся, — с оттенками гордости проговорил бритый. — Нам отказу ни в чем нету!

Из сводчатого потолка торчали крюки. С крюков свешивались цепи. Прямо по курсу, метрах в трех с половиной стоял низкий обшарпанный столик. На нем лежала толстая книга, свиток желтой бумаги, рядом покоилось нечто круглое, с крышечкой, похожее на чернильницу. Да, тут не шутили!

За спиной вдруг что-то скрипнуло, хлопнуло. И из-за кресла вышел еще один в расе — плотный и нахмуренный. Он лишь еле кивнул — и бритый устремился к столику, вытащил из-за уха перо.

— Упорствует? — поинтересовался хмурый. И закусил черную обветренную губу.

Был он крайне неприятен на вид: черен до неприличия, волосат, лобаст, носаст, имел сросшиеся мохнатые брови, свисающие лохмами на глаза. Сергей заметил, что ногти у хмурого обгрызены чуть не до корней.

— У нас не поупорствуешь, — пропел бритый и мелко угодливо рассмеялся. Смех был пьяный, дурашливый.

— Цыц! — оборвал его хмурый. И поднял с земли пудовые клещи. У Сергея сердце замерло — такими клещами можно было берцовую кость перекусить.

— Я все скажу! — заявил он. И сам удивился искренности своего голоса. Доселе он не владел подобными интонациями, так горячо и проникновенно на его памяти говорили лишь две комсомолочки-активистки, одна в школе, другая в институте, да и то — говорили лишь на торжественных собраниях.

Хмурый поглядел на него недоверчиво. Потом бросил клещи к камину-жаровне, а сам подошел к столу, взял свиток, развернул его.

— Тут записано, что ты — инкуб! — сказал он глухо.

— Инкуб! — подтвердил Сергей.

Бритый сорвался с колченого табурета, опрометью бросился к двери, зацепился ногой за крюк и грохнулся. Хмурый пнул его в бок. Но ничего не сказал. Осторожно поднявшись на четвереньки и затравленно озираясь, бритый пополз обратно к столу. Голова у него подергивалась словно в тике.

— Дерзость твоя изрядна! — проворчал хмурый. Он, видно, не слишком-то поверил допрашиваемому, демон-инкуб — гроза женщин, на его взгляд, должен был выглядеть несколько иначе. Но опровергать слов подозреваемого не стал.

— На что же ты уповаешь? — спросил хмурый после долгого молчания. — На своих дружков-бесов? Или может, на самого Вельзевула? Или ты думаешь, что вся ваша нечистая шатия сможет пробраться сюда и вызвать тебя?

Бритый судорожно перелистывал толстенную книгу, сопел, шмыгал носом. Потом вдруг выдал невнятной скороговоркой:

— Нашел! Вот! Чтобы не дать демон-инкубу покинуть тело, в которое он вселился, и чтобы обезвредить его, необходимо в темечко испытуемому вогнать на два вершка большой шип, трижды повернуть его там, как изображено на рисунке. А дабы демон-инкуб не вышел из испытуемого через иные отверстия, следует во время процедуры погрузить тело в расплавленное олово и...

— У нас нету олова! — оборвал скороговорку хмурый. — Может, его просто посадить на жаровню?

— Жаровни тоже нет, — вяло ответил бритый.

— Ну, ладно! Будем уповать на провиденье Господне и свой опыт. Тебе не тяжело держать перо, а, бездельник?! Возьми-ка щипцы великомученика Мартина и выдери инкубу пару ноготков для начала!

— Не надо! — заволновался Сергей. — Я на все вопросы отвечу, все выложу! Чего раньше времени ногтывать-то?! Надо все по порядку!

— Ишь ты, грамотный, — неодобрительно выдавил хмурый.

Бритый справился со своим страхом и растерянно зыркнул на Сергея, тут же вновь опустил глаза. Руки у него все еще дрожали — такими руками только ногтывать, вместе с пальцами.

— Тут написано, что от тебя забеременело пять по-

рядочных горожанок Гардиза, верно? — спросил хмурый.

— Гардиз — это чего такое? — переспросил Сергей.

— Издевается, — совсем тихо сказал хмурый. Взял с доски какие-то плоскогубцы с изогнутой ручкой, подошел к Сергею вплотную и неожиданно резким движением ухватил его своим инструментом за нос, потянул на себя.

— Мы-ы-ы-ы!!! — замычал Сергей. Задержался, забился в колючем кресле. Ему показалось, что нос вот-вот оторвется, а хмурый все тянул и тянул. На губы и подбородок струйками потекла кровь. Но Сергей не замечал ее, он мычал, хрипел, тянулся всем телом за ручкой хмурого, он бы встал и побежал за клещами, но кресло не пускало!

— Да-а, слабый инкуб пошел, хлипкий, — неодобрительно прокомментировал событие хмурый.

— Сознаюсь, — просипел Сергей невнятно.

Но его поняли. Бритый быстро застрочил что-то на бумаге гусиным пером.

— Тем самым ты породил еще пятерых бесов, — менторски произнес хмурый, — ты задал лишнюю работу Святой Инквизиции! Как мы будем разыскивать бесенят и их мамаш? Ты должен нам помочь!

Плоскогубцы разжались. И Сергей почувствовал, как увеличивается его нос — он сначала разбух до размеров груши, потом маленькой дыньки, потом арбуза, потом начал заполнять собою все помещение... Сергей дернул головой и сильно ударился затылком о деревянную спинку кресла. Но это не помогло — нос горел, словно его окунули в кипящее масло. Даже воздух, проходивший через ноздри, раскалялся, становился горячим, им трудно было дышать. Зеленые круги запульсировали перед глазами.

— Всех покажу! — заверил Сергей. — Всех до единого: и бесенят, и бесовок, хоть пять, хоть пятьдесят пять, сам не упомню, скольких обработал! — Ему показалось почему-то, что чем больше он выдаст душ инквизиторам, тем с ним ласковой обойдутся. — Пошли хоть щас, где тут этот ваш, как его Гардиз?

Хмурый вздохнул уныло, отвернулся. Голос его прозвучал из-за спины устало:

— Да ладно, мы пошутили! Какие там горожанки, какие к дьяволу бесенята!



— Ага, — поддакнул вконец осмелевший бритый, с него уже сошло похмелье. — Они тут все бесовки и бесенята, я ему сам на какую хошь покажу!

— Пошел вон! — рыкнул хмурый.

И помощник-писарь чуть не бегом выбежал из пыточной, он был послушным человеком.

Когда дверь захлопнулась, хмурый вытащил из-под ряс большую флягу, взболтнул ее, высоко подняв в руке, припал губами к горлу, с полминуты звучно булькал. Потом стал отдуваться и вытирать рукавом пот со лба.

Сергей сидел ни жив, ни мертв.

— Глотнешь?

Хмурый подошел вплотную, сунул флягу в зубы испытуемому, приподнял донышко. И Сергей глотнул. Сразу полегчало, даже нос не так стал болеть.

Хмурый привалился к его плечу. Засопел в ухо, тихо, совсем тихо:

— Я этого старого дурака Баруха выпустил, слышь?

— Не дождавшись ответа, он прибавил: — Чего клопов зря откармливать нечестивой кровью, они и так тут жирные, как свиньи у герцога Гистанского! Верно я говорю?

Сергей подхалимски закивал.

— Барух — отличная приманка для всяких олухов! — продолжил хмурый. — Я на него уже полторы дюжины взял! Наживка, что надо! Но туп, бесконечно туп! Все пытается кем-то повелевать, кого-то вызывать... эй, ты слышишь, чего тебе говорят?!

— Барух — это кто? — снова невпопад спросил Сергей.

И тут же получил массивным кулаком по темечку, аж слезы брызнули из глаз.

— Я ему выдрал половину его драной бороденки! Вот этими руками... — хмурый потряс перед распухшим носом Сергея своими красными лапищами, — я оторвал у него семь пальцев на ногах и левое ухо! Я проткнул его вертелом грешницы Ильзы чуть не насквозь, а потом посадил голой задницей на шип благоверного Игнатия! Я вышиб ему четыре передних зуба — не-ет, не сразу! Каждый я сначала вбил на полвершка в челюсть, а потом уже выворачивал! Я подвешивал его вверх ногами, разрезал подошвы и посыпал их солью... Нет, ты не представляешь! Но старый хрен, этот тупой недоумок

продолжал стоять на своем! Ты не догадываешься, что он мне рассказал, а?

— Не-ет, — дрожащим голосом выдал Сергей.

— Ты не хочешь говорить правды! Ты не веришь мне! — обиделся хмурый. — А я хочу совсем малого, понял! Совсем немногого!

— Чего же? — оживился Сергей, сообразив, что ему предлагают сделку.

— Ты какой-то бестолковый инкуб! Если ты вообще инкуб! Ну ладно... Этот хрен клялся, что он на самом деле вызвал тебя из ада! Это верно?!

— Врет! — заявил Сергей решительно.

Хмурый поглядел на него с прищуром, недоверчиво. И потянулся за пилообразными клещами.

— Врет, говоришь? — переспросил он зловеще.

Сергей промолчал. Он вдруг понял — сделка не состоится, ведь этот толстяк потребует от него чего-нибудь заведомо невозможного: философского камня, или просто груды золота, жемчуга, камней, а может приворотного зелья, или эликсира вечной молодости. Ну откуда ему взять все это?! Нет, пропащее дело!

— А чего это ты повернулся эдак-то, а? То все признавал, всякую напраслину признавал, чего б я ни на-выдумывал? А тут уперся вдруг? Странно! Может, ты и впрямь инкуб?! Вдруг этот нечестивец тебя и вытащил из самой преисподней?! Говори, пока никого нету! Я тебя не выдам! Вот те крест!

Хмурый вяло перекрестился, явно не придавая этому жесту особого значения.

— Ну погляди сам, какой я демон, ты что? — заволовновался Сергей. — Потрогай, если глазам не веришь!

Хмурый усмехнулся криво, обнажив щербатые зубы.

— Инкубы умеют прикидываться, — сказал он, — ежели б нечисть в своем обличьи ходила, так и забот бы не было у порядочного обывателя, все сразу видно, хитришь, но хитрости твои белыми нитками шиты!

— Ладно, говори — чего надо! — выпалил неожиданно для себя самого Сергей.

— Вот это дело! — сразу оживился инквизитор. — А не обманешь?

— Нет!

— Я хочу знать дорогу туда!

— Куда?!

Хмурый обжег его взглядом маленьких свиных глазок, по лбу пробежали складки морщин.

— В преисподнюю!

Сергей ожидал чего угодно, только не этого. У него по спине потек пот — мелкими противными струйками потек. Надо было на что-то решаться, по крайней мере надо было протянуть время, отдалить новые пытки — может, появится проблеск. И он выдал:

— Я тебе покажу дорогу туда.

Хмурый затрясся, сразу протрезвел. Глаза его утратили злость, недоверие, стали полубезумными, бегающими — видно, он сам не ожидал столь быстрого решения вопроса.

— Но ты должен сказать мне, — продолжил Сергей, — зачем ты туда собираешься?!

— Я всю жизнь мечтал об этом мире! — выпалил хмурый. — Я верил, что попаду туда, не мертвым, не жалким грешником, обреченным на страдания, а одним из тех, кто несет эти страдания, одним из творцов его! Я всегда себя готовил к той жизни, я ждал ее... А ты не обманешь?

— Нет! — ответил Сергей.

— Давай хлебнем? — предложил хмурый и снова вытащил флягу.

— Давай, — согласился Сергей. И тут же спросил: — Какой сейчас год?

— Две тысячи семьсот двенадцатый от Преображения Христова, — с готовностью ответил инквизитор.

— Что-о?! — воскликнул Сергей. Ему показалось, что он ослышался. — Повтори! Повтори немедленно!

— Две тысячи семьсот двенадцатый от Христова Преображения, я же внятно сказал!

— Этого не может быть!

Хмурый развел руками.

— У вас там, наверное, свой отсчет? — робко поинтересовался он.

Сергей пропустил мимо ушей его слова. Он весь дрожал. Прошрое, пусть и самое жуткое прошрое, но свое, во многом знакомое — это одно. И совсем другое...

— Мы где, в Испании? Португалии?

Хмурый пожал плечами. Щеки его обвисли.

— Эспаньол? Франс?! Черт возьми, Каталония, Мадрид, Наварра, чего там еще-то, Тулуз, Гренада, Лиссабон, да?

— Мы в Гардизе, — сказал хмурый и немного отодвинулся. Он сидел с фляжкой в руке, но казалось, что позабыл про нее, вот-вот уронит.

Сергей понял, что взял слишком круто. И указал глазами на фляжку.

— Давай-ка, приятель, промочим глотки!

— Давай!

Они выпили. Нос у Сергея совсем отошел. Но сидеть становилось с каждой минутой все неудобнее — шипы делали свое медленное, но верное дело.

— Освободи меня, развяжи руки, — потребовал Сергей.

Хмурый заколебался. Привязанный инкуб, даже если он вовсе не инкуб, все-таки надежнее, да и спокойней как-то! Развяжешь, а он и отмочит чего-нибудь такое, что потом или костей не соберешь, или на кол посадят. Нет уж, надо выждать — так думал хмурый толстый инквизитор. И все это Сергей читал на его отвратном лице.

— Ну, как знаешь! — проговорил он и отвернулся от хмурого.

— Я тебя развяжу, потом развяжу, — пообещал хмурый. — Только гляди, не обмани!

— Не обману, — сказал Сергей.

— А щас надо еще кое-что по протоколу выяснить. — Хмурый хлопнул в ладоши, крикнул гортанно.

Прибежал бритый и сразу занял свое место за столом — гусиное перо задрожало в его руке. Хмурый развернул свиток.

— Как доносит свидетель, испытуемый распространял кощунственные ереси о происхождении жизни на нашей грешной земле. При том утверждал, что человека создал не Господь Бог, а что его якобы родила обезьяна, в которую Господь вдохнул душу. Так?

Сергей уставился на хмурого, и во взоре его, видно, было столько всего, что свиток выпал из огромной руки с обгрызенными ногтями.

— Кто-о?

— Что — кто? — переспросил хмурый, и брови его зашевелились как змеи.

— Кто свидетель?! — заорал Сергей во всю глотку.

— Вы тут все с ума посходили!

— Только без этого, — предупредил хмурый, — по-

прошу соблюдать спокойствие и выдержку. Вы не на гулянке и не на базаре, а в солидном заведении!

Сергея трясло. Но он взял себя в руки. Хмурый прав, сейчас на самом деле многое зависело от его хладнокровия и умения приспособливаться к обстоятельствам. Надо лишь проанализировать ситуацию, осмыслить происходящее.

— Хорошо; — проговорил Сергей мягко и подмигнул хмурому, будто напоминая о сговоре. — Хорошо, но один лишь малюсенький вопросик, вы разрешите?

Хмурый благосклонно кивнул. И поглядел на бритого — дескать, почему бы и не дать испытуемому перед началом самого интересного немного и потрепаться — это даже как-то благородно, великодушно.

— Скажите, на каком языке мы сейчас говорим? — спросил Сергей очень мягко и деликатно.

Сначала захохотал бритый. Потом залился смехом, нутряным и сдержанным, хмурый. Они глазели друг на друга, тыкали в испытуемого пальцами и не могли остановиться.

— На русском? — робко вставил Сергей и тоже хихикнул.

Хмурый сквозь выступившие слезы просипел:

— Похоже, я в тебе ошибся, малый! Какой ты к черту инкуб! Ты просто слабоумный, точно, трехнутый, сдвинутый! Ну рассуди сам — ведь ежели мы в Гардизе, то по-каковски нам надлежит говорить, а?!

— По-каковски? — на свой лад повторил Сергей.

Бритый чуть не упал со стула.

— По-гардизки, посади тебя на кол, по-гардизки! Ты, видать, совсем плохой, малый!

Сергей хотел промолчать. Но вопрос сам вырвался из рта:

— А я на каком говорю?

Смех прервался. Оба инквизитора поглядели на испытуемого мрачно. Хмурый потянулся за клещами. Бритый покачал головою.

— Издеваться надумал? — процедил он раздраженно. Теперь и он не верил, что испытуемый демон.

— Ты говоришь на том языке, олух, — прошипел хмурый, — на каком тебя спрашивают, понял?! Или надо растолковать поподробнее?!

— Не надо! — быстро выпалил Сергей. — Вы лучше скажите тогда — я гардизец?

Хмурый долго глядел на него, соображал, что к чему. До него начало доходить. Бритый сидел с самым глупым видом и щекотал кончик собственного носа растрепанным пером.

— Да вроде раньше у нас таких не было, — наконец выдал хмурый, — и вообще не похож обличьем-то, верно? — Он обернулся, ища поддержки у писаря.

Тот закивал, раззявил рот.

— Точняк, не нашенский — в Гардизе таких отродясь не водилось!

— А откуда тогда язык знаю? — ехидно вставил Сергей. Он еще сам не понимал, к чему ведет его игра, но пер напролом. Ему хотелось обескуражить противника, сбить с толку. Ведь его самого сообщением о том, что все они говорят по-гардизки, настолько ошарашили, что хоть руки подымай вверх и иди сдавайся в психушку! Одна радость, что психушек здесь судя по всему еще нету и когда пооткрывают — неизвестно. Что же касалось вопроса о происхождении человека одушевленного, это и вовсе было непонятно Сергею.

— Выучил! — заявил хмурый. И сам засомневался, покачал головой.

— Не-е, — робко протянул бритый, — чтоб так выучить-то, надо с самого детства учить! Я так думаю, тут совсем другое...

— Чего?! — Хмурый поглядел на помощника зверем.

— Я думаю, — бритый вдруг снова затрясся, отвел глаза от Сергея, побледнел, — я думаю, что он и есть инкуб самый настоящий! Инкубы все знают, по-всякому болтать горазды! Он просто это... недоделанный какой-то инкуб, такое мое разумение. — Язык у бритого опять начал заплетаться, но на этот раз явно не от выпитого. — Тьфу ты, силы небесные! Это ж надо?! Скоко раз я говорил, бросать надо эту работенку, бросать — и деру давать отсюдова, бежать без оглядки! Меня отец Поликарпий еще когда пристраивал сюда, все предупреждал: не бойсь ничего, не бойсь, Мартыний, все путем будет! Я думал, дурашлепина, а чего бояться-то, чего бояться — народишко все дрянной попадается, хилый, немощный, дрянь всякая и мразь, откуда среди их бесям взяться, ну откуда?! Так нет, пошел! А в том годе на колдуна напоролись, помнишь?! На настоящего! Скоко раз обещали, что не будет настоящих! И-ех! Врут все, проврались насквозь, ироды окаянные, нехристи поганые! И

вот, на тебе — подсунули-таки настоящего, вон он — инкуб! Как пить дать, инкуб! А у меня баба и ребят шестеро, да еще одна есть...

— Ах ты поскудник, уставы нарушаешь? Гляди-и! — Хмурый закатил бритому Мартынию оплеуху. И тот разом примолк.

Теперь хмурый смотрел на Сергея с доверием. А значит, все будет как надо, по сговору. Сергей воспрял духом.

— Я ж вам сразу сказал — инкуб! — заявил он обретенным тоном комсомолочки-активистки. — Самый натуральный и вполне доделанный. Вон того, бритого, могу хоть щас сожрать! Плевать мне, что у него семеро с бабой!

— И еще одна-а! — плаксиво прибавил Мартыний. Он был вне себя — зубы выбивали чечетку, руки и нос окрасились чернилами, огрызок пера торчал изо рта.

— А нам и нужны инкубы, — грозно проговорил хмурый. — Пиши, чернильная душонка! Испытуемый признался в том, что он есть посланец ада, урожденный демон-инкуб, покушавшийся на души благочестивых горожанок... и горожан. Пиши! Инкуб был вызван из преисподней лжезаклинателем духом, лжетеургом и городским сумасшедшим по совместительству Барухом Бен-Таалом, выпущенным из-под следствия ввиду его полной невменяемости и в соответствии с нуждами Инквизиционной Комиссии... Написал?

Бритый воздел глаза на хмурого. И робко спросил:

— С трудом поспешаю за мыслью вашей, отец Григорио, ведь коли он, то есть Барух этот, лжетеург и лжезаклинатель, то как же это он, нечестивец поганый, умудрился вызвать из преисподней демона?!

Отец Григорио призадумался, почесал свисающий на рясу подбородок. Но потом ответил с расстановкой:

— Потому и умудрился, что нечестивец! Пиши!

Сергей, забыв про боль в носу, про неудобное положение, слушал во все уши. Он не терял надежды.

А хмурый отец Григорио продолжал:

— И еще — упомянутый инкуб смущал гардизцев и простодушных селян лукавыми речами, в которых утверждал, будто Вседержитель вдохнул человеческую душу в обезьяну, зверя препоганого и препротивнейшего, коий есть порождение не Бога, а диавола и его слуг!

Мартыний опять приподнял голову.

— Так его ж прямо из склепа сюда приволокли, когда ж он успел-то?!

— На то и инкуб! — вразумительно ответил хмурый. — Пиши далее. А при допросе с пристрастием... из пасти испытуемого вырывались языки адского пламени, а из глаз сочилась зеленая бесовская кровь, а когда на дыбу подняли, из испытуемого потекли водопадом нечеловеческие нечистоты и вывалился до самой земли хвост с седой и колючей кистью на конце, а еще...

Бритый Мартыний вскочил, бросил перо на стол. Глаза у него побелели от страха, челюсть отвисла. Руками он закрывал лицо и вопил тонюсенько:

— Нет! Не-ет! Не пугай ты меня ради всего святого! Не давал я согласия с живыми инкубами работать! Не переносу, на дух не переносу! Наше дело неблагонравных выявлять, а не с демонами... Отпусти! Отпусти, добром молю, не то сбегу отсюда!

— Цыц! — прекратил истерику отец Григорио. — Я щас из тебя самого инкуба сотворю, я щас из тебя, дармоед, хвост до земли вытяну! Садись и пиши! А ну, давай, покуда я сам перо не взял и кой-чего про тебя не прописал куда следует!

Сергея начинала забавлять эта сцена. Но виду он не показывал. Сидел смиренхонько, потупив очи, хлюпая поврежденным опухшим носом.

— Значит, так! Смущал горожан и поселян, в чем и свидетельствовал городской сумасшедший, лжетург и нечестивец, упомянутый Барух, в чем и признался сам испытуемый.

Мартыний перестал скрипеть пером, устался на чернильницу. Он был явно озадачен.

— Почему не пишешь, дармоед? Рука отсохла?

— Я полагаю, что свидетельство сумасшедшего — это чего-то не то, как вы думаете, отец Григорио? Или для благого дела сойдет?

Хмурый почесал выбритую макушку.

— Сойдет, Мартыний, для благого — все сойдет! Не слишком ли много ты себе позволяешь, а? Они, видишь ли, полагают. Чего ты там еще полагаешь, говори сразу, бездельник!

— Я полагаю, что все это следует шить! — твердо заявил воспрявший духом Мартыний.

— Как?!

— Дело, говорю, надо по кусочкам разложить, упо-

рядочить, чтоб ни одна собака носом не повела, а потом и сшить, как полагается, по всем правилам...

Хмурый отец Григорио схватил с доски щипцы блаженной Ильзы и швырнул ими в бритого. Тот ловко увернулся.

— Ладно, на сегодня хватит. Пошел вон!

Мартыния как ветром сдуло, он словно ждал этой благословенной команды.

— Значит, инкуб? — тихо спросил хмурый.

— Инкуб! — ответил Сергей.

— Я тебе бабу пришлю на ночь! Но после двенадцати жди. Не обманешь?!

— Сам не струсь! — Сергей рассмеялся в лицо хмурому. Он за эти прошедшие в пыточной часы настолько вошел в роль, что ощущал себя настоящим демоном.

— Эй, стража! — выкрикнул отец Григорио.

Загремели, зазвенели доспехи, ножны, мечи, алебарды. Сергея на минуту освободили, подняли, вывернули руки за спину. Поволокли. Потом сбросили вниз по какой-то скользкой лестнице, заперли дверь. Это была темница.

Сергей долго разминал руки и ноги, расправлял спину. Поясница жутко болела. За пазухой что-то колело. Он сунул руку — там лежала железная штука, которую он сам умудрился спереть из пыточной, уцепившись на ходу за доску. Во тьме было плохо видно. Но глаза привыкали. Сергей смотрел на штуковину, и все у него внутри холодело. Это был шип. Тот самый!

Отец Григорио не обманул. Через час Сергею принесли еду в большой миске и кувшинчик кислого вина. Еда была паршивой, тюремной — обычная баланда. Вино утолило жажду. А еще минут через десять грохочущий и звенящий стражник с прибаутками и хихиканьем толкнул к нему в подвал женщину — изрядно толстую и подвыпившую. Видно, прежде чем пойти в гости к инкубу, долго готовилась.

— Который тут демон?! — спросила она с порога.

И Сергей подумал — может, в последний раз, может, больше и не придется. Он ответил кротко, но с достоинством:

— Ну я демон.

Толстуха расхохоталась и бросилась ему на шею, наваливаясь исполинскими грудями, сбивая с ног.

— Страсть люблю демонов! — завизжала она в ухо.

И Сергей понял — выспаться ему не дадут. Пропала ночь! Но он решил, пока не выяснит толком, что к чему, не притронется к этой пьяной потаскушке, главное — дело!

Он оттолкнул ее, сильно сжал руку у плеча.

— Ой! — страстно взвизгнула женщина.

— Спокойно! — остановил ее Сергей. — Я любопытный демон. Расскажи-ка мне об этом, как его — Гардизе. Где он, в какой стране, на какой земле, кто тут живет, кто чем занимается... и прочее.

Женщина кокетливо повела плечами, скорчила недовольно-игривую гримаску, просюсюкала:

— Потом, потом, мой пылкий кавалер... я горю, как адская жаровница, хи-хи! Ну же!

Сергей разглядел ее получше. Она была значительно младше, чем показалось ему сначала — лет двадцати пяти, не больше. Но до чего же упитана, толста! Может, здесь это почиталось особым даром, принималось за особую статью?! Она была черненькая, с пухлыми влажными губками и синими глазищами в пол-лица. Вздернутый носик говорил о легком взбалмашном характере.

— Отвечай! — приказал Сергей сурово. И усадил ее на широкую, застеленную слежавшейся соломой лавку.

— Какой противный демон, какой скушный, — обиженно протянула гостя. — Гардиз — это Гардиз, город и все, что вокруг города, понял? А живут тут всякие, дураки в основном! А бабы — точно, все дуры, я знаю, что говорю.

— Страна как называется? Континент?! Планета?!

— Чего-о?! Ты, небось, ненормальный демон.

Сергею уже надоело это выяснение — нормальный демон или ненормальный, он устал от него!

— Отвечай! — Он покачал кулаком перед самым носом пышнотелой красавицы.

И та струхнула, отпрянула к стенке.

— Не знаю я, ничего не знаю! Тут все живут. Чего прицепился!

— Вот все это, что больше и шире Гардиза, как зовется? — Для выразительности Сергей развел руками. — Земля?

— Совсем спятил?! — красавица хихикнула. — Где земля? Вокруг, что ли? Земля под ногами!

— А что вокруг?! — заорал ей в ухо Сергей. Он был вне себя.

Толстуха бросилась на него, обняла, впилась губами в его рот. Потом, когда долгий поцелуй закончился, она прошептала ему в ухо:

— Ах, я знала всегда, что демоны такие пылкие, такие страстные, просто жуть! Ты меня сжигаешь на не-земном пламени. Жги, жги меня, мой милый демон! Какая нам с тобой разница, как зовется вся гнусная земля вокруг, до самого конца света, до края, где стоят небесные павлины с хоботами, свисающими к спинам ардагурских броненосцев... Всякие дураки ее называют Рогеда, ну и пусть, а я дальше стен Гардиза никуда не ходила, вот так. Жги меня, сожги совсем, мой милый инкубчик!

А чем, собственно, Рогеда хуже Земли? Ну чем? Наплевать на все! Права толстуха, она мудрей всех этих шаманов, в тысячи раз мудрее! С такими мыслями Сергей расстегнул платье на спине женщины, спустил широкие черные бретели с плечей — и в подземелье словно светлее стало от двух ослепительно белых колышащихся шаров. Он положил руку на один, нажал — и она утонула в податливой женской плоти. Толстуха сдавила ладонками его виски, потом ее руки скользнули на шею, плечи. Падая назад, она потянула его за собою. В эти секунды Сергей уже не понимал, где он находится — на Земле, на Рогеде, или еще где.

Он все же выскользнул из ее объятий. Стянул с пышнотелой красавицы платье, под которым ничего больше и не было, сбросил с себя рубаху, штаны... И ринулся в это дрожащее и перекатывающееся горящее тело. А когда он утонул в нем, когда полные руки и ноги обвили его, Сергей почувствовал всей кожей — да, она принимает его за настоящего демона, она уже сейчас трепещет, отзывается на малейшее его движение каждой клеточкой, каждой жилкой, он почувствовал, как прокатываются внутри нее томные судороги, как она вздрагивает и замирает, выгибается и потягивается. Он слышал, как она стонет, хрипит, вскрикивает, задыхается от наслаждения. И все это удесятерило его силы, вливало в тело жар и еще большее желание, лишало разума. Он впиался руками в сочную мякоть, впивался, стараясь не

оставить не обласканным ни кусочка кожи, он не боялся, что ей будет больно — чем сильнее и смелее были его руки, тем сладострастнее она билась под ним, тем горячее дышала в ухо, тем властнее впивались ее губы в его тело. Он сам ощущал себя демоном — жестоким и всесильным, алчным, неутолимым, ненасытным. Он был палачом, терзающим свою жертву. И эта жертва требовала от него пыток, боли, терзаний, сладких мук! Она вбирала в себя своего палача, высасывала из него все соки, подчиняла себе, околдовывала и тем самым превращала его в жертву, обрекала его на бесконечную томительно-дивную пытку, мучила его и содрогалась от его мук. Вот на таком пыточном кресле-кровати Сергей готов был возлегать вечно, куда хватало жизни в жилах. Эта пытка была по нему!

В тот момент, когда стон вырвался из его горла, а сам он впился зубами в ее шею у плеча, когда все его тело сдавило, а потом вывернуло... на спину, голую спину упало что-то холодное и липкое. Это был финиш! Сергей свалился с извивающейся красавицы, грохнулся со скамьи наземь. Уставился в потолок. Там зеленело большое пятно. Еще одна густая капля нависала над лежащей, готовилась оторваться... и оторвалась. Большой комок мерзкой зеленой слизи плюхнулся со звучным шлепком на роскошную белую грудь, чуть задержался на выпирающем подрагивающем соске. И сорвался, стек по белому боку, потом по слежавшемуся сему, шмякнулся на пол.

Женщина, дотоле молчавшая, пялившая глаза на Сергея, вдруг взвизгнула, поджала ноги, отпрянула к стене и замерла. Сергей не сразу сообразил, что она в обмороке. Он передернул спиной — слизь слетела с нее, поползла к уже лежащей в грязи. Следом плюхнулась последняя капля, слилась с предыдущими. И из образовавшейся лужицы высунулся мутный глаз.

— Ах ты тварь подлая! — заорал Сергей, не удержавшись.

Глаз моргнул чем-то морщинистым, набежавшим сбоку. И послышался виноватый гундосый голос:

— Да, переход не слишком удачный вышел!

Из лужицы высунулась голова, потом плечи, руки и наконец вся фигура зеленого. Сегодня он как-то особенно крупно дрожал, словно его била лихорадка. Голова тряслась на длинной хлипкой шее, отрепья-водоросли

болтались зеленой вялой лапшой. Одна рука тянулась к самому полу и опиралась о него тыльной стороной четырехпалой ладони.

— А у вас все женщины на уме? — иронически прогнусавил зеленый. — Все плоть тешите?! Экий вы, право, жизнелюб!

Сергей и разговаривать не желал с наглецом. В такой момент, так все испортить, так влезть! Слизняк паршивый! Гнида болотная!

— Тебя сюда, между прочим, не звали! — процедил Сергей, натягивая штаны.

— А мы и не нуждаемся в приглашениях, мой юный друг, — равнодушно сказал зеленый и уставился на бесчувственную толстуху. Та была необычайно хороша в своей наготе и безмятежности.

Если б не зеленая мразь, Сергей бы еще долго наслаждался ее телом — уж до самого прихода отца Григорио точно! Но судьба решила иначе. Зеленый вдруг стал уменьшаться в размерах, сжиматься. Зато глазища его набухали все сильнее, становились огромными, выпученными до невозможности. Сергей изогнулся и сбоку заглянул в них. Ему стало страшно, он даже отпрянул к стене. В мутных бельмах-белках зеленого появились крохотные красные огоньки, они словно вынырнули из глубин мозга, разгорелись, рассеяли муть. И вместе с тем они сохраняли холодность и отчужденность змеиных глаз.

— Не надо! — закричал Сергей.

Но было поздно — из глаз псевдоинопланетянина вырвались два узких фиолетовых луча — будто скальпелями резанули они по сахарному телу женщины: отлетела голова — мячиком подпрыгнула на скамье, скатилась на пол, замерла с приоткрывшимся ртом, казалось, обиде застыла на пухлых губках, глаза же так и не открылись. Осели вниз груди словно две спущенные футбольные камеры, вертикальная полоса прорезала торс, живот, распались бедра... и все застыло белым месивом. Ни капли крови не выступило из тела, ничто не запятнало ослепительной кожи. Сергей зажал рот рукой, чтобы не завопить. Он уже не мог контролировать себя.

С вытащенным из кармана шипом, зажатым в кулаке, он набросился сзади на зеленого. Удар был резок и силен. Но рука проскочила сквозь зеленую слизь, почти не задержавшись в ней. Сергей упал на колени, и опас-

ясь чего-то, перевернулся дважды вокруг себя, вскочил на ноги, уперся спиной в стену, приготовился защищаться.

— Не нужно дергаться, — прогнусавил зеленый, — вы же мне мешаете.

Сергей бессильно опустился на корточки, устался на лежащую в грязи голову. Та вдруг приоткрыла огромные синие глазища, подмигнула лукаво, и изо рта совсем тоненько и игриво донеслось:

— На Рогеде вы, стало быть, на Рогеде.

Глаза тут же потухли, синь из них испарилась, а сами глазные яблоки вывалились желтыми шарами наружу. Из рта свесился длиннющий синий язык — он был покрыт бородавками и влажен.

Сергея начало рвать. Он не мог сдержать мучительных позывов, тошнота подкатывала к горлу вместе с выпитым кислым винцом и проглоченной наспех баландой.

— Надеюсь, вы все поняли, милейший? — спросил зеленый.

Он уменьшился до карликовости, до размеров пятилетнего ребенка. Зато глазища его были не меньше ламп-фар с бронетранспортера 60 ПБ, на котором Сергею довелось немало поездить во времена службы в армии, даже больше! И была в этих глазах неведомая сила. Когда тело женщины оказалось изрезанным в крошево, лучи вдруг стали изумрудно-зелеными, и все обрубки, обрезки, огрызки, включая и голову, слились в изумрудном свете в один комок, вспыхнули, покрылись клубами дыма и исчезли. Лишь едкая гарь повисла в воздухе.

— Вот и все, — прокомментировал события зеленый. — И пусть она вам не морочит голову — гардизка, дальше стен никуда-а! Ложь все это! Профессиональный гинг с Цирцеи, вот так-то. Мы на этих гадинах собаку съели.

— Какой еще гинг? — спросил Сергей, сжимая рукой горло и часто моргая мокрыми глазами.

— Самый обычный, выращенный из плоти рогедянки — им для этого всего две клетки нужно. Ну ладно — это скучные материи! К вам отношения не имеют. Они вас не за того приняли.

Сергей же, потеряв интерес к зеленому, смотрел на солому — по всем законам она должна была вспыхнуть еще несколько минут назад. Но она лежала себе на

скамье и была даже сыроватой на вид. Сергей сунул бесполезный шип в карман брюк. И тяжело вздохнул.

— Ну, теперь вы верите нам? — прослюнил в ухо зеленый. Он быстро увеличивался в размерах, начинал трястись. Отрепья-водоросли колыхались так, словно их раздувал ураган. — Даже бескровный искусственный гинг на поверку материальнее вас, почтенный. Вы видели с каким трудом его берет луч лазера, это ж надо сколько мороки! А чтоб избавиться совсем, пришлось подключить аннигилирующие устройства — опять перерасход, опять мне в Осевое измерение придется входить в четвертьплоскостном режиме... А вы еще ругаетесь, обзываете по-всякому! Нехорошо, мой юный друг!

Сергей пожал плечами, он не мог вникнуть в происходящее. Ему хотелось домой. Но надо было держать слово, ведь хмурый отец Григорио надеется на него, ждет. И Сергей прохрипел с мольбою:

— Тут есть один, тоже материальный, я ему в преисподнюю дорогу обещал указать, проводить, значит, пообещал. А куда я его провожу, я и сам чего-то заплутал... Может, подсобите?

Зеленый явно обрадовался. Он стек в лужу, потом выпростался из нее свеженьким эдаким огурчиком, даже симпатичным каким-то.

— Отчего ж не подсобить! — прогнусавил он бодренько. — подсобим! Спровадим, куда надо!

Сергей тут же пожалел о своей просьбе — еще загубят отца Григорио, изверги! А ведь мужик тот неплохой, другой бы на его месте уже давно с испытуемого семь шкур содрал.

— Так вот, — продолжал зеленый, вытягиваясь и приседая. — Вы ведь сообразили под конец, что Рогеда это не Земля вовсе, верно?

— Верно, — согласился Сергей.

— А похожа ведь, похожа?!

— Это точно, похожа. Можно и спутать!

Зеленый впервые за все время ослабил — из под отрепьев-водорослей показались желтенькие остренькие зубки, эдаким рядком, штук в сорок. Но тут же водоросли все снова скрыли.

— А ведь Рогеда и ее цивилизация — это одно из первичных отражений Основного мира. Понятно?

— Не очень.

— Я вам тогда не все сказал. Слушайте. Ведь отра-

жения бывают разными — есть отражения объекта, а есть отражения отражений объекта, верно? Поставьте несколько зеркал под углами друг другу — и вы убедитесь в правильности модели. И каждое зеркало дает хоть маленькое, но искажение. Тут как в вашей игре “испорченный телефон”. Но это я к слову. А суть в том, что ваш мир — это одно из последних, одно из самых искаженных отражений. И потому все у вас неладно, все плохо! Вот сами вникните: ведь задумываете вы все хорошо, как надо, и законы у вас, что надо, и идеал в общем-то сумели смоделировать верный, точнее, уловить через ряд зеркал. Но за что ни возьметесь, все наперекосяк — вот он эффект невидимых и неосязаемых искажений.

— Есть тут что-то, — согласился Сергей, — это как постригаться перед зеркалом самому — обязательно куда-нибудь не туда ткнешь или не то оттяпаешь!

— Точно! Вы более сообразительны, чем кажетесь на вид! Нечего и тыкаться, милейший, ну зачем отражению дергаться и тыкаться, ежели оно лишь повторяет чьи-то движения?! Все равно ведь своих-то нету!

Зеленый перетек на стену, расплзся по ней, махал руками-тряпками, шевелил морщинистым лбом.

— Мир, повторяющих Основной мир, не счесть. И везде одно и то же. Правда, есть разброс во времени, свои детали... но все оттуда, из Основного. Доходит теперь?!

Сергей встал, опираясь на колени, потянулся.

— Значит, я или вот писарь Мартыний, скажем, всего лишь ваши отражения? Что-то не очень-то отражения похожи на оригинал. Вы себя когда-нибудь в зеркале видели?

— При чем тут я? При чем мы? — обиделся зеленый.

— А как же?!

— Ни черта вы не поняли! Я переоценил вас, рано еще с вами связываться, и-эх!

— Значит, и у вас была Святая Инквизиция, заклинатели духов, пытки, Учение о Христе Спасителе, так? — гнул свое Сергей.

Зеленому такие вопросы явно не нравились. Он трясся пуще прежнего. Колыхал отрепьями, наливался гнусью и мерзостью, казалось его вот-вот прорвет будто созревший нарыв или волдырь.

— Вы акцентируете внимание на второстепенных ве-

цах, как же так можно?! — гнусавил он. — Опять вы переход срываете! Опять оператору мешаете!

Сергей напрягся. Оглянулся. И тут же под сводами темницы прогреготал знакомый звериноподобный рык. Опять заплясали прямо в воздухе кровавые тени, замельтешили отблески. Никакой стены позади не было. Кошмарное существо на четырех упористых выгнутых лапах стояло в полумраке. И не просто стояло, а мелко вибрировало, гудело, словно перенасыщенный энергией аккумулятор и все его составляющие. В студенистой массе на этот раз не было глаз, масса колыхалась, выпучивалась, пенилась. Из нее выпадали черные капли, растекались в пыли и грязи пола темницы. Но видел Сергей совсем другое — лишь две задранные над студнем-головою ручки и огромный сверкающий лезвием топор в них. Время словно спрессовалось, его не было. Был лишь этот топор и сам Сергей — беззащитный, дрожащий, маленький.

А когда прорезались в студне два красных безумных зрачка, Сергей завопил, что было мочи, и последним судорожным, безнадежным и каким-то инстинктивным движением перекрестил четырехпалого уроды. Жуткий, леденящий душу рев вырвался из разверзшейся смрадной глотки... и все пропало!

— Ну вот, — грустно вздохнул за спиной зеленый. — Теперь уповайте на самого себя! Мы вам помогать больше не будем!

Сергей, еще не прочухавшись, оседая у вновь появившейся заплесневелой стены, проканючил слезливо:

— А сами-то обещали, как же так?! Отца Григорио туда спровадить, а меня... А меня назад, к себе!

— Никто вам ничего не обещал, милейший. Над замкнутым циклом мы не властны! — прошипел зеленый как-то зло и строго. — Нечего других обвинять-то, когда сами виноваты.

Сергей понял, что дела его неважные, что на этот раз он не выкрутится — лучше б уж и впрямь, топором по башке! И все-таки перед смертью ему кое-что надо было выяснить.

— Откуда эти гады узнали про мою теорию происхождения одушевленного человека? — спросил он напрямик.

— Вашу ли? — засомневался с ехидцей зеленый.

— Ладно, неважно чью. Откуда, я спрашиваю?! Они

и в свитке своим записали все. Тут не может быть совпадений.

— Это все Барух проказник, — прогнусавил зеленый, — он, кому, же еще в такие игры играть!

Барух Бен-Таал отдал тюремщику два звена от своей цепи, чтобы тот отвез его в пещеру у моря. Тюремщик мог забрать и всю цепь, так же как и инквизиторы. Но Барух предупредил их, что по старому поверью, кто заберет цепь силой, тот на ней и повесится к утру. Желющих рискнуть не оказалось.

— Да потише ты, черт старый! — ругался Барух на тюремщика.

Тот вез теурга по разбитой гардизской дороге в своей одноколенной тачке с двумя длинными ручками. Дорога была усыпана камнями и всякой дрянью. А теург не переносил после пыток ни малейшего толчка. Он орал на каждой колдобинке.

— Какой же ты колдун, дьявол тебя забирай, — сокрушался добродушный тюремщик. — Колдун бы давно исцелил себя! Нет, ты городской сумасшедший, а никакой не теург! Видали мы заклинателей духов, видали!

Барух не спорил с глуповатым увальнем. Ему все уже осточертело в Гардизе. Вон! Вон отсюда! И никогда ни ногой! Этот мясник чуть не отправил его на тот свет! Эх, лишь бы до пещеры добраться!

— Ну ладно, дальше сам, — пробасил тюремщик, — доберешься, тут близко. Нам туда запрещено! — И вывалил Баруха из тачки в пыль.

Барух полз долго. Полз, роняя капли все еще сочащейся из-под повязок крови в пыль. Но он видел цель. И потому дополз.

У входа в пещеру, последний раз полюбовавшись желто-зеленым гардизским морем, плавными взмывами берегов и неторопливыми волнами, он поднялся на ноги, оперся о стену.

— Вон! — проговорил он вслух со злобным выражением на лице. — Вон отсюда! — Последние слова прозвучали отнюдь не по-гардизски.

Переходник был запрятан под четырнадцатым камнем от входа. Барух два раза сбивался со счета. Но он начинал снова, он был упрямым. В голове все кружилось, глаза отказывались смотреть на белый свет даже в

полумраке пещеры, перед ними все еще плескались желтые волны.

— Пора! — проговорил Барух.

Он вытащил прибор. Приложил его к груди. Надавил на сердцевину сквозь тоненькую кожаную перепонку. Круглый переходник задрожал, пещера наполнилась гулом. На раны старика словно кипятком плеснули. Он скорчил гримасу, съежился. И в тот же миг его выбросило в склепе, на широченной плите. Точность была невероятная! Барух расхохотался в голос. Он уже не чувствовал боли. Он торжествовал, ему опять удалось обдурить этих гардизских дураков!

Осмотревшись внимательнее, он убедился в своей правоте. Вход в инферно не был заперт. Он не успел замкнуть цепи, слишком быстро все произошло, слишком резвы оказались стражи! Они не знали, как запереть адские ворота, да и откуда им знать! Но золото позвонков они уволокли, утащили, корыстолюбцы, жлобы! Да знай они, что там, под плитами, сейчас золота в тысячи раз больше, в миллионы, они б с ума посходили от этого знания. Быдло! Дикари!

Сейчас Баруху не нужна была гексаграмма. При открытом входе переходник сам создавал микрополя, сам разрушал поверхностно-слабые связи, этого хватало.

А ведь все плохо кончилось, потому что он забыл прочертить обережный круг. Это непростительный промах! Но что теперь слезы лить?! Теперь надо уносить ноги от сюда.

— Вон!!! — изрек Барух Бен-Таал из Гардизы, он же Аргавар Блистательный из Внутреннего Мира, магистр пространственно-временной баллистики, прима-балавр замкнутых структур. — Во-он!!!

Никто из гардизцев не понял бы его выкрика. Но им и незачем было его понимать. Как в прошлый раз открылись два провала по обеим сторонам от надгробной плиты, полыхнуло до сводов адским огнем, запахло серой, черный дымок заструился меж изъеденных временем саркофагов.

Барух-Аргавар заглянул в зияющую бездну, и вытянутое изможденное лицо его окрасилось багровыми отблесками Преисподней. Он сделал шаг вперед, вскинул руки над головой. И полетел в огнедышащую пропасть.

Сергей внимательно слушал зеленого. Кто знает, может, тот и не врал. Полной уверенности не было, тем более, что зеленый умел убеждать собеседника.

— Это Барух-пройдоха вытянул из тебя мысли, — гнул свое скользкий инопланетянин, — а потом и выложил этим олухам, они падкие на всякие такие штучки. А ему нужна была, извините за выражение, отмазка. О-о, этот деятель всех продаст и всех купит. Наша агентура за ним уже четвертую сотню лет гоняется по всем измерениям!

Сергей готов был поверить во все эти измерения, в гонки за барухами, гингами и прочими сатанинскими отродьями, он уверовал уже в отражения, во внутренние и внешние миры, почти во все... но причем все-таки он?! Почему он должен мыкаться между всеми этими нелепостями?!

— Замкнутый цикл, — твердил свое зеленый. — В мире есть силы, которые выше остального. А что касается людей там всяких и прочих разумных, бросьте вы эту чушь про какое-то там дыхание, про зачатие из космоса, бросьте! Все разумные и неразумные твари во всех мирах, включая и отраженные, это лишь гадкие и вонючие комки слизи! Никакой в них души не было, нет, и никогда не будет! Запомните — не будет! И вдыхать-то ее некому, почтенный, некому! — Он стучал себя по морщинистому покатоному лбу и клялся: — Связи, чисто материальные связи вот тут! И ни черта больше! Замкнутые и разомкнутые цепи, системы и подсистемы. Все!

Он гипнотически действовал на Сергея. Тот вообще был подвержен влияниям всевозможных шарлатанов, заклинателей, экстрасенсов и прочей шаманствующей братии. Но зеленый был на три головы выше их всех. Он лишь самую малую часть говорил. Все основное шло прямо из его зеленой головы в Сергеев мозг, шло телепатически и еще как-то, как сам Сергей не понимал, наверное, на уровне сверхсознания. И спорить с зеленым было бесполезно.

Когда дверь темницы распахнулась, слизистый заклинатель висел живым сталактитом на потолке. И отец Григорию не заметил его.

— Ну что, инкуб, — пробасил он с напускной усмешечкой, скрывающей неуверенность, — провалимся в тар-тарары, к едреной матери?!

Сергей рта не успел раскрыть.

— Провалимся! — вместо него изрек зеленый сверху.

И отец Григорио кубырем скатился вниз по скользкой лестнице, ударился массивной башкой о нижнюю ступеньку.

— Еще как провалимся!

Рваная трещина разделила подвальный пол на две части. Вырвался откуда-то снизу холодный синий свет, замигало что-то, забулькало, зазвенели вдалеке крохотные певучие колокольцы. Дохнуло морозом.

— Чегой-то куда-то не туда шлюз открыли, — пожаловался зеленый гундосо. — Теряем квалификацию! Впрочем, какая ему, обалдую, разница!

— Нам туда не надо! — натужно прохрипел с земли хмурый отец Григорио.

— Человеку не дано знать, куда ему надо, — продекламировал зеленый. — Пошел отсюда!

Словно подчинившись ему, отец Григорио на карачках пополз к трещине. И был он похож на ползущего к водопою обезножившего бегемота.

— Нехорошо как-то, — подал голос Сергей, — не по-людски!

Зеленый стек по стене. Выставил мутные буркалы.

— Не вам говорить, милейший, — прогнусавил он, — лучше на нос свой поглядите.

Сергей машинально ощупал нос — тот был огромен и горяч. Но все равно хмурого было жалко. Заодно Сергей языком проверил дыру в десне. Дыра заростала, но половина языка в нее вмещалась.

Отец Григорио с воплями и ругательствами полетел вниз. Через минуту все стихло.

Зеленый подполз ближе к Сергею. Заглянул в самые глаза. И прослюнил:

— А почему бы и вам не попробовать?

— Не-ет! — закричал Сергей.

Но какая-то незримая сила уже волокла его к трещине. Он упирался, расставлял ноги. Потом упал, вцепился руками в край. Но его словно гигантским сверхмощным пылесосом затягивало в синеву.

— Идите, идите, — напутствовал зеленый Сергея. Даже ручкой помахал. — Вам теперь все равно куда...

— Как это — все равно?! — выкрикнул Сергей, уже наполовину скрывшись в провале.

Зеленый пожал хлипкими плечами.

— Судьбу не переспоришь, — философски изрек он.

Сергея закружило, завертело, ударило снегом в глаза. Ледяные, пронизывающие насквозь струи подхватили его, опрокинули, понесли. А перед глазами сам по себе встал вдруг ослепительно белый сугроб с алым, будто только что разлившимся поверху пятном крови.

И тут же все пропало. Его швырнуло в мрак, грязь, безвестность. И снова он вскочил, бросился бежать, не понимая, куда бежит, зачем, от кого. Поскользнулся, упал, разбил лоб, что-то выронил. Но тут же поднялся. Стужа сковывала руки и ноги, забиралась под рубаху. А он все бежал и бежал, падая, поднимаясь, снова падая, сбивая каких-то невидимых прохожих.

В подворотне его схватили за руки и с размаху ударили о кирпичную стену. Потом еще раз. Он ничего не видел, лишь чувствовал, как сыпятся на него градом удары. Били жестоко и больно. Били беспощадно! Сначала руками, потом ногами — с озверением, с матерными приговорками и криками. Били двое. Но он не мог разобрать, кто именно, лишь мелькали в свете фар случайных машин по стенам подворотни две черные тени: одна огромная, высоченная, другая совсем маленькая, карликовая.

А напоследок, когда Сергей уже вообще ничего не видел в кровавом тумане, кто-то нагнулся над ним и просипел сифилисным шипом:

— Еще сунешься, падла, заказывай панихиду! Понял?! Мы тя, сучару, отучим поганый нос совать куда не надо! Мы те башку-то свернем, попомни!

Сергей еле дополз до подъезда. Какой-то поздний алкаш-бродяга помог ему подняться наверх, к дверям квартиры. Но увидав на свету избитого, залитое кровью лицо, изодранную в клочья совсем не зимнюю одежду, покрытое синяками и ссадинами тело, тут же убежал в ночь.

Две недели Сергей не выходил из дома. Первую он вообще не мог встать. Лишь на третий день подполз к телефону и позвонил на работу. Его там не узнали, голос звучал совсем непохоже — наверное, подумали, что кто-то разыгрывает.

За первые пять дней Сергей съел все запасы харчей в доме. Остальные девять голодал, лишь воду пил. Может быть, это и спасло его.

Очухался он сразу. После двухнедельного кошмара как проснулся. Встал свежим, бодрым, чуть покачивающимся от слабости. Лицо почти зажило, синяки сходили. Опухолей уже не было. Лишь ссадины да царапины сияли тут и там. Но это было не столь страшно.

Сергей пошел на улицу. И чуть не упал. Голова закружилась. И все-таки он преодолел себя, зашел в магазин и купил сухарей, ничего больше не завозили. В другом шло побоище из-за консервов “Завтрак туриста” — их завезли с утра, а очередь, как выяснилось, стояла еще с позавчерашней ночи, народ и осерчал. Сергея выручила знакомая продавщица. В другой бы раз не дала. Но увидав его избитую рожу, всплеснула руками.

— Сережа, ты?! Из-под катка, что ли?!

Еще три дня он отъедался, чем Бог пошлет. На работу больше не звонил — ну их на хрен! Все одно на заработанные деньги ничего не купишь. Лучше на паперть или в подземный переход с кепкой!

Все это время Сергей не притрагивался к бутылки. Он ее поставил на шкаф, там она и стояла. Шипа он не нашел, наверное, обронил по дороге, может, выпал в подворотне, когда били. Сергей поглядывал на тот, верхний шип. И ему казалось, что не было никаких двух шипов, что был лишь один. Но как он мог оказаться тогда, еще до его визита к инквизиторам, там, возле сугроба? Это выходило за рамки как возможного, так и разумного. А потому Сергей и не ломал особо голову.

В эти долгие и тяжелые дни, когда боль сковывала его тело, не давала шевельнуться, Сергей лежал на диване и размышлял. Нет, он не переживал в памяти всех своих злоключений, передраги до того надоели ему, что не хотелось и вспоминать о них. Он думал о словах зеленого, и о своей внезапной ночной теории, которая в ту ночь казалась ему снизошедшим сверху Откровением, и в которой он начал сомневаться позже. Мозг работал плохо, видно, и ему досталось крепко в подворотне. А может, он просто устал, кто знает. Но Сергей ворочал мыслями-жерновами: как Сизиф катил свой камень на вершину горы, так и он вздымал ввысь тяжелый путанный клубок мыслей — сизифов камень срывался, летел в пропасть, и клубок мыслей валуном катился вниз. Сергей в тысячный раз проверял себя, отслеживал этапные точки эволюционного процесса, все сопутствующее — и получалось, что прав он, а вовсе не ученые-шама-

ны, обладатели степеней и званий, не зеленый инопланетянин, это порождение вообще неизвестно чего. Он был прав! Божественное Дыхание сметало с лика Земли остатки ненужной глины, а нужную превращала в иной материал, более пригодный для самого Творения, для созидания сосуда, в который можно будет вдохнуть Душу. И никакие там не метеориты, пролетавшие возле Земли и якобы повлиявшие на здоровье динозавров, которые тут же начали вымирать! И не оледенения — сколько их было, и всегда приспособлялись к ним или уходили на юг те, кто мог и хотел выжить. Нет! Не надо придумывать несуществующего, не надо искать причины — ее нет! По дарвиновской теории все застыло бы на уровне простейших, на уровне амёб. Вымерли бы все слабые и неприспособленные амёбы, выкристаллизовались бы амёбы сильные, могучие и приспособленные... И все! Никогда бы из амёбы не вывелась путем “естественного отбора” даже самая пропадающая и жалкая рыбешка. Никогда! Но что-то вдохнуло в амёбу потенцию, дало ей сил породить нечто отличное от себя. Да, жизнь развивалась скачками. В промежутках она не развивалась, а просто совершенствовалась внутри видов, вот тогда-то и шел “естественный отбор”. Но стоило подуть Божественному Дыханию или, по выражению шаманов, стоило Земле в очередной раз пройти сквозь зоны жесткого космического излучения, и появлялись новые виды, неожиданные и нежданные. Так появился и человек, не пресловутый венец творения, и не развившая обезьяна, а сосуд, сотворенный из глины-биомассы, сосуд, в который вошел Дух.

Пока Сергей размышлял, он верил в свои выкладки, он верил хотя бы потому, что все прочее было лепетом сосунка или заведомой атеистической ложью, сфабрикованной по соцзаказу. Он верил, потому что не верил шаманам, шаманящим и просто ради искусства шаманства и из желания выделиться, создать касту избранных, окружить себя ореолом тайны и избранничества. Они вырабатывали свой язык, шаманский, — что бы их не могли понять. Они писали на нем трактаты. И требовали, чтобы на эти трактаты молились, чтоб все делали только по ним. Шаманы задавили слабые ростки пробившейся в Средневековые науки, они заменили ее наукообразием. Они убили язык живой и создали терминологию — язык мертвый, табуированный для непосвя-

щенных и напичканный миллионами символов, имя которым — пустота! они били в шаманские бубны, собирались на Большие Камлания, давая им звучные наименования симпозиумов, конгрессов и конференций. Они пыжились и дулись, придумывали для себя все новые и новые фасоны академических и магистерских мантий. Но оставались бесплодными шаманами. Они могли до посинения бить в бубны и кружиться в ритуальных плясках, могли бросить все силы на сочинение гимнов самим себе, могли даже заставить непосвященных поверить в свое особое предназначение. Но внутри них был вакуум и абсолютный ноль. Они были пусты, как пуст радужный и раздутый от важности мыльный пузырь. И все их шаманские пророчества были пузырями. Нет, не мир земной был отражением иного мира, отражением мрака и хаоса были лишь шаманящие в нем. Да, они сумели организовать внутри себя, породить системы. Но они оставались олицетворением мрака и они несли в жизнь хаос. Не верил им Сергей. Нельзя им было верить, ибо мысль, клокочущая в шаманах, была не способом их жизни, а лишь средством для достижения их целей.

Но стоило ему встать с дивана, стоило соприкоснуться с реальностью грязных и мрачных буден, и он начал сомневаться в себе, начинал чуть, еле заметно, приплясывать под ритмичные бубны шаманящих, начинал пережевывать слова зеленого. Тогда он вообще переставал думать — а зачем? Зачем, если есть те, кому положено, кому от рождения суждено быть шаманом и объяснять непосвященным суть непонятного. И все же жило в нем что-то, неосязаемое, но все время державшее в напряжении. И он знал, что один миг Откровения несет в себе в тысячи раз больше правды, чем тонны томов шаманящих, чем пирамиды трактатов.

А вообще-то он старался поменьше думать.

Вот и сейчас, окончательно придя в себя, он решил навестить свою старую и верную подругу, которая никогда не прогоняла его, всегда откидывала край одеяла, даже если он приходил после годовой разлуки и приходил без звонка. Подругу звали Ирой, было ей под тридцать, а может, и больше. Жила она всегда одна.

Но по дороге Сергей решил завернуть еще в одно место. Он давненько собирался зайти туда — все три недели его мучила неотвязная мысль. Хочешь, не хочешь, а мозги проверить надо. Он тешил себя надеждой, очень

слабенькой, хлипкой и жалкой. Но все же это была надежда! А вдруг ничего не было?! Вдруг ничего нет?! Почему, собственно, он не может оказаться обычным психом, шизоидом, каких пруд пруди в стране, чуть ли не каждый третий?! Это было бы спасением! Если ему скажут, что все происходит лишь в его перегруженной и усталой башке, он расцелует такого диагностика, он его до гробовой доски поить будет! Лучше быть трехнутым и сдвинутым в любой фазе, но только... Что только? Сергей встряхнул головой. Эх, дорого бы он отдал, чтоб оказаться рядовым советским сумасшедшим!

Конечно, он не собирался идти в районный психдиспансер, этот путь был заказан: каждого добровольного визитера в столь благие места немедленно оприходывали, и через некоторое время он оказывался в одном из отделений разветвленного архипелага лечебно-трудовых профилакториев. Да, стране нужны были рабочие руки, и она не упускала удобного случая заполучить их в бесплатное владение! Ведь для этого не требовалось ни суда, ни даже заключения пресловутой тройки. Сергею не светило в один прекрасный день проснуться в профилактории при цементном заводе или хаммеровском хмпредприятии. Он хотел еще хоть немного пожить на воле.

И потому пошел к частнику. Адресок подкинул один знакомый алкаш у магазина. Алкаш был человеком надежным, когда-то сам чуть не профессором числился.

Дверь открыла худенькая маленькая женщина.

— Чего надо? — поинтересовалась она.

— На прием, — грубо ответил Сергей.

— А деньги есть?!

— Сколько?

— Полсотни — десять минут. Остальное сам дохтур скажет скока!

Женщина смотрела на Сергея с поразительным недоверием, все время заглядывала ему за спину, будто там кто-то таился. Она заставила снять куртку, ботинки, оставить сумку в прихожей на крючке. Тапок не дала. И от этого Сергей уже ощутил себя пациентом, больным.

— И гляди, малый, дохтура чтоб не утомлять! — Она снова заглянула ему за спину, хлопнула ладошами, словно комара ловила. Зло прошипела: — Приводят за собой всяких! Иди уж!

Прихожая была большой и грязной, замусоренной до предела. Вверху, под самым потолком горела крохотная

лампочка ватт на двадцать, не больше. Дверей было несколько. Сергей не знал, куда идти. А женщина уже ушла и, по звуку щеколды, видно, заперлась.

Сергей сунулся в ближайшую дверь. И тут же отпрянул — за дверью, в тесной каморке стояла голая старуха в бигудях и терла себя мочалкой. Квартира, наверное, была коммунальной.

— Где тут врач принимает? — спросил Сергей неуверенно.

Никто не откликнулся.

Тогда он открыл следующую дверь. За ней двое худосочных юношей занимались любовью с одной, еще более худосочной, дамой. На даме была шляпка с перышком, туфельки и бантик на шее. Юноши также были в шляпах и ботинках. У одного на шее болтался галстук, у другого бабочка. При виде Сергея юноши приподняли шляпы. Дама вынула изо рта предмет вожделения, принадлежавший одному из юношей, и мило улыбнулась. Во рту у нее не хватало половины зубов.

— Пардон! — выдавил Сергей.

Он все три недели не общался с женщинами. И потому даже эта вызвала у него некие подобию чувств. К Ире! К Ире!! К Ире, черт побери!!!

Но сперва к “дохтуру“! Это важнее. Это может быть спасением!

Из-за третьей двери вывалился пьяный мужик в одной синей разодранной у плеча майке. Мужик был здоров до безобразия, видно, когда-то занимался штангой или культуризмом, а потом заплыл и стал живым шкафом.

— Ты кто-о?! — свирепо спросил мужик.

И не дождавшись ответа, побежал по коридору. Хлопнула дверь. Раздался звук спускаемой воды. И трехэтажный мат. Это навряд ли был доктор.

Четвертая дверь распахнулась сама. Казалось, она не была плотно прикрыта — кто-то подсматривал за Сергеем, ждал, пока он поровняется с дверью.

Высунулась рука — и Сергея потащили внутрь.

— Скорей! Скорей!

Сергей опешил. Голос был женский, сочный, нутряной. И рука была женской, пухлой, с колечками и браслетиками. Прежде чем он успел что-то сообразить, его затащили в комнату. И какая-то дама с горящими глазами набросилась на него, страстно заговорила в лицо:

— Я все знаю, вы шли ко мне! Скорей! Все готово! Берите же меня, прямо здесь, немедленно, — она скинула длинный халат с китайскими драконами, отступила на шаг, выставив плоский живот и длинные козьи груди, ослепительно улынулась — рот был полон золота. — Ну же! Я ваша!!!

Сергей дернул ручку двери. Но она не открылась, дама опередила его, уперлась в дверь длинной ногой в черном ажурном чулке.

— Что вы медлите? Или вы предпочитаете экзотику, что-нибудь этакое?! Да, шалун?! Я согласна! На все согласна! Пусть дым коромыслом стоит, ну же, скушайте меня с потрохами, скушайте так, как вам это нравится! Ах, вы проказник!

Она подкинула ладонями груди — и те стали выделять невероятные пируэты. А когда дама до предела выгнула свой стан и полуобернулась, оперевшись ладонями в затянутые черным ножки, Сергей задумался — может, и впрямь “скушать”? Но глаза, глаза! Это были глаза ненормальной, чокнутой! Нет, он отвернулся.

Дама набросилась на него сзади, вцепилась ногтями в плечи. Застонала на ухо:

— Ну куда же вы?!

Черная нога захлестнула торс Сергея, обвила живой змеей, словно в ней и костей не было. Одна грудь дамы застряла у него под мышкой, и он никак не мог выпихнуть ее обратно. Дама вжималась в него всем телом и уже не стонала, а скулила, повизгивала:

— Останьтесь! Делайте, что хотите — мучьте, издевайтесь, режьте на куски, насируйте, бейте, рвите! Но оставайтесь! Я вам заплачу! Я богатая! Я могу много вам заплатить! Ну же?!

Последнее добило Сергея. Он с силой отпихнул даму назад. Вырвался. Захлопнул дверь. Выскочить в коридор страстная особа не посмела.

Минуты три Сергей стоял и не мог отдышаться. Потом смело направился к последней, пятой двери. И распахнул ее.

— Я на прием! — заявил он с порога.

— Да что вы говорите? — откликнулся кто-то невидимый из-под стола, стоявшего у широкого окна.

Комната была огромна и светла. На вешалке у входа висел белый халат. В стеклянном шкафчике были разло-

жены по полкам инструменты, медикаменты и какие-то чистые бланки.

— Мне сказали, что тут принимает опытный психиатр, так?!

— Кто сказал? — донеслось из-под стола.

— Надежные люди!

— Э-э, тогда другое дело! — Над столешницей показалась крупная розовая голова.

Сергей обомлел. Перед ним была точная копия отца Григорио. Если хмурый отец был просто до неприличия, до безобразия черен, то “доктур”, двойник хмурого, был до безобразия бел и сдобен. Но те же кустистые огромные брови, тот же подбородок, те же свинячьи глазки... Все — то же!

— Сергей...

— Фамилия не обязательна! — опередил пришедшего врач. — Осторожность не помешает. А меня называйте просто Григорием.

Сергей кивнул в растерянности. Григорию было лет шестьдесят.

— А вы случайно не были... — начал Сергей.

— Нет! — твердо ответил доктор. И добавил, потупив очи: — Вы взнос внесли?

Сергей достал бумажник и отсчитал пятьдесят рублей.

— Нет-нет! — замахал руками Григорий. — Не мне! Идите и отдайте моей жене. Соседняя дверь!

— Ну уж нет! — взорвался Сергей.

Григорий понимающе улыбнулся — подбородок обвис, а щеки превратились в два огромных помидора.

— Все ясно, — приторно прошелестел он, — вы, разумеется, успели пообщаться с ней... вы меня понимаете, молодой человек? Все ясно, снимайте штаны!

Сергей отшатнулся.

— Зачем?!

Доктор Григорий развел руками.

— То есть, как зачем? У вас ведь, э-э, сексуальное, разумеется, расстройство? Снимайте, снимайте, не стесняйтесь никого!

— А что, тут есть еще кто-то? — глуповато спросил Сергей.

— Ни в коем случае, — ответил доктор, — все предупреждены. — Он поднес указательный палец к губам. — Как оценила вашу потенцию жена? Только честно,

прямо, она мне все равно расскажет обо всем, — он опять улыбнулся, — до самых мельчайших интимных подробностей, ну-у?!

Сергей устало вздохнул. И присел на краешек обтянутой клеенкой койки.

— Я собственно, по другому вопросу. У меня видения.

— Т-ш-ш-ш! — зашипел на него румяный Григорий. — Держите себя в руках. И не врите! Скорее рассказывайте, как все с ней было? В какой позе? Сколько? Подробнее описывайте, красочнее! И покажите на себе, давайте, давайте, это для диагноза надо!

Сергей опешил. Но в этот миг распахнулась дверь, в нее просунулась голова страстной дамы. Послышался капризно-надменный голос со сварливыми интонациями:

— Он все врет! Не верьте! Никакая я ему не жена! Ах ты старый развратник, поганец, негодяй!

В дебелого Григория полетела метко пущенная зеленая ваза. Сергей глаза закрыл. Но Григорий ловко пригнулся, спрятался за столом. И ваза пролетела мимо, вышибла со звоном стекло, упала на улицу.

— Не мешайте мне принимать пациентов! — раздалось из-под стола.

— Он пришел ко мне! — завопила дама. — Не смейте его забирать! Он мой!!! Пустите! Кто там, пустите немедленно!

Дама скрылась. И в комнату заглянул мужик в майке. Он извиняюще улыбнулся, проговорил с натугой:

— Прощения просим, я эту дуру выпер, вы не сердитесь! Ща мы с ней разберемся!

Он закрыл дверь, и из коридора раздались сначала гневные, потом нечеловеческие, а напоследок и сладострастно-дикие вопли. Видно, они там разобрались.

— Значит, не сексуальные? — обиженно переспросил Сергея доктор Григорий.

— Нет.

— Жаль! Ну ладно, рассказывайте!

Сергей принялся долго и нудно описывать все, что с ним происходило. Доктор слушал. Слушал уперев обе руки в щеки, наморщившись, занавесив глаза густейшими белыми бровями.

Через полчаса Сергей понял, что доктор спит. Тогда он осторожно встал и пошел к выходу. Но не доходя двух шагов до двери, замер как в столбняке. На вешалке

под халатиком висела грязно-серая ворсистая ряса с капюшоном. Это было уже слишком!

Он хотел повернуться, еще раз посмотреть на доктора Григория. Но скрипучий голос его опередил:

— Та-ак-с, диагноз ясен! Сейчас мы сверимся, — раздался шелест страниц, потом прозвучало громче: — Вот, все про вас и написано! Значит, так — шип вогнуть на три вершка, нет, пардон, на вершок! И повернуть три раза, как указано на рисунке. Все предельно просто, тут делов-то на пять минут!

— Что-о?! — взревел Сергей. — Какой еще там шип?!

Перепуганный доктор Григорий спрятался под столом. Но не смолк.

— Я извиняюсь, ошибочка, не ту инструкцию прочитал, — скороговоркой верещал он. — Вот нужная: при маниакальных психозах, которые проявляются в кажущихся перемещениях в пространствах, необходимо хирургическое вмешательство, та-а-к-с, это мы пропустим, вот — лоботомия! Это то, чего вам, мой юный друг, и нужно!

Доктор Григорий выскочил из-под стола с огромным коловоротом в руках, побежал к Сергею. Был он жирен, тяжел, и потому бежал медленно, с одышкой.

— Стойте! Стойте же! Операция-то пустяшная, пять минут — и гуляй, Сережа! Куда вы?!

Сергей вылетел в прихожую. И споткнулся о чьи-то тела. Уже падая, он разглядел, о чьи именно — это огромный мужик-шкаф возлегал на даме с длинными козьими грудями. Дама не могла, судя по всему, ни визжать, ни стонать, она лишь томно хрипела. До Сергея ей не было дела. Зато мужик начал подниматься.

— Я его щя месить буду! — пообещал он с затаенной злобой.

— Держите его! Держите! — доносилось из кабинета доктора. — Он с операционного стола убежал! Хватайте больного! Да огрейте же его чем-нибудь, сбейте с ног!!! Уйдет больной!

Мужик с треском разодрал себе майку. И как был, в одних обрывках, пошел на Сергея. Дама, судя по всему, ожила, и тоже поползла к гостю, зубы ее хищно клала, изо рта капала слюна.

Гинга! Вот это настоящая гинга, подумалось Сергею. Паршивые дела! Жуткий дом! Он дернулся было. Но да-

ма уже впилась зубами в его лодыжку, потянулась руками выше. Он завопил и, перевозмогая боль, выдрал ногу. Бросился к входной двери.

— Воры! Вор-р-ры-ы!!! — орала сухонькая женщина, та самая, что открывала дверь. — Карау-у-л!!!

Она больно ударила Сергея скалкой по спине, потом закатала в лоб. Мужик в разодранной майке настиг его, сбил с ног могучим ударом. Следующим он выбил Сергея за дверь, да так выбил, что тот летел весь пролет по воздуху, потом грохнулся.

На лестничной площадке стояли юноши в шляпах и курили. Они с укоризной поглядели на свалившегося им под ноги мужчину. И брезгливо отвернулись. Дама в шляпке выглядывала из дверей старинного лифта. Она была там не одна. Но Сергею уже не удалось разобрать, с кем. Он вскочил на ноги и бросился бежать вниз, прыгая через три ступеньки.

— Хватайте пациента, дармоеды! — неслось ему в спину. — Из-под скальпеля сбежал! Хватай гада! С ног, с ног сбивайте! Вали его! Бей! Да по башке бей, по башке! Все равно вскрывать будем! Держи-и-и-и!!!

Сергей спустился вниз одновременно с лифтом. На этот раз сумел разобрать — дама в кабинке была с двумя пожарниками. Но занималась она тем же, чем и с худощавыми юношами. Увидав растрепанного Сергея, кто-то из троих нажал на кнопку, и кабинка поехала вверх.

— Адье, мон шер! — послышалось из нее и расстало в высях.

Сергей выскочил на улицу. И еле увернулся — рядом с ним, в двух сантиметрах, грохнулась об асфальт большая зеленая ваза. Один из осколков вонзился ему в щеку. Но вынимать его было некогда. Сергей припустился от страшного дома во всю прыть.

Две остановки он бежал пешком. Оглядывался ежесекундно. Ему казалось, что доктор Григорий и вся братия гонятся за ним по пятам.

К подруге он ворвался совершенно измочаленным, злым, дерганным. Та руками всплеснула. Но Сергей не дал ей и слова вымолвить.

Все испытанное им, все накопившееся, все долго сдерживаемое прорвалось наружу яростным, безумным фонтаном, вулканической лавой. Он не поздоровался, не сказал ласкового или хотя бы приветливого слова. Он

набросился на нее как зверь — с шумным алчным дыханием, рыком, всхлипами. Прямо в прихожей он подхватил ее на руки, подхватил, грубо сжав ее широкие бедра, вскидывая над собой, вжимаясь головой в упругий живот.

— Ой, с ума сошел! — восторженно завизжала она.

Но он ничего не слышал, ничего не понимал — он нес ее в комнату. Он ударил в дверь ее спиной, та распахнулась. Он ничего не видел, шел вслепую. Но он знал, где диван, и не боялся промахнуться. С размаху он бросил ее на высокие подушки, сам опустился на колени, рванул полы халата — лишь пуговицы полетели во все стороны, узенькие беленькие трусики затрещали под его рукой, и превратившись в обрывочки, полетели за спину. Взвизгнула молния на брюках. И в эту секунду, когда он на миг отпустил ее, она подтянула ноги к груди, свела их, заслоняясь от него, глядя испуганными ошалевшими глазами. Но он, просунув ладони внутрь, резким движением развел их, вжался между ними, не вставая с колен, притягивая ее к себе... И она, вздрогнув и тут же расслабившись, обхватила его голову, прижала к груди и в голос рассмеялась, торжествуя, раскати-сто. Она давно ждала этой встречи. И пусть воображение рисовало ее не совсем такой, неважно! Главное, она состоялась! Никогда еще ее милый залеточка не был таким горячим, страстным, ненасытным. Он овладевал ею как обезумевший от желания самец, дикое и сильное, необузданное животное — и в этом было столько еще неизведанной сладости, что она не просто приняла эту звериную любовную игру, но и сама отдалась ей полностью, без остатка, стремясь подыграть ему в роли беззащитной насиуемой жертвы, оторопевшей от сокрушающей ее мощи, горящей в охватившем ее пламени.

А Сергей по-прежнему ничего не видел, ничего не соображал.словно захваченный каким-то невидимым неистовым полем, он исполнял первобытный ритмичный танец, вжимаясь в нее с каждым движением все сильнее, раскачиваясь и в такт внутреннему инстинктивному ритму, качая из стороны в сторону головой и разбрасывая ею тяжелые груди, тут же возвращающиеся на свои привычные места и вновь наваливающиеся на его щеки, нос, губы. А когда он уже не мог сдерживать себя даже в малом, когда из него стало вырываться вместе с семенами грядущих жизней все накопившееся и гнетущее,

он вскочил на ноги, вздымая ее над собой, сдавил ей бедра так, что она закричала на всю комнату, впился зубами в левую грудь — и ему показалось, что они вот-вот взлетят, умчатся сквозь потолок и балки в поднебесье. Но не взлетели, не умчались. Наоборот, они рухнули на диван плашмя, не разжимая объятий. И замерли.

Лежали долго, приходили в себя. Мозги у Сергея постепенно прочищались. Но первой все же заговорила она:

— Ты случаем не из психушки сбежал?

Он ответил не сразу, вспоминая — а откуда он на самом деле сбежал. Прошное было в тумане. Лишь какие-то тени маячили, да мельтешили в памяти путанные обрывки фраз. И ответ его не был достаточно вразумительным.

— Видать, из психушки, не упомяну чего-то, — прошептал он ей на ухо.

— То-то я и гляжу — ввалился ненормальный, глаза как плоски, растрепанный... и босой! — сказала она и закусила губу. — Кто с тебя, неврастеника, башмаки-то снял, отвечай?!

Сергей все сразу вспомнил. Да, башмаки он оставил в этом страшном сумашедшем доме. Но он не пойдет туда за ними, ни за что не пойдет! Лучше в прорубь головой! Лучше под гильотину! Перед глазами застыла зверская рожа то ли отца, то ли “дохтура” Григория-Григорио, заплясал в его набрякшей лапе коловорот, загудело в ушах: “Хватай больного-о-о-о!!!”

— Ну, не хочешь, не говори, не надо! — принялась его успокаивать Ира. — Напугали мальчика, да? Ну, молчи, молчи!

Сергей молчал и думал, что он правильно сделал, придя сюда. Да, она его спасла, она его всегда спасала в трудные минуты, в тяжелые деньки. Она вытягивала его из беспробудных запоев и беспричинных депрессий, она влиwała в него новую жизнь и выпускала в нее. А он уходил. И пока все было нормально, не вспоминал о ней. Но очередная беда гнала его под крылышко.

— Я люблю тебя, — проговорил он нежно.

— Еще бы, — согласилась она.

Ему бесконечно повезло с ней. Но он сам не осознавал этого. Ира была необыкновенно хороша: и высока, и стройна, и налита там, где требуется налитости. Она

вполне могла участвовать в любом конкурсе красоты... правда, возраст был уже не тот, на конкурсы брали пятнадцати-семнадцатилетних, а ей за тридцать, но все равно! Она была настоящей красавицей. Не совсем счастливой, неудачливой в жизни и не ценящей своей красоты. Но таких оставалось совсем мало. И почти что и не оставалось. Все понимали — это жизнь, с жизнью не справиться, она сама диктует законы. И все равно было обидно. За три-четыре последних года из страны вывезли всех более или менее симпатичных женщин. Поначалу с помощью всевозможных конкурсов отбирали для секс-шоу и прочих представлений на западе самый качественный товар, потом этим товаром начали набивать все публичные дома третьих стран. Одновременно расплодилось множество контор и конторок, агентств и брачных бюро, через которые каждой желающей — красивой желающей — обеспечивался муж за границами страны. Поначалу отбою не было от претенденток, брачные конторы зарабатывали бешенные деньги, женская плоть распродавалась во все концы света: брали женами, наложницами, подругами, манекенщицами, брали в гаремы и дома моделей, в гольфклубы и массажные заведения, брали везде! Брали все, что можно было забрать... Ну и выбрали! Назад, разумеется, никто не возвращался. Оставались дурнушки, неудачницы, обремененные чадами, алкоголички и наркоманки — от этих везде отказывались, могли своих предложить. Короче, оставались те, кто не сумел пристроиться, кто даже на самый захудалый конкурс, где оспаривались места сто двенадцатых по счету жен-наложниц для нищающих папуасов, не мог пройти в силу своей явной малопривлекательности. Такие как Ира были единицами, случайно уцелевшими. Ей четырежды приходили приглашения из афро-советских и арабо-советских совместных контор. Но она стеснялась пойти туда. Она оставалась, наверное, единственной невывезенной блондинкой. Тут и американцы с европейцами, и австралийцы с новозеландцами маху дали — пока они разглядывали фотографии “желающих соединиться узами с заграничными мужьями”, африканские царьки и вожди перекупили всех светловолосых, а конкурентами им были лишь арабские шейхи и их подданные. Страна обезлюдела, ибо без женщин — какая же страна. На телевидении держали, правда, двух теледив. Но никто не знал, где они живут на самом деле и

сколько им платят. В основном же и на экранах последнее время маячили труженицы в желтых робах. Они были хорошие и добрые женщины. Они могли народить еще хоть сотни тысяч красавиц! Но от кого?! Сергей сам слушал сообщение ТАСС о том, что за последние полтора месяца в стране родился лишь один здоровый мальчик и две здоровые девочки, да и те с умственными отклонениями и глухие. Все прочие рожали монстров. Химическая промышленность и разливанное море бормотения делали свое дело.

— Я люблю тебя, — снова прошептал он, положил ей руку на грудь, чмокнул в щеку. — Я всегда буду тебя любить.

— Слыхали, — вздохнула она. — Ты лучше скажи, где пропадал?

Сергей навалился на нее, зажал рот губами. И еще раз овладел ею — на этот раз размеренно, неспешно, смакуя самую малость и осыпая ее ласками и поцелуями. И лишь потом он ответил глуховато, без интонаций:

— Везде, Ирунчик, и в психушке, и в тюрьме, и на том свете, все равно не поверишь.

Но он ошибался — любимые женщины готовы верить во что угодно, лишь бы только им раскрывали душу, делились с ними. И она вытянула из него все, что могла. Вытянула и подвела черту:

— Значит, так и должно было случиться. Пора тебе обратно в твой параллельный или как там, перекрестный, что ли, дурдом! А как тебя вышибут оттуда, давай ко мне, приму!

Сергей больно ущипнул ее за бок. Но она не вскрикнула, лишь выгнулась кошкой. Насела на него и заставила подчиняться себе — она умела это делать. А он почему-то вспомнил безумную даму с козьими грудями и золотыми зубами, вспомнил мужика в майке — и ему стало искренне жаль их. И ненормального “дохтура” стало жаль, и субтильных юнцов с их пассивей, и недоверчивую женщину со скалкой, и даже голую старуху с сухой мочалкой. Да, все они были настоящими сумасшедшими, клиническими. Им было хорошо! Они не понимали, что они больны, хотя и страдали по-своему. Но куда деваться ему, здоровому, обложенному со всех сторон! Или немного подождать, мозг ведь не железный, он не долго будет выдерживать нагрузки, он лопнет, взорвется, в нем поселится нечто химерическое, обзываемое

синдромами и прочими словечками из словаря шаманов?! Нет, он не спятил! Он, к сожалению, не спятит в ближайшее время! А значит, надо терпеть! Надо бегать от них, скрываться, может, он ускользнет, вырвется из этого чертова цикла!

А она взлетала над ним и опускалась, оперевшись ладонями в его грудь, полузакрыв свои серые глубокие и очень умные глаза. Она лучше его знала, что нужно для возвращения в истерзанное тело и измученный мозг душевного равновесия, она лечила его, она врачевала его и материально, и духовно. И когда они опять свились в единое целое, Сергей прошептал ей на ухо: "Это ты спасла меня, спасибо!"

Она вздрогнула и заплакала. Он не ожидал такой реакции, это было слишком. Волна щемящей жалости пробежала по позвоночнику, сковала тело. Он целовал ее губы, щеки, глаза, ловил ртом каждую слезинку. Он никого так не любил как ее, никого и никогда, все остальные были ее теньями, ее отражениями, даже когда он ласкал их и упивался их плотью, он был с ней, даже если и не вспоминал ее имени, глаз и рук, все равно он был с ней. Она для него заменяла всех женщин.

— Так что же делать? — спросил он, зарываясь носом в ее светлые волосы.

— Ты не вырвешься из круга, пока не разберешься с этим проклятым сугробом, понял?! Тебе надо довести дело до конца, Сереженька, до самого кончика, надо размотать клубочек!

— Ты что-о?! — вскрикнул он.

И отпихнул ее от себя. Отпихнул ее так, что она скатилась с дивана, застыла на зеленом паласе — обнаженная, вздрагивающая, прекрасная.

— Ты меня угробить решила?! — прохрипел он, нависая над ней, готовый ударить ее. Нет, не ждал, не ждал Сергей от нее такого, думал, пожалеет, подскажет, как уберечься, укроет. А она...

— Бегай, бегай, — проговорила она, кривя губы. — Трусливая жертва распаляет преследователя. Давай, жми во всю свою заячью прыть!

Он слетел с дивана, схватил ее за волосы и принялся мотать из стороны в сторону, ударяя головой о края подушек, о стул, ножки стола. Но она молчала, не сопротивлялась. Тогда он поднял ее и бросил на диван, бросил лицом вниз. Одним движением вырвал из брюк тя-

желый кожаный ремень с массивной пряжкой, размахнулся и со всей силы ударил по спине, потом круглым вздымающимся двумя полушариями ягодицам. И опять! И еще раз! Красные рубцы ложились на нежную белую кожу и вдоль и поперек. Но она молчала, лишь вздрагивала и вжималась лицом в подушку — та на глазах темнела от слез.

— Получай! — орал обезумевший Сергей. — Получай, сука! Я убью тебя! Ты куда меня толкаешь, на что?! Ты была там?! Ты не была там! А меня опять посылаешь! Это ведь ад, это ведь пытка! На! На тебе! Может, это они тебя подговорили?! Отвечай! Убью! Убью и сам к черту повешусь на этом ремне!

Он до того распалился, что не удержался на ногах, упал на нее. Но и на ней не удержался, полетел вниз, на палас. Ухватил ее за ногу, опрокинул на себя, грохнулся. И вымещая злость от своей оплошности, нескладности, впился в нее руками, сдавил, сжал. Она была горяча, так горяча, словно у нее был жар, нет, при жаре так не бывает, ее будто из расплавленного олова вынули. Он навалился на нее. Она стала отбиваться, пнула его ногой в живот, ударила по лицу — да так, что чуть голова не отлетела, потом она вцепилась обеими руками в его шею и принялась душить. Они озверели оба, они рычали, кусались, катались по паласу, сцепившись, перевившись, не понимая уже, где чьи руки и ноги. И кончилась эта лютая схватка тем, что они опять слились, поддались единому ритму, застонали в один голос от нежности и страсти. На этот раз все произошло быстро — слишком много сил было истрачено.

И стоило им только застыть, остановиться, расслабиться, как она прошептала ему в ухо сдавленно и зло:

— Ты должен сделать это! Иначе они тебя убьют!

Сергей молча отвалился от нее, закрыл глаза. Ему было все равно.

— А заодно я тебе дам записочку к настоящему врачу, он посмотрит. Но не надейся, дружок, у тебя все в порядке с мозгами!

Когда Сергей вернулся домой, бутыль стояла на письменном столе. Стояла и чуть посвечивала темными матовыми боками. Разумеется, она была полна. И пробочка торчала на месте.

— Все по новой! — прошипел Сергей.

Он схватил бутылку за горлышко. Пошел на кухню. И швырнул ее в мусоропровод. Но не отгремел еще звон и звяк, а из зева мусоропровода уже высунулись два мутных глаза на морщинистых стеблях.

— Ну нет! — взвизгнул Сергей по-бабьи. И резко хлопнул крышкой.

Ее краем перешибло стебли, и глаза шмякнулись на линолиум, раскатились — один под стол, другой к раковине. Но было поздно. Из всех щелей мусоропровода уже сочилась зеленая поганая слизь, сочилась тоненькими ручейками-соплями, свисала, болталась, дрожала, вытягивалась, обрывалась и застывала на полу каплями.

— Опять неудачный переход? — с идиотской ухмылкой изрек Сергей.

Лужица еще не стеклась в единое целое. Но голос прозвучал, как и обычно, прозвучал гундосо и гадко:

— Нет, почтенный, сегодня все в норме. И вы напрасно так поступаете, вы же интеллигентный в какой-то мере человек!

— Вот именно, в какой-то мере! — сказал Сергей и уселся на стул. Он просто не знал, как бороться с зеленым гадом, иначе бы он его давно отвадил.

— Созрели, значит? — решил зеленый, вытягиваясь наполовину из лужицы. В вопросе его почти не было вопросительных интонаций. — Будем вызывать оператора?!

Сергей взвился над стулом. Его как током ударило, кровь отлила от головы.

— Ну уж нет! — выкрикнул он.

Бросился в прихожую. Нацепил куртку. И пулей вылетел из квартиры. На лестнице он вытащил из кармана бумажку с адресом, который дала Ира. Это была его последняя надежда.

До психиатра-кооператора пришлось пилить через весь город. Транспорт уже полгода почти не работал. И потому Сергей надеялся в основном на собственные ноги, на попутные грузовики. Две остановки он проехал на метро. На большее не хватило электричества, его отключили, и поезд встал, не доехав сотни метров до станции "Марксистская". Пришлось выпрыгивать и идти пешком.

С метрополитеном творилось что-то неладное. Вход в него был открыт с утра до ночи. Но поезда ходили редко

— пять-шесть за день. Говорили, что надо строго экономить электричество. Вот и экономили. Зато все станции были забиты разношерстной бродячей публикой. Кого только ни было в подземке: и пьяницы, и калеки переходные, и бандитского вида парни и девки, и проститутки последнего, самого низшего разряда, и наркоманы... Порядочные люди боялись заходить даже в наземные сооружения, не то что спускаться вниз. Во мраке неосвещаемого подземелья постоянно стояли крики, ор, визг, постоянно, с утра до ночи и с ночи до утра кого-то там насиловали, мордовали, грабили. Блюстители порядка не вмешивались в ночную и дневную, но такую же темную, жизнь обитателей подземки. Казалось, они специально даже загоняют вниз неблагонадежных с поверхности. Наверное, они были правы — пора уже городу разделить честных людей от мрази, вот и образовались два уровня, вот и обособились два полюса... Но поезда все же ходили.

Сергей не боялся обитателей подземного мира. Чего с него взять?! Разве что рожу намылить! Так это и наверху не хуже сделают, он на своей шкуре попробовал, и не один раз. И все же сердце замирало.

Вот и теперь в полумраке вагона к нему подошел какой-то тип явно восточной наружности и начал тереться ногой о его ногу, пуская изо рта слюни. Сергей отпихнул типа. Но тот поскулив немного, опять подрулил к нему, заглянул в глаза своими синюшными сливами, робко прижался.

— Пошел вон, мразь!

Сергей врезал типу в челюсть. Тот полетел в другой конец вагона, сбивая с ног редких пассажиров. Тут поезд и встал. Сергей выпрыгнул в открытые двери. И побежал к станции — ему не нужно было никаких продолжений.

— Угостите папироской! — прожурчало одновременно с обеих сторон. — Ка-акой ынтерэсный муц-щина-а!

И на руках повисли две раскормленные пьянющие бабищи. Сергей почувствовал чью-то лапу в кармане.

— Нет там ни хрена! — раздраженно выдавил он. — А ну пусти!

Одной он ударил локтем в грудь — та сразу зашлась в чахоточном кашле, другой кулаком заехал в переносицу — и она успокоилась, отстала и зауважала “мущину”.

Наверх Сергей выбрался без приключений, спокойно. Его лишь слегка обблевал на неработающем эскалаторе сползающий сверху мужик в папаче. Из мужика хлестало как из ведра, видно, он выглушил не меньше бочки пива.

— Чего ты, фраер дешевый! — крикнул он Сергею, бессмысленно пуча на него глаза. — Пролетариев обижать?!

— А ничего! — заявил Сергей. Он сорванной с головы мужика папачой тщательно вытирал блевотину — край куртки и брюки удалось отчистить. — Пролетай мимо, гнида!

Мужик не стал дожидаться, покатился меж тусклыми фонарями вниз. Сергей бросил ему вслед папачу.

— Катись, тухлятина! — крикнул вдогонку.

И побрел наверх.

Через сорок минут он звонил в дверь настоящему, опытному врачу-психиатру — Ира не могла его обмануть, она никогда не обманывала.

Засовы и запоры открывали и отодвигали очень долго, со звяком и скрипом. Наконец дверь распахнулась.

— Заходи! — послышалось из-за нее.

— Что это вы на “ты” со мной?! — возмутился Сергей. — Мы с вами из одного горла не пили и свиней не пасли вместе!

— Э-хе-хе! Где они теперь, эти свиньи-то?! Повывезли все и на развод не оставили. Я последнего разу едал поросятину скоромную лет эдак...лет эдак... — говоривший так и не вспомнил, сколько лет назад он ел “поросятину”. Зато разъяснил другое: — А с больными мы со всеми на “ты”, так уж заведено!

— А вы уже знаете, что я больной? — снова возмутился Сергей.

— А как же?! Самый что ни на есть! По глазам вижу — идиот законченный!

— Вот как?! — опешил Сергей.

— Ну, а как же еще? Вы ведь за диагнозом пришли, верно?

— Верно?

— А какой нормальный человек пойдет за свои собственные денежки к тому, кто его может в дурдом запрягать, а?!

В прихожей было темно. И Сергей не видел, с кем он разговаривает. Логика в словах хозяина квартиры была.

Но Сергей не мог так просто сдаться.

— Вы же частник, — проговорил он ехидно.

Из темноты сокрушенно вздохнули, убедившись, видно, что пришедший и впрямь идиот.

— А частник, по-вашему, перед властями отчитываться не обязан, а?! Его не проверяют?! Да вы, похоже, еще и олигофрен. Отцы, деды, прадеды, братья, дяди, небось, все алкоголики, верно?!

— Вы это бросьте, — заявил Сергей решительно.

— Хоть брось, хоть подними — а в роду вашем, знать, все дебилы? Или с вас пошло, с вас поворот по фазе приключился?!

Сергей развел руками. Нахмурился.

— Вот тут вы в точку попали, — сознался он. И поспешно добавил: — Но вообще-то я не уверен.

— Зато я уверен! Я по одному только вашему сияющему носу могу всю историю болезни расписать: с детства астено-адинамический синдром, в подростковом прибавляется ипохондрический, кататонический, аментивный, в юношестве все множится на алкогольные психозы и возбуждения галлюцинаторно-параноидные плюс сексуальная сверхлабильность, верно? Верно! И все это на олигофренической базе. Короче, идиот — он и есть идиот!

— Но-но, потише вы! — озлобился Сергей. Слишком уж прямолинеен был врач. Даже если все это правда, нельзя же так вот, в лоб! — А нос у меня прищемленный... э-э, дверью.

— Нормальным людям носов не прищемляют, — прокурорским тоном изрек диагност. И добавил брезгливо: — Впрочем доктор вас осмотрит.

— А вы кто? Разве не доктор?! — удивился Сергей.

— Я тут в очереди сижу, — раздалось из-за двери.

Сергей протиснулся внутрь. Его глаза уже привыкли к темноте. Но никакой очереди в полутемной прихожей он не увидел. Прихожая была большая, почти зал. Но в ней стояла одна-единственная табуретка, а на табуретке восседал плотный лысый человек с короткими ножками, которыми он болтал в воздухе.

— И много народу на прием? — поинтересовался Сергей.

— А то не видишь! Я вон четвертые сутки сижу, а впереди шестнадцать тысяч шизофреников, дебилов и идиотов навроде тебя.

Сергей не стал выяснять подробностей. Он лишь протянул многозначительно:

— Значит, вы пациент, так-с!

Коротышка вскочил с табуретки и погрозил Сергею сморщенным кулачком.

— Я — главный консультант в первую очередь, а уже потом пациент. Не стойте на проходе, вам ноги оттопчут! Эй, санитары, уведите же идиота! Живей, живей, он тут передавит всех!

— Лучше пусть пропустят без очереди, я буйный, могу покалечить! — сказал Сергей самым ужасным голосом, на какой он только был способен.

Пациент-консультант поджал ноги и кивнул.

Сергей прошел к беленькой двери. Постучал. И приоткрыл ее.

За большим столом, покрытым бархатной скатертью с золотыми кистями, водрузив оплывающие слизью локти на массивные плюшевые подлокотники антикварного кресла, сидел зеленый. Сидел и трясся. Вид у него был усталый и грустный.

— И стоило тащиться через весь город? — поинтересовался он, склоняя дрожащую голову набочок.

Сергей сел там, где стоял — прямо на замызганную, не вяжущуюся с прочей роскошной обстановкой циновку. Челюсть у него отвисла, руки опустились.

— Ну чего вы мечетесь?! Чего вы нервничаете и деградируете?! Не надоело?!

Зеленый встал с кресла, забрался на стол, уселся по-турецки — спина его выгнулась дугой, глаза свесились чуть не до колен.

— Ну почему вы решили, что вы ненормальный, почему?! — спросил он как-то особенно жалобно. — Какие у вас на то основания? Подумайте, разве можно обмануть самого себя, убежать от себя?

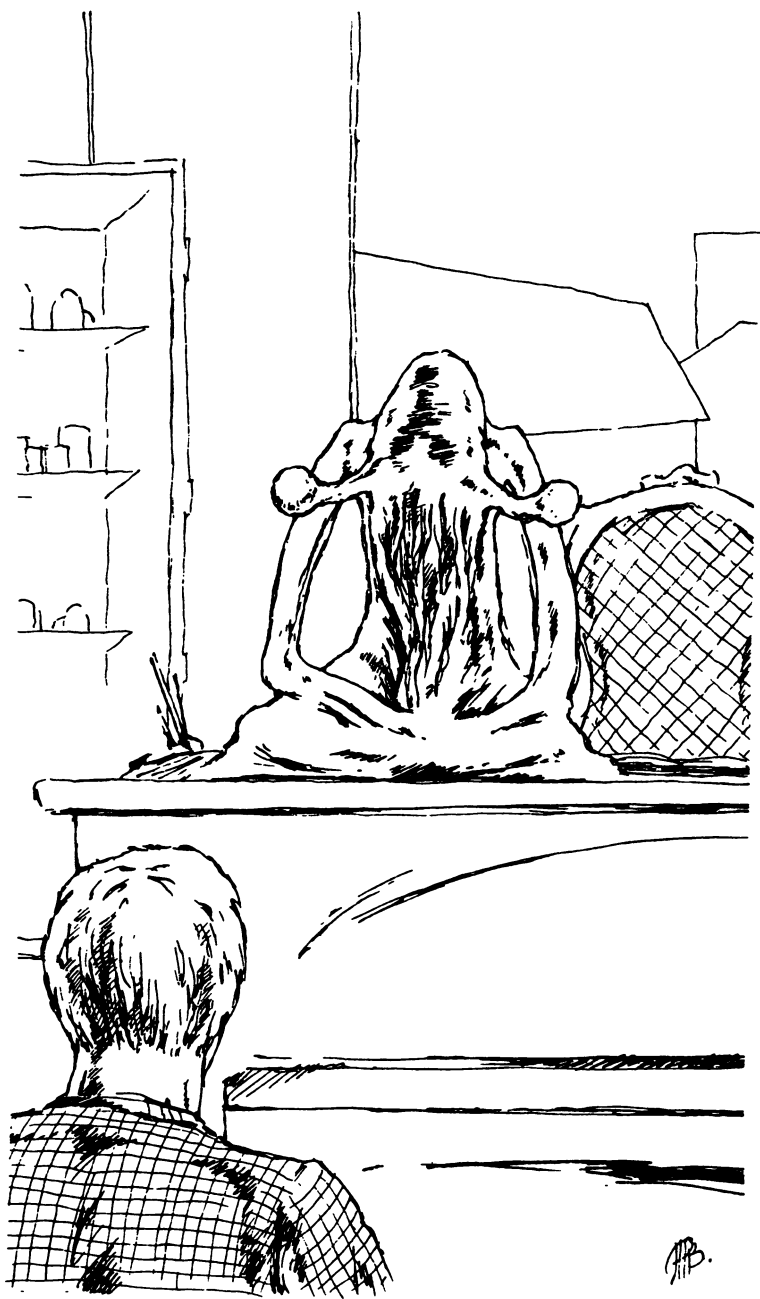
— Мне надоело все это! — выпалил Сергей. — Надоело!

— Терпите.

— Не могу! Не хочу!

— Ну и что тогда?! — зеленый затряс водорослями-отрепьями. — В психушку? Так?! А вы знаете, что все психушки доверху забиты и без вас путешественниками в иных пространствах и измерениях?! Их там пруд пруди! Что изменится, если вы туда попадете?!

Зеленый опять вздохнул глубоко и тяжело.



— А вы знаете, этот консультант, наверное, прав. Вы законченный идиот! — прогнулсавил он.

— Ну и отвяжитесь тогда! — Сергей сделал попытку встать. Ноги его не послушались.

— Между прочим, это вы привязались к нам! — пояснил зеленый. — Это вы вошли в цикл, вы во всем виноваты. Мы сами не знаем, как от вас теперь отвязаться. Вначале еще было интересно, мы изучали вас... а теперь? Вы для нас пустышка, ноль, меньше, чем отражение! Но вы везде суετε свой нос, везде лезете!

— Вот как?! — возмутился Сергей. — Понятненько! Издеваться надумали?!

Зеленый сполз по скатерти, задержался на золотых кистях — он опять стал текущей слизью, лишь пара глаз торчала перископами.

— Я вам не сказал всего, — начал он. — Но я скажу. Да, все психиатрические больницы и прочие подобные заведения забиты вашими коллегами. Но знайте, большинство из них на самом деле спятило, они не выдержали обрушившейся на них информации, не выдержали переходов и всего того, что ждало их в перекрестных мирах. Они свихнулись от нечеловеческих мук и испытаний, от раздвоения, растроения, размножения реальности, ясно?! Их участь страшна! Вы себе не представляете. Они уже никогда не выйдут из этого состояния, кошмарные призраки будут преследовать их всю жизнь, до гробовой доски! Их циклы замкнуты намертво, они сами безнадежны. Они корчатся в муках сейчас и будут корчиться в них, умирая! Но каждый мог выйти из цикла, каждый, вы понимаете?! Надо было лишь сделать это вовремя, не увлекаться игрой! Не пытаться выяснить невыяснимого, не распутывать нити, которая не может распутаться в принципе, понимаете?!

— Вы все врете! — заорал Сергей и вскочил на ноги.

Он бросился к двери, дернул за ручку. Но дверь была заперта.

— Нервишки, нервишки, — прогундосил зеленый. — Не надо психовать. Вы никуда не выйдете, пока вам того не разрешат. Слушайте! Бросьте все! Вышвырните в мусоропровод, в помойку ваши гильзы, обрывки, шип этот дурацкий! Порвите свой список! Не надо больше ошиваться у сугроба! Неужели вам не ясно?! Вы же смертник! Вы же все время лезете на рожон, все время

испытываете судьбу. Но нельзя долго ходить по обрыву, неужели непонятно?!

— Не ваше дело! — взъярился Сергей. — Заткнись, гнида зеленая! Молчи!

Дверь распахнулась. Но никакой прихожей за ней не было. Лишь снег — грязный, заплеванный, затоптанный городской снег. И серые унылые стены домов с заколоченными по первым этажам окнами.

“Нет, не зеленые слизи будут распоряжаться моей судьбой, не они! — застучало в голове Сергея. — Только я сам. Да, я сам, и никто иной! — Он остановился, задумался. — Хотя нет, есть еще Один, пускай Он тоже позаботится обо мне, вдохнул часть Своей Души, вот пусть и заботится, ведь не комок же я слизи, не клочок бездушной материи! Ожививший меня должен и защитить меня! “Мысль тут же улетела из головы Сергея. На смену ей пришли другие, множество других мыслей, заслонили ту, затерли, отодвинули... И он быстрым шагом побрел в сторону дома, мимо сурового железного человека, стоящего почти на самой земле со сложенными за спиной руками. Человек этот пытливо всматривался вдаль, наверное, он там что-то видел. И кому же было видеть как ни ему — он все это затеял, пускай и любит, вечно любит, созерцая вымирающую землю, да, вечно, ибо его тело не принимала земля, а душу отвергали небеса, от нее отказывались даже в преисподней.

На обратном пути он решил заглянуть к давнишнему приятелю, которого не видел семь лет. С ним могло случиться всякое за это время, да, всякое, но Сергей думал лишь об одном исходе — он все раздевал мысленно приятеля, укладывал его в слякотную грязь, прикидывал. Было очень похоже, невероятно похоже! Вот сейчас он придет к Славке, позвонит, а дверь откроет жена, заплачет, увидав его и скажет, что Славика убили, да-да, убили около месяца назад... или нет, она скажет, что он пропал без вести, что тело не обнаружено, именно так, ведь милиция не стала утруждать себя розысками.

Лифт не работал. И Сергей бегом взбежал на седьмой этаж. Застыл перед дверью. Сердце колотилось загнанно, на пределе. Но ведь надо же, надо! Он протянул руку, нажал на кнопку звонка. Тот не звонил. Пришлось стучать в дверь.

Открыл сам Славка, обрюзгший и полысевший, в фартуке, с половником в руке. Из глубины квартиры вырвался недовольный женский голос:

— Ну-у! Кого там черти принесли?! Чего застряло?!

Славка ошалело осклабился, стал вытирать засаленную руку о край фартука. По его голому лбу побежали две бисеринки пота, одна повисла на кончике носа.

— Серый! Старина!! Вот это встреча, мать твою за ногу!!! — разродился длинной тирадой Славка. Из-за ног его высунулся растрепанный сероглазый малыш. Он сосал палец и недоверчиво пялился на гостя.

Сергей вздохнул. Круто развернулся и побежал по лестнице вниз. Можно было еще одного вычеркивать из списка. Оставалось четверо! Совсем ничего — всего-навсего четыре человечка, четыре претендента на место в покойницкой... нет, уже не покойницкой, уже в земле! Или в воздухе, ежели сожгли в крематории. А может, и в каком-нибудь учебном классе, в студенческой аудитории — Сергей слышал, что именно из бродяжек делают пособия, всякие там скелеты и муляжи. Впрочем, какие там студенты!

— Серый! Ты куда?! Постой! — неслоь сверху. — Стой! же, псих ненормальный! Скажи хоть — зачем приходил-то?! Ну ты и пси-их!

Сугроба он обойти не мог. Слава Богу, народа почти не наблюдалось в окрестностях, постовых тоже. Сергей согнулся в три погибели, начал подрывать сплассовавшееся, мощное основание. Он не щадил рук — копал и копал. Мусор летел направо и налево — основание было слеplено из бычков, плевков, семечной шелухи, бумажек от мороженого, спичек обгорелых и газетных комков. Попадались вещи и более экзотические, почти пропавшие в последние годы из обихода, как то — два разодранных презерватива или смятая фольга от сырка в шоколаде. Сергей отбрасывал все, его не интересовала сиюминутная помойная дрянь, даже и экзотическая.

Он уже разодрал руки в кровь, когда наткнулся на гильзу. Вытащил, поднес к глазам. Гильза была совсем маленькая, от пистолета. Сергей разочарованно плюнул наземь. Но сунул находку в карман, авось пригодится.

Больше он не мог сидеть возле сугроба — и прохожие начинали присматриваться, и ноги мерзли в летних легких ботиночках, которые ему выдала Ира перед ухо-

дом. Ботиночки были его собственными, у нее там вообще был целый склад его вещей. И наверное, не только его.

— Опять нажрался, малохольный?! — спросила у Сергея сердитая бабуся в черном. — У-у, ироды!

Спорить с бабусей не стоило. Ну ее! Сергей встал, поплелся домой. На сегодня хватит. Гильза противно бренькала в кармане среди медной мелочи. Сергей хлопал по карману, огляделся.

Идти через подворотню он не рискнул. Обогнул дома, приставленные друг к другу вплотную, и через черный ход еще дореволюционного двухэтажного барака проник во двор.

У подъезда никого не было. И Сергей опрометью бросился к нему, открыл дверь, вбежал вовнутрь. И застыл. Его грубо остановили. Схватили за горло, сжали. От неожиданности он потерял способность к сопротивлению, лишь хлопал глазами. Рука была сильной, костистой. Но она сжимала горло не до конца, давала возможность дышать еле-еле.

— Отдай гильзу, падла! — прохрипело в ухо.

Хмырь-карлик смотрел на него снизу красными воспаленными глазами и поигрывал своим тесаком. Руки у него были свободны, значит, за горло держал длинный хмырь.

— Добром просим! — просипел именно он, уныло и беззлобно. — Лучше сам отдай!

— А с этой сукой нельзя добром, — прорычал карлик в лицо, обдавая перегарной вонью, — ему надо кишки пустить наружу!

— Да-а, — уныло согласился длинный, — наверное, надо с ним кончать!

Рука клещами сдавила горло. Острие ножа уперлось в живот. Хмыри не шутили, Сергей сразу это понял.

Он уже приготовился умереть. Но дверь вдруг открылась, и в парадное влезли два мужика с огромным шкафом в руках. Судя по всему, это были грузчики. Из-за шкафа неслся сварливый бабий гомон — две женщины переругивались между собой и одновременно на чем свет стоял поносили неумех-грузчиков.

Сергей рванулся. И выскользнул. Он не стал дожидаться, чем закончится дело. Он понял одно, хмырям не нужны были свидетели. Пулей взлетев наверх, он сунул ключ в замочную скважину, попал лишь с четвертой по-

пытки, захлопнул дверь, прижался спиной к косяку. И почувствовал, что он весь мокрый — пот тек не только по спине, он промочил рубаху на груди, брюки, носки, даже в ботиночках, казалось, хлюпал пот. Но сердце билось радостно: ускользнул! ускользнул!! ускользнул!!!

Еще через миг сердце сжало в тисках — обострившийся слух разобрал гулкие шаги по лестнице: бежали двое, бежали наверх. Сергей в бессилии заскрежетал зубами. Все! Конец! Ах, как тонка дверь! Не защитит она его, нет, не защитит! Надо бежать! Но куда?! Как?! Он ринулся через прихожую в кухню, намереваясь сигануть в окно — лучше смерть на асфальте, чем вот так, от рук этих подлых тварей, этих наемных убийц! Но что-то остановило его... да, есть еще один выход, есть!

— Отворяй, сучара! Отворяй живо!!!

В дверь принялись колотить с такой силой, что она ходуном заходила. Он не успеет, нет! Слишком мало оставалось времени, сейчас они ворвутся, через секунду, через миг! И все!!!

— Хрен вам!!! — заорал Сергей с такой нечеловеческой злобой, что в стену заколошматили соседи. — Хрен!!!

Он метнулся в комнату. Схватил бутыль со стола. Содрал пробку. И стал заливать в себя сатанинское зелье, заливать, не глотая — его обучил этому приему старый приятель-забудыга, обучил еще лет восемь назад. И вот — пригодилось! Сергей вылил в себя пойло за мгновения. Его качнуло, бросило в стену. Но он устоял на ногах. Дождался, пока бутыль наполнится снова и, преодолевая слабость, головокружение, тошноту, опять приник к горлу сосуда.

— В лапшу порежу, падла! Все равно не уйдешь!!!

С грохотом распахнулась дверь. И оба хмыря — коротышка в огромном драном ватнике с тесаком в лапе и длинный в макинтоше и с ломиком-фомкой — ворвались в квартиру, сокрушая все, что попадалось им под руки. Они кинулись на кухню, громя посуду, ломая жалкую мебель, застряли там — и это спасло Сергея. Он выглушил вторую дозу. И начал моментально трезветь. Бутылка прямо в его руках превратилась в хрустальный шар, засияла мириадами сот-миров, заискрилась. Ослепительное сияние разлилось под низким потолком хрущевской хибары.

— Вот он!!!



Хмырь-карлик ворвался в комнату, весь искривился, осклабился, застыл на пороге, указывая на жертву корявым красным пальцем, гогоча, пуская пузыри из нечистого рта. Из-за спины карлика высовывался длинный. Его унылый нос-огурец сейчас торчал вперед пистолетным дулом, приподнятая верхняя губа обнажала желтые стершиеся клыки.

— Попался, падла! Все! Кранты тебе!

Сергей вспрыгнул на подоконник. А бутыль-сфера осталась на прежнем месте. Но теперь она висела прямо в воздухе, не касаясь ничего. Было похоже, что хмыри ее просто не видят. Они медленно надвигались на Сергея, торжествуя, ухмылялись, перемигивались. Они были уверены полностью, что жертве деваться некуда.

— Не-е, теперь я не зарезу тебя просто так, как куренка, не-е, — тянул с блатными интонациями карлик, — теперь я тебя буду убивать долго и медленно, я из тебя, падла, голландский сыр сделаю, решето, мать твою!

Длинный занес над головою свой лом, он был настроен решительнее и проще.

— Да уж, — промямлил он гнусно, — придется вас на тот свет спровадить! Иного пути нет! Не обессудьте!

Рука с ломом начала опускаться — Сергей видел все как в замедленном кино. Острие тесака было нацелено ему в пах. И когда он, казалось, уже почувствовал прикосновение и того и другого, когда, казалось, голову заломило уже от тупой тяжелой боли, а в паху резануло острой и жгучей, из срединного мрака сияющей сферы вырвался кривой и ржавый крюк на длинной железной палке. Крюк вонзился Сергею под ребро — и из сферы дернули, сначала слабенько, будто пробуя, а потом так, что Сергей потерял от боли сознание. Последнее, что он увидел, падая во мрак, было перекошенное от изумления, багровое, набрякшее лицо карлика-хмыря. И не лицо даже, а гнусная поганая рожа.

Наваждение третье

Сама космическая сила бессильна против смерти, потому что не имеет о себе ни сознания, ни чувства; эта космическая сила в нас, в человеке, начинает познавать себя и чувствовать.

Н и к о л а й Ф е д о р о в.

Гудун-Ку уже трижды заглядывал в Колодец Смерти. И все впустую! У него оставалась одна-единственная попытка, ведь число четыре — священное число тольтеков, и если он не выловит из Шибальбы кого-нибудь, его самого принесут в жертву кровавому богу Уитцилопотчли. Трижды уже из-под подножий Малой пирамиды раздавались глухие недовольные вздохи, бог гневался.

Да и столпившиеся вокруг пирамиды зрители, окруженные рядами жрецов-исполнителей, колоннами палачей-любителей и восседающими на каменных столбиках стражами-карателями, проявляли беспокойство и откровенно роптали. Их собрали почти из всех перекрестных миров, выволокли из самых различных временных уровней, чтобы затем выборочно вернуть восвояси — слава о Мире старого бога Ицамны должна была прокатиться по всем закоулкам Внешних миров! Да, именно должна! Недаром же с утра до ночи здесь лилась человеческая кровь, лилась для утешения создателей Всего Сущего! Но мало было богам человеческих жертв, мало! Им требовалось кое-что послаще, повесомей. И потому, наверное,

прошлой ночью Большому Жрецу Кецалькоатля, прислужнику Змея, Покрытого Перьями, было пророческое видение.

Он позвал к себе Гудун-Ку и, почти не разжимая старческих губ, сказал:

— В высыхающих трясиных Шибальбы, сумеречного Царства Мертвых, бьется в ужасающих судорогах Исполнинский Прозрачный Червь. Если он пожрет всю кровь, все трупы, сбрасываемые в Колодец Смерти, он обретет невероятную силу и вырвется из Шибальбы, чтобы поглотить и весь наш благодный мир, Мир Ицанны!

Гудун-Ку почтительно преклонил колена перед Большим Жрецом. И ударился головой о мраморную плиту в знак подчинения. Гудун-Ку не был законорожденным тольтеком. Заклинатели владык Подземного Мира, свирепых богов Болон-Ти-Ку, выловили его еще младенцем в смежных областях Шибальбы. Тогда он был милым головастиком, улыбчивым и клювастым. Но к совершеннолетию Гудун-Ку развился в могучего и красивого зверочеловека. Он был вдвое выше самого рослого тольтека. Мускулистые руки свисали почти до земли. Львиная грива прикрывала его крутые, бугристые плечи. Два зеленых глаза светились изумрудами. Пучок перьев торчал из лба, с красотой их могли сравниться лишь павлиньи перья. А клюв стал огромен и страшен, изогнутым долотом он свисал вниз. По семь когтистых пальцев было на руках Гудун-Ку, и каждый был унизан перстнем с драгоценным камнем — всеми цветами радуги переливались перстни. Но Гудун-Ку воспитывался среди тольтеков с самого детства и считал себя тольтеком, никем иным. Он в два раза тщательнее соблюдал все обряды, втрое ревностней исполнял ритуальные действия. Его все любили. Не было исполнителя искусней и талантливей.

— Принести гарпун Хун-каме! — выдавил Большой Жрец и хлопнул в ладоши.

Прислужники приволокли, сгибаясь от тяжести, железный зазубренный гарпун, выкованный самим подземным богом.

— И копьё Вукуб-каме! — Жрец снова хлопнул.

Шестиметровое складное копьё с изогнутым острым наконечником прислужники не смогли поднять, они его тянули по плитам, выбиваясь из сил, видно, только самому Вукуб-каме, демону Шибальбы было по руке смертоносное оружие.

— Возьми! — приказал Большой Жрец. — Ты должен выловить Прозрачного Червя, прежде чем Солнечный Диск коснется верхнего рога Тескатлипоки.

Гудун-Ку поклонился и, взвалив на одно плечо гарпун, на другое копьё, ушел. Он все понял. С Большим Жрецом не спорят. Он всю ночь провозился, прилаживая к концам копья и гарпуна тончайшую витую проволоку — Колодец Смерти был глубок, а проволоки у Гудун-Ку было всего пять мотков, если Червь уйдет в глубины Шибальбы, его ни за что не достать!

С первыми лучами Солнца, когда еще только начали кнутами и плетями сгонять к подножию пирамиды приглашенных, Гудун-Ку поднялся по крутой лестнице наверх. Солнечному Диску ползти до верхнего рога каменного изваяния Дымящегося Зеркала, Тескатлипоки, было еще очень долго. Но Гудун-Ку забросил гарпун в Колодец.

Из черного зева валил едкий дым, доносились стоны, вопли духов подземного обиталища, несло смрадом... но гарпун болтался словно в пустоте. И потому когда он вдруг застрял в чем-то через целую вечность после броска, Гудун-Ку дернул на себя конец витой проволоки, дернул со всей силы. Гарпун вылетел молнией, всего лишь полчаса после рывка он несясь по жерлу Колодца Смерти, а вырвался... и тут же упал на плиты. В иззубренном острие торчал черный дымящийся шмат полуразложившегося мяса. Сорвался проклятый Червь! Сорвался, если только это вообще был он!

Но через минуту Гудун-Ку был уже спокоен. Он забросил копьё Вукуб-каме. И уселся на вершине Колодца Смерти, уставился на застывших в молчании зрителей. Он еще никогда не видал такой пестрой толпы. Кого в ней только не было: и волосатые, грязные гардизцы с Рогеды стояли, разинув рты, и пелигианцы всех уровней, жабообразные и бесконечно тупые, и звероноиды с Гадры, облезлые, плешивые, и гадкие, и человекоящеры с подводных рудников Гиргеи, и морщинистые залузбарцы, одноглазые и одноногие, и полумифические земляне всех времен и племен, в папах, тюбитейках, перьях, платках, шляпах и вообще без ничего, но в основном стояли отраженные человекообразные, двуногорукие, двуглазые, ротастые, носастые и любопытные.

Гудун-Ку разглядел в зверолодской массе отраженного земного инко-тольтека, почти что родственника, —

знающие толтеки поговаривали, что на полумифической, нереальной Земле жили существа, почти во всем повторяющие обитателей Мира Ицамны, даже не верилось!

Через час Гудун-Ку вырвал копьё, унизанное трупами шестнадцати мегаантропов. Это была откровенно неудачная попытка. Большой Жрец, восседавший на Великой пирамиде, наблюдавший за исполнителем, послал из Магического Кристалла фиолетовый луч. Луч сбил половину правого рога с головы Гудун-Ку и опалил крайние перья. Это было очень неприятно, хотя и почти не больно. Так оплошать! Гудун-Ку бросился к трупам и на глазах у всех разорвал один, самый жирный и налитой, своим огромным клювом, разорвал в клочья, разбрызгивая по сторонам мерзостную черную спекшуюся кровь. Остальные трупы он побросал с пирамиды жрецам-исполнителям, те быстро расправились с ними, вымазав бурой жижицей лица каждого из приглашенных. Большой Жрец благосклонно кивнул седой мохнатой головой и улыбнулся, обнажая единственный ядовитый зубкык, желчь потекла из его рта ручейками, а это был добрый знак.

— Он не хочет ловить Червя! — выкрикнул снизу какой-то смельчак из гиргейцев.

Стражи-каратели тут же попрыгали со столбиков и задушили наглеца. Но делали они это без охоты, без рвения, видно, им самим не нравился сегодня любимец-исполнитель.

На третий раз Гудун-Ку бросил гарпун Хун-каме. Заглянул в Колодец. Лицо тут же опалило пульсирующим огнем подземного царства. Он отпрянул, повел рычагами, к которым крепилась витая проволока. Внизу начинали роптать. Но он не слушал. В конце концов, каждому суждено рано или поздно стать избранником кровавого бога Уитцилопотчли. И если его час придет сегодня, значит, божество смилостивилось к нему, и надо только радоваться.

— Он бездельник! — орали из толпы.

— Дармод!

— Трюкач дешевый! Шарлатан!!!

— Заменить исполнителя!

— Самого его в Колодец!

Стражи-каратели не успевали душить вольнодумцев — у многих от напряженной работы полопались



удавки, приходилось расправляться с горлопанами собственными руками. Это было нелегко. Но Большой Жрец не вмешивался. Молчаливым истуканом восседал на Алмазном Троне Великой пирамиды. И лишь временами фиолетовый луч Магического Кристалла испепелял кого-нибудь.

— Попался! — прохрипел наконец Гудун-Ку. И рванул рычаги на себя.

Гарпун возвращался долго. Но когда он вырвался из Шибальбы с извивающимся на его конце черным существом, все невольно отпрянули, вздох ужаса прокатился по толпе. На конце гарпуна бился в конвульсиях сам Аргавар Блистательный! Да еще в подлинном своем облики! Из матово-черного, покрытого хитином, бочкообразного тела торчали смертоносными крючьями шесть пар рук и шесть пар ног, усеянных сверкающими агатовыми когтями. Двенадцать черных перепончатых крыльев бились в воздухе, порождая ураганы и смерчи. Сегменты желтых пронзительных глаз высвечивались из всех суставов и из шарообразной голой, усеянной шипами, полипами и жвалами, головы!

— Во-он! Все во-о-он!!! — проревел Аргавар.

Сорвался с гарпуна. Набросился на Гудун-Ку. Но тот уже выставил перед собой Секиру Справедливости — божественный неотразимый топор Кецалькоатля. Спорить с обладателем Секиры не полагалось, это было просто бесполезно. Лишь Большой Жрец мог развеять чары Секиры Справедливости. Но Большой Жрец был на троне Гудун-Ку.

Аргавар Блистательный зашипел оглушающим шипом, так, что у большинства приглашенных полопались барабанные перепонки, испустил зверский вопль, потрясший небеса, и прыгнул обратно в Колодец Смерти. Еще долго из мрачного жерла доносились заклятия и скрежет.

— Сбросить его самого в Колодец! — не сдавались наглецы.

Палачи-любители помогали карателям — толпа приглашенных должна была быть покорной и молчаливо внимающей, всякого, осуждающего Большое Таинство надлежало изъять из нее навечно. Но не редела толпа, не редела! Видно, все новые приглашенные прибывали из иных миров. И весело хлестали кнуты по их спинам, игриво прохаживались по головам и плечам свистящие

небесными соловьями плети. Ни что не могло испортить праздника!

Гудун-Ку долго готовился к четвертому забросу. Уже подкрадывалось Солнце к нижнему рогу молчаливого Тескатлипоки. Уже легли мрачные тени на змеиную голову скалящегося Кецалькоатля и высветили отраженные лучи вздетую к небесам грудь богини земли Тлальтекутли, из чьего тела Ицамна сделал землю, а из волос — деревья и травы, из глаз — колодцы и озера. Тяжело вздохнула Тлальтекутли, и взвился над окраинными вулканами черный пепел, застилая окоемы неба.

А Гудун-Ку не спешил. Он поводил рычагами, подтягивал витую проволоку, стучал клювом по краю колодца. Он не хотел рисковать. Раз Большой Жрец повелел достать Исполинского Прозрачного Червя, он его достанет! Хоть с самого дна Шибальбы, хоть из высыхающих трясин Царства Мертвых, но достанет!

И вот копьё зацепилось за что-то хлипкое, червеобразное. Гудун-Ку осторожно, боясь спугнуть удачу, повел рычагами, попробовал натяжение проволоки. Да, добыча зацеплена! Пора! Резким движением он вывел рычаги до отказа за спину. Рванул обеими могучими руками проволоку. И минуты не прошло, как копьё с крюком показалось из жерла Колодца. Гудун-Ку ухватился за Секиру... Но похоже, надобности в ней не было. На крюке трепыхалось двуногое и двурукое человекообразное существо, бледное, но совсем даже не прозрачное.

— Какой это Червь?! — выкрикнули снизу.

— Шарлатан! Мошенник!

— Давай Исполинского Червя, этот никакой не исполинский!

Гудун-Ку растерянно развел руками. Вспыхнули всеми цветами редкостные перстни. Затряслись на голове остатки перьев. Клацнул клюв. Гудун-Ку не знал, что сказать, он не знал и — что подумать!

Голос Большого Жреца прозвучал неожиданно, словно гром из тучи в ясный день.

— Это и есть Исполинский Прозрачный Червь! — провозгласил Жрец. — Это и есть любимейшее лакомство богов! А сомневающиеся пусть вглядятся внимательно! Смотрите, невежды, разве не громаден этот монстр для червя?!

— Громаден!!! — проревели хором стражники, жрецы и палачи-любители.

— Огромен! — подхватили все остальные. — Просто исполин! Чудовищно громаден!!!

— А в подземных трясинах он раздувается и вовсе до невиданных размеров, он заполняет собою Обитель Мертвых! Эта Исполинская гадина бесконечна!

— Бесконечна-а-а!!!

— И прозрачна! — устало выдохнул Большой Жрец. На зубо-клыке у него висела желтенькая капля яда. Мохнатый ворс на голове торчал дыбом. Он тяжело опустился на кресло. И благосклонно взглянул на Гудун-Ку. Тот склонился в поклоне.

— И ничего не прозрачен! — завопил какой-то смутьян снизу.

Его тут же придавили. Но великодушный Большой Жрец все же пояснил толпе:

— Вот раздуется — и будет прозрачным! Истинно вам говорю — это и есть чудовищный, несущий всему миру гибель, бездушный и зловредный, всепожиратель и ненасытный Исполинский Прозрачный Червь!

Толпа замерла в оцепенении, смертельный ужас сковал ее. Даже окраинные вулканы прекратили извергать лаву и пепел, притихли. Солнечный Диск, словно пронзенный серебрянным острием, висел на верхнем роге мрачного бога Тескатлипоки.

Сергей открыл глаза. И тут же их закрыл опять. На него смотрела такая жуткая морда, что в сравнении с ней багровая харя хмыря-карлика представлялась ангельским ликом. Это уж точно — галлюцинация, решил Сергей.

Во всем теле поселилась лютая боль. Было такое ощущение, будто насквозь проткнули, а потом запижали в мешок и бросили вниз с гигантской крутой лестницы. Сергей попробовал шевельнуть рукой — не тут-то было! Опять связали! Опять мытарства начинаются... Начинаются? Нет, они и не кончались. Слава Богу, хоть от хмырей удалось удрать! Лучше уж немного помучиться, чем быть “порезанным в лапшу”.

Сергей осторожно приоткрыл один глаз — жуткая морда не пропала, наоборот, стала больше, видно, придвинулась поближе. Каких же только уродов ни рождает белый свет! Сергей опять зажмурился. Но два круглых

немигающих глаза над огромным клювом стояли перед его внутренним взором как наяву.

Обдувало свежим ветерком. Сергей сообразил — он где-то на открытом пространстве, не в подземелье во всяком случае и не в пыточной. Уже хорошо! Лежать было неудобно — ноги свисали вниз, под затылком ничего не было, твердое холодное ложе упиралось лишь в спину, ягодицы и верхние части ног.

— Где я? — спросил Сергей.

Клювастый отпрянул, он явно не ожидал вопроса, а может, просто испугался. Со всех сторон донесся приглушенный гомон, какой-то посвист, звуки сочных ударов, стоны, шипы, вскрики.

Сергей повернул голову. И увидел внизу, под собой, целое море народа. Причем народ был странный: среди нормальных, обычных людей стояли такие страхолюдины, такие образины, что и смотреть не хотелось. На возвышениях в толпе сидели обритые наголо мрачные типы, краснокожие и все как на подбор крепкие, в руках они держали черные петли. Все остальное сливалось в общей пестроте и навороченности.

— Бледный Червь проснулся! — провозгласил некто невидимый с таким пафосом, словно он возвещал начало новой эры.

— А-а-а-а!!! — загудела толпа и подалась назад, топчая слабых, сшибая краснокожих со столбиков. Но уже через минуту она успокоилась, застыла. И снова послышались посвисты.

Сергей увидел суетливых тощих людей в набедренных повязках. Они размахивали кнутами и плетью, рассыпая удары безо всякого порядку, как придется. Но он не понимал, что происходит и почему он лежит посреди этого людского моря.

Он повернул голову в другую сторону. И увидел среди такого же людского моря высоченную ступенчатую пирамиду. На ее вершине стоял величественный трон. А на троне восседало настоящее чудовище в белой мантии. Было оно огромно и противно. Сергей сразу же отвернулся — лучше уж вообще ничего не видеть! Но он понял, что лежит на такой же пирамиде, но немного поменьше, лежит посреди всего этого народа, явно согнанного смотреть какое-то представление. Вот только в чем же оно должно было заключаться? Неприятные мыслишки зашевелились в голове.

— Бледный Червь проснулся! Пора приступать! — про-
рокотало еще торжественней.

Огромный уродец, рогатый и клювастый, принялся ска-
кать и прыгать вокруг Сергея, размахивая сверкающим уз-
ким топором на длинном древке. Он завывал и извивался,
приседал и подпрыгивал, потрясал корявыми ручищами в
сторону большущего каменного идола, словно зывал к то-
му или призывал его в свидетели. Чуть позже раздалась
рокошующая удары барабанов. Снизу поднялись какие-то го-
лые люди в устрашающих масках, у каждого на боку висел
барабан. Будто по команде они били колотушками в натя-
нутую гулкую кожу, прыгали, раскорячив ноги, вертели
головами.

Сергей и сам вертел головой, не поспевал за пляшущи-
ми. Он не сразу догадался, что пляшут-то они вокруг него!
Да, он был в центре этого действа. Ряженые то напрыги-
вали на него со всех сторон с рыками и воплями, то отска-
кивали и опять начинали кружиться. Барабаны их не
умолкали. Готовилось нечто явно неприятное — гостей и
друзей так не встречают. Маски были одна страшней дру-
гой, сходство имели в одном — каждая была клыкаста и
зубаста.

Бесконечный хоровод беснующихся мог свести с ума.
Сергей лежал и дрожал, он уже понял, чем это должно
кончиться. Уродец все ближе к его лицу, шее, груди
подносил свой узкий топор, иногда сталь плашмя
проскальзывала по коже, и у Сергея обрывалось серд-
це. Но когда он увидел, что каждый из пляшущих, не
переставая наколачивать в барабаны, выхватил из-за по-
яса длинный и кривой нож, ему стало совсем плохо. От
одного вида этих ножей можно было испустить дух —
не стальные, не железные, не бронзовые, они были сде-
ланы из кроваво-красного обсидиана, вулканического
стекла-камня, лезвия их были грубы, покрыты иззубри-
нами, изломами, шипами. Каждый нож был с локоть ве-
личиной. Сергей чуть не заплакал от обиды и бессилия,
он с тоской вспомнил ровненький, красиво поблески-
вающий тесачок хмыря-карлика и пожалел, что воспользо-
вался услугами бутылки-генератора. Да, этими обсиди-
ановыми ножищами нельзя было “порезать в
лапшу”, ими можно было лишь истерзать, изодрать в
клубья.

Клювастый уродец, жонглировавший топором, закинул
его за спину и тоже вытащил огромный нож с крючьями-

засубринами, зажал его в клюве, возвел ручки к небесам. Толпа взвыла как стадо разъяренных носорогов.

— Во славу Кецалькоатля!!! — проорал клювастый, выхватывая из своей жуткой пасти нож, заноса его над грудью Сергея. — Пожри же его сердце, Великий Пернатый Змей! Выпей же его кровь, Уитцилопотчли!

Сергей с силой сжал глаза. Но в уши донеслось далекое и грозное:

— Стойте! Стойте нечестивцы!

Бой барабанов прекратился. Пляшущие застыли с ножами в руках, клювастый обернулся к большой пирамиде.

— Прежде по заветам предков необходимо окропить тело Исполинского Прозрачного Червя соком малых жертв! Кто посмел нарушить ритуал?!

Клювастый посмотрел на одного из ряженных — и тут же другие набросились на него и искромсали ножами до костей, несчастный не успел даже вскрикнуть. Обагренные кровью руки они воздели вверх, запричитали.

Но чудовище, восседавшее на троне, топнуло ногой. И еще двоим пришлось распрощаться с жизнью, и их скелеты, очищенные от мяса, покатались вниз по ступенькам пирамиды.

— Что вы делаете?! — завопил Сергей в ужасе. Ему казалось, что лучше быть самому убитым, чем глядеть на такое. — Что вы делаете-е!!!

— Да! — громогласно провозгласило чудовище. — Вы все слышите: Червь жаждет, чтобы его напоили, прежде чем он попадет в пасть Пернатому! Ибо даже каждый из вас, прежде чем полакомиться жирными пиявками, посадит их на шею раба, чтобы напитали они себя соками и сладостью! Проявим же благоразумие и не будем идти против воли богов! Где малые жертвы?!

— Где-е-е?! — завопила толпа. — Где-е-е-е?!

— А вот где! — громогласно изрекло чудовище с пирамиды и ткнуло корявым морщинистым пальцем в толпу.

Притихшие дотоле палачи-любители, каждый с огромным кольцом в носу, обритый наголо и испещренный причудливой татуировкой, разом взвыли, выпучили глаза, оскалили зубы. Сергею показалось, что это выпустили из дома умалишенных особо опасных больных — буйных и злобных. Но он не мог оторвать глаз от происходящего, его как магнитом притягивало это зрелище.

Любители распяляли себя, взвинчивали — и вокруг них образовывалось свободное пространство, было видно, как

их боятся все прочие, как дрожат они, трепещут. Но куда денешься в такой толчее?! И когда вой обритух дошел до немислимого предела, превратился в свистящий визг, внову глухо ударили барабаны. Но раскатистая дробь не смогла заглушить истерических воплей, стонов, плачей, рыданий, проклятий: все произошло молниеносно — каждый палач-любитель выхватил из-за спины, из красного полусферического колчана, по короткому сверкающему граням гарпунчику и метнул его в толпу.

Восторженно, счастливо хохотали те, кто избежал страшной участи. Пальцами они тыкали вслед обреченным, вслед попавшимся на иззубренные концы гарпунов, плевали в несчастных, бросали в них каменья, комки глины, ссохшийся собачий кал и прочий мусор. Особо ретивые награждали неудачников пинками и тумакими, подбегали ближе, норовя ударить побольнее или же выдавить пальцами глаза, оборвать уши или выдрать клок волос — это считалось хорошей приметой.

— Что вы делаете?! — завопил Сергей снова. Только разве мог его кто-нибудь услышать в таком дьявольском шуме.

Палачи-любители бежали со всех концов огромнейшей площади, волоча за собой на коротких трехметровых канатиках, крепящихся к концам гарпунов, попавшую добычу. Они не обращали внимания на крики и стенания “малых жертв“, ведь тем, несмотря на жутчайшие страдания, приходилось поспевать за палачами, ибо каждый рывок доставлял им страдания еще более жестокие. Двоим или троим, правда, удалось сорваться с гарпунов. Но их тут же затоптала толпа. Их буквально разорвали на части. Оплотавших палачей-любителей удавили своим удавками стражи-каратели. И участь удавленных была не лучше, чем у их сорвавшихся жертв. Да, празднество, похоже, набирало силу. Толпы ликовали!

— Да убейте же меня! — завопил Сергей.

Клювастый склонился над ним, потряс головой с обломанным рогом и пучком перьев, жутко осклабился и сказал:

— А как же, обязательно все сделаем! По высшему разряду!

Сергей чуть сознания не лишился. Он еще не знал, что ему предстояло вытерпеть. А тем временем жрецы-исполнители, перенявшие концы канатов из рук палачей-любителей, волокли обреченных вверх по ступенькам пирами-



ды. Тех, кто не выдерживал, падал, лишался чувств, они тут же добивали своими обсидиановыми кривыми ножами — кровь ручьями лилась по ступеням вниз, тела, подгоняемые ударами ног, катились к подножию, к дико ревущей толпе. А толпа знала, что ей надо делать.

Клювастый выволок из-за каменного барьера четыре длинных бронзовых копья. Соединил их каким-то непостижимым образом. Концы копий закрепил с обеих сторон от Сергея. Потом еще раз сходил за барьер, принес позелевшую от времени и патины тоже бронзовую воронку устрашающих размеров, острым концом ее разжал Сергею зубы и грубо впихнул воронку прямо в рот. Потом накрепко привязал голову к чему-то внизу. И вскинув клюв к небесам, загоготал с чувством выполненного долга.

Сергей вращал глазами, трясся и думал, что и впрямь было бы лучше, если б хмыри “порезали в лапшу”! А когда первую жертву с уханиями и причитаниями забросили на острия копий, когда в воронку и на все тело полилась струями кровь, когда клювастый, разодрав спину жертвы своим кривым ножом, раздвинув с хрустом ребра, запихнул внутрь когтистую лапу, вырвал сердце и тут же его сожрал под радостные крики жрецов, Сергей провалился в черноту.

Гудун-Ку не боялся работы — долг есть долг. И хотя он не испытывал священного трепета наподобие всех этих беснующихся жрецов, он не позволял себе расслабиться, с него особый спрос, ведь он все же не совсем настоящий тольтек. И он обязан помнить об этом. Его просто выделили! Его облагодетельствовали! А ведь мог бы стоять сейчас внизу, как стоят там эти полупризрачные, отраженные тольтеки-земляне... Но нет, он не будет стоять внизу. Он всегда будет здесь, на жертвенной площадке пирамиды!

Вот только Червь попался какой-то хилый и немощный! Другой бы ожил под красными струями, вошел бы в силу. А этот наоборот — что-то совсем скис!

— Чего медлите?! — прикрикнул Гудун-Ку на жрецов. — Решили уморить Большую Жертву?!

Жрецы всполошились, принялись исполнять ритуальные действия вдвое быстрее: только хруст костей стоял, да дикие вопли, перекрывая шум толпы, уносились к дымящимся вулканам. Гудун-Ку как челнок сновал от жертвенной площадки к Колодцу Смерти, еле успевал выплывы-

вать из своего изогнутого клюва во мрак Шибальбы горячие и еще трепещущие сердца. Уже больше сорока красных упругих комков полетело в ужасающую бездну Подземного Мира. Но Червь не оживал. Видно, ему было мало! И вечно им мало крови! Вечно им еще подавай! Что это за ненасытные твари?! Гудун-Ку нервничал, начинал спотыкаться, оскальзываться на черных сгустках. Но он знал, что божествам никогда не много, им всегда мало!

Большой Жрец одобрительно кивал мохнатой головой, не останавливал. Кровь, стекающая по специальным желобам с пирамиды, заполнила до краев внутренний бассейн-резервуар, стала подниматься вверх по свинцовым трубам... Но никто из зрителей не видел этого. Лишь когда на губах каменного изваяния Уитцилопотчли выступила красная пузырящаяся пена, толпа ахнула и затаила дыхание.

— Великие Покровители с нами! — выкрикнул Большой Жрец, приподнимаясь над троном. И фиолетовый луч Магического Кристалла, описав большую дугу, уперся в последнюю жертву, висевшую на остриях копий. Вспыхнул синий огонь, и к небу поднялось белесое смутное облачко, поднялось, рассеиваясь на лету, словно ничего и не было. Седая шерсть на голове Большого Жреца встала дыбом. Ядовитый зуб-клык вывалился из-под верхней губы и застыл смертоносным наконечником. Желчь потекла еще сильнее, орошая расплывающимися пятнами бархат парадного плаща-сутаны. — Напоен ли Исполинский Прозрачный Червь? — почти без вопросительных интонаций проревел Жрец. — Готов ли он к встрече с Богами?!

Клювастый Гудун-Ку упал на колени и выкрикнул во всю мощь своих необъятных легких:

— Готов! Боги ждут его мяса и крови!!!

Он скосил глаз на Червя — живот у того был раздут, из воронки хлестала назад красная жижа. Жрецы топтались на площадке по колено в крови, еле слышно били в барабаны, вскидывали руки, разевали рты. Толпа благоговейно молчала.

— Так исполним же их волю!!! — громоподобно изрек Большой Жрец.

Вопли восторга вырвались из тысяч глоток. Гудун-Ку подхватил Секиру Справедливости и проделал ею целый каскад умопомрачительных движений, так, что казалось, в руки его попала молния и стала подвластной, засверкала, засияла, бросая миллионы огненных бликов по сторонам. Но прежде чем изумленная толпа колыхнулась в изумле-

нии, сын Шибальбы и изгой Колодца Смерти, внук свирепых богов преисподней Болон-Ти-Ку и самый истовый тольтек, блистательный Гудун-Ку в два прыжка преодолел расстояние до жертвенной площадки — и Секира Справедливости вновь превратилась в молнию: со стуком и лязгом зубов покатались вниз по ступенькам пирамиды срезанные ослепительным лезвием головы жрецов. Мгновения не прошло, а площадка была чиста, свободна. Да, Гудун-Ку был большим искусником.

Рукоплескания толпы достигли небес. Большой Жрец благосклонно кивнул. Стражи-каратели мячиками прыгали над каменными столбами, их черные удавки свистели в воздухе, прорывая рев и гам своим пронзительным свистом. Облезлые гадриане втихомолку грызли полыми зубищами кое-кого из зрителей, но криков пожираемых слышно в общем гуле не было. Из оскаленных пастей каменных Кецалькоатля и Уитцилопотчли били кровавые фонтаны. Апофеоз празднества поклонников Змея, Покрытого Перьями, приближался с каждой секундой.

И вот Гудун-Ку застыл над опрокинутым Исполинским Прозрачным Червем, откинулся назад, вознося над головой Секиру Справедливости. Замер. Его огромное атлетическое тело превратилось в изваяние, крутыми поблескивающими буграми вздулись чудовищные мышцы, выпрямилась спина, встопорчилась на загривке и раздулась по бокам ухоженная львиная грива, к которой не пристало ни единой капельки крови, напряжинились мощные длинные ноги, пятки оторвались от камня площадки, вздулись на груди, руках, шее узловатые синие вены, от внутреннего напряжения задрожали надо лбом павлиньи перья, заклацали створки клюва... Гробовая тишина воцарилась под пирамидами. Карающей небесной посланницей сверкнула Секира, перед тем как начать свой путь вниз.

И в это время Исполинский Червь открыл глаза.

В сотую долю мига Сергей все вспомнил. Напрягаясь до невозможности, выпихнул изо рта тяжеленную воронку. И не смог сдержаться — из него ударил наружу целый фонтан! Чего только не было в этом фонтане! Это было прямо извержение вулкана! Застывшего статуей клювастого обдало такой дрянью, что Сергей успел его пожалеть. О себе он уже не думал, он знал — все, это конец! Это труба! дальше и быть ничего не может! дальше ничего не имеет

права быть! Лезвие узкого и вытянутого топора последним солнцем сияло в небесной выси. Вот сейчас! еще немного! и солнце обрушится на него! и настанет конец света! и все погибнет!

— Стойте!!! — разорвал вдруг тишину жуткий нечеловеческий крик. — Стойте!!!

Сергей не видел, как седое чудовище воззрилось вниз, как оно повернуло голову и стало медленно опускать Магический Кристалл. Но он услышал старческий скрипучий голос, словно усиленный мегаваттным усилителем мощности:

— Посмевающий нарушить торжественную церемонию умрет в страшных муках. Взять нечестивца!

Стражи-каратели приподнялись на своих столбах, повернули жуткие головы на голос. Побежали меж рядами палачи-любители. Зашевелилась, загудела толпа. Но вдруг все разом замерло.

— Воля Пернатого!!! — прогремел тот же нечеловеческий голос на всю округу.

Это было страшное слово. Это было заклятье! Под страхом многолетних изощренных и мучительных пыток обитателям миров, подвластных воле Змея, Покрытого Перьями, запрещалось произносить его заклятье всуе. Лишь нечто необыкновенное, выходящее за все рамки привычного бытия могло оживить заклятье Кецалькоатля. И отчаянно-го храбреца ждала страшная судьбина. Ему давалось совсем немного времени.

— Пусть скажет, — глухо и равнодушно проскрипело из пасти каменного изваяния Пернатого.

— Говори! — подтвердил волю богов Большой Жрец. И Магический Кристалл пропал в складках плаща-сутаны. — Говори! И пусть ни единый волос не упадет с твоей головы. Эй, стражи, охраняйте наглеца пуще зеницы ока! Этому мученику предстоит долгая и ужасная жизнь!!!

Сергей ничего не видел. Голова его была закреплена, он не мог даже повернуть ее. Но за одно он готов был поручиться: на Земле нет ни одного существа с подобным голосом. Да, ведь голос этот звучал с подвываниями, на высокой, нестерпимо высокой ноте и одновременно в нем гудели низкие басовые перегуды, словно било огромного литого колокола-вторило душераздирающей сирене.

— Чаки, павахтаны, бакабы мне свидетели! Боги двух миров и все демоны Отлахун-Ти-Ку и Болон-Ти-Ку мне поручители! Сам Пернатый мне покровитель и защитник!

— проговорил смельчак из толпы с невероятным апломбом, громогласно и зычно. — Ибо богиня земли, сама Тлальтекутли, полная в своих суставах ощеренными пастями, богиня, из которой Ицамна сотворил весь мир, вечная среди вечных и всепожирающая, установила этот обычай! Черный бог Тескатлипока, являющий образ Дымящегося Зеркала, освятил дарованный Тлальтекутли обычай! Уэуэтеотль, Старый Бог, благословил на его исполнение всех живущих среди временно живых, Ит-Чель и Кукулькан, Хун-каме и Вукуб-каме утвердили обычай, повелели его чтить и исполнять. Богиня вод, Чальчиутликуэ заповедала тольтекам не отрекаться от учений и верований предков под страхом ее вечного гнева, ибо...

Сияющее солнце-топор висело в небе. И не было ничего светлее этого солнца, не было ничего более вечного и могучего — вокруг этого солнца вращалась вся Вселенная. Сергей смотрел на него, не мигая. И он ни черта не понимал. Но солнце сияло, горело, не падало.

—... воля Тлальтекутли — воля Пернатого! Раз в тысячелетие, в тринадцатый день четырехлунного месяца Изгор в великое празднество жертвоприношений и всенародных гуляний последней жертве Тлальтекутли позволяет надеяться на невероятное — на сохранение жизни! Вы все знаете об этом!

Толпа молчала.

— Да! Вы все знаете об этом! И сегодня именно такой день! Слушайте же, нечестивцы, предающие память предков! Вот что гласит завет Тлальтекутли: если в праздничной толпе пред вознесением над жертвой Секиры Справедливости найдется та, что готова сочетаться узами любви и освященного брака с последней жертвой, то жертве сохраняется жизнь!

Старческий голос прогремел, казалось, прямо в уши Сергею:

— Богиня ничего не говорила про Исполинского Прозрачного Червя! Она подразумевала жертву из тольтеков, богомерзкий язычник!

Он не успел закончить. Нечеловеческий голос взревел с упорством и яростью:

— Ну уж нет!!! Богиня говорила только про последнюю жертву! Она не уточняла — кто ей окажется! И не язычник, Жрец, не язычник! Уж скорей язычница! Ты стар и глуп, ты не можешь разобрать, кто перед тобой. Но ты не осмелишься нарушить воли Пернатого!

У Сергея сердце екнуло. Появился шанс! И плевать, какой там голос! Разве сейчас это важно?! Сейчас важно, чтобы солнце-топор опустился не на его голову, а куда-нибудь в другое место! Все остальное — ерунда, мелочи! Он тяжело вздохнул, и его опять начало рвать — неудержимо, болезненно, выворачивая наизнанку.

— Я все вижу! — пророкотало старчески. — Ты дикая и необузданная гиргейка! Ты нечестивка и смутьянка! И тебя ждет лютая смерть! Но сначала мы отдадим богам то, что принадлежит им по праву! Эй, снять головные путы с Червя!

Сергей услышал топот, шлепанье босых ног. И голова вдруг обрела возможность поворачиваться. Но зато дико заняла шея, всю ее искривило судорогами, пронзило миллиардами иголок. Солнце на миг, превратилось в ослепительную молнию — слышались стоны, что-то попадало вниз, покатилося по ступеням. И вновь топор, вокруг которого вращалась Вселенная, взмыл под облака.

— Боги ждут! — прогремело властно.

И тут же нечеловеческий голос упрямо заявил:

— Боги не допустят нарушения заветов! Я не завидую тому смельчаку, который возьмется спровадить к ним отпущенную ими жертву!

— Молча-а-ать!!!

Все! Не оставалось никакой надежда. Солнце начало падать. Но Сергей не закрыл глаз. Он был готов к смерти — вот сейчас вспыхнет в последний раз, озарится все вокруг плазменным сиянием... И потухнет. Весь мир потухнет!

— Значит, так надо, — пролепетал он напоследок непослушными губами.

Но солнце упало не на него. Оно упало совсем рядом! Истошный вопль лишил слуха.

— Ы-ы-ы-у-у-ууугрх-х!!!

Сергей повернул голову. И все понял. Клювастый промазал! Он не попал в него! Он попал в самого себя! Он оттапал своим топором собственную ступню! И теперь крутился волчком на каменных плитах. Когти на отрубленной ступне сжимались и разжимались, она еще жила, но смотреть на нее было жутко.

— Хау-хау-хау!!! — проплыло над площадью. Сергей не понял сразу, что это довольный смех, ведь так мог смеяться лишь динозавр. И ему почему-то стало не по себе.

Что-то сверкнуло в воздухе фиолетовым огнем, и с го-

ловы клювастого слетел изогнутый рог, ударился о край колодца, свалился вниз. Клювастый сразу перестал вертеться, подхватил топор на длинной рукояти, сильно хромая, подковылял к Сергею. Все начиналось сначала. Но на второй заход у Сергея выдержки не хватило.

— Да вы чего?! — завопил он. — С ума посходили! Закон один для всех! Везде! Всегда! Уцелевшего не добивают-ют!!!

— Добить! — коротко изрекло седое чудовище с соседней пирамиды — теперь Сергей снова видел этого гигантского монстра. От такого ждать жалости не стоило.

Клювастый вздел ручищи с топором. Сергей обреченно закрыл глаза.

— Вщ-щ-щ-щи-и-иккк!!! — просвистел топор возле самого уха. И вновь последовал истошный крик, что-то тяжелое шмякнулось на плиты.

Сергей разлепил веки. То, что он увидел, было невероятно: клювастый исполин валялся внизу, то сжимаясь в комок, то разжимаясь. Правой ноги по самое колено у него не было. Из раны хлестала зеленоватая жижа, наверное, кровь.

— Хау-хау-хаууу!!! — гремело над толпою. Гул и ропот нарастал.

Но вновь сверкнул фиолетовый луч — и словно обретенные посыпались со лба клювастого наземь красивые перья с желтыми и синими глазками. С чавканьем отлетело большое шерстистое ухо, упало Сергею прямо на грудь, обожгло, словно его со сковородки сбросили. Сергей напряг мышцы, дернулся — и ухо клювастого сползло с грязной, словно коростой покрытой кожи, шлепнулось во что-то мокрое, чавкающее.

— Кецалькоатль ждет жертвы!!!

Это было невероятно! Но клювастый поднялся и на одной ноге подпрыгнул к жертве. Дальше и вообще происходило неопишное! Сергей смотрел, не отрываясь, но ему казалось, что это все не взаправду, что этого быть не может! Клювастый ударил со всей силы еще раз — и отмахнул себе левую ногу под самый корень. Но он не закричал, не забился на плитах. Он тут же подобрался на обрубках ближе — ведь и в таком состоянии он возвышался над жертвой — и вновь ударил, сильно, резко, целя в грудь. Топор звякнул о каменный край, отскочил и начисто отсек левую руку палача — Сергея забрызгало горячей зеленью. Тошнотворная вонь ударила в нос.

— Хау-хау-хаууу!!! — гроыхало все сильнее.

— Доби-и-и-ить!!!

Последние два удара были и вовсе фантастичны. Их не могло быть, ни одно существо в таком состоянии не смогло бы их нанести. Но клювастый смог. На одной руке он подтянулся к каменному барьерчику-возвышению, взобрался наверх, уставился в глаза Сергею немигающими изумрудными шарами, кляцнул клювом и... топор вновь отлетел от каменной кладки, на этот раз вонзился прямо в грудь. Клювастый с хрипом и сипами выдрал лезвие из себя. Глазница его помутнели. Но рука опять взметнулась вверх — удар был могуч и страшен! Рукоять треснула, разлетелась. А само узкое лезвие взлетело после удара о камень — опять о камень! — и как бритвой срезало голову клювастому. Из обрубка шеи ударил фонтан зеленой маслянистой жижи. Безголовое тело рухнуло с барьера.

— Боги не любят, когда нарушают их заветы, хау-хау!

С соседней пирамиды раздался скрипучий вздох, оханье.

— Да, видно, так угодно Змею! — наконец донеслось оттуда. — Ты можешь взять его в мужья!

— Еще бы! — прогремело надменно.

Толпа притихла.

А седое чудовище приподнялось над прозрачным, сверкающим множеством граней тронном и, роняя изо рта какую-то желтую пакость, добавило:

— Но ты, надменная гиргейка, наверное, забыла, что у завета богини Тлальтекутли есть и продолжение. В нем сказано, что избравшая Большую Жертву в мужья должна на деле, перед всеми богами и перед всем людом доказать свою любовь! Ты понимаешь меня?!

— У нас это делается не совсем так, как у тольтеков, гадриан или призрачных землян! — выдала невидимая для Сергея гиргейка, его спасительница. — У нас все немного иначе бывает...

— Смерть отступнице!!! — прогремело чудовище.

И толпа мгновенно отозвалась. Отозвалась слитным, слаженным многотысячным хором:

— Смерть! Смерть!! Сме-е-рть!!!

— Стойте! — перекрыла толпу гиргейка. — Никто не отказывается! Вы увидите, как любят у нас, на Гирее! Я иду!

Сергей дернулся. Ему почему-то захотелось убежать. Но куда тут убежишь?! Он повернул голову в другую сто-

рону... и только теперь увидел, кто его спас от лютой смерти. Эх, лучше было бы и не видеть! По ступенькам медленно вздымалась вверх многопудовая четырехногая и шестирукая медузообразная тварь. Она оставляла за собой мокрые слизистые следы, тяжело дышала, сопела и была похожа на невероятно уродливого расплывшегося бегемота, сотворенного из хлипкого лилового киселя.

Но во всей прелести и живости Сергей разглядел суженную, когда та застыла над ним колышавшимся огромным студнем. Гиргейка была полупрозрачна! И чего только не высвечивала ее утроба: и переплетения кишок и сосудов всех длин и толщин, и нагромождения перемещающихся костей, хрящей, сухожилий, и что-то переползающее с места на место, живущее своей, казалось бы, жизнью... Сергея снова начало рвать. Но гиргейку это ни в малейшей степени не смутило.

Она разинула жуткую пасть и предупредила публику:

— Вы приготовились увидеть нечто привычное, не так ли?! Но у нас любовь тоньше и одухотвореннее, чем у вас! У нас нет этого бесчисленного повторения соитий! У нас соединение любящих сердец происходит в самом прямом смысле! У нас любящие супруги, готовящиеся принести плод, в самом прямом смысле становятся одной плотью! Это очень просто и гармонично!

Сергею что-то не нравилось подобное вступление перед какой-то необычайно “одухотворенной” любовью. Но он слушал во все уши. Может, еще была надежда?! Ведь всякое могло же, черт возьми, быть!

И толпа внимательно слушала гиргейку, было непривычно тихо.

— Так вот, тольтеки и земляне, гадриане и гардизцы, на Гиргее любовное слияние — это всегда зачатие. А зачатие происходит так! Я поясню, чтобы потом никто не удивлялся, чтобы не нашлось среди вас таких, что приняли бы меня за мошенницу, за обманщицу! Вот, глядите!

Она вдруг поднялась, распрямилась, приподняла слоновью ногу, застыла. Но этого было достаточно — Сергей увидел темное отверстие с морщинистым круглым, размерами с обычный земной люк, клапаном — клапан этот то открывался, то закрывался, будто кто-то за ним дышал, втягивал воздух.

— Самка принимает готового к оплодотворению самца прямо в себя, в свою плоть! И они не расстаются до полнейшего растворения самца в теле самки! Да, его семя

идет на создание новых жизней, его мясо, кости, кровь послужат в будущем питанием для подрастающих детей — наших общих детей! Это так трогательно, так мило, так... так... — гиргейка вдруг сбилась, захлюпала, зашмыгала, затряслась. Видно, она была сентиментальной особой.

Толпа рыдала вместе с ней. Утирали слезы стражи-каратели на столбиках, били себя в грудь палачи-любители, взвизгивали жрецы, дергали носами чувствительные зрители и зрительницы. Лишь один Сергей не рыдал. Он лежал ни жив, ни мертв. И не мог понять, шутят с ним или же студенистая гиргейка говорит на полном серьезе. Что-то ему не очень хотелось быть растворенным.

Сергей начал рваться из пут. Ну почему его не убили?! Почему топор-солнце не опустился на его шею?! Это была бы пусть и отвратная, паршивая, но все же нормальная смерть, обычная казнь. Но быть растворенным в брюхе этой гадины?! Нет!!! Он не сахар, не соль, чтоб растворяться! Он не сгусток болотной слизи! Он человек — порождение Высшей Силы! Это в него вложена Бессмертная Душа! Так неужто Тот, кто Ее вложил в его жалкое и бренное тело, Тот, кто одухотворил Своим Дыханием глину-биомассу, это булькающее и размножающееся сусло, бродившее на Земле целых четыре миллиарда лет, неужто Он вновь вернет его в состояние глины, живой, но не одухотворенной материи?! Или растворится лишь тело? Да, наверное так, растворится лишь биомасса — глина сольется с глиной, будет бультыхаться и переливаться в полупрозрачном мерзком чреве, порождая все новые и новые уродливые материальные формы. А Душа вырвется из гадкого месива, воспарит! И унесется туда, далеко-далеко, чтобы уже никогда не возвратиться в мир крови, злобы, вожделения, зависти, подлости и мрака! Им не убить Ее! Ни за что не убить! Сергей перестал дергаться, стих. Его вдруг поразила простая, но убивающая своей простотой мысль — а есть ли в нем Душа?! Может, ее уже давно и нету?! Может, ее и не было в нем, именно в нем, никогда?! Перед глазами встала как живая похотливая дамочка с козыми грудями и золотыми зубами. Она протянула к нему руки, поманила, широко улыбнулась, обнажая красные десна — вот, вот его душа! только так она и могла выглядеть! только такой она и могла быть! алчная, трясущаяся от вожделения, скользкая и увертливая, потная, угреватая, с выпирающими наружу жилками и костями, смрадно дышущая и роняющая слюну, нечистая! Нет! Та-

кая не воспарит! не улетит никуда! такая выскользнет змеей из студенистого гадкого монстра, выскользнет через любую, первую попавшуюся дыру! и тут же заберется в грудь к другому существу, подчинит его, бросит в грязь! Да, именно так! И имя этой скользкой внутренней твари вовсе не Душа! У нее есть свое имя, у нее целый легион имен! Ну и пусть! Ну и черт с ней! С такой не жалко и расставаться! Извивающаяся голая баба пропала, а перед мысленным взором Сергея встал ни с того, ни с сего ослепительно белый сугроб. Он был чист! Невероятно чист! Даже глаза резало, нагоняло слезу — хотя глаза были плотно закрыты, зажмурены — но все равно! Это был целый айсберг белизны и чистоты! Его сияние было небесным, заоблачным. Сергей рванулся с такой силой, что кожа полопалась на груди и плечах. Ему удалось оборвать какую-то веревку, он почувствовал, что путы спадают, что тело обретает свободу... Но он не посмел открыть глаз. Он все вглядывался в неземную чистоту сугроба-айсберга. Вглядывался до тех пор, пока в самой середине снежной глыбищи ни стала проявляться маленькая красна точка. Она постепенно росла, увеличивалась — и Сергей понял, это пятно, пятно крови! Алое, неестественно алое пятно с неровными краями расплывалось по снежной белизне, прожигало ее.

Гудун-Ку, сын мрачной Шибальбы, умирал. Его массивная крутолобая голова закатилась в угол между каменным барьером и основанием жертвенного ложа. Но голова еще жила, она все видела, все понимала. Даже чувство острой горечи, обиды от свершившейся несправедливости не застило изумрудного зора. Дети Шибальбы обладали невероятной живучестью, не так-то просто было справиться с ними. Вот и сейчас, несмотря на всю бесполезность, несмотря на трагическое, безысходное положение, голова Гудун-Ку боролась за секунды своей жизни. Срезом рассеченной шеи она всасывала из жертвенного желоба густеющую холодную кровь, выталкивала отработанную и снова всасывала — мозг работал, он не хотел смириться с потерей тела.

— Давай любовь! Дава-ай брачное ложе!!! — вопила внизу толпа. — Пускай Червь покажет, на что он способен! Давай!!!

Гудун-Ку не прислушивался, ему было наплевать на

вопли толпы. Он с отчаянием и тоской смотрел на свои отсеченные руки и ноги — они все еще сжимались и разгибались, дергались, шевелили пальцами, скребли когтями окровавленные плиты и тянулись, пытались поползти до туловища, до головы. Нет, поздно, им уже никогда не соединиться вновь! Красивые перья намокли в черной луже, стали жалкими отрепьями. Лишь лезвие Секиры Справедливости сияло и было незапятнанным, будто Секиру только что-то вынесли из Храма Смерти. Гудун-Ку уставился на это лезвие. Нет! Не могло того быть, не могло! Он не заслужил этой смерти, причем здесь справедливость! Уж если ее и заслужил кто, так это Большой Жрец, вся эта свора стражей-карателей, жрецов-исполнителей и палачей-любителей, но только не он! Но почему же так получилось, почему?! Голова с чавканьем и хлопом выбросила очередную порцию черной крови, втянула в себя свеженькой... Сейчас бы тело! Любое тело! Но Гудун-Ку не верил в недостижимое. Все, он обречен!

— Вы не умеете так любить! — мешая злобу с ехидством, проревела на всю площадь гиргейка. И чувствовалось, что она не смогла стать любимицей публики — она презирала и ненавидела толпу, толпа отвечала ей тем же.

— Жирное прозрачное чучело! — вопил от подножия один.

— Трусливая гадина! — вторил ему другой.

— Не тебе говорить о любви! — подвывал третий.

— Сожри его хотя бы для потехи! Сожри со всеми потрохами этого Исполинского Червя!!! — подавал советы четвертый.

И стражи-каратели не трогали наглецов. Они смеялись вместе с ними. Один даже упал со столба со смеху. И уже не поднялся, его втихаря удавили разгоряченные и взведенные до предела зрители.

— Ублюдки! Хау-хау!!! — огрызалась гиргейка. — Недоноски! Извращенцы!! Импотенты!!! — И захлебывалась в своем жутком смехе: — Хау-хау-хаууу!!!

Потом она положила на Червя плоское извивающееся щупальце, ухватила поудобнее и одним махом вырвала бледное тело из разорванных, ослабленных пут, вскинула это дрыгающее ногами и руками тело над собой, над толпой, надо всей землей, потрясла им словно желанным и дорогим трофеем.

— Вам не дано так любить, козявки! Глядите же, жалкие слизи!

Гудун-Ку, преодолевая боль в веках, воздел глаза. Он увидел, как гиргейка поднесла Исполинского Прозрачного Червя к своей пасти, облизала его зеленым растроеным на конце языком, облизывала, обсосала, словно леденец. Он расслышал то, чего не могла расслышать эта гнусная и любопытная толпа: гиргейка совсем тихо прошептала своему любовнику и мужу — а ведь он, эта жертва, был теперь по завету богини Тлальтекутли ее мужем и любовником — прошептала на ухо, с презрением и гадливостью:

— Какой же ты мелкий, гнусный, вонючий! Самый настоящий червяк! И никакой не Исполинский, никакой не Прозрачный, а жалкий червячишка-заморыш! Ну да уж ладно, на безрыбье и червяк — акула!

Толпа неистовствовала. Самые отчаянные лезли по ступеням вверх, чтоб получше разглядеть все детали бракосочетания и любовной потехи. Их сдергивали за ноги, душили, давили, щипали, кусали... Но они лезли. И таковых становилось все больше.

— Сейчас! Вы все узрите! Какие нетерпеливые! Хау-хау! — Победительница гиргеянка явно собиралась продлить миг своего торжества. Но надо было и честь знать. И она повернулась к Большой Пирамиде. Обратилась к Большому Жрецу: — Ну, что, старый колдун, ты благославляешь наш брак?! Или тебе опять что-то не по нутру?!

Большой Жрец вцепился когтистыми морщинистыми лапами в подлокотники Хрустального Трона, капелька яда повисла на его клыке. Голова затряслась на старческой хилой шее. Но Жрец сдержался.

— Приступайте! — величественно разрешил он и махнул лапой. — Я благославляю этот брак. Вот благославят ли Кецалькоатль и Тлальтекутли?

Не успел он завершить последних слов, как из пастей каменных изваяний богов ударили фонтанчики крови. Отдельные брызги окропили сотрясающуюся в хохоте гиргейку и Исполинского Прозрачного Червя, зажатого в широком щупальце.

— Боги дают добро!

Гудун-Ку видел, что Червь изо всех сил пытается вырваться, колотит ногами и руками по щупальцу, грызет его зубами... Но какие там зубы у Червя! Гудун-Ку усмехнулся — наверное, последний раз в своей жизни. Ведь перед глазами уже все начинало расплываться, и он лишь огромным усилием воли не давал себе уйти в Иной Мир.

— Отпусти! Гадина! Дрянь! Сука! — вопил Червь, забыв о достоинстве и звании сына Шибальбы. — Отпусти-и-и!!!

Видно, он был и на самом деле жалким червячишкой. Гудун-Ку нисколько не жалел его. Он считал, что для такого червя даже гиргейка-уродина чересчур хороша.

— Войди же в меня, о, супруг мой избранный и нареченный! — прогрохотало над площадью. — Стань моей плотью! Стань плотью наших детей!

Гудун-Ку видел, как гиргейка поднесла Червя к нижнему отверстию, прикрытому морщинистым клапаном, как этот клапан открылся, обнажая слизистую широкую дыру с сокращающимися краями. Червь уже не ругался и не умолял. Он истерически визжал, хрипел, сипел, упирался обеими тоненькими бледненькими ручонками, норовил выскользнуть... Но деваться ему было некуда: гиргейка запикивала его внутрь себя, неторопливо, с похотливыми вздохами, с ужимками, сотрясаясь в непонятном сладострастии всем своим медузообразным телом. Она уже пропихнула в дыру голову, потом плечи, остановила движение, повернулась на все стороны, чтобы любопытные могли получше разглядеть любовное действо. Червь бил ногами, дергался — видно, и он испытывал наслаждение. Но Гудун-Ку ему не завидовал.

— А-а-а! — вопила толпа. — У-у-у!!! — Ей явно нравилось зрелище, она входила во вкус. Самые смелые добрались до середины пирамиды и просто визжали от восторга, дубасили друг друга, царапали, медленно, по шапочку продвигаясь вперед.

— Вам не дано так любить! — снова завопила сиреной гиргейка. Но тут же заметила тихо и томно: — Впрочем еще с десяточек муженьков я смогу принять в себя. Ползите же, ползите ко мне!!!

Смельчаки опустили на животы и поползли к чаровнице, они были просто околдованы ею, они ничего не видели, ничего не слышали.

А гиргейка тем временем запикивала в себя Исполинского Прозрачного Червя ровно наполовину и разжала широкое щупальце. Червь отчаянно сучил ножками, дрыгался, извивался. Но выбраться из слизистой дыры не мог. Огромная гиргейка тряслась, тяжело дышала, расползалась квашней по жертвенному ложу — она наслаждалась каждым биением Червя, она желала продлить удовольствие. А Червь был явно неутомим.

— Вот она! — истошно вопила толпа. — Вот она — настоящая любовь!!!

— Возвышенная!

— Одухотворенная!!

— Фантастическая!!!

— Мы все хотим стать твоими избранниками, твоими любовниками!!!

Вопила, разумеется, мужская половина зрителей. Женщины стояли молча, осуждающе дули губки, поглядывали друг на дружку, покачивали головами. Но они и не пытались удерживать своих мужчин, они понимали — бесполезно. Празднество начинало обретать неожиданный оттенок. Жертвами хотели стать тысячи, десятки тысяч.

Даже голова Гудун-Ку вдруг испытала невыразимое желание. Она всосала в себя столько черной спекшейся крови, что та полилась двумя струйками из полураскрытого клюва. Гудун-Ку глазел вовсю! Он вдруг понял, что эта живительная и всеоживляющая плоть гиргейки может спасти и его! Пусть малая, бесконечно малая вероятность успеха, но она есть! Гудун-Ку напряг мышцы челюстей, дернул клювом... и голова выкатилась из жертвенно желоба, два раза перевернулась, замерла под слизистым мясистым боком гиргейки.

— Хау! Хау! Хау-у-у!!! — хохотала сладострастная тварь.

Из дыры торчали лишь ноги Червя, его неудержимо засасывало внутрь студенистого тела. Ноги молотили воздух, словно бежали по нему, бежали от безжалостного, чудовищного преследователя. Гиргейка временами чуть вытягивала Червя наружу, продляя удовольствие. Но того неудержимо всасывало обратно.

И когда снаружи оставались торчать лишь голые бледные ступни Червя, произошло нечто непонятное. Гудун-Ку увидел, как из трещины в каменной кладке наверхия Колодца Смерти вытянулась зеленая слизистая капля, повисла, за ней выкатилась другая, третья... из образовавшегося ступка высунулись два мутных зеленых глаза на толстых морщинистых стебельках... Это был посланец Шибальбы! Да, Гудун-Ку не мог ошибиться! И как он не сообразил сразу, что Исполинского Прозрачного Червя, этого демона Шибальбы, не бросят злые духи преисподней, что они придут ему на выручку! Так оно и случилось! А этот безмозглый старый Большой Жрец ничего не видит, ничего не слышит! Его давно пора самого сбросить в Колодец! Где

его Магический Кристалл?! Где фиолетовый луч Смерти?! Ну ладно! Нет, так нет! Может, демоны вспомнят, что и Гудун-Ку сын Шибальбы, может, они ему помогут?!

— Это я, Гудун-Ку... — пролепетала голова, почти не разжимая клюва.

Но зеленый посланец преисподней не отозвался. Стус-ток слизи подкатился к жертвенному ложу, растекся лужицей. И из нее вытянулась длинная двуногая и двурукая трясущаяся фигура. Гиргейка в ужасе отпрянула назад — но деваться ей было некуда, она уперлась жирной спиной в каменный барьер. Она не пыталась даже сопротивляться, словно загипнотизированная зеленым демоном. А тот вцепился обеими гибкими руками в бледные ступни, сжал щиколотки... и потянул Червя на себя.

— Что там?! Что там происхо-оди-ит?! — вопила толпа внизу. — Что случи-и-илось?!!!

Большой Жрец встал. Магический Кристалл сверкнул в его морщинистой лапе. Но не успел фиолетовый луч упереться в спину зеленому демону, как тот стремительно обернулся и из двух выпуклых глаз его вырвались два тончайших красных лучика — они сверкнули и тут же пропали. Но на вершине Большой Пирамиды уже никто не стоял, там было пусто. Лишь какая-то черная гарь рассеивалась над сказочно прекрасным Хрустальным Троном, да у подножия его, возле золоченой львиной лапы лежал выроненный из старческой руки Магический Кристалл — ручной боевой лазер семнадцатого поколения, оружие, сотворенное далеко за пределами мира Ицамны, обители толтеков.

Сергею уже нечем было дышать, он терял сознание, когда вдруг почувствовал, что его кто-то тянет за ноги. Сотрясаясь от ужаса, захлебываясь в истерическом плаче, раздирая ногтями слизистую оболочку, в крошечном мраке внутренностей гиргейки он ощутил, что не все еще потеряно. Не все! Если только это не сама женушка вытягивает его наружу, чтобы немножко продлить собственное удовольствие и его муки. Но тянули грубо, рывками — так гиргейка тянуть бы не стала.

Он не слышал гулко-го чавкающего звука, не разглядел ничего толком, он, вырвавшись из тьмы утробы, так ударился головой о каменную плиту, что все завертелось в огненном вихре. Свобода! Свобода!! Свобода!!!

— Ну что вы разлеглись тут? — прозвучало из-за спины гнусаво. Сергей приподнялся на локтях, повернул голову — над ним нависал зеленый, бессмысленно таращил свои мутные бельмастые глаза.

— Чего надо? — грубо поинтересовался Сергей.

Зеленый покачал головой.

— Вы бы лучше спасибо сказали, — прогундосил он и присел на своих полусогнутых. — Вон как разомлела, глядите, глядите!

Сергей повернул голову в другую сторону и содрогнулся. Прямо над ним нависала расплывшаяся туша гиргейки. Полупрозрачный студень мерно колыхался, трепетал, растекшись по жертвенному ложу. Глаза у гиргейки были томно прикрыты, длинные водорослевидные ресницы покачивались, бледно-зеленые полипы на исполинских грудях пошевеливались — гиргейка явно пребывала в трансе. Возле дыры, привалившись обрубком уха к клапану, лежала голова клювастого. И откуда она там могла взяться?! Сергей пригляделся внимательнее — голова подмигнула ему круглым изумрудным глазом. И чего только не померещится!

— Нет, вы вниз поглядите! — раздраженно процедил зеленый.

Внизу бушевала толпа. Наверх лезли уже не одни лишь отчаянные смельчаки, а все. Даже стражи и палачи прыгали по головам, вышагивали по спинам, ползли по хребтам. Будто разгневанное море вышло из берегов и стремилось пожрать выступающую из него скалу.

— Хреново, — промямлил Сергей. Он был еще очень слаб, коленки дрожали, руки не слушались.

— То-то и дело, что хреново, — согласился с ним зеленый. — Пора отваливать, милейший!

Обсидиановый нож просвистел над ухом у Сергея и вонзился в жирную ногу гиргейки. Та, похоже, и не почувствовала ничего, лишь кожица передернулась, как у коровы, отгоняющей муху, да сонный сип вырвался из глотки. Но тяжеленные каменные тесаки посыпались один за другим. Сергей невольно распластался на гадких, залитых высыхающей кровью плитах, ему не хотелось умирать от простого ножа после столь изощренной пытки.

— Пора, милейший, пора!

— Чего пора?! Куда пора?! — сорвался Сергей, оскальзываясь, падая лицом в черную жижицу.

Зеленый вцепился ему в запястье, потянул на себя. Те-

перь не только ножи ударялись в каменную кладку верхней площадки, но и сыпался со всех сторон целый град камней. Толпа шла на штурм. Она жаждала крови последней жертвы. И образумить ее было невозможно.

— Живей! — зеленый волоком волочил Сергея к Колодцу. — Живей, милейший! Затопчут насмерть!

Сергей ничего не понимал, он не мог идти, он скользил по жиже, ударялся головой о плиты, задыхался, хрипел. Ему казалось, что он спятил — спятил самым натуральным образом и теперь-то уж точно! И как не спятить, когда на его глазах отрубленная голова клювастого протиснулась в слизистую дыру, пропала из виду. А сама гиргейка вдруг свалилась с ложа, забилась в страшном судорожном припадке, вскидывая все свои слоновьи ноги вверх, размахивая чудовищными щупальцами. Что-то круглое, твердое перекатывалось у нее под кожей, явно стремясь вверх. Сотни булыжников, камней, палок ударяло в штурмующих пирамиду. Тысячи кремниевых ножей вонзались в студенистое тело, усиливая судороги. И вопли, крики, визги, рев, стоны, безумный смех и еще тысячи самых разнообразных звуков заставляли содрогаться раскаленный солнцем воздух.

— Пусть убьют! Пусть!!! — вопил Сергей. Он озверел. Но был бессилен, немощен. Несколько камней попало ему в голову, и та совершенно отказывалась осмысливать хоть что-нибудь. Один из ножей воткнулся в ногу, доставляя жуткие страдания — то ли он был отравленным, то ли в нем таились тысячи лезвий. — Нате! Бейте!! Режьте!!!

Зеленый подтащил его к колодцу, взгромоздил на край. Последнее, что увидал Сергей, было нелепо и дико: перекатывающийся под кожей гиргейки шар достиг, видно, своей цели, набух огромным нарывом над чудовищной пастью... И прорвался! Из нарыва вылезла измазанная желтой пакостью и кровавыми сгустками голова клювастого. Казалось, она стала вдвое больше и страшнее. Изумрудные глаза вращались осатанело, клюв клацал с такой силой, будто он был сделан из титана и имел гидравлический привод. Сергею показалось, что голова вот-вот вывалится из нарыва, грохнется о плиты. Но она не вывалилась. Она возымела какое-то непонятное воздействие на тело гиргейки, обрела над ним власть. И огромный студень напрягся, взбурлил крутыми мышцами, вскочил на слоновьи ноги, вскинул над двойной головой гибрида мощные щупальца, взревел громогласно.

— Ну, ползите сюда, презренные! — вырвалось не из клюва, а из пасти. — Живей! Живей! Я вас научу любить!

Первый ряд штурмующих пирамиду достиг ее вершины и замер в ужасе. Но нижние поднажали, вынесли смельчаков на гребень. И тут началось нечто страшное — чудовище крушило нападающих с такой первобытной яростью, с такой злостью и с таким остервенением, что хруст ломаемых костей достиг небес, отразился от них и вернулся назад. Это была лютая бойня! Это было откровенное истребление двуногих! Но толпа не могла остановиться — нижние не понимали, что происходит наверху, они перли и перли, давили всей массой, швыряли ножи, камни, дубины. А сверху на них лились водопады крови, градом летели оторванные головы, обрушивались искалеченные тела с переломанными хребтами. Гибрид клювастого с гиргейкой был самой совершенной мясорубкой во всех мирах!

— Уйдут! Уйду-у-ут!!! — вдруг завизжал кто-то на пределе, тыча обрубком руки в зеленого и Сергея.

— Не уйдут!!! — взвыло чудовище. И давя всех и все, ринулось к Колодцу Смерти. — Не уйдут!!!

— Нет, милейший, вы неосмотрительно беспечны! — заявил зеленый и так ударил Сергея в нос, что тот полетел в черный провал колодца. Огромный клюв с оглушительным лязгом сомкнулся за спиной ускользящей жертвы, вырывая из плеча клочок кожи.

— А-а-айй-а-а!!! — заорал Сергей. И эхо колодца послушно повторило его вопль раз, потом еще раз, потом еще...

Падал он целую вечность. Зеленый летел рядом и нутжно сопел. От него несло тинной, сыростью, болотом. Наконец он прогнусавил тихонько, словно к самому себе обращаясь:

— Ума не приложу, как могло вас, минуя разграничительные цепи замкнутого контура, без предварительно-условной последовательности занести к реальным тольтекам, да-с! Станный ход, милейший, странный! Вам не кажется?!

— Мне кажется, что это ты, гад, постарался! — неблагоприятно ответил Сергей.

— Ах, вот как?!

— Именно так!

— Может, вас оставить в таком случае?

— Оставляй!

— А жалеть не будете потом, милейший мой?!

— Пошел вон, поганка зеленая! — завопил Сергей. Нервы у него были уже не на пределе, а за всеми возможными пределами. Он был готов разорвать в клочья любого, даже своего освободителя.

— Ну, прощайте!

И зеленый пропал. Растворился во тьме.

Сергей неожиданно понял, что он настоящий остолоп. Но было поздно. Полет вдруг прервался, и его здорово тряхнуло. Сознание тут же улетучилось.

Гамак был мягкий, очень удобный, его, наверное, сплели искусные мастера, знатоки своего тонкого гамачного дела. Мягкие сплетения веревочек-канатиков невесомо опутывали тело, не резали, не давили — лежать в таком гамаке было одно сплошное удовольствие.

Он и лежал. Лежал, наслаждаясь жизнью, вдыхая запахи пряных свежескошенных трав, хвои и далеких, еле рокочущих морских волн. Правда, из каких-то немислемых далее несло гарью — совсем чуть-чуть, немного. Но это не пугало, наоборот, усиливало чувство здешней безопасности, покоя. Все было прекрасно, чудно. И лишь угасающий в переливах голос, доносимый ветерком вместе с рокотом волн, навевал сумасшедшую нездешнюю тоску. Уловить смысла нанизываемых одно на другое слов было невозможно. Да он и не пытался ничего улавливать. Он просто лежал и радовался. Казалось, он лежит на воздушных струях, на облаке. Все было просто великолепно, сказочно. Но голос, противный, выматывающий душу голос! От него все труднее становилось отвязаться, хоть уши затыкай. Голос будил память. Память не давала жить. Жить, как живут все — спокойно, тихо, млея от удач, раздражаясь от пустяков, но быстро забывая про них, жить, просто живя, дыша, обозревая внешнее и в нужный момент отворачиваясь. Ну что за мучительный голос, что за тоска!

Он стал разбирать слова. Слова эти не давали ощущения невесомости, они давили, тянули к земле, они все портили, без них было так хорошо! Но они лезли в уши сами, от них нельзя было отмахнуться.

Ибо годы прошли и столетия,
И за горе, за муку, за стыд,
Поздно, поздно, никто не ответит,
И душа никому не простит...

Что они означали?! Почему они бередили сердце, сдав-

ливали горло?! Он ничего не мог понять. Выплывал из темных закоулков подсознания белый сугроб с кровавым пятном, и опять пропадал, перекатывались в кармане пустые ржавые гильзы, постукивал о них шип... Нет! Все не так! Какой карман! Он же все оставил у себя, он голый, совсем голый, если не считать полоски вылинявших и залитых кровью трусов. Да! Ведь зеленый его сбросил в колодец голым! Они еле ушли от разъяренной толпы, от этого несгибаемого и неумертвляемого клювастого палача, ото всего страшного и смрадного... Ушли? А где он сейчас? Почему здесь, в этом воздушном гамаке?! И откуда звон гильз, откуда гарь, запах моря, хвои, сосен, мяты?

Его потихоньку раскачивало, так, будто легкий ветерок играл телом в гамаке. И это тоже было приятно, от этого клонило в сон — теплый, нежный, бархатный сон... Но гарь, гарь! Что они там, обезумели, жгут костры, что ли, варвары, хулиганы! Совсем распустились, нет на них управы! А может, просто мальчишки балуются, бывает и так... И уже совсем другой голос, грубый и си́лный, донес другие слова, навязчивые, прилипчивые — услышишь раз, и будут стучать молотом под черепной коробкой до второго пришествия. Вот и сейчас, как маршевый призыв, как команда восстать из мертвых...

Пылающим Доном идем эскадроном,
Горит под ногами Россия-страна.
Поручик Голицын, раздайте патроны!
Корнет Оболенский, надеть ордена!

Та-ра-ра-ра-ра-рам! Па-ра-ра-ра-ра-рам!!! Та-ла-ла-ла-ла-ла... — закрутило, загудело в мозгу, прогнало легкость и безмятежность. Теперь не жди успокоения, не надейся на счастливый сон! Теперь все — пока не размотаешь до конца, пока не выгонишь из души все прочь, э-эх, надолго теперь! И как вопрос без ответа: “Зачем нам, поручик, чужая земля?!” Нет, есть ответ! Есть! И он уже был, надо только поймать его, уцепиться за кончик ускользающей нити... Вот, вот он! Или это не он?! Ответ, не ответ — неважно! Важно другое: “И душа никому не простит!” Так, только так! Но дано ли ей право прощать кого бы то ни было? Может, у нее и нет такого права?! Может, и нет. Гамак раскачивался все сильнее. Все чаще выплывал из-за угла, разделяющего мрак и свет, ослепительный сугроб-айсберг, все ярче и кровавей полыхало на нем пятно.

Наконец гамак так швырнуло вверх, что Сергей не удержался; вывалился из него, упал, запутался в чем-то

сыром и липком, застрял. И открыл глаза. Было темно, хоть вообще не гляди. Внизу, далеко-далеко, как на дне колодца, вдруг тихохонько звякнуло, потом еще, почти без перерыва. И ему показалось, что все-таки это гильзы выпали у него... пусть не из кармана, неважно откуда, но выпали, долетели до самого низа, если он тут есть, и лежат теперь там. А сам от болтается в подвешенном состоянии.

— Когда ж это кончится! — простонал Сергей.

И дернул руками. Руки слушались его — они были привязаны к чему-то упругому, поддающемуся, но слушались. И ноги слушались. Он попробовал еще раз — и очень удивился, до того непривычным было ощущение: ему показалось, что у него рук больше, чем их должно быть. И ног, тоже больше! И все они были послушны. Но одновременно все были опутаны чем-то. Он дергал попеременно, то руками, то ногами, подсчитывал, запоминал, боялся сбиться, хотя арифметика оказалась совсем простой: рук — две пары, и ног — две пары. А всего восемь конечностей! Ну что ж, восемь, так восемь! Значит, так тому и быть! Сергей разразился безумным смехом, забился в невидимой паутине.

И тут вспыхнул свет.

В глаза словно воткнули два острейших скальпеля. Пришлось зажмуриться, опустить голову вниз. И мелькнула мысль: раз его освещают, значит, попался, значит, он опять...

Слева бесстрастно металлически прозвучало:

— Включить таймер!

Справа глухо и не менее бесстрастно отозвалось:

— Есть включить таймер!

Послышался щелчок, и что-то затикало — мерно, безысходно.

Сергей озираясь, вертел головой. Но он ничего не видел, совсем ничего кроме толстых железных прутьев. Да, он висел в гигантской клетке, висел посреди самой бесконечности, ибо ни стен, ни потолков, ни пола не было видно. Ни земли, ни неба, ни разделяющего их окоема, ни черта! Ослепительный свет исходил отовсюду и растекался во все стороны — вот тебе и Колодец! Никогда еще Сергей не чувствовал себя таким маленьким, ничтожным и беспомощным, даже под бревном дикаря, даже в пыточном кресле, даже под топором-солнцем он не казался себе столь жалким. Но в стократ усугубляли дело его нечеловеческая форма, это омерзительное тело. Сергей смотрел на собст-

венные руки и ноги с отвращением: голые, бледные, покрытые длинными редкими волосками, они вытягивались на несколько метров в длину, словно их, предварительно подогрев, хорошенько растянули. Это были ножки какого-то насекомого, с которого соскоблили хитиновые покровы и голышом подвесили в паутине. Сергея опять вывернуло наизнанку: сгустки крови, слизи, желчи полетели в бездонную сияющую пустоту.

— Врубить отсчет!

— Есть врубить отсчет! — отозвалось глухо. И так тяжелая капля из испорченного гигантского крана бухнуло: — Сто.

Сергей подтянул ближайшую руку к носу, к губам — он хотел утереться. Но от вида этой облезлой мертвенной лапы с мягонькими пленочками ноготков его опять вырвало, да так, что чуть желудок не выскочил наружу. — Но почему?! За что?! Как он мог оказаться в таком гнусном теле?! Этого не может быть! Это бред! Он задержался, забился — и все это мельтешение восьми голых длиннющих конечностей совсем сразило его.

— Девяносто девять.

Бред! Галлюцинация! Ну чего они там считают?! И кто это — они?! К кому в лапы он попался на этот раз?! Хоть бы показались! Нет, это все зеленый гад подстроил! Точно, он! Кому же еще! Доброжелатель хренов!

— Девяносто восемь.

Пуускай считают, пускай! Он все равно вырвется из этой чертовой клетки! Он уйдет и от них!

— Агрегат на исходные рубежи!

— Есть агрегат на исходные рубежи... девяносто семь.

— Подключить контроль!

— Есть подключить контроль... девяносто шесть.

— Готовность номер один!

— Есть готовность номер один... девяносто пять.

Сергею стало жутко. Неужто они его собираются прикошнить?! Но почему не сделали этого сразу? Ведь чего проще, взяли бы да и придавили, как мошку! Так нет, они его, похоже, баллистическими ракетами расстреливать собираются, ишь как выпендриваются, сволочи! Надо кричать, надо звать на помощь... нет, надо попытаться договориться с ними.

— Эй, вы! — вырвалось из пересохшего горла. — Как вас там?! Откликнитесь!

—... девяносто один.

— Оглохли, что ли, эй!!!

—... девяносто.

Сергей начал раскачиваться, ритмично переваливаясь с бока на бок, поочередно дергая руками и ногами то слева, то справа. Но он не бросал попыток договориться с мучителями.

— Чего вам надо?! — орал он как резанный. — Ну?! Почему молчите?! Я разумное существо, с Земли! Я — гуманоид!!! Вы слышите, мать вашу, гу-ма-но-ид!!! С гуманоидами так не обращаются! Я вам не муха, чтоб висеть в паутине! Эй!!!

—... восемьдесят два.

— Ну-у, доберусь я до вас! Дождетесь, сволочи!

Сергей раскачивался все сильнее, еще немного и он дотянется до прутьев клетки, вцепится в них руками, ногами, зубами... А что потом? Ну, допустим, вцепится — а что дальше?! Дальше видно будет!

— Я вас в порошок сотру! В щепки разнесу! Гады!!! Подлецы!!! Негодяи!!! Труссы!!!

—... шестьдесят девять.

— Стойте!

— Приготовиться к перебросу субъекта.

— Есть приготовиться к перебросу субъекта... шестьдесят пять.

Какого переброса? Куда?! Зачем?! Сергей перепугался — его уже столько раз перебрасывали, что можно было бы и остановиться, переждать! Что он, один, что ли! В конце-то концов!

— Задать в агрегат параметры призрачной формы субъекта!

— Есть задать в агрегат параметры призрачной формы субъекта... шестьдесят.

Какой еще такой “призрачной“?! Чокнулись они там, видно! Сдвинулись! А может, субъект — это вовсе и не он, может, речь-то идет о ком-то другом, ведь бывает и так. Сергей принялся вертеть головой — в сияющем пространстве висел он один, никого в этой пустоте не было.

— Запечатлеть в мозгу субъекта его подлинную форму!

— Есть запечатлеть в мозгу субъекта его подлинную форму... пятьдесят три.

Щелкнуло значительно сильнее, чем в первый раз. И перед глазами Сергея на мгновение будто цветной экран вспыхнул. А на экране этом в прозрачных нитях свисающей ниоткуда паутины болтался отвратительный голый па-

ук с человеческой головой — с его собственной головой! Из прозрачного сине-зеленого брюшка, усеянного желтыми и красными пятнами, торчали тонкие длинные лапки. Голова так же была прозрачна, усеяна жиденькими бледными волосками. Лишь миг длилось наваждение — но оно намертво отпечаталось в памяти Сергея.

— Не-е-ет! — заорал он душераздирающе, словно в припадке безумия. — Я не верю вам! Не-е-е-ет!!!

— ... сорок два.

— Врете! Врете, гады!!!

— ... сорок один.

— Вы сами такие, са-а-ами!!!

— ... сорок.

Сергей наконец-то понял, что голосить бесполезно, и смолк. Он устал, он бесконечно устал ото всего. А в голове, от виска к виску, било маятником: “эскадроны-патроны! эскадроны — патроны! Эскадроны — патроны...”

— Запечатлеть сущность субъекта!

— Есть запечатлеть сущность субъекта... тридцать четыре.

Кровавый сгусток трепыхнулся перед глазами, запульсировал, задрожал — так, словно в нем бился кто-то живой... и вдруг разорвался, растекся по чему-то белому и чистому, растекся, чернея по краям, съеживаясь... и пропал. Сергей ударился ребрами о железный прут, его отбросило — и он полетел к другой боковине клетки.

— Нулевая готовность!

— Есть нулевая готовность... двадцать девять.

— Дежурным постам приготовиться! Оператору занять рабочее место!

— Есть занять рабочее место... двадцать пять.

Сергея ударило о прут с другой стороны. Он вцепился руками и ногами в него, на секунду застыл, но сорвался... и снова его повлекло вниз.

— Повторяю! Оператору занять рабочее место!

— Есть занять рабочее место... двадцать один.

Далеко-далеко, за пределами клетки появилась точка — черненькая, крохотная, какие иногда появляются в глазах от усталости, с недосыпу или же с перепоя. Сергей проморгался, но точка не пропала, а наоборот, стала увеличиваться в размерах, приближаться. И уже через несколько минут точка эта выросла в целую площадку. А на площадке... Сергей вздрогнул. На площадке стоял четырехлапый карлик-уродец с трясущимся желеобразным месивом вме-

сто лица. Ноги его были вывернуты и раскорячены до предела, казалось, он упирается ими, вздымая немыслимую тяжесть... но никакой тяжести в его длинных корявых лапах не было.

—... семнадцать.

Сергей обезумел от страха. Его бросило сначала в жар, а потом в холод. По коже пробежали мурашки.

— Не-е-ет!!! — заорал он. — Вы не имеете права-а-а!!!

Перед карликом на высокой стальной подставке-штативе покачивалась широкая телескопическая труба — один конец ее чернел пустотой, из другого торчали две черные дуги, напоминающие гашетки. Карлик тяжело дышал, грудь его мерно вздымалась и опадала, по уродливому телу волнами пробегала дрожь. Карлик облизывался огромным сиреневым языком и ронял на черное покрытие площадки пенистую слюну.

— Оператору приготовиться!

— Есть приготовиться... одиннадцать.

Сергея сильно шмякнуло о прут. Но он не оплошал, вцепился в него всеми своими хилыми паучьими конечностями, застыл. А потом, напрягаясь, потев, оскальзываясь, пополз вверх. Он задира голову, смотрел в сияющую высоту, но конца прута не видел. И все равно ползти надо, надо, чтобы ни происходило! Он не собирался играть роль безропотной живой мишени.

—... восемь.

Сергей полз и полз по бесконечной железной мачте. Он уже пересек два узла-перекрестия, но направления не изменил. Он рвался вверх, словно шар, накачанный водородом! Он не чувствовал собственного тела, и липкие нити паутины не мешали ему, они тянулись за ним клейкими невесомыми канатиками. Но абсолютно ничего хоть капельку намекающего на одну только возможность спасения, наверху не было видно... И все же — вверх! вверх!! вверх!!!

—... шесть.

— Привести субъекта в исходное положение!

— Есть привести в исходное положение... пять.

Сергея не однажды трясло током — то в телевизоре копался, то работающей дрелью пробивал проводку, то в троллейбусе во время дождя за дверцу хватался... но было все это щекоткой в сравнении с тем, как шибануло сейчас — руки и ноги, все восемь, онемели, омертвели, голова налилась свинцом, миллионы невидимых молний впились в

каждую клеточку тела. И все-таки он не выпустил прута, он вцепился в него как в последнюю соломинку. Тряхануло еще раз — аж слезы брызнули из глаз и сердце замерло. Сергей держался. Он не ощущал собственного тела, ничего не видел, ничего не слышал, но держался. На третий раз его сбросило с прута будто козявку. И он полетел в бесконечную пропасть.

А время было резиновым.

—... четыре.

Его не дернуло и даже не встряхнуло, нет, он плавно замедлил движение и застыл в сияющей пустоте напротив страшного карлика. А тот все пристраивал, подлаживал свою трубу, все трясся и облизывался, роняя пену.

—... три.

Зеленый выплыл из-за спины. И застыл на уровне Сергеева лица. Он висел в сиянии и пустоте как ангел или демон, не прилагая ни малейших усилий. Глаза его были мутнее обычного. Но зато он почти не дрожал и не скрючивался, не сгибался в три погибели — лишь теперь Сергей увидал, какой он длинный и тощий: мощи, кожа без костей!

—... два.

— Т-пауза! — изрек зеленый почти без гнусавости.

И металлический голос глухо откликнулся:

— Есть Т-пауза... два.

Сергей, не веря глазам, вытянул длинную бледную руку, ткнул мягким ноготком в зеленого — рука прошла насквозь.

— Тебя нет! — заявил он безапелляционно.

— Это как вам угодно будет, почтеннейший, — промямлил зеленый. — Как вам угодно-с! А мы только поинтересоваться у вас решили — куда переходить намереваетесь, любезный?

Сергею не понравилось это “мы”. Он припомнил их первую встречу, все эти рассказы про множественность обитателей “подлинного” мира и прочие бредни. Он машинально нащупал языком дыру в десне — та почти затянулась. Ах, как давно все это было! И было ли?! Судя по дыре — было! Сколько его били, пытали, мучили после этой дыры, после этих грязных корявых пальчиков дикаря-телепата! Впору и позабыть все!

— Мы что — у вас сейчас, в вашей Вселенной? — поинтересовался Сергей ни с того, ни с сего.

—... два, — проскрипело металлически.

— Не совсем, — ответил зеленый. — Мы в колодце, вы же знаете, в пространственно-временном колодце на плюзовом уровне. Но это пустяки, любезный, вы так и не ответили на мой вопрос — куда вас переправить?

— Как это — куда? — не понял Сергей.

— Ну-у... во Внутренний Мир, или в один из перекрестных на выбор, или, может, прямо в пекло Преисподней, в гости к вашему старому знакомому Аргавару? Или так и желаете болтаться в замкнутом цикле, милейший?

— Нам бы поболтаться еще, — нагло выдавил из себя Сергей, — хотя бы немножко поболтаться! — Он не доверял зеленому, он не хотел ни во Внутренний Мир, ни к Аргавару в Преисподнюю. Он хотел домой, к Ирочке, к лапушке, к подруженьке ненаглядной. Или хотя бы в свою конуру, на диванчик! Хотя бы... Сергей горько усмехнулся.

— Значит, помучиться еще желаете, так?

— Если вы не против, — галантно ответил Сергей.

— Ну-ну, — зеленый был явно разочарован, видно, он не вполне одобрял выбор своего протеже. — А не надоело?

— Да нет как-то! — бодро заявил Сергей.

— И не желаете воплотиться в свою подлинную форму, чтобы пребывать в Пространстве вечно, так?

У Сергея вновь перед глазами вспыхнул экран с гадким паукообразным существом. И он быстро замотал головой.

— Тяжело с вами работать, милейший! — прогнусавил зеленый, обернулся к карлику и добавил: — Верно я говорю?!

— Ы-ы-ыээгрхх! — взревел тот, еще сильнее приседая на раскоряченных жилистых лапищах.

— Вот видите, и оператору трудно с вами работать, — сокрушенно заметил зеленый.

—... два, — выдал металлический голос.

— Может, вас вообще распылить, а? — зеленый явно пребывал в нерешительности. — Это самое простое решение вопроса.

Сергей неожиданно для себя ответил менторским, профессорским тоном:

— Не пристало нам с вами, уважаемый, искать простых решений.

— Ваша правда, — согласился зеленый уныло. И заохал как-то по-бабьи: — Верно люди-то говорят: простота — она хуже воровства! Чего делать-то будем?! И кстати, вы еще, любезный, пребываете во власти своих еретиче-

ских домыслов или преодолели сектантские лженаучные взгляды?

— Чего? — переспросил Сергей.

— Мы по части Божественного Дыхания и всего такого прочего, неужели не ясно? Ответьте, только честно, напрямую, неужто после всего, что вы видели, после всего, что с вами произошло, вы верите в какую-то там глину, в первочеловека, в Сотворение, в эту... как ее... забыл!

— В Душу?!

— Вот-вот, в нее самую, в эту нематериальную субстанцию, порожденную игрой воображения и бесчисленными бликами отражающих подлинное изображение зеркал. Верите? — Вопрос был задан с нескрываемой ехидцей.

И Сергей не стал отвечать сразу. Он понял — тут подвох! зеленый чего-то хочет от него! чего-то добивается! И Сергея как молнией пронзило, да посильнее пронзило, чем там, на пруте! Он вдруг сообразил — не плоти его жаждет зеленый, не физическое естество интересует этого прилипучего псевдоинопланетянина, нет! Они давно могли с ним расправиться тысячи раз! Да если бы они захотели...

Жуткий свист разорвал тишину. Черная тень накатила. Сергей задрал голову и ужаснулся: сверху прямо на него медленно, будто гигантский огнедышащий змей-горыныч, опускался гибрид гиргейки и клювастого. Он сильно изменился с тех пор, как Сергей его видел в последний раз. Голова клювастого стала еще больше, массивней. Она торчала на толстенной трехметровой морщинистой шее. Из студнеобразного и бегемотовидного тела помимо всех щупалец и слоновьих лап выпирали огромные костистые и когтистые ноги и руки клювастого. Когти царапали, рвали воздух — и от одного только их вида можно было окачуриться. Из-за спины чудовища виднелись два здоровенных черных перепончатых крыла, они мерно вздымались, подрагивали, а основания их были усеяны зеленой искрящейся чешуей. Пасть гиргейки, размещавшаяся прямо под клювастой головой, была широко разинута, и из нее вырывался целый фонтан пламени, казалось, там сидел взвод огнеметчиков. Волна адского смрада захлестнула Сергея. Уши заложило от скрежета, рева, визга.

— Не уйдешь, подлый Червь! — сатанинским рыком рычала голова. — Убью-ю-ю!!! — И одновременно, совершенно на другой частоте, высоко и как-то холуйски из пасти неслось: — Это я, Гудун-Ку, верный сын Шибальбы, возвращаюсь в Преисподнюю и молю о снисхождении, про-

шу принять меня... и простить, отступника! Да здравствует Шибальба! Да здравствует Преисподняя! — И тут же: — Смерть гнусному Червю! Смерть трусливой жертве!! Убью-ю-ю!!!

Сергей приготовился к самому худшему. От этой исполненной машины уничтожения, от этого свирепого монстра спасения не было, да и быть не могло!

— Как они мне надоели, — тоскливо пожаловался зеленый. — Вы только взгляните, любезный, что у этой твари в лапе! Это же уму непостижимо!

Возле уха Сергея сверкнул фиолетовый узкий луч, пропал. Сергей пригляделся — в лапе чудовища был зажат Магический Кристалл. И это было слишком! Это было чересчур! Ну зачем такому жуткому летающему убийце еще и новейшее оружие, не хватит ли с него когтей, клыков, огненного снопа из пасти?! С ума сойти можно! Но умирать так глупо! Умирать, выскользнув уже из лап этого палача! Нет! Нет!! И еще раз — нет!!!

— Четыреста лет тому назад наш оператор обронил у них боевой лазер, и заметьте, последней модели, — прогундосил зеленый, — а что из этого вышло? Я вас спрашиваю, любезный?!

“Любезный” не мог языком пошевелить, его сковал ужас, он был почти мертв от страха. Приближающимся огнем уже опалило все длинные и хилые волоски на его лапах и голове. Клюв, казалось, нависал над затылком.

— Да, надоели! Надоели! — тверже сказал зеленый. И повернулся к карлику.

— Ы-ы-ы-ээгrrrrrrхх!!! — отозвался тот. Ухватился корявыми лапами за гашетки.

Все это сияющее пустое пространство содрогнулось, окрасилось багрянцем, заполнилось гарью. Сергей вращал головой, хлопал глазами — никаких следов от чудовища не осталось. Гарь рассеялась, багрянец медленно перешел в ослепительную желтизну. И только отдавало снизу, как из бездонного колодца: “Я твой сын, Шибальба... я твой сын, Шибальба... я твой...”

Карлик корячился на своем помосте. Зеленый уныло висел рядом. Сергей всхлипывал, размазывал слезы мягкой лапкой по щеке.

— ...два, — металлическим голосом доложили слева.

— Не расстраивайтесь, это пустяки, — успокоил зеленый. — Мы и не такое можем!

— Не надо меня запугивать! — истерически заорал Сергей. — Не надо!!!

— Вот еще, была охота!

— Говорите прямо, чего хотите!

— А ничего, любезнейший! Вы вообще очень плохого мнения о нас, к тому же вы нас просто плохо представляете. Ведь глупее вопроса и задать нельзя было — чего, мол, хотите! Как вам не стыдно, почтенный?! Мы не можем ничего хотеть, как вы выражаетесь, у нас нет желаний... это все мелко, это все ваше, из вашего отраженного мира, понимаете?

— Допустим, — согласился Сергей. — Но зачем вы привязались ко мне? Что вам все-таки надо?!

Зеленый вытянул оба глаза перископами, поворачивая ими, потом изогнул стебли и оглядел самого себя. Отрепья-водоросли на брылах затряслись мелко-мелко. Спина изогнулась. Пупырчатая зеленая кожа стала сырой и блестящей.

—... два, — прозвучало уже, наверное, в тысячный раз.

— У нас с вами совсем мало времени, — расстроено пробормотал зеленый. Покачал головой, снова весь изогнулся, и выдавил сипло: — Ладно! Вы, небось, и сами уже догадываетесь, что к чему, так?

Сергей не ответил.

— Догадываетесь! Ваш мозг для нас — открытая книга, любезный. Ну и ладно, все равно вам не выбраться из замкнутого цикла, все равно рано или поздно вы налетите башкой на стену. И это будет для вас наилучший исход... А ведь могло и не быть ничего. Понимаете, ни-че-го! Вы просто потянули не за ту ниточку, ясно? Зачем вы за нее потянули?!

Сергей попытался пожать плечами. Но никаких плечей у него не было, голова торчала на тонкой шейке прямо из прозрачного брюшка.

— Не делайте вида, что не понимаете! — зеленый совсем перестал гнусавить. — Вы дернули за ниточку, а у нее оказался очень странный по вашим меркам кончик. Ну зачем вы затеяли эту игру? Зачем вы полезли в это дело?! Вы допустили две чудовищные ошибки. Почему вы не обошли этот сугроб стороной, а?

— Откуда вы знаете про сугроб? — испуганно спросил Сергей.

Зеленый приподнял отрепья-водоросли, скрип вырвался

из его внутренностей — он смеялся. Смеялся и пучил на собеседника блеклые бельма.

— Это был не ваш сугроб. Понимаете, не ваш! Вы ушли, и это был верный ход, это было ваше спасение. Но зачем, какого черта вы вернулись назад?! Вы не должны были возвращаться! Ваше нутро, ваш инстинкт самосохранения подсказывали вам — не смей! стой! не ходи туда!!! Почему же вы не послушались их?

— Не знаю, — вяло ответил Сергей. Он и на самом деле не знал, какой дьявол вернул его с остановки к сугробу, к этому страшному изуродованному труп.

— Вы вернулись, почтеннейший, и сугроб стал вашим! Вы поняли?! Нет, я вижу, вы ни хрена не поняли! И второе: кто вам сказал, что все эти ваши мудрецы, все академики и профессора, доценты и доктора, кандидаты и аспиранты, младшие научные сотрудники и светила — это шаманы! Как у вас могла появиться в башке такая нелепая мысль! Вы что, и впрямь могли подумать, что они не просто дураки и обалдуи, не просто шарлатаны и чокнутые, да?

— Да! — твердо ответил Сергей. Что-что, а это он мог отстаивать до конца, до последнего дыхания, до смерти. Он был убежден в этом. Он пришел к этому пониманию после тысяч бессонных ночей, после долгих и тяжелых раздумий, но главное, после Откровения, после того чудного Прозрения, что осветило его разум, его Душу.

— И вы решили, вас отпустят после того, как вы дернули за ниточку?

— Не знаю!

— Не знаете... Верю! Но вы могли бы догадаться, что другой конец этой ниточки крепится к взрывателю, а взрыватель лежит на бочке пороха... а бочка эта — вся ваша, да и не только ваша, Вселенная.

— Мне плевать на это.

— Хорошо! Но скажите сами! Скажите прямо! Вы твердо уверены, вы убеждены, что шаманы работают целенаправлено, что в их действиях есть система?

— Да, убежден! — ответил Сергей. И вдруг почувствовал — ног стало меньше, всего две. Это было столь неожиданно, что он растерялся. Но сказавши “а”, надо было говорить и “б”. Сергей напрягся и, стараясь смотреть прямо в бессмысленно-мутные бельма, заявил: — Эта банда дурачит людей. Но не просто дурачит! Не для того, чтоб сшибить деньгу, хотя деньгу она ловко сшибает, не отка-

жешь в умении. Они морочат нам всем головы! Они отвлекают от Истинного знания! Они — дезинформаторы! Вы можете убить меня, искалечить, запытать, но я не откажусь от своей точки зрения!

Зеленый съежился в большой слизистый комок. Он был явно недоволен разговором, да и вообще всем происходящим. В его мутных глазищах начинали высвечиваться две крохотные красные точки. Сергей знал — это нехорошая примета. Но ему было наплевать сейчас на приметы и все прочее.

Зеленый долго пыжился, пузырился, дулся. Потом выдал:

— И с этим знанием вы надеялись вернуться в свой мир?

— А оно мешает кому-то, да?! — вопросом на вопрос ответил Сергей. У него было всего четыре конечности, и не такие длинные и хлипкие как прежде. Но паутина держала, сковывала.

— Вы наивное существо. В вашем дурацком отраженном мире без передышки показывают дурацкие фильмы про всяких дурацких преступников и сыщиков. Неужто вы никогда не смотрели, милейший?

— Приходилось, — растерянно признался Сергей.

— В каждом обязательно говорят про кого-то: “он слишком много знал”! Вы догадываетесь, к чему я клоню?!

— Плевать я хотел на всякие догадки!

— Вы обречены! Неужто вам это не ясно?!

Зеленый даже передернулся весь. Откуда-то сбоку у него вылезло еще три глаза, они удивленно обозрели Сергея и тут же скрылись.

— А что вы так волнуетесь? — пошел в атаку Сергей.

— Какой ваш интерес?! Вы что, имеете какое-то отношение к нашим шаманам, да?! Что молчите?! Ведь я обречен, ведь мне не вырваться из цикла, я смертник, я никому не смогу ничего рассказать, я, в конце концов, в ваших лапах! Давайте по-честному, правда за правду — они работают на вас?!

Зеленый снова вытянулся. Вдохнул с облегчением, не скрывая этого, но в то же время косясь на Сергея с каким-то странным, непонятным подозрением.

— Вы слишком прямолинейны, почтенный, — прогундосил он. — Разве бывает только черное и белое, или так, или этак?! Ведь нет! Но... в проницательности вам не откажешь. Хотя, разумеется, упрощаете, ох как упрощаете!

Ваши, наши, агенты, резиденты, дезинформаторы и просто информаторы — как просто, как тупо — это в ваших дурацких фильмах так. На деле все сложнее, любезный! Ну почему вы решили, что дезинформация забрасывается от нас? Вы же видали много миров, еще больше не видали...

— Но ведь забрасывается?! — нажал Сергей.

— Без этого нельзя, — зеленый развел своими хлипкими граблями. — Но для вашей же пользы, надеюсь, это вы хоть осознаете?!

Сергей отмахнулся от вопроса.

— А у вас они бывают? — спросил он в лоб.

— Кто?

— Шаманы!

— Вы слишком любопытны.

— Это пошленькая фраза из столь любимых вами фильмов. Давайте говорить по-человечески!

— Бывают! Но далеко не все.

—... два, — проскрипело в двухтысячный раз.

Зеленый покосился на карлика-оператора — тот совсем раскорячился на площадке с трубой, он стал еще ниже и уродливей, теперь его студенистая мерзкая морда свисала до щиколоток. На морде этой что-то булькало, вырывались наружу пузыри, стекали вниз слизистые капли, язык наполовину вываливался из пасти и временами вздрагивал. Сергей не мог смотреть на этого зверочеловека, он почему-то вызывал одновременно и невероятное, тошнотворное омерзение и острую жалость. Зеленый при всей своей мерзопакостности жалости не вызывал.

— Почему вы считаете, что от нас надо скрывать Истинное знание? Мы что, не созрели, не готовы еще, или как? — спросил Сергей.

— Оно вам просто не нужно, вот и все, — ответил зеленый.

— Знание всегда нужно!

— Ошибаетесь. Вы побывали у тольтеков — им не нужно никакого знания, у них есть все, что им нужно.

— Тольтеки — зацикленная цивилизация! — выкрикнул Сергей. — Это совсем другое дело, они пошли по кругу, замкнулись, а мы развиваемся, мы рвемся вперед!

— Ага! Рветесь! Вам это все кажется, вы не менее зацикленная цивилизация, чем тольтекская. Вам в вашем плоском отраженном мире кажется, что есть прогресс, есть развитие, спирали там всякие... а на деле вы ползете по кругу! Меняются формы, а содержание остается —

круг, бесконечный круг, замкнутый цикл, растянутый в веках. И ползете вы по этому кругу, как вам удалось верно подметить на свою голову, вслед за камлающими, бьющими в бубны и барабаны, прыгающими впереди вас шаманами. Только в отличие от вас шаманы эти прекрасно знают, что на окружности есть точки, которые ведут в пропасть, и они вам помогут уткнуться носами в эти шлюзовые точки... А когда вы все полетите к чертовой матери в тар-тарары, не волнуйтесь за шаманов, не надо, они перепрыгнут через провал и будут скалиться вам вслед, будут тыкать пальцами в ваши спины и говорить: вот стадо, вот быдло, мы хотели осчастливить этих свиней, этих рабов, но они, видно, не созрели для этого, они не готовы были, ну и пусть, туда им и дорога!

— Поглядим еще! — зло вставил Сергей.

— Это кто ж, почтеннейший, поглядит, не вы ли? — полюбопытствовал зеленый.

— Может, и я!

— Экий самонадеянный, батенька! Вы думаете, коли проскочили мимо несколько раз, так уж и билет в вечность обрели?!

Сергей ощутил тяжесть тела. Ему стало вдруг неудобно висеть на невидимых упругих нитях. Он поднес руку к лицу — это была нормальная человеческая рука, его рука.

— Я думаю, — сказал он напрямую, — вы давно бы меня пришили, если бы хотели этого, верно?

— Верно, — согласился зеленый. — Но согласитесь, интересно понаблюдать, как ведет себя в экстремальных условиях такое странное существо с непредсказуемой логикой поведения. Это первое. А второе — в следующем, и это главное, у нас считается дурным тоном спрашивать кого бы то ни было на тот свет собственными руками, да, это — мове тон, милейший! Вас могли запросто ухлопать, не думайте, что вы были застрахованы, нет. Просто вам повезло. Но в один из переходов вас направят туда, откуда вы ни за что не выкарабкаетесь — есть еще такие местечки, есть! И они значительно ближе, чем вы думаете! Какие там тольтеки с их дурацкими и бессмысленными жертвоприношениями! Какие инквизиторы Гардиза! Какие дикари! Это все детский лепет! Вы можете попасть в ручки к таким изощренным палачам, о каких и не слыхали... и не слыхали, несмотря на то, что должны были слыхать, но тут скажите спасибо своим шаманам — эти ребятки закамлали вас на славу, они справно отрабатывают свое по-

ложение и свои привилегии. О-о, вы можете ни на минуту не сомневаться в их способностях! Но вам не их бояться надо...

— А кого же?

— ... два, — в трехтысячный раз проскрипело.

— Тех, разумеется, к кому попадетесь. Вы не переживайте, любезный, это профессионалы! У вас будет возможность убедиться на собственном опыте, что машина уничтожения у них доведена до совершенства! Это не старомодный и жалкий Гудун-Ку со всей шатией-братией, это не дикарь-дилетант и не любители-инквизиторы! Впрочем, что вам рассказывать! Вы же туда метите! Или... — зеленый запнулся, поглядел на Сергея вопросительно, и глаза его просветлели, стали чистыми, осмысленными, тревожными. — Или вы решите остаться в одном из миров? Ваша подлинная форма и ваша подлинная сущность не так уж плохи, вам только кажется, что они неприемлемы, это дурной земной вкус, это провинциальная брезгливость... Ваш цикл, разумеется, не прервется, вы будете болтаться меж миров, но туда... понимаете, туда вы никогда не вернетесь! и эти видения перестанут вас мучить! и все образуются! Подумайте!

— Нет! — выкрикнул Сергей.

— Только не надо спешить. Помните, что там, на Земле, через какой-то отрезок цикличной дуги для вас места не останется! Нигде! Понимаете, нигде, даже в психушке, даже в тюрьме! Это же страшно, только постарайтесь осмыслить свое положение!

— Ничего, — пролепетал Сергей тихо. В сердце ему и в душу закрадывались сомнения, может, и впрямь, следует плюнуть на все, какая разница — где, что, как! Все равно ему образумить человечество не удастся, спасти — тем более! В лучшем случае ему поверят два-три старых друга, может, и Ира, она всему готова верить, лишь бы он говорил, говорил... Все перепуталось в голове у Сергея. Но язык сам выдал: — Ничего, авось еще кружочек провернем как-нибудь, а там и видно будет, ничего.

— Воля ваша! — резко выдохнул зеленый. — Во всяком случае я сделал для вас все, что мог!

— Ну вот, опять фразочка из дурацкого детектива! Снова жалкий штамп! — Сергей ухмыльнулся, но совсем невесело ухмыльнулся.

— Да вы зря, милейший, на меня зло держите, зря, — прогнул зеленый, — у нас служба такая — контроль

отраженных миров. Большое дело, доложу я вам, большое! А вы не в струю идете, против течения, батенька, а это всегда хреново... А ведь могли бы, могли пополнить славные ряды! Слыхали, как говорится-то: ласковое теляти двух маток сосет!

— В шаманы предлагаете?

— Ну что вы, что вы! Поздно, батенька! Это надо было до начала цикла, теперь поздно... да и нехватки у нас в кадрах нету — ноу проблем, как говорят ваши пошляки, хоть конкурс объявляй. Вы, батенька, зря к сугробу-то вернулись. Ну, да теперь поздно!

— ...два, — проскрипело в бесчисленный раз.

— Отключить таймер, — сказал зеленый.

— Есть отключить таймер.

— Оператора — в анабиоз!

— Есть в анабиоз!

Сергей раскрыл рот. Но тут же закрыл его. Он привык не удивляться, точнее, его приучили к этому.

— Ну, прощайте, — прогнусавил зеленый.

В длинной хлипкой руке его появился вдруг топор на обломанном древке — тот самый топор-солнце, которым клювастый так и не смог изрубить Сергея, но зато изрубил себя.

— Значит, все? — мрачно спросил Сергей напоследок.

— Ну почему же все, — прогнусавил зеленый, — сумеете вывернуться — ваше счастье. Мы не фаталисты, батенька!

Он резко взмахнул Секирой Справедливости. И липкие путы над головой Сергея, тихохонько пискнув, перестали существовать — невидимые нити оборвались.

Никакого перехода не было. Сергея с такой силой швырнуло в траву, что он отбил себе колени, ткнулся лбом в землю.

— Ах ты, гнида неучтивая, ах ты, сморчок! — прозвучало сверху пьяно и угрожающе.

Сергей приподнял голову. Над ним стоял железный истукан метра в два высотой и толстый как пивная бочка. В голове мелькнуло: вот она “машина истребления“! вот он — тот, от которого никуда не денешься, профессионал! крышка!

— Я вам мешаю, что ли! — прохрипел Сергей и попытался встать с колен.

Мощный удар железного кулака швырнул его обратно, с той лишь разницей, что сейчас Сергей упал на спину.

— Разговор-р-р-ривать!!! — прорычал железный истукан.

Сергей разглядел его внимательнее: над ним стоял огромный средневековый рыцарь в панцире, шлеме с толстыми крутыми рогами и прочих доспехах — он был с ног до головы в железе. К тому же он держал в руке большущий двуручный меч. На плече у этого истукана висел четырехугольный толстый щит с изображением какого-то когтистого зубастого гада с длинным высунутым языком. Истукан-рыцарь был прост и прямолинеен. И это было самым страшным. От него не стоило ожидать ни соблюдения длинных и пышных ритуалов, ни хождений кругами и зазываний, ни биений в барабаны, ни заговоров. Такой если и возьмется за дело, так и сделает его — треснет со всей силы по башке пудовым мечом, вытрет его об одежду или траву, пьяно икнет и через три минуты про все забудет, в поисках нового супротивничка. Нет, Сергею не нравился этот истукан. Да и челюсть горела огнем.

— Встань, жалкий червь, и я сокрошу тебя одним ударом! — заявил истукан и качнулся, чуть не упал.

За спиной у рыцаря был милый, привычный, столь радостный сердцу земной пейзаж. На холмах круглыми зелеными барашками жались друг к другу кусты. Проплешины лужаек прямо-таки звали поваляться на сочной нежной травке. Вдалеке маячил темный ровненький, будто подстриженный ножницами садовника лес. Пели и щебетали невидимые пичужки. За неторопливой голубенькой речкой паслось стадо коров, ветер доносил звон колокольчика.

У Сергея, несмотря на всю отчаянность положения, сердце взыграло — Земля! родная Земля! слава Богу! Он не мог надышаться этим сладким земным воздухом, не мог наглядеться на эти уютные и милые земные просторы. С другой стороны изгиба речки стоял замок, самый настоящий рыцарский замок — наполовину каменный, сложенный из грубых неотесанных валунов, наполовину деревянный. Вот эти-то деревянные башенки напомнили о России, Руси. Сергей чуть не застонал. Ничего, главное, он на Земле, а значит, доберется и до родных мест. Как верно гудело в мозгу не так давно: “Зачем нам, поручик, чужая земля?” Нет, на Земле нет чужой земли! вся своя! вся нашенская! По лицу Сергея текли слезы умиления.

Рыцарь-истукан все не мог обрести равновесия, балан-

сировал, клоняясь то в одну, то в другую сторону, икая, ругаясь и ошалело размахивая мечом.

Земля! Сергей поднял голову — чуть ниже серых дра-
неньких облаков летел черный птеродактиль, размах
крыльев у него был не меньше, чем у тяжеловоза “Антея”.
Сергей замер на полувздохе, сердце у него оборвалось и
упало куда-то в район паха. Но птеродактиль не обращал
на земных букашек внимания, летел себе по своим делам.

Рыцарь застыл, задрал голову вверх, откинул забрало.
Он как-то сразу перестал качаться, врос в землю.

— Развелось, понимаешь, драконов! — прорычал он,
грозя птеродактилю мечом. — Ну ничего, доберусь я до
вас! Доберусь!!!

Добираться до “дракона” было далековато и непросто
— тот летел на километровой высоте. Рыцарь-истукан для
надежности погрозил еще и кулаком, потом плюнул вверх,
еле увернулся от собственного плевка, вернувшегося вниз.
И вспомнил про “жалкого червя”.

— Ты еще тут, наглец?! — взревел он и ухватил меч
двумя руками. — Ну этого вот я не потерплю-ю-ю!!! У-
ух!!

Меч вонзился в землю рядом с Сергеем, в двух верш-
ках, — видно рыцарь был все же основательно пьян. Но
Сергей сообразил, что во второй раз он может и не про-
махнуться, во всяком случае лучше не испытывать судьбы.
Он вскочил на ноги, собрался бежать. Не тут-то было —
рыцарь оказался проворным, заступил дорогу. Меч он де-
ржал на плече, а сам шатался и икал. Вести с ним диспуты
было бессмысленно.

— Нам бы до дому, — промямлил Сергей виновато.

— Чего-о-о?! — искренне изумился рыцарь. — Наглый
смерд! Могила твой дом!

Он махнул мечом. И Сергей еле успел пригнуться, ина-
че бы не сносить ему головы.

— Одурел, что ли! — заорал он благим матом. — Ну
чего я тебе сделал?! Чего ты ко мне прицепился?!

— Да если б ты, мозгляк, мне чего-то сделал, я б тебя,
жалкого труса, в порошок бы стер! Я б тебя изжарил бы
вот на этом вертеле! — рыцарь потряс своим мечом. И ру-
банул еще раз.

Сергей кубарем полетел в кусты. А когда он высунул
из-за них голову, на полянке перед железным пьяным ис-
туканом стоял зеленый. Был он как никогда жалок и поган
— будто помойная или трупная слизь вытянулась вверх и



приобрела контуры человека — если только эти уродливые контуры можно было назвать человеческими. В сырой дрожащей лапе зеленый держал черную круглую штуковину с коротким стволом и двумя шариками поверху.

— Ах ты наглец! — завопил рыцарь, вздымая меч. — Ах ты оборотень! Вот щя я пушу из тебя поганую твою кровь!

— Осечка вышла, — прогнусавил зеленый, обращаясь к Сергею. — Но вы не беспокойтесь, любезный!

— Чего-о-о?! — медведем взревел рыцарь.

Удар был страшен — меч пудовой молнией просвистел в воздухе и рассек зеленого надвое. Левая половина рассеянного стекла в лужицу, поползла к Сергею, высываясь временами мутный глаз и обозревая окрестности. А правая осталась стоять, сжимая в хлипкой трясущейся руке странное оружие.

— Чур меня! — выдавил рыцарь. — Чур! Сгинь дьявольское наваждение!

И рубанул мечом поперек зеленого оборотня, рубанул на уровне втянутого живота, там, где было особо тонко. Бедро и длинная нескладная нога зеленого упали на траву. А верхняя часть осталась висеть в воздухе... И ни кровинки! Ни стопа! Ни хруста! Лишь из мест срезов сочилась мутная болотная водица. И все!

— Бесовские чары! — выкрикнул рыцарь дрожащим голосом.

И в третий раз замахнулся.

Но ударить не успел.

— Теперь моя очередь, почтенный, — прогнусавила висящая в воздухе четвертинка зеленого. Подняла штуковину, чего-то нажала. Раздался щелчок, но из ствола не вылетело ни пули, ни луча.

— Да я тебя... — железный истукан не успел договорить, голос оборвался неожиданно.

Сергей увидал, как изо всех щелей и дыр доспехов повалил желтый смрадный пар, словно под рыцарем неожиданно прорвало канализационную трубу с кипятком. Но какая тут канализация!

— Не трогайте его! — закричал Сергей, обращаясь к подползающей лужице с глазом. — Он ведь ни в чем не виноват! Стойте!

Но было поздно. Красивый высокий шлем начал вдруг оседать — сначала загнулся и оплыл один рог, потом второй, следом потекло вниз забрало... капли расплавленного

железа застучали по земле, прожигая траву, обугливая ее. А через полминуты на выжженном черном круге диаметром в полтора метра лежал переливающийся всеми красками радуги оплавленный и искореженный кусок металла.

— Зачем вы это сделали?! — спросил Сергей злобно. — Зачем надо было его убивать?!

Зеленый стекся в одно целое, выпрямился. Никакой штуковины в его руке не было. Зато отрепья-водоросли болтались чуть не до колен.

— Ерунда, милейший, ерунда! — прогнусавил он. — Обычный пес-рыцарь, самый, я вам доложу, заурядный. Так, кажется, назвал представителей этой профессии кое-кто из ваших популярных шаманов, я не ошибаюсь? — Зеленый не стал дожидаться ответа, он резюмировал холодно и прагматически: — Одним псом-рыцарем меньше, одним больше — какая разница! Ведь вся суть-то в диалектике, верно, а не в какой-то там отдельно взятой особи! Забудем про этого забулдыгу.

— Вы же пять минут назад говорили, что не убиваете никого, что это у вас мове тон! — взъярился Сергей.

— Что поделаешь, любезный, самооборона! Защита, так сказать, жизни, чести и достоинства. Да вы не волнуйтесь, вам уже пора!

— Пора!

— Конечно! Ведь мы с вами попрощались, не так ли?!

— Так! — отрезал Сергей.

И земля под ним разверзлась.

И только после этого Сергей понял — он опять был на чужой планете, в чужом измерении, как бы оно там ни называлось. И именно в этот момент он понял, что не отступится.

Вышвырнуло его все там же, у оплывающего, почерневшего сугроба. И опять были ночь, мрак, холод, опять хлопала незамерзающая даже в морозы жирная жижа под ногами, опять он бежал словно ополоумевший в свою конуренку.

Одинокое полуночные прохожие оборачивались и долго смотрели вослед голому избитому и исцарапанному человеку, который так сверкал босыми пятками, будто за ним гналась стая борзых. Изможденная старуха в черном, которую мучила бессонница и которая, как и обычно, в эти часы обходила все помойки и подворотни района, собирая

пустую винную посуду, разразилась старческим визгливым криком:

— Оглашенный! Черт чумной! — орала она, входя в раж и размахивая корявой клюкой. — Чтоб вас всех сатана побрал! Сталина с Лениным на вас нету! В каталажку! На нары! На трудовое перевоспитание-е-е!!! Давить! Всех давить до последнего!!! До полного изничтожения как класса-а-а!!!

Она швырнула в пробегающего пузырьком из-под тройного одеколона, попала прямо в голову. Беглец не остановился. А пузырек отскочил, упал на асфальтовую проплешину, уцелел. Старуха обрадовалась, бросилась к сокровищу, подобрала и сунула в кошелку. Она уже и позабыла про бежавшего голого мужика — много их пьяниц подзаборных, чтоб обо всех помнить-то!

Сергей летел стрелой, не чуя под собою ног. Но у подворотни все же малость придержал коней, сбавил темп. Это было самое опасное место — второго такого избиения, как уже было, он не переживет!

Подворотня была пустой и темной. Сергей решился, он ворвался в нее так, будто перед ним стояла цель побить все мировые рекорды на самые короткие дистанции. И тут же полетел кубарем вниз, в слякоть и грязь. В последний миг он заметил подставленную ногу, но остановиться, увернуться уже не смог.

— Все бегаешь, сученок?!

От стены отделились две тени, стали приближаться.

Сергей ползком, медленно, по мокрому ледяному крошеву добрался до кирпичной кладки, привалился к ней спиной. Грудь у него тяжело вздымалась, ноги дрожали, голову сжимало обручем.

— Чего надо? — хрипло выдавил он.

— Шакаладу! — нагло раззявился низенький хмырь. И полез в карман.

Длинный распахнул полы необъятного макинтоша, вытянулся, поежился, вздохнул горестно и запахнулся поплотнее. Глаза его источали сырость — это было видно даже в темноте. Нос висел унылой переваренной сосиской.

— Не надо, — проговорил печально, с кислой миной на обвисшем лице, — не надо, он теперь и сам подохнет.

— Так будем же человеколюбивы, едрена вошь?! — Карлик-хмырь вытащил свой тесак. — Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?!

— Пулю жалко, — глубокомысленно заметил длинный, согнулся и потрепал Сергея по щеке.

— А мене, для друга, для брата нареченного ни черта не жалко! — ощерился низенький. — Мы ж с ним сроднились! Гляди!

Он рванул телогрейку у ворота, та распахнулась, обнажая грязное тщедушное тело, усыпанное угрями — в подворотню словно свет фар пробился, так все хорошо вдруг высветилось. Но главное, конечно, заключалось не в угрях и тщедушности. На бледной мертвенной коже, от плеча к плечу, через всю грудь тянулись крупные синюшные буквы наколки: “Не забуду Серегу-кореша!” Ниже, на животе был озражен контур холма, на холме стоял восьмиконечный православный крест. А под холмом совсем крошечными закорючками было выведено: “Отомщу за безвинно убиенного!”

— Рано хороните, сволочи! — процедил Сергей.

Длинный вздохнул, поправил драную шляпу.

— В самое время, любезный, — сказал он тихо. Потом пошарил в бездонных карманах макинтоша, выгреб чего-то и бросил Сергею на грудь. — Забирайте ваши сокровища, берите, берите, чего зенки вылупили?!

На груди у Сергея лежали гильзы, шип, клочок пропуска, список с квадратиками... Он растерялся от неожиданности. Ему даже некуда было распахать все это. И тогда он оттянул резинку трусов и пихнул все под нее. Попробовал встать. Но хмырь-карлик саданул ногой в челюсть, так, что Сергей затылком чуть не проломил стену. И тут же, ухватив цепкой лапой за волосы, трахнул в лицо коленом, развернул и отвесил такого пинка, что впору штангисту тяжелейшей весовой категории.

— Как все это грубо и неэстетично! — возмутился за спиной карлика длинный. — Как все это пошло и гадко! — Он снова согнулся, ухватил Сергея за щиколотку, приподнял его, потряс, умудрился заглянуть в лицо и сочувственно при этом улыбнуться. — Вы не находите, милейший?!

Сергей плыл, он ничего не соображал и уж тем более ничего “не находил”. И потому он поступил неучтиво, не ответил.

— Ну, как знаете, — обиженно просипел длинный. Опять вздохнул натужо. И брезгливо отбросил от себя голую замерзшую и избитую жертву.

Низенький в это время отбивал чечетку, приседал, вы-

брасывал коленца, поддвигал себе по-блатному, с захлебом и ужимками, распахивал и запахивал ватник, сверкал гнилыми зубами и фиксами, расплевывал по сторонам семечную шелуху, вертел головой, высовывал язык, надувал щеки — короче говоря, духарился. И это было особенно противно по той причине, что Сергей никак не мог встать, даже на четвереньки встать. Он подбирал под себя ноги и руки, но они расползались, скользили, норовили вытянуться, а сам Сергей все время ударялся то щекой, то лбом или носом в лед.

— Как это все мерзко и гнусно, — комментировал происходящее длинный. И звучало в его голосе нечто аристократическое, но не здешнее, точнее, не нынешнее, а то, выметенное без следа, вытравленное... но было это аристократическое в нем не врожденное, а явно благоприобретенное, заимствованное, а может, и не было ничего такого, может, все только казалось.

Сергей пополз к подъезду. Пополз по ноздреватому нечистому льду, если грязную помойную корочку можно было назвать этим красивым холодным словом.

— Серый, кореш, едрена душа! Куда ж ты от дружков разлюбезных?! Постой, брата-а-ан! — изгилялся коротышка, не переставая грызть семечки и поплевывать. — На кого ж ты нас бросаешь?! Ой, пропаде-е-ем!!!

Сергей не обращал внимания на насмешника, ему было не до того. У ступенек подъезда он встал на четвереньки, потом выпрямился в рост... и плашмя упал на дверь. Та скрипнула и отворилась почему-то внутрь, в парадное — он всей тяжестью рухнул на кафельные плиты, грязные и заплеванные, перевернулся на спину. Открыл глаза. Из сырой и плотной древесины, в том месте, где еще темнело пятно, оставленное его мокрой горячей грудью, торчал, подрагивал и тихонечко звенел острый длинный тесак, брошенный умелой рукой. Сергей вытянул руку, ухватился за наборную рукоять тесака, подтянулся, встал. У него не хватило сил вырвать лезвие из двери. И он оставил все как было. Поплелся вверх, к себе.

Он не считал, сколько раз падал, сколько поднимался. Время застыло. Вернее, оно свернулось в тугое резиновое кольцо, свилось, перекрутилось и стало бесконечным. Когда Сергей добрался до своей двери, толкнул ее и вполз в квартиру, за окном начинало светать. Из репродуктора на кухне заполошно кричал петух — казалось, что всю эту проволочно-детекторную электропремудрость убрали из

небольшого ящичка, а запихнули вместо нее живую настоящую птицу.

Сергей пополз до дивана, взгромоздился на него. И только после этого обвел глазами комнату — в ней был такой кавардак, что казалось погром устраивали не двое хмырей, а целая банда головорезов и дебоширов. Все было побито, расколото, изодранно, разгромленно, раскидано, изрезано, раздавлено, смято, выворочено, выпотрошено...

Лишь темная бутылка на изрезанном и изгаженном столе стояла целехонькая и невредимая. На ее крутых боках лежал слой пыли.

Сергей глухо зарычал и вцепился зубами в диванный валик. Он долго не мог заснуть, нервы не давали. Потом провалился в глухой и беспросветный колодезь. Спал долго.

А когда проснулся, первым делом выбрал из груды мусора у дивана свои трофеи, положил их на стол рядом с бутылкой. Распрямил смятый список, смотрел на него с полчаса, ничего не понимая. Потом поплелся в прихожую, опустился на колени перед телефоном. Пальцы дрожали, не могли попасть в отверстия диска.

— Толик, ты? — спросил он наконец.

— Я-я, — сонно ответили из трубки.

Сергей нажал на рычажки. И вычеркнул еще одного.

До следующего дозвонился не сразу. Но дозвонился. Ничего не спросив, расслышав только знакомое тягучее “алле!”, бросил трубку.

Дальнейшие розыски ничего не дали. В списке оставалось двое, всего двое!

Минут сорок простоял у зеркала, разглядывая себя — лицо было в синяках, ссадинах, из разбитой губы сочилась кровь. Но в целом ничего, терпимо, сейчас каждый третий ходил по городу с разбитой, изукрашенной харей. Били на каждом углу. Били и пили! Пили и били! Все вместе, без промежутков, казалось, будто вся жизнь состояла из питья и битья. Саднило плечо — ранка после обсидианового ножичка принялась нагнаиваться, внутри что-то нарывало. Сергей вспомнил всю процедуру, стянул с себя трусы, скомкал их и выбросил в мусоропровод. Потом долго плескался в ванной, натирал и без того раздраженную кожу мочалкой, ругался вслух, утирал слезы. А те сами наворачивались на глаза — стоило капельке воды или мыла попасть на больное плечо или просто неудобно повернуться... болело все тело. И Сергей постепенно привыкал к этой по-

стоянной боли, он переставал ее бояться: болит, ну и пускай болит!

Из этой чертовой квартирki надо было бежать! Но куда? Весь вопрос и состоял в том — куда! Хмыри наверняка поджидали его у подъезда, под окнами, а может, и в подворотне. Да, они не бросят его, точно, не бросят, пока не убедятся, что он сдох! Эти гады его доканают, обязательно доканают! Может, это и имел в виду зеленый? Ничего Сергей не знал. Откуда ему знать-то!

В брюхе урчало. Не выключая воды, он выбрался из ванной и поплелся на кухню. Запасов не было — то ли сам все слопал, то ли эти ублюдки выкинули. В грудe мусора, битой посуды, вывороченных розеток, раздавленного стекла он нашел заплесневелую и ссохшуюся горбушку черняги. Вернулся в ванную, размочил горбушку прямо под душем, сожрал — именно сожрал, алчно, давясь, чавкая, озираясь, словно бы боясь, что отнимут. Желудок на время успокоился. Пить было нечего. И Сергей напился из-под крана. Потом включил воду погорячее. Мысленно поблагодарил тех, кто все же, несмотря на полнейшую разруху, снабжал город этой водой. И снова заснул, прямо в ванной.

Пробуждался он тяжело, словно после обморока или наркоза. Вода была холодной. Поясницу сводило. Кончики пальцев цепенели. Но зато пришло какое-то второе дыхание, непонятное упрямство, злость! Он выскочил из ванной, шлепая босыми мокрыми ногами, пошел в комнату. Вытерся изодранной хмырями простыней. Оделся, распищал по карманам гильзы, шип, обрывки и клочки бумаг. Долго стоял над бутылкой, думал. Потом пихнул ее в сумку. Остервенело пнул ногой по столу. Набросил куртку и выбежал вон.

— Все не ужрутсЯ никак! — проворчала старуха, стоявшая возле подъезда. — Жрут, жрут, жрут... и все мало! Хоть бы околели все!

На выходящего Сергея она зыркнула со злобой, даже с ненавистью. Черное платье ее совсем не было похоже на развевающееся знамя, скорее это была грязная, выцветшая половая тряпка, обвернутая вокруг тела. Да, ветра не было. Дело шло к весне.

— Сама гляди не околей, — присоветовал на ходу Сергей.

— Ирод! — бросила в спину старуха. И подняла было руку для крестного знамения, даже повела ею... но потом опустила. И плюнула вслед.

Четверо беспризорников резались на колченогой скамье в самодельные обтрепанные карты. При виде Сергея двое встали.

— Эй, фраер, дай в зубы, чтоб дым пошел! — попросил один, изможденный и прыщавый.

— Не курю, бросил! — огрызнулся Сергей.

— Жлобина поганая! — выругался другой, с залепленным глазом. — Дай гривенник хотя б! Куда чешешь, стой, пада!

Сергей ускорил шаг. В спину ему ударил камень. Но он не стал оборачиваться — этим только повод дай, у каждого в ладони бритва.

До Казанского он добирался пешком. Но затея оказалась напрасной — еще за два квартала, на подступах к вокзалу все было запружено. Ожидающий поездов люд спал, бодрствовал, сидел и ходил повсюду, протиснуться между тел, узлов и чемоданов было невозможно. И Сергей поплелся к самому безлюдному, к Рижскому.

— Все бегут! Все бегут! — как заведенный приборматывал какой-то плетущийся рядышком старик.

Сергей не слушал старика. Он уже привык к этим бездомным бродяжкам, наводнившим город и постоянно плачущимся, жалующимся на судьбину, жизнь и все вокруг. Днем бродяжки были безопасны, они сами всего боялись. По ночам многие из них шалили — что поделаешь, жить-то надо как-то!

— Все не убегут, — заметил Сергей философски.

— А кто не убежит, тот тута и сдохнет, — с готовностью отозвался старик и шмыгнул носом, натянул поглубже драный треух. — И-эх, Расея-матушка — велика держава, едрена колокольня, а бежать-то и впрямь некуды, везде мор и глад! Я вот, к примеру, судьбу хочу попытать — к турецким берегам направлению держу, умные люди сказывают, там тепло и бананы на грядках торчат, не помрешь с голодухи-то, верно, малый?! Только вот где есть ентая землюшка, где она, в каку сторону-то бечь?!

— Беги прямо — не ошибешься, — посоветовал Сергей. Ему не верилось что-то, будто этот старикан доберется до турецких берегов, болтает. — Ладно, дедок, ты от меня отвяжись, мне по срочному делу надо!

Дед остановился, плюнул под ноги, поправил котомку за плечами и погрозил в спину Сергею кулаком.

— В пекло-то всегда поспеешь! — пробурчал он зло.
— Давай, топай, нехристь!

К Рижскому Сергей притопал к вечеру, уже темнело. Направление было гиблое, безнадежное — все дороги к морям напрочь перекрывались заградительными отрядами. Но где-нибудь на полпути можно было выскользнуть из поезда и затеряться в серой глухомани, в одичавшей пустыне посреди заброшенных городков, поселков и кладбищ. Пускай его ищут!

С билетами было совсем хреново. Проще говоря, билетов в кассах не водилось. И хотя поезда брали штурмом, казалось бы, в неразберихе и толкотне можно было пробраться в вагон или хотя бы на крышу, но нет, у охранников был зоркий глаз и с “зайцами” они не церемонились, сшибали наземь прикладами, сапогами, кулаками — у каждого своя работа, это тоже понимать надо!

— Пирожки, горячие пирожки! — вопила бабища с провалившимся носом и выбитыми передними зубами. — Налетай, покупай! Пятерка штука! Задарма отдам!

У Сергея горло сдавило, побежала едкая жгучая слюна. Он повернулся к торговке. Но вовремя остановился — два милиционера, заламывая бабище руки за спину и пиная коленками под зад, быстро поволокли ее к вокзальному зданию. Из опрокинувшегося отсыревшего дерюжного мешка с пирожками выскочила жирная голая крыса, воровато огляделась и шмыгнула в толпу. Товар рассыпался — и на всю площадь завоняло трупной падалью.

— Ребя! — прорезал временную тишину пронзительный мальчишеский голос. — Жратва-а-а!!!

Четверо беспризорников, босых и грязных, вынырнули из толпы, ухватили мешок и бросились наутек. Пятый собирал за пазуху то, что рассыпалось. На него-то и налетел полуголый нищий в струпьях, коросте, язвах. Он был какой-то припадочный и не столько бил беспризорника, сколько голосил на всю округу и раздирал на себе кожу, норовил упасть.

— Убивают! Грабют!! Ратуйте, граждане-е!!! — захлебывался он, при каждом крике запуская синюшную руку беспризорнику за пазуху и вытаскивая оттуда пирожок с гнилью. — Режу-ут!!!

Растерявшийся беспризорник, опамятовался, вцепился в глотку нищему, повалил его наземь и с недетской злобой

начал бить затылком о мостовую. Нищий отчаянно сопротивлялся, визжал, сучил ногами. Толпа, обступившая дерущихся, радостно гыгыкала и подавала советы. Какая-то тощая бабенка в зеленой шляпке подавала ногой в черном боте то одному, то другому и восторженно смеялась хриплым басом.

— Ты глаз, глаз ему дави! Да не так, дурья башка! Ногтем, ногтем, остолоп!

— Поддых ему! Поддых!!!

— Обоих их придавить надо!

— Ноздрю рви, обормотина, ноздрю!!!

— И-эх! Вот его по-нашенски!

— Карау-у-ул!!!

— А я б всех этих нищих и беспризорных к стенке! Без суда и следствия, всех до единого!

— Чего-о?! Их живьем закапывать надоть! В стране металла нету, а ты, гадина, к стенке хочешь?! Ето ж сколько пудов народнохозяйственного свинца уйдет?! Не! Шалишь! Живьем, в землю!!!

Сергей пошел вглубь вокзала, ближе к поездам. Но за триста-четырееста метров протолкнуться уже было невозможно. Тогда он опять выбрался. Стал присматриваться. Перекупщика заметил, когда почти совсем стемнело. Подошел тихо, строя из себя доверчивого лопуха.

— Сколько? — спросил, округляя глаза.

— Ты, мент вонючий, вали отсюда, не на того нарвался! — попер на него хлипкий чернявый парнишка цыганского вида, одетый с ног до головы в “фирму“, но одетый безвкусно и не по своему хилому сложению. Глаза у парнишки были красные и недоверчивые.

— Ну какой же я мент — спокойно растолковал Сергей, — я билет ищу.

Парень взгляделся в избитое лицо, подобрел.

— Куда? — спросил он, обдавая перегаром.

— Все равно куда, — пожал плечами Сергей, — я, мастер, когти рву, мне без разницы.

Паренек проникся доверием, прошипел на ухо:

— Три штуки!

Сергей повернулся, делая вид, что уходит.

— Ладно, стой! Давай штуку!

— По рукам, — осклабился Сергей, подмигивая парнишке. Но в кармане у него не то что “штуки“, у него и сотни-то не было с собой, рублей под пятьдесят, от силы шестьдесят.

— Гони монету, — парень огляделся, — только не шурши, по-тихому!

Сергей полез в карман, закопошился там. А потом сказал вдруг настороженно:

— Гляди-ка! Да не туда, вон, в кепаре с пумпоном, в желтеньком шарфике!

— Чего? — не понял парнишка.

— Только что с двумя ментярами смолил на углу, сам видал!

— Точно?!

— Крест на пузе!

Парнишка затрясся — нервы, видать, у него были ни к черту! Сергей понял — клюнул парнишечка, клюнул. Но он боялся спугнуть чернявого спекуля.

И тот разродился сам.

— Давай отойдем, мне в ментовку не с руки! — предложил он. — Тут недалеко, вон, в подъезде...

— А не наколешь?! — деланно испугался Сергей.

— Мы лохов не обижаем, — самодовольно рассмеялся парнишка.

Через пять минут, протиснувшись через немислимые толпы, они зашли в подворотню, потом в загаженный до предела подъезд. Лампочек в нем, конечно, не было, под ногами расплзлось и хлюпало дерьмо, несло концентрированной, отстоявшейся мочой.

— Гони штуку, — потребовал парень и сам полез в карман.

— Щяс!

Сергей ухватил парнишку за глотку, перегнул спиной через перила, так, что хребет под фирменной джинсой захрустел, а тело размякло. Парень оказался еще более хлипким, чем можно было представить. Но Сергей не стал обижать перекупщика-спекуля, который сам был, видно, "лохом". Он вытащил из внутреннего кармана, из толстой пачки один билет, даже не поглядел — докуда, остальное сунул обратно. И аккуратненько усадил парнишку в кучу дерьма. Вышел.

Дверь скрипнула на прощанье. И в этом скрипе отчетливо прозвучало: "Ты не выберешься отсюда, зря дергаешься!" Сергей оглянулся. Но никого не было. Померещилось!

А может, и впрямь не дергаться? может это начало конца? и лучше сидеть да ждать его прихода?! Сергей застыл как вкопанный. Но замешательство длилось недолго. Он

вернулся в подъезд, выгреб у пребывающего без чувств парнишки из другого кармана деньги, подержал на руке — по весу было на пять-шесть тысяч. Нет, чтобы ни происходило, чтобы ни случилось, какие бы на него силы ни исполчились, а с пятью “штуками” он выберется из самого пекла! Сергей вышел. На этот раз дверь не скрипела.

Билет он пихнул за ворот рубахи, так надежней, не сопрут. Пачки денег разложил по внутренним карманам.

— Куда прешь, безглазый! — заорал на него жирный мужик, ударил в спину.

Сергей не обернулся. Он, расталкивая нервный и озлобленный вокзальный люд, пробивался к поездам. Ночь опустилась на город. Лишь два тусклых фонарька покачивались над рокочущим и сопящим людским морем. И все-таки Сергей протиснулся к вагонам. Теперь оставалось дожидаться начала посадки. А там — прощайте все невзгоды! прощайте, хмыри подворотные! прощай, зеленый гад!

Он пристроился на корточках у столба, поправил шарф, застегнул до упора куртку. Ночь обещала быть холодной.

— Гр-р-раждани-и-и... — прокашляло вдруг из громкоговорителя, — гр-р-р-раждани пас-с-сажиры-ы-ы! Объявленная три дня назад посадка на поезд, следующий по маршруту Москва — Рига, отменяется...

Людское море содрогнулось и взвыло. Ледяной воздух прорезал чей-то истерический вопль:

— Нету сил уже-е-е!!! Отправля-я-яй!!!

— ...граждани-и-и пас-с-с-сажир-р-ры, — пророкотал громкоговоритель вполне разборчиво, — в ближайшие три месяца отправлений с нашего вокзала в связи с аварией на путях не ожидается. Просьба расходиться! Повторяю! Гр-р-раждани пас-с-с-сажир-р-ры, все отправления с нашего вокзала отменяются на три месяца. В районе Кильдюплы произошла железнодорожная авария, в результате которой сошли с рельсов четырнадцать составов, из них пять с пассажирами и девять с жидким нефтепродуктом, повреждены сто тринадцать километров путей, образовавшиеся воронки заполнены водой близлежащих озер, рек и прудов, ремонтные работы также провести невозможно ввиду отсутствия необходимых материалов, в радиусе шестисот километров уничтожены все подъездные пути, взрывной волной сбило с орбиты космическую станцию “Мир”, сейчас она завершает свой полет в районе Антарктиды, жертв нет, в район аварии вылетела комиссия... но ввиду того обстоятельства, что по дороге мотор вертолета, на котором

вылетела комиссия, заглох, решено расследование не проводить...

Сергей понуро побрел к выходу. Затея сорвалась. Толпа бурлила, роптала, ругалась, взывала к какому-то начальству. Но в глазах у каждого стояла безнадежная тоска.

Сергей подошел к маленькому и толстенькому железнодорожнику в фуражке. Спросил:

— Это что — правда?

— Проходите, гражданин, проходите! — строго пробубнил тот. — Не положено!

Сергей полез в карман, вытащил сотенную, сунул в лапу железнодорожнику. Тот подобрел.

— Авария-то эта еще третьего дня была, — проговорил он на ухо, улыбаясь и почесывая нос. — Думали вообще не сообщать, чего народ зря волновать-то, мало, что ль, у нас аварий. Отремонтируют! Говорят, из Бурунди ремонтная бригада вылетела!

— Своих нет уже? — мрачно поинтересовался Сергей.

— Да есть вроде, — железнодорожник бросил раздражать нос, качнул головой. — Щяс ведь так, щяс ведь кто чего может, тот в совместных лавочках, им не выгодно, а остальные — в запое! Переходный, понимаешь, этап!

— Много погибло?

Железнодорожник нахмурился.

— Сказано — авария, стало быть, без жертв! — заявил он.

— Ну, а по совести? — не отставал Сергей.

— Да говорят — тыщ восемь трупов! Да еще и искалеченных столько ж! — выдал железнодорожник и опять улыбнулся. — Да ты не печалься, малый, российские бабы крепкие — еще нарожают!

— Это точно! — Сергей махнул рукой и ушел.

Такси он поймал сразу. Выставил растопыренную пятерню — через три секунды возле него остановился обшитый листовым железом “москвич”.

— Ежли чего — стреляю без предупреждения! — заявил таксист, косясь на Сергея. И для убедительности показал ручку пистолета.

Сергей сразу просек — газовый, ерунда! Но у него и в мыслях не было нападать на этого водилу. Он собирался во Внуково, в единственный действующий аэропорт. Ошибаться по вокзалам и ловить зыбкий миг удачи было бессмысленно и глупо. Другое дело, самолет — махнул крыльшками, и тю-тю!

— Билет нужен! — без обиняков заявил Сергей.

Водила был тертый.

— Три штуки! — сказал он угрюмо, нехотя.

— Круто, — не согласился Сергей.

— Иди мимо, — еще равнодушной проговорил таксист, — я тебе не фонд милосердия.

Пришлось доставать деньги, отсчитывать три тысячи. Сергей вздохнул, перекопился... Но что делать, билет нужен! К тому же, еще три “штуки” оставались в карманах, жить было можно.

— Получи!

— И не кривись, дружок, — сказал таксист, принимая деньги, — я тебе по-божески отдаю, другой бы содрал все пять. На держи!

Он даже не поинтересовался, куда именно нужен билет его пассажиру — наверное, был ясновидящим.

— Самолеты-то хоть летают? — поинтересовался Сергей, ухмыляясь.

— Это ты у них спросишь, мое дело — билет выдать клиенту, — проворчал водила. Был он какой-то некомпанийский.

Они подъехали. Сергей расплатился, выскочил наружу, пнул ногой по грязной шине “москвичонка”. Народищу на подступах к летному полю стояло уйма, казалось, все сорвались со своих мест, бегут, спасаются от чего-то или кого-то. Но Сергей знал — большинство без билетов, надеются на удачу, они ему не конкуренты. — Куда лезешь, нахал! — орали ему в спину. — Чего прешь, гад?!

Сергей не обращал внимания — еще немного, и он покинет навсегда это гиблое место, этот “международный” город, это разоренное и заброшенное гнездовье!

Из сумки впередиидущей бабенки торчал батон. Сергей шел, облизывался. Потом выдернул батон, спрятал под полую куртки. Бабенка ничего не заметила. Лишь небритый мужик в тюбитейке похлопал Сергея по плечу заскорузлой рукой, подмигнул, дескать, молодец, парень, так держать! У Сергея опять сжало горло. Он хотел есть, только есть, все остальное потом. Но доставать батон и жевать его при всех было опасно, он не мог рисковать. А небритый все скалился и подмигивал. Сергей вытащил купюру, даже не поглядел, сунул в сумку бабенке на место батона. Небритый сразу помрачнел и отстал.

Выбрав момент, Сергей отломил под поллой большущий

кусоч хлеба, украдкой сунул в рот, целиком сунул, и принялся жевать.

— Все жрут и жрут, понимаешь! — проворчала согнутая дугой старушка, тащившая на спине здоровенный мешок. — Хоть бы лопнули когда! Иксплуататоры трудового люда! В стране нехватат жранья, продуктов не хватат, а они все жрут!

Сергей перестал жевать. И хлебный ком, раздирая внутренности, полез в пищевод и далее комом.

— Граждани-и-и!!! — проревело из динамика. — Граждани-и-и отлетающи-и-и! Отлет не состоится! Просьба всех вернуть в кассу билеты!

— Мать вашу!.. — завопил Сергей, как резанный. — Издеваться?! Я жаловаться буду-у-у!!!

Старушка отпрянула от него. Небритый в тюбитейке показал кулак.

— Граждани-и-и! В связи с непоставкой энергоемкими зонами Русской автономной области топлива все рейсы откладываются до будущего года! Повторяи-им!

Сергей зашелся в кашле. Старушка подползла ближе, постучала по спине. Небритый стоял, уперев руки в жирные бока, и хохотал. Но Сергею было наплевать на всех! Опять срывалось! Опять все летело к черту на рога! Еще понятно было, когда отделялись Дальний Восток, Сибирь, Кавказ, Север, Запад, Украина, Белорусия! Объяснимо было, что они и прекращали поставки горючего! Но теперь разваливалась на глазах Русская автономная область, а откуда Москве самой взять топливо, откуда?! Сергей не возражал против раздела России на восемь самостоятельных государств. Но он не ожидал, что эти государства на радость всем прочим затеют лютую экономическую войну, схлестнутся в таком жесточайшем сражении, что и не снилось седоусым генералам. Впрочем всем было на все наплевать! Все рвали когти! И откуда поступало горючее, никого не интересовало!

— Надули! Опять надули-и-и!!! — взвыл какой-то слабонервный. — Знаем мы, сдашь теперя билеты в кассу! Сда-а-шь! Плака-а-али три штучки-то, плака-а-али-и-и!!!

До будущего года оставалось ровно одиннадцать месяцев. Сергей решил не ждать столько. Он повернул назад.

Батон исжевал на ходу. Насытился. Но тут же навалилась страшная икота. На него глазели, показывали пальцами, от него отшатывались... а он шел и икал, вздрагивая всем телом, запрокидывая голову. Надо было чего-то вы-

пить. Но кроме бутылки, лежавшей в сумке, у Сергея ничего не было. К ней он решил прибегнуть лишь в самом крайнем случае. Икота, разумеется, не была таким крайним случаем. У остановки автобусов стояли автоматы “пепси”. Но Сергей знал — бутылку шипучки ловкие торговцы разбавляли бочкой мутной воды из-под крана, это первое. А второе заключалось в том, что всего год назад по разваливающейся стране прокатилась эпидемия гибридного холеротифа, все, кто любил пить из одного стакана и есть из одной тарелки одной вилкой, повымирали, за исключением, конечно, особо устойчивых особей. Сергей к таковым себя не относил. И все же ему удалось купить за четвертной у привокзального мусорщика бутылку пива трехнедельной давности. Пиво оказалось прокисшим и разбавленным. Но Сергей выглушил всю бутылку. Его вырвало... И икота прошла.

Оставалась одна надежда — на собственные ноги. Сергей свернул с шоссе, прошел через буераки метров пятьсот, сориентировался. И побрел прочь из бывшей столицы пехом.

Ноги гудели. В спину словно ломом наколачивали. В мозгу било как прежде от виска к виску: “патроны — эскадроны! патроны — эскадроны! патроны...” Но Сергей шел. Он знал, что ему никто не поможет, что только он сам может спасти себя.

Первое заградительное кольцо ему удалось пройти, точнее, проползти. Еще издали приметив посты, он упал на брюхо и ужом проскользил триста метров, до ближайшего кустарника. Полежал, отдышался. Потом почувствовал, что тело начинает стынуть — все ж таки не лето, снег на земле.

— Ничего, выкарабкаемся! — заверил он себя шепотом.

Встал. Снова определился. Теперь с этим было проще — на востоке высвечивалось небо, вставало солнце — кровавое зарево наплывало на землю.

Еще три километра он прошел бодро, даже насвистывал прилипучую песенку про “белую армию и белого барона, которые готовят нам царский трон”. Мелодия была маршевая, залихватская, под такую хорошо шагалось.

Но когда небо совсем просветлело, из-за редких сосен вдруг вышли трое в синей форме и направились к застывшему на месте Сергею.

— Далеко собрались, гражданин? — спросил один.

— Куда глаза глядят, — нагло ответил Сергей.

— Ну-у, глаза, гражданин, — рассмеялся спрашивавший, — можно в любую сторону вывернуть. Садитесь-ка в машину, там, дальше запретная зона, туда нельзя!

— Почему это?! — возмутился Сергей. — Не имеете права!

— Исключительно для вашего благополучия, — потупив очи, выговорил синий. И добавил, обращаясь к спутникам: — Проводите, проводите гражданина!

Сергею вывернули руки, пригнули головой к земле. И пинками загнали в фургон с надписью “спецмедслужба”. Окошек в фургоне не было, и он не видел — куда его везут. Но везли долго. Везли молча. И сам он молчал. Он уже начинал догадываться, по какой причине ему так не везет, до него дошло, что везение здесь не причем! Но поверить в это было трудно. И страшно было верить в это!

Его выпихнули из машины у подворотни. Выпихнули грубо, без церемоний. Он упал на грязный асфальт, лицом в незамерзающую лужу. Упал, сильно ударившись коленями и локтем. Но бутыль в сумке не разбилась. Машина фыркнула моторами, уехала.

Сергей встал, потирая ушибленные ноги. Заглянул в темноту подворотни. Хмыри были на месте. Коротышка гнилозубо улыбался ему как старому приятелю, помахивал рукой. Длинный зябко кутался в макинтош и смущенно поводил плечами. Лицо у него было набрякшим, плаксивым.

Сергей опрометью бросился в противоположную сторону. Сердце колотилось как бешенное.

— Эй! Куда ты, кореш?! — орал вслед коротышка. — Не узнал, что ль, друзей-то, а?!

Через три квартала Сергей остановился. Никакой погоны за ним не было. Он простоял минут двадцать, приходя в себя. Потом задрал голову и увидел сочную вывеску: “милиция”. Это был выход.

— Семи смертям не бывать! — вырвалось у него из горла.

Дверную ручку он рванул с такой силой, будто намеревался ее выдрать с корнем. Зашел внутрь и прямоком бухнул дежурному за перильцами:

— Арестуйте меня! Это я убил того человека!

— Какого? — мордатый парень приподнял голову.

Сергей чуть не упал — никакой не дежурный сидел за барьером, там сидел его старый знакомец, сержант с фик-

сой и узкими глазками. Но почему?! Ведь это совсем другое отделение?! Оно совсем в другом месте расположено, почему он здесь?!

— Какого, гражданин, я вас спрашиваю?!

— Того самого, что у сугроба валялся... месяц назад! — промямлил Сергей. — Я прошу меня арестовать и посадить.

— Не дуридите, гражданин! — сержант усмехнулся, сверкнул золотом. Но Сергею показалось, что никакое это не золото, никакая не фикса, а самый настоящий клык — изогнутый, хищный. Искорки блеснули в глазах сержанта, уши вытянулись, стали похожими на рысьи. — Не дуридите! Банду, которая уколошила того забулдыгу давно выловили, понятно?

— Как — выловили?! — опешил Сергей.

— Очень просто! Выловили, осудили и расстреляли! Ясно?! Тридцать семь человек! Групповщина! За ними еще и не то числилось. Так что не морочьте мне голову, гражданин, идите себе, работайте! И не отвлекайтесь!

— Это неправда! — бухнул Сергей и уселся на скамью напротив барьерчика. — Вызовите дежурного, я требую.

Дежурный капитан появился немедленно. Он даже не взглянул на Сергея.

— Очистить помещение! — скомандовал он.

По коридору раздался грохот сапог. Вылетели два здоровенных молодца, ухватили Сергея за штанины и рукава, приподняли, пробежали пять метров до двери, вытолкали и сами скрылись.

Сергей стоял как очумелый. Ему было плохо. Ноги отказывали. Через полминуты вышел сержант, повесил Сергея на плечо оставленную им на скамье сумку, подровнял ее ремешок, отряхнул сзади куртку. И сказал с самым серьезным видом:

— Вы не извольте беспокоиться, гражданин, не надо! Когда потребуется, вас найдут, не волнуйтесь!

Сверкнула фикса-клык. И все пропало.

Сергей побрел вдоль улицы. Он думал, про какую банду шла речь? кого расстреляли? и почему так быстро?! Нет, это все вранье! Это все бред! Он даже не заметил, как мимо него прошмыгнула тень в легком плащике и без шапки. Лишь немного спустя обернулся.

— Леха! — крикнул он, помахал рукой.

— А-а-а!!! — истерически закричал прошмыгнувший, обернулся. Глаза его были совершенно безумны. На кило-

метр несло перегарным одеколоном. И вообще это была лишь тень человека.

Но Сергей не мог ошибиться — это был Леха, точно, он! Сверзился! Допился! А ведь крепким малым был! Сергей полез в карман, достал свой список с квадратиками, вычеркнул еще одного. Потом постоял немного, думая, не выкинуть ли бумажку — какой в ней прок, ежели банду поймали?! Не выкинул. Сунул обратно в карман.

Надо было что-то придумывать. Из города его не выпустят, нечего и пытаться! Сесть в тюрьму под дело об убийстве того типа у сугроба не удастся... Значит, надо что-то сотворить такое, чтоб взяли, непременно взяли. Налет?! Налет на сбербанк?! Это идея! За это возьмут! Но... Сергей выругался вслух — все сбербанки давно позакрывали, вон, красавец: зелененькая вывесочка перекособочилась, половина букв поотлетала, двери заколочены. Налет на пустой магазин? Это смешно. Ограбить кого-нибудь? За частное лицо сейчас не сажают, и так все лагеря, психушки, профилактории и приемники переполнены, на каждых нарах по двенадцать человек. Убить?! А почему бы и нет, надо только решиться! Надо взять себя в руки и... и зарезать кого-нибудь. Нет! Нет!! Нет!!! За это тоже не сажают, за это сразу к стенке. А ведь пожить-то еще хоть немного не помешало, нет, совсем не помешало бы! Да и идти на мокрятину, на убийство... нет, бредовая идея. Ну почему он, человек, существо, в которое вдохнули самое совершенное во Вселенной, Душу, почему он, сотворенный по Образу и Подобию, должен терзать себя такими идиотскими замыслами, это же глупо! это же страшно! этого нельзя допускать! Сергей совсем запутался. Он уже не понимал — что можно, а чего нельзя. Одно он осознал четко: должно пройти очень много времени, невероятно много, чтобы в эту человеческую глину, в эту биомассу можно было вдохнуть нечто новое, более высокого качества, пока рано, пока эта глина на созрела даже как глина — и что в нее ни вдыхай, что ни вдувай, а путного не получится, не родится из нее сразу, без всяких переходов, богочеловек, существо высшего порядка, нет, не родится!

Он брел как сомнамбула, натываясь на стены, на стволы высыхающих или полуспиленных деревьев, на редких пугливых прохожих. И ничего не приходило ему в голову, ну ничегошеньки!

Надо было что-то делать, надо! Сергей заводил себя, звинчивал, распалял. Дошло до того, что он подобрал бу-

лыжник, размахнулся и высадил стеклянную витрину магазина "Ткани". Магазин был пустой, торговать было нечем. Но витрина, красавица витрина! Она обрушилась градом больших и малых осколков, разрушая сказочную иллюзию, открывая убогую и пустую дыру. Сергей напрягся.

С противоположной стороны улицы ему погрозил своей дубинкой сутулый и сонный милиционер. И отвернулся. Сергей высадил следующую витрину, над которой висела одна лишь кроваво-красная буква "Я". Милиционер погрозил еще раз, повертел пальцем у виска, после чего быстро свернул в переулок и чуть не бегом побежал по нему, удаляясь от хулигана.

— Вот деяти! — не выдержал Сергей. Нервы у него гудели натянутыми струнами. — Щяс я вам устрою кино!

Он вбежал в первый попавшийся подъезд. Ударил ногой в дверь на первом этаже — дверь вылетела картонкой! Из глубины квартиры послышался испуганный женский крик. Сергей ворвался внутрь ураганом, сорвал вешалку с висящими на ней пальто, разбил вешалкой зеркало, грохнул по светильнику. Больше в прихожей крушить было нечего, и он побежал на кухню.

— Щя всех мочить буду!!! — заорал он дурным голосом. — Всех, к матери, порежу-у!!!

Огромный толстяк в майке и трусах упал перед ним на колени, залепетал что-то умоляющее. Сергей ударил его ногой в лицо, прямо по кругленьким очкам, ему не жалко было толстяка, ничуть не жалко. А тот совсем разбабился, стоял на карачках и рыдал, слезно прося о пощаде. Первым делом Сергей опрокинул на кухне холодильник, два шкафчика, стол, колонку. Потом попрыгал немного на вывалившейся посуде, вывернул доотказа все краны. Подбежал к трясущемуся толстяку и пнул его еще раз, но уже в бок.

— Я больше не буду-у-у!!! — завизжал толстяк. — Не бейте!!!

Сергей перепрыгнул через него и сам заорал:

— Милиция! Вызывайте же милицию, идиоты! Олухи!!!

Толстяк забился в угол, замолк. Он не собирался никого вызывать. Сидел, хлюпал носом, тряся, закрывался руками, хотя никто его не собирался бить.

— Чего вы ждете, трусы паршивые?! Зовите же милицию!!! — надрывался Сергей. — Не то всех порежу! Всем кровь пушу!!! Я рецидивист! Убийца!!!

Толстяк лишился чувств — бездыханным студнем рас-

ползся по полу. Из рта у него бежала струйка слюны, по цветастым трусам расплывалось огромное сырое пятно — под звук журчащего ручейка на полу образовалась светло-желтенькая лужица. Из кранов била вода — вот-вот и она начнет переливаться через края, растекаться по квартире. Но Сергей уже не мог остановиться. Он махнул рукой в сторону толстяка. И побежал в комнату.

Дверь вышиб ногой. Застыл на пороге, вопя самым диким образом.

— Убью-ю-ю!!!

Перепуганная толстушка с косыночкой на голове пряталась от него за большим зеленым креслом. Но это ей казалось, что она прячется — Сергей видел все. Он затопал ногами, сшиб телевизор с тумбочки, сорвал портьеру и опрокинул круглый аквариум. Розовые рыбешки забились на ковре.

— Зови милицию, мегера! Зови живо! Не то убью! Изнасилую!!!

Толстушка на четвереньках переползла за другое кресло и замерла там, посверкивая черненькими глазками.

— У-у-ууу!!! — взвыл Сергей.

И сорвал ковер со стены. Потом опрокинул книжный шкаф. Не помогало. Никто, похоже, не собирался звать служителей порядка и усмирять буяна. Где соседи?! Сдохли, что ли?! И-ех! Сергей терял остатки сил.

— Все! Прощайся с жизнью!!!

Он выволок упирающуюся толстушку из-за кресла, ухватил левой рукой за волосы, а правой начал сдирать с нее халат. Сзади что-то прогремело. Сергей обернулся — это очухавшийся толстяк, вопя и стеная, забыв про все на свете, убегал из собственной квартиры. Ну и черт с ним!

— Изнасилую!!!

Сергей разодрал халат в клочья, и толстушка осталась в одних трусиках, присела, прижала руки к груди, прикрывая их, тихо-тихо заскулила. Сергей дернул ее за волосы вверх — и толстушка покорно выпрямилась, отвела руки — тяжелые полные груди колыхнулись, застыли, уставившись на Сергея темными набухшими сосками. Толстушка подняла руки вверх, и груди у нее приподнялись, опять заколыхались. Но Сергей пересилил себя — дело прежде всего.

— Милиция! Насилуют!!! — заорал он изо всех сил. — На помощь!!!

И, подхватив толстушку обеими руками, вскинул ее

под люстру, поймал в объятия, бросил спиной на диван, рванул за край трусиков — те слетели жалким обрывочком, обнажая крохотные остаточки еще не обнаженного тела. И опять все округлости толстушки пришли в движение, зазывно мая. Сергей застонал. Нет! Только не это!

— Милиция, мать вашу!!! — завопил он. — Тут же насилуют! Ну где вы!!!! Карау-у-ул!!!

Толстушка лежала и глядела на Сергея темными любопытными глазками. Она не прикрывалась, не дергалась — похоже, ей было очень интересно, на самом деле ее сейчас насиловать начнут или этот чокнутый обманет? Толстушка раздвинула ноги, вздохнула томно... И Сергей не выдержал, бросился на нее, погружая руки в трепетную сладкую плоть.

И в это время сзади прозвучало брезгливо:

— Кто милицию вызывал?

— Насилуют!!! — завопил Сергей по инерции. И сделал попытку вскочить. Толстушка его удержала, обхватив пухленькими ручками за шею.

— Кто кого насилует? — переспросил милиционер.

— Заберите меня! Заберите!!! — Сергей вырвался, вскочил на ноги.

— Вы вот что, граждане, — процедил милиционер, — не дурите! Меня б так насилovali! И вообще — ишь чего захотели! Заберите их, понимаешь! Совсем избаловались! Всех не перезабираешь, мест не хватит! Развелось тунеядцев, все на дармовые харчи хотят! Прощайте, граждане!

— Я тут все перебил! Я рецидивист! Убийца!!! — надрывался Сергей. Ему было плохо — все лопалось, все труды шли прахом.

— Сами, сами разбирайтесь, граждане, в ваших семейных делах!

В дверном проеме вдруг показалась жирная и мокрая фигура в цветастых сырых трусах. Фигура дрожала, мычала, трясла головой и тянула скрюченный палец в сторону Сергея.

— И-и-и-и-ии! — выдал на верхней ноте толстяк.

Милиционеру он чем-то не приглянулся.

— А этого забрать! — скомандовал он. — Нечего по улицам в одних трусах шастать! Перед иностранцами стыдно!

Двое дюжих дружинников, таившихся до того во тьме разгромленной прихожей, ухватили толстяка под руки и выволокли на улицу. Хлопнула входная дверь.

— Ну, и что теперь делать будем?! — сердито спросил Сергей у толстушки и грозно пошевелил бровями.

— Продолжать, — ответила та с придыханием, вытягивая розовые губки.

И они продолжили.

К вечеру толстяка, разобравшись, выпустили. Он пришел весь несчастный и будто побитый. Толстушка ему дала пару оплеух. Сергей извинился и ушел.

Он плелся по пустынным ночным улицам, плелся в последний дом, к последнему приюту — к милому и ласковому Ирунчику. Экспериментировать он больше не желал. Знал, что даже если разгромит полгорода и перебьет тысячу его жителей, все равно его не посадят, ничего с ним не сделают — видно, законы замкнутого цикла сильнее в стократ обычных законов! И нечего тогда шутить с ними!

По дороге он свернул к сугробу. Молча постоял у него минут пятнадцать. Сугроб напомнил ему оплывшее и потемневшее надгробие. Это было неприятно, более того, страшно, но Сергей стоял. Потом он запустил руку в карман, выгреб гильзы и шип, швырнул их в грязный заплеванный снег. Резко развернулся. И пошел туда, где его всегда ждут.

За полкилометра до цели к нему привязался какой-то шкет. Мальцу было от силы семь или восемь, но вел он себя вызывающе нагло.

— Дай рупь, дядя! — потребовал он плаксиво и вместе с тем зло. — Дай, кому говорю!

— На! — Сергей швырнул ему первую подвернувшуюся под руки купюру. — Только отвяжись!

— Ого! Червонцами бросаешься?! — удивился малец. И присвистнул.

Из какой-то темной дыры выплыли три тощих тени. Сверкнула сталь ножей.

— Постой, паря, разговор есть, — прохрипела одна.

— Забирайте все! — Сергей выворотил карманы — асфальт покрылся красными, синими, зелеными и желтыми бумажками. — Берите, не жалко!

Малец бросился подбирать. А трое тощих застыли, пяля глаза. Они были в недоумении. Лишь первый не оплошал.

— Э-э, нет, паря! Видать, у тебя еще есть! Скидывай одежонку!

— И это, сумку сюды давай, значит, скорее! — добавил второй.

Сергей наотмашь звезданул его кулаком в лоб. Тощий плюхнулся наземь. Возле щеки сверкнула узкая полоска стали. Но поздно! Сергей ногой врезал поддых первому. И тут же ребром ладони уложил третьего — шея у того оказалась совсем хлипкой.

— Уйде-е-ет!!! — заверещал малец.

Сергей бросился бегом по знакомой издавна улице, мимо каменного лысого истукана на площади, мимо вырубленного, вывезенного в Финляндию скверика, мимо жалких желтых халуп, мимо пивнушек, автопоилок, яслей и детских садов. Он неся, сломя голову. И догнать его было невозможно.

Тошие быстро отстали. И Сергей понял — эти местные! эти не из той команды, о которой он подумал, совсем не из той! И он громко, в голос расхохотался. Будто камень с груди упал. Последние метры он прошел медленно, бравируя, расправив плечи и высоко вскинув голову.

Ира открыла сразу, после второго стука. Звонок не работал, видно, на ночь электричество на лестничной площадке отключали. Да только Сергей привык уже во тьме да все кулаками.

— Явился, подарочек! — воскликнула она, улыбнулась, обнажая ряд ровных белых зубов.

Она была хороша как никогда. Она была сегодня просто чудом, самым совершенством!

— Явился, — подтвердил Сергей. И обнял ее, зарыдал в плечо.

— Ты чего это?! — удивилась Ира. Она никогда не видела его таким несчастным и жалким.

— Приютишь на часик?

— Да хоть насовсем оставайся! — Она как-то странно поглядела на него. И тут же опустила глаза.

Сергей разделся, прошел на кухню. Достал из холодильника первое попавшееся — кусок высушенного сыра. Принялся жевать. Но сыр не лез в горло, застревал комком.

— У тебя ничего нету?! — крикнул он хозяйке дома, которая не пошла за ним, а застряла где-то в прихожей, может, и в комнате.

— Поищем! — отозвалась Ира.

И через минуту пришла на кухню, потрясая полупустой бутылкой “среднеазиатского крепленого”. Это была

роскошь! Да только Сергей смотрел не на бутылку, он смотрел ниже.

— Как тебе мои новенькие чулочки? — поинтересовалась Ира, плавно поводя бедрами. — Сегодня выменяла на кольцо.

— Какое?! — оторопел Сергей.

— То самое!

Они еще семь лет назад купили обручальные кольца, думали все будет нормально... Сергей, правда, еще был женат. Но с женой отношения ухудшались с каждым днем. С тех пор многое изменилось. Но чулки на золотое кольцо?! Он поморщился — что же такое происходит, куда катимся?! Впрочем то ли еще будет! Сергей глядел на ее ножки в розовых ажурных чулочках. Чулочки были хороши. Ножки еще лучше!

— Опа! — Она развела полы халата, вскинула их и крутанулась на месте. Ну-у, чего молчишь?

— Неплохо, — заметил Сергей и вырвал у нее из рук бутылку.

Первый стакан он выглушил залпом. Откинулся на спинку стула. Расслабился. Теперь он мог спокойно наслаждаться видом прелестных ножек — наверное, единственных прелестных ножек, не вывезенных еще из России.

— Ну, как я тебе нравлюсь? — поинтересовалась Ира, выгибая спину и сбрасывая халатик на пол.

Сергей без лишних слов поймал ее за руку, притянул к себе, посадил на колени — теперь он мог и на ощупь оценить качество новых чулочков. Он поглаживал эти полные стройные ноги ладонью и медленно, потихоньку отходил душой.

— Я их буду надевать только для тебя, — прошептала она на ухо, поцеловала в висок. — И никогда больше, ни для кого, только дома, только при тебе...

Сергей прервал это бестолковое излияние поцелуем. Черт с ним, с кольцом! Чулочки — что надо! Он не переносил всех этих дурацких и не очень удобных для любовного дела колготок, давно запретил ей носить их, по крайней мере при нем... Помнила, все помнила! Сергей просунул руку под тончайшую паутинку лифчика, огладил грудь, надолго припал к ней губами. Какая нежная, какая бархатистая кожа! Нет, это сокровище, настоящее сокровище! Он поднял вверх глаза и опять поймал на себе ее странный взгляд, никогда раньше она так не смотрела — это был взгляд не любимой и любящей женщины, это был

какой-то взгляд со стороны. Он потрянул головой, потянулся к бутылке.

— И мне налей, я тоже хочу! — попросила она и прижалась сильнее.

“Странно, не предлагает поесть почему-то... и вообще не такая как обычно, не расспрашивает, не ругает, странно, — подумал Сергей, — что с ней?” Мысль эта моментально ускользнула. Он стянул с нее эту ненужную сейчас ажурную тряпочку и поочередно поцеловал в вырвавшиеся на свободу упругие груди. Потом отстранился, разлил вино — себе в стакан, ей в синенький старомодный фужерчик.

— У тебя что, и закусить совсем нечем? — спросил он. — Ленишься, небось?! А ну, слазь, подавай на стол!

Она прижала его голову к груди, перекинула через его ноги свою, одну, и сидела теперь верхом, расстегивала и опускала рубашку. Тело ее было горячим, необыкновенно горячим.

— У тебя не жар случайно? — задал еще один вопрос Сергей. — Горюшь прямо!

— У меня все в норме, — ответила она, — а на стол подавать нечего, я ведь тебя не ждала, ты ведь не предупреждаешь! И вообще, — она надавила соском на его губы, — неужели тебе сейчас хочется есть, мой милый?! Ты меня обижаешь!

Он обхватил руками ее бедра. Но тут же вспомнил про стакан. Выпил. Она тоже приложилась к фужерчику, тут же поставила его обратно, на стол, рядом с куском сыра.

С голодухи вино ударило в голову, Сергей поплыл. Но он не был пьян, просто развезло, просто он сам расслабился, просто... Он протянул руку к беленькой веревочке на ее бедре, потянул на себя кончик завязки.

— Ну вот! Ну вот! — нашептывала она на ухо. — Давно бы так! А то сидишь как евнух, как кусок льда! Ожил?! Ну, давай, давай же, — она раздевала его, то наваливалась, то отстранялась, и руки ее были смелыми и сильными.

Сергей не понимал, к чему эта спешка. Он устал, он пришел еле живой. Ну почему она, всегда прислушивавшаяся к нему, всегда покорная его воле, стала вдруг такой нетерпеливой, настойчивой. И опять он поймал на миг этот незнакомый взгляд, и опять что-то неприятное колыхнулось в груди. Нет! Бредни! Все как обычно! Он успокоил себя. Протянул руку, достал из-за ее спины бутылку “среднеазиатского крепленого”, приложился к горлышку и

выхлебал остатки. Все нормально, все как обычно, это просто он не в форме! А рука сама сдернула жалкие веревочки трусиков, легла на горячее трепетное бедро, погрузилась в него. О, сладость женщины! Сергей уткнулся лицом в ложбинку между грудями, растворился в ней, поплыл, поплыл еще сильнее. А она мяла его плечи, сдавливала спину, да так, что дышать было больно. Ее пальцы погружались в еще не зажившую рану на плече, причиняли острую боль — Сергей вздрагивал, и она убирала руку, но тут же впивалась ногтями в кожу спины с другой стороны.

— С ума сошла! — вскрикивал он. — Умерь пыл-то! Ну нельзя же так, лапка!

На секунду ее объятия слабели, а потом начиналось все снова. Когда она впиалась ему губами в шею, он подумал — вот так можно и глотку прокусить, вот так и человека погубить недолго, ишь какая страстная! Он сдавил ее бедра со всей силы, намеренно причиняя ей страшную боль, но она даже не ойкнула, лишь вздрогнула всем телом и прижалась плотнее, а ее руки вновь погрузились в рану. Нет, это уже не любовные ласки, это уже черт знает что! Сергей скосил глаз — и увидел на собственном плече отпечаток пятерни, кровавый отпечаток. Это означало, что она ненароком разодрала заживающую рану, что она ничего не понимает, что она сама плывет, тащится... Нет, так не любят! Сергей положил обе руки ей на груди, надавил. Но она не отодвинулась, наоборот, она еще крепче прижалась к нему — она теперь была не просто горячей, она была обжигающей. Ее руки впились в кожу спины, надавили на мышцы, ребра... это было нечто невообразимое.

— Рехнулась, что ли?! — заорал он. — Ты чего-о?!

— Любимый! — простонала она на ухо. И опять впиалась в шею.

— Уйди-и!!!

Сергей попробовал вырваться. Но она не отпускала, она сжимала его в стальных тисках — и руками, и ногами. Она наваливалась на него всем телом, она жгла, терзала, разрывала кожу, добиралась до мяса... Он завел руку назад, перехватил ее кисть и с трудом отвел руку от себя, взглянул — все пальцы были в крови, с них капало. Он еле удерживал эту кровавую руку — она была не по-женски сильна. Стоило только ее выпустить, и она снова впиалась в растревоженную рану. Сергей не понимал, что происходит, это было ему непостижимо! Взбеленилась! Пере-

пилась! Обкурилась! Вот дура! Дурища! Он снова отпихнул ее от себя — не тут-то было!

— Пусти! Пусти-и-и!!! — заорал он во весь голос.

И, намотав на руку ее пышные светлорусые волосы, рванул назад — голова дернулась, откачнулась. Они застыли лицом к лицу, уставились друг на друга. И сдавленный крик застыл у него в горле. Да, это была она — привычная, красивая, утомленная любовью. Все было ее — и брови, и чистый лоб, и чуть вздернутый, но прямой нос, и щеки... вот только изгиб губ — не тот, совсем не тот! И эти глаза! Глаза были не ее! Глаза вообще были не женскими! Это были глаза незнакомого и страшного существа — холодные, алчные, немигающие.

— А-а-а-а!!! — завопил Сергей, теряя рассудок.

И попробовал вскочить на ноги. Не вышло! Она оплела своими ногами его тело, а вместе с ним и стул, она удерживала его и продолжала раздирать ногтями спину, плечи, шею. Она тянулась к нему окровавленными губами. Но он держал ее за волосы, не давал этим страшным, хищно искривленным губам припасть к своему телу. Вот они — профессиональные убийцы! Да, зеленый был прав! Конец! Это конец!

Она раскрыла рот, обнажая длинные и острые клыки — каждый был по три-четыре сантиметра. На месте языка подрагивало синюшное раздвоенное жало.

— А-а-а-а-а-а!!! — закричал Сергей еще громче.

Рванулся. Он не мог уже терпеть боли. Но и освободиться он не мог. И тогда он поступил проще, он перестал рваться, отпихивать жуткую тварь от себя, наоборот, он резко подался назад, качнулся всем телом. И они упали, упали вместе со стулом. На какой-то миг давление объятий ослабло. И он вырвался, содрал с себя эти когтистые лапы, отшвырнул алчное кровожадное существо к столу. Вскочил на ноги, загородился стулом.

— Не уйдешь!!! — просипела она, подползая ближе, скаля зубы.

И прыгнула на него — прыгнула пантерой, разъяренной кошкой. Стул разлетелся в щепу, не выдержав этого наскока. И короткого мига хватило — Сергей выскочил в прихожую, вышиб ногой дверь в ванную, склонился — топор лежал под старым чугунным полукорытом. Он уже ухватился за рукоять, когда она впилась ему когтями в спину, оседала.

— Не уйдешь!!!

— Я убью тебя!!! — заорал Сергей. Извернулся, прижал ее к стене, сорвал цепкую руку с горла. Потом выволок страшную наездницу в коридор, упал на спину — хрустнули кости. Но она еще сильнее впилась в кожу груди, в живот. Она грызла его шею сзади, подбиралась к сонной артерии. И тогда он рубанул топором по торчащей ноге в розовом чулочке. Рубанул со всей силы — ступня отлетела, но сам чулок даже не порвался, не лопнул, он лишь вытянулся немного.

— И-и-и-и-и-и!!! — взвыло существо и ослабило хватку.

Сергей вскочил, прижался спиной к стене. Он готов был драться до последнего с этим вампиром.

И все же... невыносимо было смотреть на нее, да-да, на нее, ведь она внешне оставалась собой — вот она подтянула уцелевшую ногу, напряжинилась, подняла лицо, трянула волосами. И что-то дрогнуло у Сергея в груди, он начал опускать топор.

— Это гинг! — прогнусавило вдруг голосом зеленого.

Сергей завертел головой — никого в коридоре, кроме них двоих, не было. Существо готовилось к прыжку, верхняя губа над клыками напряженно подрагивала.

— Это обычный гинг! — прозвучало снова.

И Сергей понял — зеленого нет здесь, это его собственный внутренний голос, это его память, это инстинкт самосохранения. И, разумеется, он не должен сейчас малодушничать, это гинг, самый настоящий гинг! Это они подослали его! Они думали, он готов, осталось лишь чуточку нажать, чуточку прихватить его — и все! Но нет!

— Не уйдешь!

Существо прыгнуло на него. Сергей не оплошал — топор сверкнул молнией и начисто срезал тонкую белую шею. Голова покатилась к ванной. И ни капли крови, ни капельки не выступило из срезов. Да, это был гинг.

— Врете! — завопил Сергей торжествующе. — Врете! Уйду я от вас! Уйду!!!

Обезглавленная тварь бросилась на него, растопырив когтистые лапы. Голова скалилась издалека, натужно сопела, вращала немигающими ледяными очами.

— Получай!!!

Сергей ударил! Потом еще и еще раз! Обрубки белого тела раскатились по прихожей, застыли. Он не мог смотреть на все это, такое зрелище было выше его сил. Он подбежал к голове, нагнулся, поднял ее, побежал

на кухню, намереваясь вышвырнуть страшную ношу в окно.

И когда он уже вышиб ногой стекло и поднял голову на уровень своей головы, холодные глаза вперились в него, кривящийся рот чуть приоткрылся и оттуда прозвучало сипло:

— Все равно ты никуда от нас не уйдешь. Ни-ку-да! Тебе осталось совсем немного!

Сергей бросил голову в темноту. Отвернулся. Руки у него дрожали. Сердце было сковано обручем. По телу лил холодный пот. Но мозг не сдавался. Нет! Он еще побарахтается! Он еще подержится наплаву немного! Рано они его хоронить-то надумали! Хромая, переваливаясь с боку на бок, стараясь не шевелить руками и лопатками, чтобы лишний раз не причинять боли пылающей спине, он пошел в прихожую, подобрал топор. Так и застыл с ним в руке.

Обрубки, потихоньку шипя и испуская кисловатый запах, съеживались, как высыхающая пена, исчезали — все это происходило прямо на глазах. Через три минуты лишь две розовые ажурные полоски лежали на паркете — словно их специально расстелили по нему.

— Ой, мои чулки! — слышалось из-за плеча.

Сергей вздрогнул, вскинул руку с топором.

— Совсем очумел, что ли? — Ира выскочила за дверь, прикрыла ее за собой. Потом осторожно, одним глазком, заглянула в собственную квартиру.

Сергей не заметил, когда она вошла, он вообще пребывал в прострации. Но даже в таком состоянии он мог поручиться — это уже не гинг, это она!

Он зашвырнул топор на его место, под ванну. Пошел на кухню, натянул на себя брюки. Попил воды из-под крана.

— Зачем ты бросил их на пол?! — возмущалась в прихожей Ира. — Ты чего — совсем дошел?! Может, с тобой опасно рядышком находиться, а?! Чокнутый! Нет, самый настоящий чокнутый!

Сергей стоял и радовался. Ах, если бы она только знала, что здесь происходило несколько минут назад! Нет, он ей не расскажет, ни за что не расскажет! Ей не надо этого знать.

— А я тебе поесть принесла! Гляди-ка, в распределителе собачьи консервы давали! Я так рада, это такая сейчас редкость, — она поднесла жестянку к носу, наморщила его, — не нашенские, импортные, маде

ин Ботсвана, шик!!! Щас я разогрею тебе, ладно?

У Сергея в груди разлилось тепло, из глаза — почему-то из одного, левого, — вытекла слезинка. Да, это была она, его Ирунчик, лапушка, любимая! И все же он спросил:

— А ты что — знала, будто я заявлюся, да?

— Не знала, Сереженька, не знала. А сердцем чуяла! Давай-ка поешь сначала. А потом я тебе свои новенькие чулочки продемонстрирую : гарантия — ты будешь в отпаде!

Сергей отвернулся. Он уже был “в отпаде”, хватит.

— На колечко выменяла? — спросил он почти без вопросительной интонации.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда!

Сергей подошел ближе и поцеловал ее в губы. Потом отобрал розовые чулочки и забросил их на старый облупленный шкаф.

Через час они легли.

— Ты не хочешь меня? — спросила она разочарованно, припадая к его груди, прислоняясь щекой к щеке.

— Я устал, — проговорил он тихо. — Я чертовски устал.

Он знал, что она не обидится, что она все поймет. Да и кому понимать-то его, как ни ей — единственной любимой, единственной живой среди этой мертвечины, единственной понимающей его и просто единственной.

Он заснул сразу. А она еще долго не спала. Все вглядывалась в его измученное, изукрашенное ссадинами и кровопотеками лицо, ободренные и исцарапанные плечи. И жалела его, даже всплакнула немного. Она думала — опять ему досталось в пьяной уличной потасовке, а может, опять он попал в вытрезвильовку или на пятнадцать суток. А еще вероятней, что связался с дурной компанией, они угробят его, доведут до ручки — и так вон какой нервный стал, желчный, худой! Но даже такой, избитый, жалкий, дерганный, он был дорог ей. И другого она не хотела.

Во сне он все время вздрагивал, бил ногами. Кричал про какой-то список, квадратики, про какие-то гильзы. Кричал, что претендент, кандидат или еще кто-то там остался только один. Всего один! Она гладила его по лбу, шептала тихие успокаивающие слова. И он утихал. А по-

том и вовсе расслабился, стал дышать ровно, глубоко. Он спал, и ничего ему больше не снилось. Она видела по безмятежному лицу, что ему ничего не снится, что он наконец-то избавился от кошмаров. Тогда и она заснула.

Ему и на самом деле ничего не снилось. Не снилось до тех пор, пока откуда-то издалека, словно из-за стены, не прозвучал приторный вкрадчивый голос.

— Ну, вставайте же, вставайте, — упрасивал кто-то мягко и ненавязчиво, — вставайте, уже пора.

Сергей не хотел прислушиваться к этим словам, он отмахивался от них — кто это там еще осмеливается будить его! И вообще — какого черта! пошли они все вон! он у себя дома! он даже больше, чем у себя! он у нее! в единственном спокойном и надежном пристанище! и пусть убираются отсюда все, кем бы они ни были! пусть проваливаются! обнаглели! пусть уматывают, даже если они обрывки сновидений, если их и нет на самом деле!

— Пора, молодой человек, пора, — сахарным сиропом лился в уши голос, — ну не хорошо же так долго заставлять себя ждать, вставайте, пойдемте, ну-у!

Сергей приоткрыл один глаз. Какой-то смутный силуэт маячил над ним. Ира спала, отвернувшись от него, уткнувшись лицом в стенку и заслонившись ладонью. Он не стал ее будить. Он открыл второй глаз, чтобы получше разглядеть наглеца. Но в комнате было темно.

— Пора, — настаивал незнакомец, — вы же и сами понимаете, что пора. Вставайте!

Сергей почувствовал, что его тянут за руку. Еще чего не хватало! Он вырвался, сел на постели.

— Кто вы?! — спросил он шепотом.

— Я пришел за вами. Пойдемте! — отозвалась тень.

Что-то блеснуло. И Сергей разглядел, что на носу у тени сидят крошечные кругленькие очочки, этакое малюсенькое пенсне — его стеклышки-то и поблескивали.

— Как вы попали сюда! — прошептал Сергей строже. Он не хотел будить спящую. Но надо было и реагировать на все это. — Убирайтесь вон!

Ира шевельнулась, уткнулась носом в подушку и тяжело вздохнула. Худое плечо, выглядывающее из-под одеяла, торчало наружу беззащитным островком плоти. Сергей подтянул край, укрыл плечо.

— Пойдемте, пойдемте со мной, — позвала тень.

— Хорошо.

Он встал, натянул брюки, набросил рубашку. И они вышли.

Глаза сразу резануло от яркого света. Сергей прикрылся рукой. В прихожей стояли еще четверо. Были они какие-то странные, Сергей даже забыл про первого. Но разглядеть все получше не дали — грубая рука ухватила его под локоть, в спину толкнули.

— Нет, пускай он оденется! — проговорил сиропный голос.

Сергею набросили на плечи куртку, навесили через плечо сумку. И опять толкнули. Но не к входной двери толкнули, а к кухне.

— Не задерживайте, молодой человек, не задерживайте!

После третьего толчка он вышиб телом дверь, полетел на стол, но сумел притормозить, застыл у подоконника, обернувшись лицом к обидчикам.

— Вы, разумеется, догадываетесь, в чем вас обвиняют? — спросил обладатель приторного голоса.

Сергей рассмотрел его. Это был человек среднего роста, весь затянутый в черную кожу: и куртка у него была кожаная, и сапоги, и портупея с двумя висящими на ней кобурами, и фуражка, и даже штаны. Над крохотным пенсне торчали клочковатые вздернутые брови, нос был широк и крут, губы извивисты, казалось, ироническая улыбочка навечно поселилась на них, черные усики, черная бородка клинышком довершали портрет “тени”.

За черным стояли какие-то помятые одутловатые личности — небритые, явно похмельные, мутноглазые. Одеты они были по-разному, но очень небрежно, если не сказать более. Сергей невольно взглянул вниз, на линолиум — он был весь затоптан и заплеван семечной шелухой, видно, гости гостевали тут давненько. В углу, возле перекошенной колонки, пирамидой стояли четыре винтовки. Это было что-то новое.

Сергей раскрыл было рот. Но не успел ничего сказать.

— Не волнуйтесь, юноша, — мягко пропел черный, — мы вас сейчас расстреляем. Прямо тут!

— Кокнем, стало быть, — растолковал подробнее один из мутноглазых.

Сергей понял — гости не шутят.

— А на каком, собственно, основании?! — попробовал возмутиться он.

Черный ехидно засмеялся ему в лицо — усы встопорщились, губы расплзлись чуть не до ушей, из-за белесых стекол высверкнули желтыми огоньками черные умные глаза.

— Заявление делали? В милиции?

— Какое еще заявление? — не сообразил Сергей.

— А по поводу убиенного вами, там, у сугроба?!

— Ну делал.

— Вот вам и основание! А вот документ! — черный достал из кобуры свернутую вчетверо бумагу, протянул. — Читайте, читайте, юноша, все по закону!

Сергей дрожащими пальцами развернул листок. На том было выведено лиловыми чернилами: “На основании заявления обвиняемого, показаний свидетелей и с санкции прокурора обвиняемого следует расстрелять не позднее, чем через четыре минуты после оглашения данного приговора. Члены следственного комитета. Подписи.” Ниже стояла круглая неразборчивая печать. Сергей сумел прочитать только “минбытхоз”, все остальное было смазано.

— Это липа! — заявил он.

— Какая же это липа! — искренне удивился черный.

— Глядите, с водяными знаками!

На бумажке и впрямь были водяные знаки — просвечивал знакомый профиль. Но Сергея и это не убедило.

— А чего с ним говорить! — процедил один из мутноглазых. И взял из пирамиды винтовку. Другие последовали его примеру.

— Погодите, товарищи, — остановил их черный. — Стрелять только по моей команде! Законность должна быть во всем!

Сергей поверил — сейчас его расстреляют. Прямо здесь! Три минуты прошло. Осталась минута. Мутноглазые поднимали стволы винтовок, плевали шелуху на пол. Проснулся висящий на стене приемничек-репродуктор. И объявил хрипато:

— Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильнее...

И спекся. Заглох.

Черный поглядел на Сергея как-то отечески, любя. Потом скосил глаз назад и проинструктировал:

— Как взмахну платочком, так и палите!

— Не бойсь, не промажем, — заверили его мутноглазые хором.

Винтовочные дула смотрели в лицо Сергею. Оставались секунды.

— Стойте! — жалобно попросил он, цепляясь пальцами в подоконник. — Стойте!

— Чего еще, юноша? — полюбопытствовал черный. И принялся протирать вынудой из кармана красной тряпочкой свои очочки.

— Последнее желание!

— Вот как?! — черный удивился, брови поползли вверх по морщинистому лбу.

— Мировым паразитам последних желаний не дается, — зло выговорил крайний мутноглазый. — Мировых паразитов давят как клопов, на месте!

— Пора кончать! — брякнул средний.

— Ну почему же, — показал свою власть черный. — Давайте послушаем. Чего же, интересно, вы желаете, юноша, папироску, рюмочку водки и ложечку икорки, женщину?

Сергей надулся и выпалил:

— Я желаю в уборную!

— Чего?!

— Он говорит, в сортир хочет! — пояснил крайний.

Черный отмахнулся, наморщился.

— Странное у вас какое-то желание, — проговорил он в нос. — Я еще понимаю, если б, извиняюсь за выражение, сортир, стоял где-то на улице! Но как вы собираетесь бежать из этого, пардон, сортира?!

— Я не собираюсь бежать, — ответил Сергей, — брюхо чего-то скрутило. Боюсь, как бы конфузия не вышла — пальнете и...

— Как это все по-мещански, как по-расейски! — еще сильнее сморщился черный. — Брюхо! Дикость! Отсталость! Нет! Нет!! Тысячи раз я убеждал товарищей — рано, рано мы взялись за это дело! Совсем рано — народец не готов, народец убог, сир, дик, темен!!! Ему идеалы, а он — брюхо, понимаете ли!

— Шлепнуть, контру, и весь разговор! — присоветовал мутноглазый справа. — Или я его щас штыком продырявлю!

— Пулей сподручней, — покачал головой левый.

Черный коротко махнул рукой.

— Идите, идите, юноша! И постарайтесь нас не задерживать! — он достал из кармана часы-луковку на цепочке, щелкнул крышечкой. Потом горестно вздохнул: — Как

трудно сохранять чистые руки среди всей этой грязи, дряни и швали!

Сергей зашел в туалет, прикрыл дверь. Судя по всему, палачи не боялись, что он убежит. Скрипнула молния на сумке. И бутылка выплыла наружу. Это было последним средством! Но... Одно "но" — Ира! Он уже дернулся — не оставлять же ее с этими убийцами, с этими подонками! Но потом спохватился — ведь это они, именно ОНИ! Те, о ком говорил зеленый! И пришли Они за Ним! Больше им никто не нужен!

Он сорвал пробку. И начал пить.

Первые глотки давались с трудом. Организм отвергал бормотень. Но потом пошло лучше. И все же, когда бутылка опустела, у Сергея глаза вылезали на лоб. Он весь вспотел, сбросил куртку прямо на унитаз. В голову шарахнуло, да еще как шарахнуло — он чуть не выронил бутылки. Все завертелось, закрутилось вокруг. Явилось огромное плотоядно ухмыляющееся лицо бородатого шамана. Шаман это хитро щурил глаза и все заглядывал Сергею чуть ли не в душу. Потом он вдруг прокартавил: "моодцом, батенька, моодцом! на пгавильном пути, товагищ!" И пропал. Сергей почувствовал, что вот-вот грохнется — никогда он еще не косел так с одной-то бутылки.

— Чегой-то он там прозаседался, — тревожно прозвучало извне. — Может, в дыру ускользнул?

— Ниче, — ответили бодрее, — я его из дыры етой штыком выковыряю! Не усклизнет, убивец!

Сергей вскинул бутылку вверх — она уже была полна. И присосался. Совсем неразборчиво до него донесся сиропный голос:

— Большое дело, товарищи, в перчатках не делают! Надо вынимать приговоренного!

— Ето верно, — заметил один из мутноглазых, — я сразу скумекал, что ен там по большому делу засел. А что перчаток на ем не было, ето точно видал, врать не буду!

И они принялись колотить в дверь.

Сергею показалось, что он сейчас лопнет. Но именно в этот миг голова стала светлеть. Он глотнул еще трижды... и отвел бутылку-генератор, поставил на крышку унитаза.

— Отворяй, зараза!

— Да-с, юноша, ваше последнее желание что-то затянулось!

— На штыки брать надо!!!

Бутылка-генератор вспыхнула, рассыпая мириады искр,

хрустальные соты высветили иные миры, притягивая к себе, маня.

— Выходи, сучара золотопогонная!

— Сейчас, — откликнулся Сергей, — только штаны подтяну!

Сияние залило весь туалет, стены пропали, пол ушел вниз, потолок умчался под облака. Сергей приготовился к неожиданному — вот сейчас высунется лапа, или вопьется в мясо гарпун, или захлестнет цепями... Но ничего такого не произошло.

— Не сработала! — прошипел он и приготовился смачно выругаться.

Но в это время из мрачной сердцевины бутылки-генератора выпучилась тяжелая маслянистая струя, медленно потекла вниз, ударило в нос страшным бормотушным запахом, и не запахом даже, а кошмарной вонью. Струя падала далеко, туда, куда провалился кафельный пол... и оттуда, оттуда поднималось вверх целое море маслянистой жижи, бурлило, вздымалось, ползло. Сергей забрался с ногами на унитаз, на крышку, спихнул бутылку в жижу.

— Надо стрелять! — пропел черный за дверью.

— Стрельнем! — отозвался один из мутноглазых.

Пуля пробила дверь, потом бачок — и из бачка ударила еще одна струя, не менее вонючая и маслянистая. Черная жижка добралась до коленей Сергея, до груди, коснулась подбородка. Он подпрыгнул, пытаясь ухватиться за лампочку. Но сорвался, соскользнул с крышки, ушел с головой в бормотушную жидкость, начал захлебываться, рваться вверх... но чем сильнее он бился, тем сильнее его засасывало в беспросветную жуткую пучину, тем больше жижа проникало в легкие и тем меньше оставалось надежды.

Обезумев от страха, от удушья, от ощущения приближающейся смерти, он рвал на себе рубаху, засовывал пальцы в рот, оттягивал нижнюю челюсть, будто это она мешала вздохнуть, царапал ногтями лицо... кричал, кричал, кричал! Но ни звука не вырывалось из его горла.

Наваждение последнее

*Сколь, веревочка, ни вейся,
А совьешься ты в петлю!*

Вл. В ы с о ц к и й

Дед Кулеха не спал восьмье сутки кряду. Изнемог, изболелся вконец сердцем, намучился... но умирать ему не хотелось. Другой бы в кромешной тьме, зловонной мокряди, смраде давно бы сбился со счету, потерял бы временную нить и сам потерялся. Но дед Кулеха упорно считал часы и минутки, отмеривал срок. Хотя какой там срок! Срока никто не определял. Одно было ясно — расстреливать приводили по ночам. Вот уже восемь партий на тот свет спровадили. А стало быть прошло восемь суток.

Позапрошлой ночью из дыры выполз мертвец. Долго мычал, тянул трясущиеся руки, силился сказать чего-то. Дед Кулеха хотел его спросить. Да мертвец-то помер и взаправду, отмучился — слишком много сил, видать, потратил, чтоб выползти из страшной дыры. Мертвому лучше с мертвыми — дед Кулеха спихнул тело вниз.

Ему бы и самому там лежать. Но восемь суток назад исхитрился, прополз в темнотище под ногами у пьяных палачей, забился в нишу на втором ярусе да замер там, будто куль с овсом. Партия была большая, человек в шестьдесят, стреляли долго, утомились, прочухались, а беглеца-то так и не хватились. Дед Кулеха, матерщин-

ник и безбожник, уверовал в Силы Небесные в единоечасье, взмолил Бога, чтоб не дал Тот ему погибнуть теперь, после чудесного спасения!

Каждый раз, когда сверху доносились глухие шаги, а потом и пьяная ругань, стоны, мольбы, злобное покривание, у деда Кулехи сердце превращалось в загнанного, затравленного сворой борзых зайчонка. Трясущиеся губы нашептывали полузабытые слова молитв, немели. И до того было страшно, что обмирал дед Кулеха, терял чувство верха и низа и казалось ему, что висит он на тонюсенькой ниточке подвешенный, висит над такой пропастью, в которую и заглянуть-то боязно. А потом... потом гремели выстрелы, жутко орали недобитые, визжали раненные, матерились стрелки, добивая тех, кого пуля не брала, рукоятями своих наганов да маузеров. И все это время дед Кулеха падал в пропасть — падал и не мог достичь дна! Ужас падения застил все, и не было муки сравнимой с этим падением.

Палачи уходили протрезвевшие. А иногда и добавляли прямо тут, в подвале. Никогда не закусывали. Дед Кулеха тянул воздух ноздрями и думал гнусную думу: ежели помирать, так за хороший глоток самогонки! И хотелось ему бежать к ним, пасть на колени, взмолить... Но знал, знал дед Кулеха — пришить-то пришьют, а вот глоточка, каты, ни за что не дадут сделать, ух, жлобы поганые! И он не высовывался. Лишь принимался молиться усерднее, сам выдумывал молитвы — и до того страстен был и горяч, что не могло его жгучее, переполненное болью слово не дойти до Господа Бога.

А молил он об одном — чтоб послал ему Господь любую замену, чтоб отвел он от него этот проклятуший и вездесущий карающий меч. Конечно, лучше если б так ослобонил... ну, а нет, так что ж теперь получается: вроде бы он, Кулеха, самый плохой человек на белом Божьем свете, нет, что ли, его грешнее, подлее, ненужнее?! Ведь есть же! Есть наверняка, точно, есть!

День в подземелье был не менее мрачным, чем ночь. Но дед Кулеха знал — это день. И отсыпался! Ночами он о сне не мог даже помыслить, ночами зуб не попадал на зуб. Спал он тяжело, мучимый кошмарами, стонал, вскрикивал, ерзал, потел. А потом просыпался и начинал бить башкой в земляную стену.

— Господи, Иисусе Христе, отведи беду от раба Твоего, — вопил он в голос, ничего не соображая спро-

соня, — не дай погибнуть от руки врагов Твоих, прислужников сатаны! Обереги и защити! Прикрой дланью твоей! Господи!!! Неужто нету у Тебя грешника грешнее?! За что послал испытание лютое рабу Твоему? Пошли замену, Господи-и-и!!!

Бог был глух к мольбам старика. У Него, небось, своих забот хватало. А может, и не считал Он нужным отводить беду от старого матершинника и богохульника, от пьяницы и бродяжки. Неисповедимы пути Господнии!

Полбуханки черняги и шмат сала, уворованный из заготконторы, дед Кулеха съел в первые три дня. Поначалу он экономил, хотел растянуть... не получилось. Зато потом голод сам пропал. Курить хотелось, это да. А вот есть — нисколечко. Пил старик из лужицы — в нише была ямка, вот в ней и скапливалась водица. Пил дед Кулеха, а на губах у него стоял привкус крови, будто прямо из страшной дыры хлебал.

Раз пять он подползал к ступенькам, ведущим наверх. Прислушивался, выжидал. Что-то ему нашептывало, дескать, беги скорее, дед Кулеха, спасайся, вот он выход! Но старик знал, никуда не убежишь — лестница вела в полуподвальные погреба, где раньше хранилось что-то съестное в невероятных количествах, а ныне содержались заложники и прочая контра. С двух сторон длиннющего коридора стояли два охранника с винтовками. Крохотные окошки — все сплошь зарешечены. Да и какие там окошки — руку не просунуть! А потом еще наверх, и еще. А там вообще страсть, начальник на начальнике, и каждый с револьвером. Нет, не убежать!

Лишь единожды дополз дед Кулеха по лестнице к самому выходу. Да как услышал лязг затвора, так и покатился вниз мешком. И чего они там щелкали, чего лязгали!

— Господи, даруй еще хоть день жизни... или нет, уж лучше возьми душу сразу, нет сил боле мучиться, нету-у-у!!!

Дед Кулеха излазил все подземелье — нигде выхода, даже малой лазейки, дырочки, не было. Может, просто не нашел, какая разница! Выход один: вверх, под пули! Или туда — в дыру!

А дыра была бездонной. Стреляли и стреляли, без передышки, без остановки, каждую ночь. Вот уж год как стреляли, дед Кулеха все слышал, все знал, одного не ведал, что попадет сюда. Стреляли, толкали — стреляли,

толкали... а кто и сам падал, не дождавшись выстрела. Вслед ему посылали пулю-другую, но особо не тратились — помрет в дыре, чего изводить боеприпасы, вещь нужную и необходимейшую.

Из дыры несло трупной падалью. Дед Кулеха подползал к краю, заглядывал — да только в таком мраке разве угладишь чего?! Вот звуки иногда доносились, что-то хлюпало, чавкало, охало — может, живой кто, а может, просто трясины кровавая дышала.

— Пошли, Господи, мне смертушку! Или вызволи! Не мучай ты мене доле! — рыдал дед Кулеха.

И наверное долетели обрывки мольб до Всевышнего. Ибо сказано Им было: один раскаявшийся грешник дороже Мне ста праведников. А может, просто так получилось. Но на девятые сутки вылез из дыры еще один мертвец.

— Уйди! Уйди-и-и!!! — заорал на него дед Кулеха. — Рано ишо! Ступай себе!!! Не замай!!!

Но мертвец его и не слушал, и не слышал, видать. Был он страшнее первого — весь с ног до головы в кровище, изодранный весь, избитый, волосенки и хилая боро денка запеклись под черной коркой, глаза ненормальные, вытаращенные, белые... и дышал, как он дышал! Дед Кулеха никогда в жизни своей немалой и многотрудной не видывал, чтоб так дышали! Казалось, вот-вот ребра затрещат, грудь лопнет, а легкие из глотки наружу полезут.

— Уходи к себе!!! — не унимался старик. — Ты мертвяк, тебе с мертвяками жить! Чего к живым лезешь!!!

Он кричал и не думал, что могут услыхать там, наверху, что могут спуститься, обнаружить его и спровадить к “мертвякам”. Нет, ничего этого не боялся дед Кулеха, ничего, кроме жуткого посланца преисподней.

А тот и не думал поворачивать обратно. Отдышавшись, мертвец спросил дурным сиплым голосом:

— Где я?

— В! — выразительно ответил дед Кулеха.

Мертвец скривился, упал лицом в жижу, руки расползлись. И дед Кулеха сразу понял — никакой это не мертвяк, обычный мужик. Небось, прыгнул раньше, чем в него пальнули, вот и выжил!

Старик осмелел, подошел ближе, присел на корточки.

— Ты кто, человече? — спросил он шепотом.

Ответа не последовало. Мужик ползком добрался до стены, долго барахтался возле нее, норовя выбрать место посуше, потом привалился спиной к земляному навалу и тяжело выдохнул.

А дед Кулеха недоумевал. Как же так?! Ежели услышал Господь его мольбы, ежели решил облегчить участь рабу Своему, послал этого грешника на его место, так почему же не вызволил самого Кулеху-то?! И-эх, несправедливость, везде несправедливость! Старик заскрипел остатками зубов, слеза навернулась на дряблую черную щеку. Пропади все пропадом, теперича погибать не одному, а вдвоем!

Он подсел рядом к страшному мужику, пригорюнился.

Но молчал недолго.

— Накрылись мы с тобой, браток, — проговорил он по-стариковски весомо, с несказанной грустью, — лучше б ты и не вылазил отсюда!

Сергей дышал тяжело, с присвистом. Не мог отдышаться. В груди резало и жгло, легкие будто наизнанку вывернули. Рук и ног он вообще не чувствовал. Сидел, привалившись к земляной стене — и не знал, радоваться ли спасению чудесному или проклинать свою судьбину горькую.

В двух метрах сидело какое-то ободранное существо в шапке-ушанке. Существо на что-то жаловалось, бормотало нечто невнятное, всхлипывало, доказывало что-то кому-то. Сергей не понимал слов, хотя он слышал, что существо изъясняется на русском языке. Голова вообще отказывалась принимать все внешнее.

Выкарабкался он поистине чудом. Когда последние пузырьки воздуха вырвались из его груди, когда от беззвучного крика заledenел мозг, и казалось, безумию предсмертному удалось овладеть им, вдруг промелькнуло несуразно-спокойное: “надо прощаться с жизнью, тихо прощаться и без истерики! пускай тело бьется в непереносимых муках, содрогается в предсмертных судорогах, пускай! а Душа должна быть безучастна, спокойна! Она должна смотреть на все сверху, лишь созерцать эти биения — созерцать, подчиняясь Воле, недоступной и всеопределяющей! только так!



Это был очень короткий миг просветления. Но сознание не успело смеркнуться. И душа не успела покинуть тело. Сергей вдруг вырвался на поверхность. В последней отчаянной попытке организм его, помимо воли, помимо хотения владельца своего, изверг целый фонтан кроваво-красной бормотени. Потом еще один! И еще! В легкие словно десяток ножей воткнули... но они сделали свое дело, Сергей вдохнул — и сразу в голове прочистилось, сразу он обрел зрение. Но лучше его бы и не обрести, ибо увиденное не радовало.

Лишь инстинкт самосохранения заставлял Сергея бороться за жизнь, он вел его. А вокруг... вокруг была спокойная и вязкая бормотушная гладь, целое море, океан разливанный! Посреди этого океана стоял остров, до него еще надо было плыть. Сергей не мог рассмотреть острова толком. Но он другое рассмотрел достаточно хорошо — надо всем этим морем-окияном нависали исполинские мрачные своды. Не могло быть такого! Не могло быть столь гигантских пещерных сводов! Но они были! Они зримо и весомо давили, они были реальнее и осязаемее небесного обычного свода.

Сергей барахтался на поверхности, борясь за жизнь, боясь хоть на миг, на долю мига опять погрузиться в ужасную пучину. Он чувствовал, что силы понемногу возвращаются в тело. Но плыть еще не мог, лишь удерживался на одном месте, прочищал легкие.

— О-ох! — раздалось вдруг сзади.

Сергей обернулся. Метрах в семи от него из бормотушной глади торчала чья-то бритая голова — лицо было залито клейкой и густой жижей, лишь черной дырой зиял на нем рот. Воздух со свистом врывался в эту дыру и с хрипом вырывался обратно.

Сергей отвернулся. Но тут же почти рядом с ним из бормотени высунулась рука, потом еще одна. Руки были скрючены, и они тянулись вверх, будто пытаясь уцепиться за что-то, потом опять пропадали на время и снова высывались.

— О-ох! О-о-ох! О-ох! — стало раздаваться со всех сторон.

— У-о-о-ох!!! Ох!!!

Сергей не успевал головой вертеть — десятки, сотни голов, рук, спин появлялись над поверхностью разливанного моря. Казалось, из самого ада вырывались мучимые там грешники, тянулись вверх, пытались спастись, вы-

браться из кровавой трясины. Но та их не отпускала, засасывала в себя, проглатывала. Многие скрывались уже навечно — лишь пузырьки воздуха, разрывающие мутную пленочку, напоминали — тут недавно была чья-то голова, руки... Все пространство под исполинским каменным куполом заполнилось стонами, вздохами, бессвязными воплями.

Что-то скользкое и холодное дотронулось до Сергея, ухватило за ногу, потянуло вниз. Он дернулся, высвободился. И почти сразу рядом с ним, вплотную, всплыл бритый человек. Сергей увидал сначала только спину, затылок, плечи. И он уже вытянул руку, чтобы отпихнуть незнакомца от себя. Но тот поднял голову — и прямо в глаза Сергею уставились кровавые мутные бельма, дохнуло смертным смрадом из раззявленной черной дыры. Липкие ладони легли Сергею на плечи, надавили. Но он сбросил их, отплыл подальше. С ужасом наблюдая, как захлебывается это непонятное бритое существо, как оно борется с кровавой жижей и как та всасывает существо обратно. Наконец бритый погрузился совсем, даже скрюченная рука его ушла в жижу, ушла, сжимаясь и разжимаясь судорожно, словно пытаясь уцепиться за воздух.

— У-о-ох!!! А-а-ах!!

Страшней всего были эти вздохи и выдохи, от них несло чем-то нечеловеческим, жутким. И Сергей не стал выжидать, он поплыл к острову.

В тягучей липкой бормотени плыть было невыносимо тяжело, каждый метр давался с трудом. Но Сергей плыл. Он не хотел опять погружаться в этот жидкий ад.

Сотни, тысячи бритых тянулись к острову. Каждый плыл как умел: одни саженками, другие по-собачьи перебирая руками, третьи кролем, четвертые и вовсе безо всяких намеков на технику. И чувствовалось, что эти трупы или полутрупы неистово и страстно желают продлить свое существование, что они готовы до последнего издыхания бороться за каждую минутку, секундочку бытия. Многие топили друг друга, взбирались на плечи, погружая несчастного в жижу, карабкались по спинам, наступали на головы, некоторым удавалось даже почти вырваться из жижи. Но сверкнув в мрачном воздухе мокрым обгаренным бормотенью телом, они тут же погружались в море, лишь пузыри вырывались на поверхность. Кто-то тонул сам, без всякой помощи извне.

Сергей старался держаться подальше от бритых, но не всегда это удавалось. Временами и его хватали за ноги, цеплялись за плечи, давили на спину. Но он увертывался, выскальзывал, не давая даже временной поддержки — пусть сами выкарабкиваются, пусть сами плывут, он не плот!

Остров вырастал прямо на глазах. Это был какой-то неестественный, ненормальный остров. Его будто слепили из той же загустевшей бормотени. Сергей видел крутые скользкие берега обрыва, видел плоскую площадку наверху. И еще он видел, как пытаются выбраться первые из подплывших к острову. Они изо всех сил цеплялись за болотистые берега, карабкались вверх, тянулись, рвались... но соскальзывали, уходили с головами в жижу. Даже смотреть на такое было страшно. Ледяной неприступной горой возвышался остров над морем-окияном!

Кто-то забился в судорогах совсем рядом, пошел ко дну, обдавая всех вокруг брызгами. Одна из них попала Сергею на губу, он облизнулся — и вдруг почувствовал, что это вовсе не бормотень, что это кровь, настоящая густая, пропитанная бормотушными запахами кровь. Его чуть не вывернуло наизнанку. Но наверное уже нечем было выворачивать. Хочешь, не хочешь, а по кроваво-бормотушному морю приходилось плыть.

Подплыв ближе, он, не щадя пальцев и ногтей, со всей силы ударил руками в слизистый багровый ил обрыва. Пальцы погрузились глубоко. Но тут же что-то там внутри зачмокало, зачавкало, вытолкнуло пальцы обратно — и он сорвался вниз, прямо на подплывающих бритых. Оттолкнулся ногами от холодных скользких тел, снова погрузил пальцы в ил. Полез наверх.

Это была пытка. Каждый сантиметр давался с боем. Но Сергей полз и полз. Четырежды он срывался, соскальзывал, погружался с головой в кровавую жижу. И всякий раз ужас захлестывал его. Он выныривал. И опять лез.

На пятый раз он дотянулся рукой до плоской площадки уступа, вцепился в край. Но в это время кто-то ухватил его за ногу, за щиколотку. И он опять полетел вниз — полетел спиной, размахивая руками и ногами, крича, разбрызгивая красную пузырящуюся слюну.

Он долго отдышал, держась на поверхности, стараясь не попадаться под руки бритым, ускальзывая от них.

Потом полез снова. На этот раз он сам вцепился в чью-то тощую лодыжку, рванул на себя. И этого рывка хватило: несчастный полетел вниз, а он забросил обе руки на край площадки, подтянулся... Все! Он был наверху!

Он сидел посреди этого слизистого утеса и захлебывался от нервного плача. Все было позади! И все еще было впереди! Бритые из кровавой жижи тыкали в него пальцами, охали, стонали, сопели шумно. Они явно завидовали ему, они готовы были на все, лишь бы забраться наверх... но они мешали друг другу, топили один другого.

Кроваво-бормотушная гладь была бескрайней. Только теперь Сергей смог оценить по достоинству это море-окиян, эту безграничную адскую равнину, из которой торчали уже не сотни и тысячи, а миллионы, сотни миллионов голов, спин, рук. Руки эти тянулись вверх, к каменному, такому надежному на вид своду. Да только до этого каменного неба было не меньше тысячи метров, а то и больше.

— Хы-ы-ы, х-ы-ы!!! — прокатилось вдруг над сводами.

Сергею показалось, что этот звук родился в его голове и лишь потом вырвался наружу. Он с силой сдавил уши. Не помогло. Тогда он взглянул вверх — в туманном, зыбком мареве над кровавым океаном, над миллионами голов нависала огромная и расплывающаяся дьявольская харя. Была она злобна, глумлива и сладострастна. Хыканье вырывалось из оскаленной кривой пасти — вырывалась утробно, глухо, но столько в нем было довольства, ублаженности, что казалось оно не просто обоснованно, но и вполне заслуженно, отработано. Острые глаза с прищуром обозревали страшную картину, и из глаз этих сочилось нескрываемое презрение к жалким бритым людишкам, борющимся за свои жалкие и ненужные жизни.

— Хы-ы-ы!!! Хы-ы-ы-ы-ы!!!

Все уханья, оханья, восклицания, вопли слились неожиданно в единый гулкий вздох ужаса — будто смертоносный ураган промчался над кровавой гладью. И все смолкло. Дьявольская харя исчезла.

И все словно по команде ринулись на остров. Теперь это походило на штурм. Тысячи голых людей лезли наверх, падали, но не долетали до поверхности кровавого

моря, опускались на чьи-то спины, головы и снова начинали восхождение. В край площадки цеплялись десятки рук. Тысячи пальцев указывали на Сергея. Похоже, бритые не собирались прощать ему то, что он оказался первым, они собирались расправиться с ним.

Бежать было некуда. Сергей испуганно озирался, сжимал и разжимал кулаки — он был готов к драке. Но он понимал, что ему не сладить со всеми.

И вот тогда что-то хлюпнуло под ногами. Потом еще. Он опустился на колени, стал ковырять этот кровавый податливый ил. И вдруг провалился в него — провалился с руками и ногами, будто прорвал какую-то пленку, проломил дверь, и оказался в скользком узком лазе. Его понесло вниз, ударяя головой о холодные стены, переворачивая, бросая то влево, то вправо, то вообще черт-те куда. Это было нелепо, дико... Но он летел вниз. Потом он упал на чьи-то тела, в вонючую жижу, потом полз наверх. Полз, задыхаясь и снова соскальзывая, срываясь. Кто-то полз рядом с ним, стонал, тяжело дышал. Но потом упал и затих. А он выбрался.

Да, он выбрался и сидел теперь, опираясь спиной на земляную стену, прислушиваясь к себе и не прислушиваясь к стенаниям бормочущего и всхлипывающего существа. В голове крутилось одно: ушел! ушел!! ушел!!! И это было главным! Он ушел от своих палачей, от профессионалов! А там — будь что будет!

— Ты хоть что за человек такой? — спросило существо в шапке. — Отвечай, кады спрашивают! И на вот, оботрися!

На руку опустилось что-то белое, мягкое, чистое. Сергей сжал пальцы, поднес тряпицу к лицу, долго оттирался, отдирая корочки засохшей крови, расчесывая пятерней волосы. Особенно трудно было прочистить глаза — бормотушно-кровяная смесь въелась в кожу, слиплась, каждое движение причиняло боль.

И все-таки Сергей ответил:

— Я с Земли!

Существо, оказавшееся маленьким сморщенным старичком в драном зипунишке и валенках, разгладило десяток седых волосков на подбородке и верхней губе, вздохнуло тяжко.

— Оно и видать, умом тронулся! С земли вон — червяк али крот какой... а ты, паря, из-под земли! Ну да ладноть! Не хочешь сказывать, не надо!

Сергей все понял. Он на Земле, а значит, и говорить, будто с Земли, здесь глупо, за чокнутого сочтут. Хотя пускай принимают, главное, его выбросило не куда-нибудь, а сюда, на родимую Землю, а уж на ней-то он не пропадет!

— Меня зовут Сергей, — представился он.

— Серенька, стало быть? Та-ак! — обрадовался старик. — А мене все Кулехой кличут. Вот и ты зови за просто — дед Кулеха.

Сергей усмехнулся. Надо было понемногу выведывать у деда Кулехи про все. Но и сплеховать он боялся.

— Хороший подвальчик, — процедил сквозь сжатые зубы.

— Подпол знатный! — согласился дед Кулеха.

— Тут ведь выход где-то был, запомятовал, а то и два целых выхода, — попробовал закинуть удочку Сергей.

— Ишь ты какой, запомятовал он! — с готовностью отозвался старик. — Вот придуть вскорости стреляльщики-то наши, они те живо напомнят! И-эх, паря! Нету нам выхода, обложены мы хуже волков! Иль и вправду ты про все позабыл?!

— Про что про все? — переспросил Сергей.

Дед сдвинул ушанку набекрень, почесал затылок.

— А как спымали тебя, контру, как расстреливали тута, как сам сунулся в дыру — ниче не упомнишь, что ль?!

— Расстреливали? — удивился Сергей. — Впрочем, да, было!

Ему вспомнилась сцена на кухне, винтовочные дула, поднимающиеся на уровень его глаз, прищуренный взгляд черного. Его и на самом деле расстреливали, только вот не расстреляли.

— Ниче, — успокоил старик, будто читая мысли, — придуть и достреляют! В етом ты, паря, не сумлевайся.

— А чего ж делать?

— Прятаться, вот чего! — многозначительно сообщил дед Кулеха. — У нас с тобой, паря, другого путя нетути!

Сергей начинал смутно представлять обстановку. Да, они в подвале, там, наверху, их стражи — кто, выяснится позже, главное, опять он узник! опять с ним могут вытворять, что вздумается палачам-мучителям! Ну что за круговерть такая! Что за проклятый “замкнутый

цикл"! Хотя бы зеленый, падла, высунулся из какой-нибудь щели!

Но зеленый ниоткуда не высовывался. Похоже, ему и впрямь надоело опекать грубого и бестолкового землянина, отраженное существо... А может, он и виною всему?! Сергей не знал. Ему почему-то вдруг вспомнилось, что в том самом списке оставалась еще одна фамилия в квадратике, последняя. Но что это была за фамилия? Кому она принадлежала?! Память не давала ответа. Он перестал слушать надоедливое старика, забыл о своих теперешних болях и горестях, отрешился. Загадка завладела им, да так завладела, что помыслилось — ежели удастся ее разгадать, узнать ту последнюю фамилию, так все и разрешится самым лучшим образом! Сергей помнил, как он собственной рукой ее вписывал на лист, помнил, как обводил жирной линией, как квадратик этот вычерчивал... но большего не всплывало.

— Ты че, оглох, паря? — дед Кулеха ткнул его кулачком в бок. — Иль опять помирать вздумал?!

Сергей улыбнулся старику машинально. В мозгу бешено наколачивало: кто он?! кто?! кто?! Пришлось заново перебирать всех друзей и знакомых, сослуживцев и однокашников — каждая фамилия укладывалась в отведенный для нее квадратик. Но последний оставался пустым!

И в тот момент, когда раздражение начало захлестывать его черной едкой волной, вдруг просверкнул странный ответ: а фамилия-то твоя собственная! ты по инерции, машинально ее вписал, а потом и забыл, так и осталось. Нет! Не может быть! Сергей отмахнулся от нелепой страшной мысли. Там должен был быть кто-то совсем другой, только не он, точно — не он!

— Ты, паря, потише граблями-та размахивай! — проскрипело на ухо.

— Простите, — буркнул Сергей. Он вовсе не хотел ссориться с товарищем по несчастью. Наоборот, надо было использовать его на полную катушку, выжать все полезное, нужное. И Сергей отбросил посторонние мысли.

— Значит, они приводят расстреливать заключенных по ночам и большими партиями? — переспросил он.

— Точнехонько! — поддакнул старик.

— И назад уже никого не уводят из приговоренных?

— Да чтой-то не было такого случая!

— Это хреново! — выдал Сергей.

— А как же, еще как хреново! — вздохнул дед Кулеха.

— И нигде ни единой лазейки, ни дырочки наружу?

— Как есть — нигде нету! — путанно ответил дед.

— Чего ж теперь, помирать нам, что ли? — не сдавался Сергей.

— То-то и дело, что помирать! Куды ж ишо!

Такая перспектива не устраивала Сергея. Даже после всех пережитых ужасов, после всего, что обрушилось на него в последние месяцы, он хотел жить! Вопреки всему! Назло всем!

— А чего вообще-то народ губят? — спросил он с тоской.

— Не народ, — пояснил старик с расстановкой, — гидру выводят, подчистую!

— Какую еще гидру?!

— Это ты у них, паря, спросишь. Сказано — гидру, значит, гидру — как класс! То исть, по нашему разумению, до двенадцатого колена! Жил при царе-кровопивце — становиться к стенке! И без разговоров! Ето чтоб с проклятым прошлым — раз и навсегда! Да ты не горюй, у их работенки ишо лет на сто вперед! У нас ведь, почитай, все православные при царе-то батюшке жили, а чего ж не жить-то, помирать им, что ль, надо было! Жили ишо как! В етой чумной Америке лет через двести так жить-то будут!

— Ладно, ясно! — оборвал старика Сергей. Он не любил, когда лезли в политику. Стреляют, значит, так надо, значит, и следует стрелять — душу-то все одно не расстреляешь, будь ты хоть палачом с двадцатью орденами, будь хоть по уши в крови — ты ручонки-то свои обагрил, тело искорежил, бросил в яму, а Душа она сверху на тебя глядит и болезнует за тебя, ибо ей — вечная жизнь, а тебе — яма зловонная со всеми твоими орденами и регалиями, со всеми кожанками и маузерами, со звездами и прочей мишурой.

— Ясно тебе, охломону! — недовольно проворчал дед Кулеха. — Тоды сам и предлагай, чего делать-то!

Сергей думал не слишком долго — какой-никакой, а опыт у него был — из дешевеньких фильмов и книжек с детективными сюжетами — и потому он ответил твердо:

— Вот дождемся ночи, приложим кого-нибудь из охраны, переоденемся в ихнее и вылезем!

Дед Кулеха поглядел на него с состраданием, как на больных глядят. И ничего не сказал.

Сергей сообразил, что сморозил глупость. Но ничего более путного в башку не лезло.

— Ладно, — выдавил он, — ночи дождемся, там видно будет.

И заснул. Он страшно вымотался, ему нужен был маленький отдых.

Приснился Сергею дикарь, первобытный шаман. Был страшен он и здоров до невероятия. Гугукал, бубукал, прыгал над головою с огромным бубном, наколачивал в него со всей силы, бесновался, шаманствовал. И казалось Сергею, что это вовсе не один дикарь, не один шаман, а целый симпозиум, конгресс шаманов, беснующихся над ним. Лицо волосатого радостного здоровяка мельтешило, перескакивало с места на место как в плохом мультфильме — и вставало видение: кольцеобразный стол, посреди, на полу, сам Сергей, а вокруг ученое собрание шаманов, эдакий шаманский кворум — ни больше ни меньше. Вот оно — Большое Камлание, вот он — слет заклинателей формул! И уже были все двойники шамана не голые и увешанные побрякушками, а респектабельные и одетые в хорошие дорогие костюмы. А у самого респектабельного шамана, одетого в самый хороший и дорогой костюм, занавешенного от публики толстенными роговыми очками, из заколки, придерживающей галстук, торчал зуб Сергея — да, да, тот самый, выданный грязными грубыми пальцами дикаря. Странно, казалось бы. Но Сергей глядел и совсем не удивлялся. Он уже знал, какое решение вынесут на Большом Конгрессе, на Симпозиуме Заклинателей. Шаманы в галстуках камлали долго и обстоятельно, Сергей их не слушал — он и во сне умудрился впасть в сон, хорошенечко выспаться. А когда проснулся, самый большой и самый респектабельный шаман зачитывал приговор. Приговор был нудный и скушный, он состоял из длиннющей полубессвязной цепи наворованных у других народов и наций слов — шаманы умели напустить дыму — но за словами этими стояло совсем коротенькое и понятное словечко: зависть. И еще одно стояло: нетерпение, точнее, нетерпимость. И еще одно, немного посложнее, но тоже вполне доходчивое: страх! Да, именно страх перед разоблачением — вот что двигало шаманами. Они боялись, что их раскусят! Они так боялись это-

го, что готовы были уничтожить все и вся вокруг, лишь бы никто их не заподозрил. Сама возможность разоблачения была для них смертельной угрозой, шаманы знали, что это почти невероятно, что они тысячекратно подстрахованы со всех сторон и тем не менее они раскидывали сети, расставляли ловушки и капканы — авось попадется кто-то из сомневающихся, из тех, в чьей среде только и может произрасти пускай в самом отдаленном будущем разоблачитель. Нет, они не могли допустить этого, они пропалывали поле заранее, они истребляли все, что несло для них опасность, что могло поколебать их власть. Ах, сорняком больше, сорняком меньше! Сергей лежал. И плевать он хотел на заклинателей-магов. Пускай приговаривают! И когда прозвучали заключительные слова "... к единственно возможной для пациента исключительной мере!", он рассмеялся. Большой шаман, как и был, в костюме, в галстуке, с заколкой-зубом, вскочил на кольцевой стол с ногами и принялся скакать, прыгать, гугукать и бубукать. Вот только бубна у него в руках не оказалось. И тогда один из шаманов поменьше сорвал со стены огромный портрет, написанный на холсте, подал с поклоном Большому шаману... и тот ударил! Да так звонко и гулко получилось, будто ударил в огромный тамтам. Вот это было камлание! Век прошел, нет, тысячелетие! А Большая Пляска заклинателей не кончалась. Уже полетали с ученых мужей их добротные штаны и пиджаки, отутюженные сорочки и галстуки, улетели в даль туманную ботиночки. И трясли они волосатыми жирными животами, прыгали, обливаясь потом, вопили и обрастали, обрастали шерстью, матерели, зверели на глазах, становились все ближе к своей природе, к своей подлинной сущности. Это было забавно. Сергей поглядывал на беснующихся, улыбался. Они боялись его. Но он их — нет. Наконец все малые и средние шаманы и шаманчики слились, а может, и влились в Большого шамана, превратились в переводикаря с портретом-бубном. На последнем издыхании, давась собственной слюной и пеной, дикарь взвыл на тончайшей ноте, закатил глаза, бухнул в портрет-бубен и начал падать. И этот бубен развернулся наконец к Сергею ликом своим. И тогда только тот разобрал, кто же был там увековечен. Круглое, скуластое по-азиатски, лицо будто высывалось из холстины, и глядели прямо в душу узенькие глазки с хитрова-

тым прищуром, глядели столь проникновенно и мудро, что впору было их лучами чай подслащивать. Вот тут-то Сергей и не выдержал, тут-то он и сломался, закричал, задержался в ужасе, облился холодным потом... и проснулся.

Дед Кулеха гладил его по плечу и приговаривал:

— Не бойсь, милай, не бойсь! Вот мне тоже однава сам вельзевул адский привиделся во сне. Чуть не помер со страху! Но ниче, отпустило, отпустило, паря!

Для Сергея сейчас лицо с портрета было пострашнее всех вельзевулов вместе взятых. Это было как наваждение! Это было больше чем предчувствие собственного конца! Теперь он точно знал — это его последнее путешествие, все! А в ушах стоял картавый отечески добрый голосок, как бы напутствовавший, благословлявший, звучавший из души, из самого сердца: “мы не должны знать жалости, товагищи! р-р-растгеливайте! р-р-растгеливайте и р-р-растгеливайте! чем больше, товагищи, тем лучше!” И вместе с этими словами проваливались в небытие, в детские забавные сны все камлающие шаманы-теоретики, все инквизиторы-практики, все эти жертвоприносители во имя всевозможных пернатых змеев и дымящихся зеркал — да, как это все было экзотично, сказочно, романтично, черт возьми! И как все просто оказалось в реальности! Бери и губи души! Сгубил тысячу — орден, две — два ордена, главное, больше, как можно больше, чем больше, тем лучше!!!

— Ты че, паря, свихнулся, что ль?! — недоумевал дед Кулеха. — Че с тобою?!

— Да ниче! — огрызнулся Сергей. — Чую, кранты мне! Конец! Ты, может, и выберешься! А я — нет!

Старик заерзал, захлюпал носом.

— Ты ето, — проговорил он супясь, — ты себя-то не хорони, успеется еще. Побарахтайся малость, паря!

Сергей рассмеялся прямо в лицо старику. Смех был совсем не веселым, даже страшным.

— А куда ж деваться, дед Кулеха, — сказал он, глядя прямо в мутненькие глазки, — побарахтаемся, побарахтаемся еще.

Ночью пригнали человек полтора, насилу втиснули в подземелье. Всех уложили лицом в грязь. Подымали десятками. Подымали, заставляли раздеваться догола,

подталкивали к краю дыры и стреляли. Кому в затылок, кому в спину, отдельным смельчакам в грудь или в лицо. На верхних ступеньках лестницы сидел корявый малый с мастыркой в зубах и “максимом” у ног — ежели кто вздумает трепыхнуться во время выполнения ответственного задания, враз покосит! Но кому там было трепыхаться! Сергей сидел за семь метров, сидел, плотно вжавшись в земляную нишу, он видел, все видел — и мужчины, и женщины были до такой степени истерзаны, замучены, избиты, что они и на ногах-то еле держались, цеплялись друг за дружку, падали, куда им бунтовать!

Да, видно, главное происходило там, наверху, в камерах!

Колченогий коротышка увязывал сброшенное шмотье в тюки, подавал корявому, а тот выпихивал за железную дверцу. Если чего звенело или гремело, сразу пересыпали в карманы. Но мало у кого были с собой ценности, деньги — выгребали еще там, наверху.

Сергей скрежетал зубами, в голове у него все мутилось. А дед Кулеха чуть придерживал его своей сморщенной лапкой, подносил палец к губам. Одно неосторожное движение — и получишь пулю, лети в яму вверх ногами!

Какой-то тип в кожанке и полосатых штанцах выволок из очередного десятка субтильную голенькую дамочку, поволок прямо к нише. Сергей замер. Дед Кулеха и глаза прикрыл. Но тип не заметил их впотьмах, он прислонил дамочку к стенке, рассупонился, икнул и принялся молча, сосредоточенно насиловать упиравшуюся поначалу дамочку. Работал он деловито, распространяя на десять метров вокруг матерый чесночно-самогонный перегар. Дамочка взвизгивала, охала и все время лестииво пристанывала:

— Ах, какой мужчина! Какой мужчина!!! Вы ведь не тронете меня теперь, после всего? Ведь нет? Ах, какой мужчина!

Был бы у Сергея револьвер, он бы одним выстрелом уложил обоих, в спину, наповал!

— Ах, какой... Вы ведь не убьете меня? Не будете стрелять в меня?! Ах, какой вы могучий и дерзкий, ах!!!

— Ня буду я в тя стрелить, уговорила! — просипел тип, закончив дело.

Он тщательно застегнулся, расправил плечи, потом

подхватил голенькую дамочку на руки, прошел с ней к дыре и бросил свою ношу прямо вниз.

— Не-е-е-ет!!! — донеслось из неведомых глубин. — Не-е-е-е-ет!!!

— Как это нет,— просипел тип, — не нет, а да!!! У нас с мировой контрой один разговор! И никаких послаблений классовому врагу!!! Ясно, едрит вашу переедрит!!!

Какой-то офицерик, молоденький и тощенький, с рыженькой полоской усов на верхней губе ринулся было на палачей своих. Но затарахтел “максим“, и офицерик упал. Рядом с ним упало еще человек восемь.

Тип в кожанке ткнул пальцем в двоих, рыгнул пьяно.

— Отволочь трупы паразитов в дыру, едрена! Живо! За расторопность вы у мене последними в расход пойдете!

Пока отволакивали трупы к дыре, исполнители успели раздавить четверть с мутно-белесым содержимым.

— Вот черти! Вот иксплуататоры трудового люда! — шепотом сокрушался дед Кулеха. — Пьют! Ведь в натуре самогонку пьют! А я уж девятый ден пощуся!!!

Сергей зажимал ему рот и сам матерился — но мысленно.

Потом опять стреляли — долго и нудно. Разлеталась крупными брызгами кровь, кричали жертвы, хлюпало и чавкало под сапогами. Шла обыденная, повседневная работа.

У Сергея ноги затекли, он и стоять-то больше не мог. Голова раскалывалась, в спину будто кол осиновый вбили — и не нечистая сила вроде, а хребтом этот кол чуял.

После восьмого десятка исполнители опять пили. Пили и ругали приговоренных. Потом начали палить. В подземелье от смрада и пороховых газов дышать нечем было. Половина оставшихся лежала без сознания в кровавой жиже, другая жалась к стенам, сидела на корточках, дрожала — это были живые трупы, их уже убили однажды — там, наверху, а теперь привели убивать во второй раз, и потому многим было не так страшно.

Трижды исполнители то поодиночке, то тройками, приходили мочиться. И Сергей все выбирал момент — сейчас, вот сейчас! он прыгнет на этого жирного гада во френче с чужого плеча, сломает ему шейные позвонки,

придавит без звука, накинёт на себя френч, фуражку... и наверх, наверх! Пока разберутся что к чему, он сомнет корявого у “максима”, выскочит за дверь... А там — была ни была!

Но всякий раз его что-то останавливало. То ли духу не хватало, то ли и впрямь не та раскладка раскладывалась.

— У мене патроны кончились! — пожаловался колченогий.

— Ты, сука, не сачкуй, не перекладай на других работенку-то! — взъярился тип в кожанке. — Лупи гнид по башке! Баб можешь и так пихать, ети не выскочут, силенок не хватит!

Колченогий стал “лупить” рукоятью в затылок. Судя по гулким и глухим ударам, всхрипам и хлюпам, у него получалось все преотлично.

Сергея тошнило. Но желудок его, кишки, пищевод были пусты, безнадежно пусты. Он слизывал языком воду со стен. Но утолить жажды не мог, пить хотелось страшно. Да и какая это вода была, это выступала на сводах растворенная в воздухе кровь, конденсировалась, сочилась будто из самой земли-матушки.

— Все, Филя! Завязывай! Изработались! — пьяно выдал наконец тип в кожанке. — Остатних секи из пулемета! С етими гидрами по-благородному никак нельзя, Филя!

— Заело чегой-то! — отозвался Филя.

Дед Кулеха нутром чуял, что приبلудный мужичок подведет его, подставит. Ох, не Господом он послан, не Господом! Совсем другой силой! Кулеха молился — но молился про себя, просил только о себе! Он восемь ночей продержался, и в девятую его Силы Небесные оберегут, не дадут на расправу. Но вот на приبلудного надежды не было. Шаткий мужичишка! И-ех, Серенька!

Сегодня каты что-то много пили. Деду Кулехе было невмоготу — хучь глоточек бы, хучь полизать-то! Нет, стой и сопи себе в две дырочки на тверезую башку! Ох, тяжело!

Часто ходили отливать. А один, по самый конец, тот, что в френче да фуражке, приперся в угол по большому делу, уселся, раскорячился, надулся...

Кулеха не успел и за рукав ухватить приبلудного —

тот соколом вырвался из ниши, обрушился всем телом на сидящего. Только хрустнуло что-то, треснуло, хлопнуло... и все!

— Моня! Засранец хренов! Че застрял-то?! — позвали от дыры. — Щя допивать станем, смотри!!!

— У-у-гггу-у-у!!! — отозвался невнятно приبلудный не своим басом.

А сам-то сдирал френч, напяливал фуражку, стаскивал сапоги — дед Кулеха все видел, все! И-эх, погубит, ни за что погубит приبلудный! Сердчишко у старика дрожало заячьим хвостом, ноги подкашивались.

— Моня-я!!! Едрена канитель! Мотри, не оставим!!!

Исполнители были в дымину пьяные. Голоса их стали дурными и бабьими, как с недельного перепою. Дед Кулеха мелко-мелко крестился, закрывал глаза — он не хотел видеть таких страстей, чего же будет-то?!

— А-айй!!! — вскрикнул вдруг кто-то от дырищи. — Мать вашу-у-у-у...

На секунду воцарилось молчание. Потом другой выдохнул проникновенно:

— А Семен-то наш, сучонок хренов, дармодед косопущий, в дыру сверзился, оскользнулся!

И еще немного помолчали.

Потом басок выдал:

— Помянем же, товарищи, друга и бойца с мировой конторой! Ну! Вздогнули! Несгибаемый был борец, матерый человечеще!

Дед Кулеха осторожно приоткрыл один глаз. И увидел, как приبلудный Серенька, обряженный во френч и фуражку, подымается по лестнице. Вот он на первой ступеньке, вот на пятой...

— Куды, Моня?! — заволновался корявый Филя-пулеметчик.

Удар был настолько мощным, что Филя взлетел в воздух, обрушился всем своим корявым телом на типа в кожанке, сбил с ног. И тут же грянул пулемет.

Когда дед Кулеха в следующий раз приоткрыл глаза, все исполнители валялись в кровавой жиже на земле. Позы их были страшны и непристойны, так могли валяться дохлые шакалы, но не люди. Дед Кулеха вышел из ниши, подошел ближе и плюнул в катов.

На верхней площадке лестницы никого не было. Только дверь тихонько поскрипывала. Дед Кулеха преодолел страх, поднялся, потянул дверцу на себя.

Сергей вихрем вырвался наверх. Первого охранника он сбил ударом в челюсть. Второй из дальнего конца за-плеванного и загаженного коридора успел выстрелить — пуля сбита фуражку. Еще раз нажать на спусковой крюк охранничек не смог — Сергей впечатал ему каблук в брюхо, а когда тот падал, напрочь перебил шею — теперь не постреляет.

— Караул, в ружье!!! — завопил кто-то из-за стены визгливым перепуганным голосом.

Черная вертлявая тень шмыгнула в переходах и растворилась. Заключенные колотили в дверь изнутри, орали, гудели. Но Сергею было не до них. Да и кто они такие, чего от них ждать — Сергей не знал. Он выскочил на широкую мраморную лестницу, сбив с ног еще троих попавшихся навстречу. Все трое были хлипкими юнцами с длинными птичьими шеями и наивно выпученными черными глазками. Все трое полегли молча, видно, так и не поняв толком, что происходит.

— Караул, в ружье-е-е!!! — заполошно вопил сам Сергей.

И ему подтягивали, начинали орать на все голоса. Контора была большая, одних черных кожанок не счесть, и это не считая прочего служивого люда.

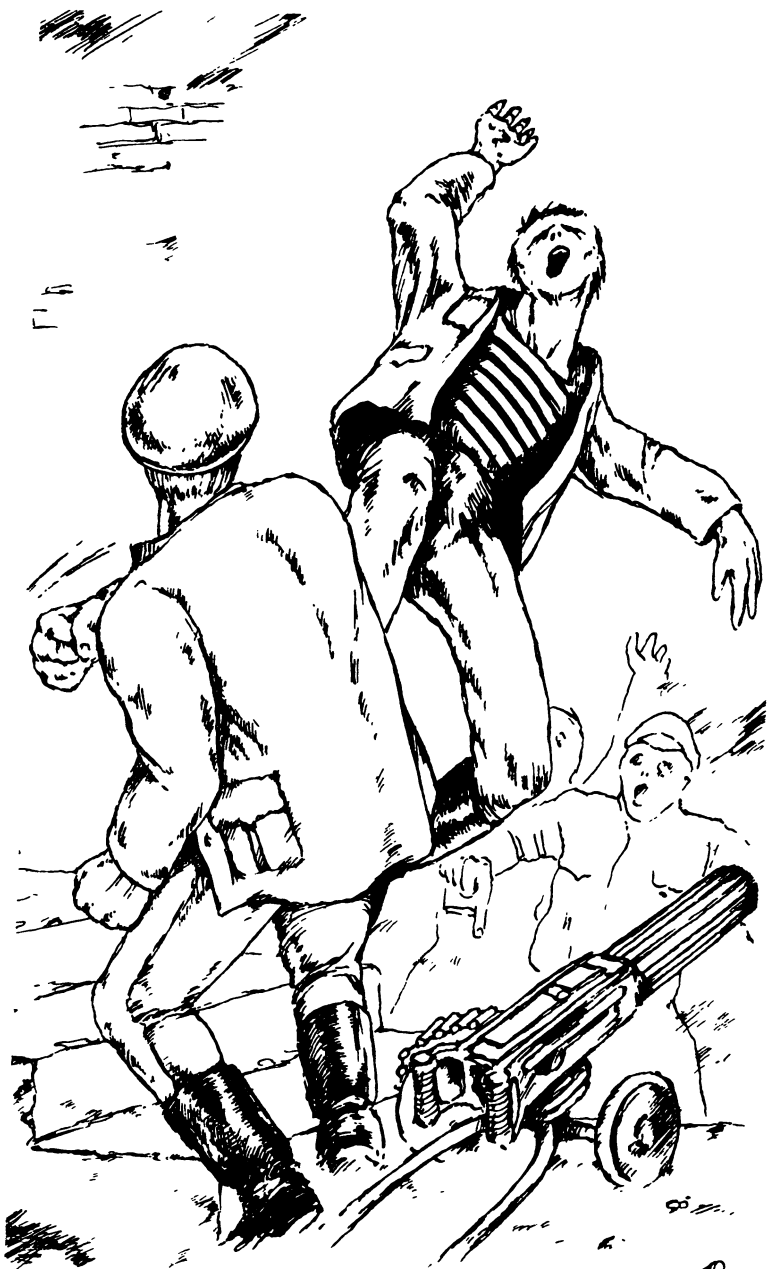
Перекрывая все вопли и призывы обороняться от неведомого врага, из черного четырехгранного рупора несло оглушающе:

Но от тайги до британских морей
Красная армия всех сильней!!!
Так — тра-та-та-та-та!!!
Та-та-та-пам-пам!!!

Сергей выскочил на улицу. Часовой — высоченный русский парень с прозрачно-бессмысленными глазами — недоумевающе поглядел на него, стал вытаскивать руку из кармана шинели. На улице была весна. Солнце отражалось в грязных лужах, распевали суетные птицы. Четверо молодцев сидело на корточках чуть поодаль. Все курили, поднося сигарки ко рту как по команде. Сергей не разбирался в тонкостях, но по лицам понял — интернационалисты, скорее всего, венгры, может и австрийцы.

Пока часовой раздумывал, интернационалисты встали, сунули в рот сигарки, вынули и сделали шаг к Сергею — приближались они тоже, словно по команде.

— Разорву к едрене фене! — заорал Сергей во всю



глотку и театрально вздел руки, ничего более умного ему не пришло в голову. — Ложись, сучары!!!

Интернационалисты также слаженно пали ниц, они явно не жаждали быть разорванными. Верзила стоял и раздумывал. Сергей ткнул его в грудь, вырвал винтовку. Прыгнул вперед — не промахнулся: хребет первого интернационалиста хрустнул под его сапогами. Винтовочный штык пронзил спину второго. Третий с четвертым не поднимали голов, они в основном любили расстреливать безоружных и потому просто не знали, как себя вести в данной обстановке. Русский парень все так и стоял столбом.

— Лежать!!! — крикнул Сергей для надежности.

И дал деру. Это было единственным, что ему оставалось сделать.

— Держи контру! Хватай гада!!! — доносилось в спину. Это высказывали из здания опомнившиеся юнцы с птичьими шеями. Но бежать вслед они побаивались — наверное, караул так и не поднялся “в ружье”. А без него юнцам с наивными глазками лезть на рожон не с руки было. Ходить по городу без сопровождения отборной и многочисленной охраны они не рисковали, всего год их власть в городе держалась, могли и не приветить.

Дед Кулеха под шумок преспокойненько выбрался сначала из подземелья, потом из темницы. Он мышкой шмыгнул в одну из боковых комнатшек здания. И выпрыгнул в окошко. Там его прихватили, встряхнули, отобрали шапку и валенки. А потом, набив морду и выдрав последние седые волоски из бороденки, сунули в камеру. Законность восторжествовала.

— Изверги! — выругался вслед ушедшим старик. И выплюнул наземь выбитый зуб — последний свой зуб.

В камере по углам да вдоль стен, прямо на полу, сидело человек семь или восемь, дед Кулеха после света не разобрал.

— И-ех, Господи! — выкрикнул он, грозя кулаком низкому грязному потолку. — За что караешь?! Уже от чужих отличить не можешь, и-ех, ты-ы!!!

Монах, сидящий под зарешеченным крошечным окошком, цыкнул на старика. И тот успокоился.

Через час принесли с полковой кухни ведро помоев, сверху плавал смачный плевок в зеленых разводах.

— А это вам соус от комиссара! — съязвил выводящий. И хлопнул дверью.

Ведро опустошили за две минуты. Деду Кулехе досталось совсем чуток — три черпачка жижицы, только что жажду утолить.

— Авось не помрем с голодухи-то! — стоически произнес он.

— Это точно, — согласился монах, — кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Кроме монаха в камере порядочных людей не было. Дед Кулеха это определил сразу, а у него глаз точный был. Сидела всякая непонятная шантропа — три нищих с площади, спившийся учитель, два пролетария, опоздавшие к началу смены, и еще какие-то непонятные типы. Явной контры вроде и не наблюдалось, ежели не считать того же монаха, непонятно каким чудом уцелевшего.

— Ты чай не православный, браток? — поинтересовался дед у черноризца. — Чай какой-нито ненашенской веры?

— Чего вдруг? — обиделся монах, заерзал.

— А того, — пояснил старик, — вот гляжу я и думаю, не стрельнули тебя как врага народа, не в прорубя не сунули, это ж как понимать-то?! Нашенских навроде всех посовали да постреляли! У их строго с етим!

— Значит, час не вышел, — философски заметил монах, — еще стрельнут, не бойсь. Вот прорубей шас нету, весна... тут уж не обессудь.

Дед Кулеха не слышал ответа. Он уже посапывал вовсю — устал за прошедшие-то деньки и ночки, притомился.

Разбудил его под вечер жуткий лязг. Дверь в камеру распахнулась — и два охранника прикладами вбили внутрь кого-то.

— Крест Господень! Едрена оказия! — вырвалось у старика поневоле, от прилива чувств.

Видывал он битых и контуженных, раненых и калеченных. Но такое впервой увидал! На приведенном мужике живого места не было — казалось, какой-то великан и силач взял в одну руку огромную терку, а в другую этого мужичка, да и построгол его хорошенько как морковку. Все, торчащее из-под лохмотьев, голова, лицо, руки, ноги, грудь, было изрезано, исколото, разодра-

но, разбито. Кровь капала на пол, скатывалась в пыльные шарики.

— Бог ты мой, Серенька! — всплеснул ручонками дед Кулеха. — Отзовися, ты ли это?!

Мужик просипел чего-то и рухнул замертво на пол.

Сергей верил в свою удачу. А та, видно, отказалась от него. Да и была ли она когда-нибудь “своей”?! Его прихватил патруль на выходе из города. Прихватили, а пропуск, который лежал в кармане френча, вбили в рот вместе с зубами.

Это потом уже он вытащил двумя пальцами обрывки из-за щеки, запрятал под ремень. Хотели расстрелять на месте. Да однорукий матрос с косой челкой вдруг засомневался.

— Не-е, братва, тут чего-то не тае, у меня глаз верняк! Этот павлин не нашего поля ягода. Шлепнуть-то проще простого! — он сдвинул бескозырку на глаза и всмотрелся неожиданно зоркими глазами в Сергея. — Эта гадина офицерских кровей! Из нее жилы драть, а не шлепать, понимаешь, по-людски! Мы ее спровадим, куда надо!

Сергею не дали и рта раскрыть.

— Пошел, золотопогонная шваль! — ткнули в спину прикладом, коленом под зад.

И он пошел, куда ж еще деваться.

В большем кабинете, который раньше, видать, был гостинной, а то и бальной залой, за огромным резным столом сидел изможденный бледный человек с вытянутым лошадиным лицом и колючими глазками. Впрочем, глаза его Сергей увидал позже. Когда его ввели, усадили на стул, завязали сзади руки, прикрутили проволокой к ножкам стула ноги, изможденный глаз не поднимал. Он их поднял, когда все вышли. И Сергей по одному взгляду догадался — этот жалеть не станет.

— Гдэ прятать винтовка? — спросил изможденный тусклым голосом.

— Какие у меня винтовки, нету ничего, это недоразумение, — проямлил Сергей.

— Склад? Винтовка?! Патроны?! — отрывисто выдал изможденный.

В мозгу с феерической одержимостью, в ритмах неистовых латино-американских плясок замельтешило

прежнее: “патроны — эскадроны! патроны — эскадроны! патроны...”

— Отвечать!

— Вы меня не за того принимаете! — выпалил Сергей.

И получил в зубы.

Изможденный берег свои руки, он бил не кулаком, а дубинкой — короткой, непонятно из чего сотворенной, обмотанной черной тряпицей.

— Гдэ прятать винтовка?!

— Нету винтовка! — закричал Сергей. — Понимаешь, винтовка нету! Я тебе русским языком говорю!!!

— Нэ понимай! — скривился изможденный. — Отвечать! Гдэ прятать винтовка?!

В руке у изможденного появилась карта. Сергей вгляделся — судя по всему, это была карта города. Изможденный тыкал ею в лицо и на ломанном русском требовал указать, где склад с винтовками и прочими боеприпасами. Сергей начал подозревать, что этот дошлый следователь и на самом деле ни черта не понимал кроме трех-четырех нужных ему слов.

— Отвечать!!! — ревел он белугой. И бил дубинкой по голове, рукам, животу, спине. — Гдэ винтовка?!

— Нету! Ничего нету!!! — Сергей уже рыдал, он не мог сдержаться. — Было бы — все отдал, понимаешь, все-е-е!!!

— Нэ понимай!

И все начиналось сначала.

Через полтора часа Сергею начало казаться, что он сходит с ума, что так вообще не может быть в реальности. Но изможденный только входил в раж. Вытянутое его лошадиное лицо наливалось красками, оживало. Град ударов сыпался на допрашиваемого. Толку было маловато.

Еще через полчаса в кабинет вошел низенький пузаток в кожане. Он положил на стол перед изможденным какую-то бумагу. Потом пристально вгляделся в Сергея, просто пронизывая его острым взглядом прищуренных глаз. У того мурашки по коже побежали — ну почему у них у всех одинаковый взгляд, почему?! ведь это взгляд заведомого палача на заведомую жертву, неужто они абсолютно уверены в своей непогрешимости, в своем праве судить, казнить, пытать?! Это было страшной неразрешимой загадкой. Не могло быть на белом свете, среди

людей созданных по Образу и Подобию, таких вот существ, просто не могло. Они пришли из иного мира, их породила иная вселенная, не иначе! Сергей прикрыл глаза.

— Ну что, мерзавец, — процедил пузанок, шевеля змеистыми бровями, — упорствуешь?! Пользуешься, гад, тем, что товарищ Генрих ни бельмеса на местных диалектах не сечет, так?! Думаешь, обдурить нас?! А ты знаешь, контра ползучая, отрыжка старого мира, что товарищ Генрих двадцать лет на царских каторгах просидел?!

— Мог бы за двадцать лет-то и подучить немного язык, — вставил Сергей.

Били его вдвоем, били долго. Он больше не рыдал, не просил отпустить. В нем проснулось что-то непонятное, такое, чего прежде не было почти, что приходило иногда, но позже уходило.

А когда они кончили его бить, Сергей с трудом разлепил заплывшие глаза, посмотрел снизу на обоих. И просипел с вызовом:

— Не хреново, небось, сиделось, коль двадцать лет просидел! У вас столько не просидишь.

И опять его били. Методично, умело, неторопливо, но очень больно. Трижды отливали водой. И опять начинали бить. Потом утомились. И изможденный взялся за свое.

— Гдэ винтовка?! — спросил он, будто ничего не было, будто допрос только начинался.

— Да пошел ты на хер, ублюдок вшивый, палач! Ни черта я тебе не скажу, хоть кожу сдирай! — заявил Сергей и в четвертый раз провалился в небытие.

Он уже не чувствовал и не знал, что с ним делали дальше. А было так — два молчаливых китайца хлестали его плетями, думали привести в сознание, но ничего не вышло. Тогда его снова обливали водой. Потом кололи иглами, прижигали ногти спичками. Наконец изможденному надоело тратить время попусту и он приказал покорным и исполнительным китайцам отнести тело в камеру.

Они выполнили приказ.

Перед черной мрачной дверью Сергей опамятовался, уперся руками в косяк. С ним не стали церемониться, прикладами китайцы работали неплохо.

— Точняк, профессионалы, — пролепетал Сергей,

падая на замызганный пол. Ему казалось, что он еще продолжает старую беседу с зеленым гадом, с наставничком — видно, дубинка подействовала на его мозги, да и немудрено!

— Главное, душу не вышибли, — успокоил его старичок, — а остальное образуется, спи, Серенька!

Обитатели камеры с любопытством поглядывали на новичка. Но не пытались чего бы то ни было предпринять. Лишь монах с треском выдрал из-под своей рясы большой клочок белой материи и принялся обматывать голову Сергею. Тот не сопротивлялся и не помогал. Он был безучастен. И только когда пальцы монаха ненароком причинили ему острейшую боль, заорал вдруг не своим голосом, блажным криком заорал:

— Гдэ винтовка?! Гдэ винтовка-а-а!!!

Один из нищих отполз подальше и впервые за все время подал голос.

— Сбрэндил сердешный, — сказал он, — выбили умишко-то!

— Ниче он не сбрэндил! Это сам ты сбрэндил! — вступился за мученика дед Кулеха. — Вот двину щас по рылу!

— Уж и сказать нельзя, — обиделся нищий и отполз еще дальше, хотя он был втрое больше и жирнее старика-бродяжки.

До Сергея его собственный крик долетел эхом, словно он отразился от сырых тюремных стен и вернулся к хозяину. Точно, сбрэндил, подумалось ему, и немудрено! Раны, ушибы, порезы вдруг перестали причинять боль, тело онемело, стало чужим — словно полведа новокаина вкололи. Сергей попробовал пошевелить рукою — та подчинилась, согнулась в локте, потом поднялась. Но он ее не чувствовал, совсем не чувствовал. И это было странным, такого с ним еще не бывало. Видать, пришла такая пора, когда нервные окончания уже не могли передавать болевые ощущения в мозг, а скорее всего сам мозг уже отказывался принимать сигналы, он был пересыщен, забит болью и ужасом до предела. А вместе с болевыми ощущениями он отказывался принимать и все прочие ощущения, свойственные здоровому телу. Ну и пусть!

Сергей привалился спиной к стене, замер. Монах перестал его мучить, ушел под свое окошко. Дед Кулеха тихонько сопел рядом. На улице смеркалось, и оттого в

камере становилось все темнее. Сергей сидел и не мог закрыть глаз. Он и рад был бы сейчас провалиться в забытие, отрешиться, да только не мог. Навалилась бессонница — тело спало в онемении и застылости, а мозг бодрствовал, не желал уходить во тьму.

— Были б косточки, — подал голос дед Кулеха, — а мясо-то нарастет, не печалуйся, паря.

— Врешь, старик! — проговорил монах со своего места. — Ничего у вас уже не нарастет, нечего сказки рассказывать. Надо к смерти готовиться. Надо чтоб душа чистой отошла в мир иной, просветленной. Надо простить врагам своим и самим покаяться. Нечего перед Богом-то лукавить!

— Сам врешь! — заупрямился дед Кулеха. — Ты, может, и отойдешь! А других не стражай! Вывернемся!

— Не тебе говорю, ты — безбожник! Какой с тобой разговор! Другие поймут, услышат! Чего плоть-то жалеть? Плоть — это грязь, присохшая к душе! Плоть — глина, из земли рождена, в землю и уйдет. А душа в выси небесные поднимется, соединится с Тем, кто вдохнул ее в глину эту, позабудет про земные горести. Вот тогда только и начнется жизнь-то, и покажется сверху все мелким и суетным, и не вспомнится даже о страданиях глины этой, будто и не было ничего...

— Тут я с тобою не согласный, — встрял старик и засопел пуще прежнего, — тут ты промашку даешь — все верно, все. Но тока не позабудется ниче, отольются-то слезоньки наши катам, в адском пламени, на сковородах да в чанах с кипящим маслицем отольются!

Монах вздохнул тяжело.

— Вот потому-то ты должен их простить, раб Божий! — сказал он. — Им мучиться вековечно! А ты лишь малую толику примешь пред новой жизнью-то! Простить надо и покаяться.

Жирный нищий откинул капюшон, и Сергею показалось, что он его видал где-то, слишком уж знакомая харя была — толстая, волосатая, губастая. Голос жирного прозвучал грубо и надменно:

— Ты тута свободных граждан республики рабами не обзывай! Кончилось рабство-то! Теперя не старопрежние времена пошли! Не позволю при себе людишек унижать. Мы не рабы! Рабы не мы!

Орал он во всю глотку, и Сергей сообразил — рабо-

тает на охранников, думает, передадут кому надо, те оценят лояльность да и выпустят.

— Дурак ты, человек! — ответил монах глухо. — Дурак и холуй! Нет свободнее того, кто сам о себе, с полным пониманием скажет — раб Божий! Ибо говоря так, он дает понять, что лишь Богу он служит, лишь Бога над собою ставит. Все остальные — и цари, и вельможи, и комиссары, и палачи — лишь творения Божьи, ни в чем не могущие подняться над ним, рабом Божиим! Все сотворены равными! А не признающий над собою Бога, признает над собой власть иного человека, его рабом становится. Вот и подумай, кто из нас свободнее и кто из нас не раб на деле!

— Опиум! Все это опиум!!! — заверещал жирный.

— Заткнися! — не выдержал дед Кулеха. — Холуй!

— Опиу-у-ум!!!

Сергей смотрел на все как через толстое и мутное стекло. А в глаза словно распялки вставили, не опускались веки — и хоть ты вой!

— Тыщу лет народ в страхе держали! — вопил нищий. — Тыщу лет измывались, попы проклятые! Тока теперь конец! Крышка вам! Теперя все кресты с ваших мракобесных церквух посшибали! А где не сшибли, еще посшибают! И правильно! Так и надо!

— А кто креста боится, знаешь? — тихо спросил монах.

— Ну кто? — опешил от неожиданности жирный.

— Нечистая сила!

— Охрана-а-а!!! — истерически завизжал жирный и бросился к двери.

Открыли сразу. И жирный полетел на пол — открывший мастерски уложил его. Потом поинтересовался:

— Ну чего тут?

Жирный подполз на корачках к двери, холуйски заглянул в лицо охраннику, ткнул пальцем назад, за спину, ткнул, не глядя.

— Вон тот, мракобес в сутане, контрреволюционную, понимаешь, пропаганду разводит, мутит людишек! Сбивает с путей истинных!

— Это вас, что ль? — саркастически поинтересовался охранник. Но тут же посерьезнел.

Из-за его фигуры выдвинулся человек в черном и спросил по-деловому:

— Который мутит?

— Вон, поп проклятуший!

Черный без лишних слов достал наган и выстрелил в монаха.

— Убрать! — приказал он.

И охранник выволок за ноги мертвое тело из камеры. Дверь захлопнулась.

— Ироды! — проскрипел дед Кулеха. Он плакал. Плакал, не стесняясь никого.

Сергей молчал. Он вглядывался в жирного нищего, опять забившегося в угол. И все больше убеждался, что никакой это не нищий, что это самый натуральный отец Григорио, изменщик, отступник, предатель! Вон — и бородавка на носу точно такая же, противная, набрякшая, и губы, и нос сам, и сросшиеся брови.

— Ты же в ад собирався, чего ж застрял на полпути! — задал вопрос Сергей, но вопрос этот прозвучал без вопросительных ноток, прозвучал обвинением.

— Куды надать, туды и попал! — ответил за жирного отца Григорио дед Кулеха.

— Я его спрашиваю! — настоял на своем Сергей.

— Отвяжись, контра ползучая! — выдал отец Григорио. — Вы тут все отрыжки царского режима!

— А ты?

— А я — по случайности!

— Ошибочка, значит, вышла?

— Ошибка!

— И зеленый ошибся?

При упоминании зеленого жирный отец Григорио затрясся, шумно испортил воздух. Слюнявая губа у него отвисла. Но из горла неожиданно вырвался сип:

— Ты, инкуб, вообще помалкивай. Вот сообщу куда следует, тебя живо приструнят, видал, как с монашком разделились?!

Сергей вздохнул облегченно — да, он не ошибся, это был именно отец Григорио, инквизитор и вероотступник. И попал именно туда, куда ему нужно было попасть, куда напрашивался. Другое дело, что не ту роль ему тут отвели... но это пускай уже с зеленым объясняется.

Если раньше отец Григорио выглядел важным, хмурым и угрюмым, то сейчас вид у него был напуганный и, как верно подметил невинно убиенный, холуйский, холопий. Массивная голова уже не казалась головой мыслителя, она казалась уродливым чаном.

Сергей вспомнил про пропуск, вытащил его из-под



ремня, поднес к глазам. Даже в такой темнотище он сумел разобрать: “ПРОПУСК. Предъявителю разрешается проход по городу в ночное время с двадцати четырех ноль-ноль до шести ноль-ноль. Комиссар...” Подпись была неразборчивой. Сергей сунул бумажку обратно — все, она ему уже не пригодится! И опять уставился на жирного нищего.

Но теперь это был не отец Григорио, а “дохтур” Григорий — белесый, обрюзгший, противный.

— На какие расстройства жалуемся? — спросил “дохтур” с нескрываемой злобой. — Чего удалить прикажете?! — И полез за пазуху.

— Ты че это, паря?! — заволновался вдруг дед Кулеха.

Оба проснувшихся пролетария поддержали его.

— Не замай калеку! — промычал один.

— Я его щя самого уделаю! И удалю кой-чего! — заверил “дохтура” и окружающих другой.

Ребятки были явно крутые и пролетариями только числились. Связываться с ними не стоило. И жирный Григорий зарыдал в голос, размазывая слезы по дряблым щекам.

— Он сам все! Он у меня с операционного стола сбежал! — ныл “дохтур”. — Это ж опаснейший больной! Ну дозвоьте только, дозвоьте! — Он все еще порывался вытащить из-за пазухи нечто большое и посверкивающее. Но пролетарии показывали ему кулаки, и “дохтур” оставлял инструмент на месте.

Наконец жирный Григорий затих.

А Сергей, наблюдая за обитателями камеры через существующее только для него толстое стекло, размышлял. Нет, он не боялся ни отца Григорио, ни жирного “дохтура”, ни прочих, включая и черного с наганом. Он думал. Думал о “замкнутом цикле”, и о том, что не ему одному приходится вертеться в этой сатанинской круговерти, что этот самый “замкнутый цикл” затягивает в себя множество людей, а иногда и целые народы, страны, континенты, планеты, и уже трудно отличить, кто сам по себе крутится, а кто подчиняясь невидимым силам. Сейчас бы зеленого сюда, он бы живо растолковал что к чему. Сергей задрал голову вверх, к потолку. И ему показалось, что из сырой черноты высунулись два мутных глаза на стебельках, поглядели на него рассеянно и скрылись.

— Вы не волнуйтесь, любезнейший, — прогнусавило в ушах, — наши люди сделают все наилучшим образом!

Сергей заволновался, заерзал. Но никакого зеленого в камере не было, ему просто померещилось. Он повернул голову влево. И вздрогнул. Жирный обманщик Григорий к нему со сверкающим во тьме коловоротом в руках. Оставалось совсем немного — обрызганный “дохтур” уже плотоядно облизывался.

Сергей замер. Перехватило горло. Сердце остановилось.

Но в это время дед Кулеха ловко вытянул свою хилую босую ножку — и “дохтур” Григорий со страшной силой навернулся. Коловорот полетел из рук на пол, звякнул, застыл.

— А-а-а-а!!! — завизжал упавший и тут же принялся оправдываться: — Это просто необходимо! Маленькая трепанация черепа, совсем малюсенькая!!! Пациенту требуется немедленное вскрытие!!!

— Я вот те щя самому в башке дырку просверлю! — пообещал “дохтуру” один из пролетариев.

— Нет уж, тут нельзя откладывать! Промедление смерти подобно! — сказал другой.

Он встал, вразвалку, блатной походочкой, глубоко запихнув лапы в карманы, подошел к жирному Григорию и врезал ему ногой в бок, потом еще раз. “Дохтур”, понимая, что с ним не шутят, помалкивал, только сопел. Встал и другой пролетарий, стал помогать приятелю. Они били лженищего сосредоточенно, мастеровито. Но никто не вступался. Даже сердобольной дед Кулеха покряхтывал, кашлял, вздыхал натужно, но молчал.

Теперь Сергей окончательно убедился, что никакие это не пролетарии, а самые обычные блатари, и что бьют они жирного Григория не из чувства справедливости, защищая его, а просто ради собственного удовольствия.

— Добавь-ка ему слева! — советовал один.

— Щя! — соглашался другой. И его башмак утопал в жирной и дряблой щеке.

Рук из карманов они не вынимали. И вообще, казалось, что эта парочка просто танцует над поверженным, столь грациозны и ритмичны были ее движения.

— Хвати-и-ит!!! — выкрикнул Сергей.

Стекло, отделяющее от мира, становилось все толще. Но это не меняло дела, не отгораживало его ни на ка-

пельку, лишь затуманивало мозг, лишало рассудок ясности.

— Чего это вдруг — хватит? — миролюбиво спросил один из блатарей. — Мы ж тока во вкус входим! Мы ж сами дохтура, а ентот жирдяй — наш пациент! Все для его тока пользы! А слабонервных просим выйти из помещения! Последнее предложение прозвучало издевкой — куда выйдешь из камеры! Сергей заскрипел невыбитыми зубами. И тут на него снова навалилась боль. Болело все тело, сверху до низу, и с низу доверху. Приходилось терпеть, тут аспирина и компрессов не предложат.

— Вот так пациенту, вот так! — приговаривал один.

— И эдак тоже! — добавлял второй.

Жирный пациент помалкивал, вращал глазищами и прямо на виду превращался из “дохтура” Григория в прежнего угрюмого и хмурого отца Григорию. Да и с блатарями-пролетариями происходило нечто странное. Они менялись на глазах — один все уменьшался в размерах, другой напротив, рос, тянулся головой к потолку.

Это бред, подумалось Сергею, это все видится в бреду! Такого не может быть на самом деле, отшибли, сволочи, мозги! Ему вспомнилась почему-то родная московская подземка — весь этот город под городом, мир под миром, прибежище воров, убийц, проститок, извращенцев, алкашей, безумцев... И его потянуло туда, повлекло, ах, если оказаться снова там, в родном подземелье. Хотя и бывал-то за последние два года всего несколько раз в этом “родимом” подземелье, а все ж тянуло почему-то. Да, тянуло! Сергей вдруг поймал себя на том, что про подземку, населенную ублюдками, он вспомнил случайно, потому и потянуло. С таким же успехом он мог вспомнить и сумашедший дом отца Григория, и пирамиду тольтеков под ужасающей статуей полуживого, дышащего и извергающего фонтаны крови Кецалькоатля, и шалаш дикаря, и подвалы Гардиза, и пыточное кресло, и даже невидимую паутину Колодца Смерти, невидимую в ослепительно сияющем бесконечном пространстве... Все казалось родным, близким — не раздумывая, он перенесся бы в любое из этих мест, все лучше, все чище! Да, везде была надежда, везде было лучше! Он готов был бежать куда угодно, лишь бы бежать! Но бутылки-генератора с сатанинским зельем у него под руками не было, как сбежишь?! Да и где она теперь, эта бутылка с этикеткой ядерного пойла “солнцедара”?! Может,

и нигде? Может, раскололась при падении с унитаза? Или же утонула в зловонном красном болоте? А может, ее и вообще не было, может, все пригрезилось?! Нет, ему не дано никуда сбежать! Он не сможет этого сделать... Сергей вдруг почувствовал, что то новое, проникшее в него во время допроса, творимого товарищем Генрихом, все больше и больше подчиняет его себе. Да, он уже не хотел никуда бежать. Он не имел права сбежать! Он должен был остаться здесь до конца, до самого распоследнего конца, все вынести, все вытерпеть! Только это очистит его от всей скверны, налипшей за последние месяцы и за всю предыдущую жизнь, от той липкой мерзостной грязи, той дряни, которой буквально пропитан этот мир, из которой сотворен не только лишь гнусный и подлый зеленый наставничек, но и все эти омерзительные григории, белые и черные, гинги, шаманы, инквизиторы, палачи-любители и палачи-профессионалы, стражи-каратели и жрецы-исполнители... Он останется среди них. Но их грязь, их мерзость и подлость не прилипнут к нему, нет! Пускай он сам подлец, пускай подонок, сволочь, жлоб, негодяй, трус жалкий, гнусный бабник, скотина, недоумок, мерзавец, поганец, гад! Пускай вся жизнь его была сплошной грязью, целым водопадом грязи и гнуса, пускай! Пускай он вытирал ноги о других, и другие вытирали ноги об него, пускай! Пускай он распространял вокруг себя зловоние, смрад, пускай место его в выгребной яме! Но теперь все не так, теперь все иначе! И он больше не позволит упасть на свое очищенное страданиями тело даже капельке грязи! Нет, не позволит! Они смогут убить его, и убьют! Но они не испачкают его своей грязью, нет!

— Ты бредишь, что ль, паря? — поинтересовался дед Кулеха.

— Брежу, — покорно ответил Сергей.

Избиваемый Григорио-Григорий превратился в мешок с перемолотыми костями. Но все молчал, кусал губы и молчал. Блатари не останавливались. Они неузнаваемо изменились... Нет! Почему неузнаваемо?! Сергей взгляделся — точно, один стал совсем маленьким, чуть не карликом! Второй вытянулся под потолок, несмотря на то, что колени его были согнуты, да и спина больше походила на дугу.

— Остановитесь же! — закричал Сергей, превозмогая боль.

Низенький хмырь-блатарь сверкнул неожиданно золотой фиксой из гнилозубого рта, ухмыльнулся.

— Щя, падла, остановимся! — прохрипел он. — Вот добьем паскудину, остановимся, передохнем малость, и за тебя, сучару, примемся!

— А что делать прикажете, почтенный? — протянул уныло длинный хмырь. — Надо. Понимаете, надо!

Его выпученные глазища вдруг выпучились еще больше, вытянулись из глазниц на длинных морщинистых зеленых стеблях, стали совсем мутными, бессмысленными. С носа упала на пол зеленая капля... но не скатилась в пыльный шарик, а сама подползла к ноге длинного и влилась в нее.

— Зеленый?! — удивился Сергей. — Инопланетянин?!

— Вечно вы все путаете, — обреченно выдохнул длинный. И его унылый нос-сосиска совсем обвис. Губа отвисла, потекли желтые слюни. — Ваш куратор уже давным-давно сдал ваше дело в архив. Да вы не беспокойтесь, там все в порядке — дело закончено. А последнюю точку исполнители поставят, не переживайте.

— Ага, тока я ему, падле, допрежь рыло-то еще начищу! — пригрозил хмырь-карлик. — Он у меня всюю нервную систему, сука, на ... себе намотал, всеи жилы повытягивал!

Длинный хмырь долго глядел на карлика. Даже остановился, перестал мутузить псевдонищего Григория-Григио. А потом плаксиво изрек:

— А чего с ним связываться, чего труп-то пинать?! Ну его к лешему. Это ж отражение!

— Чаво?!

— Да ничаво! Отражение это! Не человек, не гуманоид и вообще ничто, пузырь мыльный, паучок в паутинке!

— Эй, кончай бредить! — заорал дед Кулеха прямо на ухо Сергею. — Ты чего, паря?! Кончай!!!

Сергей отшатнулся.

— Сами вы отражения! — закричал он. — Это вас нет! А я есть! И мир мой есть! И Вселенная моя есть!

Он вскочил на ноги, прыгнул на длинного, ухватил его за нос-сосиску, ухватил цепко, всей рукой, и так долбанул головой о каменную стену, что хмырь охнул и прикрыл свои мутные красные глазки.



CHB

— Убивают!!! Убивают!!! — Хмырь-карлик орал так, будто был исполином.

Сергей повернулся к нему. Перед глазами сверкнуло длинное хищно изогнутое лезвие финкаря. Еле увернулся. Карлик взмахнул второй раз, ощерился. Но теперь он имел дело уже не с прежним Сергеем, а с совсем другим, с новым. И этот новый Сергей, не отпрыгнул, не дернулся, не упал... Он перехватил хищное лезвие голой рукой, сжал пальцы, рванул на себя — и нож вылетел из лапы хмыря.

— Не-е-ет!!! — завизжал хмырь.

— Да! — твердо произнес Сергей.

Первым ударом он перебил напрочь торчащую из-под майки хмыря ключицу, вторым — сломал хребет. Ногой отшвырнул к стене трепещущее тело. Для пущей надежности с маху раздробил каблуком переносицу длинному хмырю. И только тогда вернулся к стене, тяжело привалился к ней, затрясся в нервной трясучке.

— Нехорошо, — мрачно пробурчал дед Кулеха, — так христиане разве ж поступают? Нехорошо! Душегуб ты!

Сергей никак не мог отдышаться. И все же он обнял деда, прижал к себе.

— Не душегуб я, дедушка, не душегуб, — прошептал на ухо, тяжело сопя, — нету в этих тварях души! И не было никогда! Это не люди! И даже не глина, в которую еще хоть что-то можно вдохнуть. Это гинги! Бездушные твари! Отражения! Призраки! Они вообще не из нашего мира! Они из чужой... нет, они из Чуждой Вселенной, они из Преисподней, дед ты мой Кулеха! Не жалея их!

Останки длинного и карлика шипели, скручивались, свертывались, пузырились и исчезали. Инквизитор, он же “дохтур“, лежал мешком и не шевелился.

— Бредишь ты, паря! — тяжело вздохнул старик. — Всее времечко бредишь! Нельзя ведь так-то!

Сергей подтянул колени к животу. Прикрыл глаза. Стекло, отделявшее его от мира, пропало. Его уже давно не было. Но мир от этого не менялся.

— Ну, — проговорил он медленно, — кто там у нас на очереди? Или со всеми разобрались?!

— Примолкни ты, не накликай нечистую! — испугался дед.

Но два других нищих, до того лежавшие молчком,

притворявшиеся спящими, встали. И одним движением, будто братья-близнецы, откинули грубые черные накидки.

— Ах, вот как?! — изумился Сергей.

Перед ним стояли дикарь и клювастый. Каким образом они могли оказаться вместе, в этой смрадной камере, было уму непостижимо. Видать, и впрямь не врал зеленый — все миры в Пространстве перекрестные, с любым из обитателей миров этих можно встретиться в любом месте, там, где перекресточек вдруг образуется.

— Чего надо? — грубо спросил Сергей.

Клювастый ощерился и вытянул вперед когтистые страшные лапы. Дикарь вытащил из-за спины дубину. И слаженно, будто та самая четверка интернационалистов, они бросились на жертву. Но они не знали одного — никакой жертвы не было!

Два тонких пальца погрузились глубоко в глаза, в череп дикаря. Хрустнул и разлетелся на две половины жуткий клюв.

— Матерь Божья! — изумленно выдохнул дед Кулеха. И перекрестил нечистую силу.

Шаман с палачом, не дождавшись следующих ударов от своей несостоявшейся жертвы, начали растворяться в воздухе. Да, эта нечистая сила боялась Креста.

— Куда?!

Сергей вытянул руку, ухватил дикаря за ожерелье, за связку бус-амулетов. Рванул. Дикарь с клювастым исчезли. Сергей стоял посреди камеры и сжимал в руке красный дорогой галстук с красивой заколкой. Из заколки торчал зуб.

— Что это? — Сергей выронил галстук, заколка треснула, зуб выкатился, застыл в грязи.

Сергей подобрал его — да, это был именно тот зуб, его! Он хотел было поднести зуб ко рту, приладить к десне, хотя бы попробовать... но дед Кулеха махнул рукой, остановил.

— Брось, паря, — проговорил он с нажимом, — прошлое разви ж возвратнешь? Нет, не воротишь!

Сергей кинул зуб в пыль. Отвернулся.

— И все-таки ты бредишь, милай! — заверил дед Кулеха. И приложил руку ко лбу Сергея.

Именно в этот момент тот вдруг почувствовал, что и еще одно какое-то странное и толстенное стекло, сто-

ящее перед его глазами, рассыпалось, разлетелось на мельчайшие кусочки. Будто лопнула какая-то преграда!

И все разом изменилось.

Сергей даже ударился затылком о стену. Камера, прежде почти пустынная, тихая, была забита до отказа всевозможным людом. Везде сидели, лежали, стояли мужчины, женщины, дети, старики — один на одном, одна на другой, тесно, вплотную, будто сельди в бочке. Камера была наполнена стонами, сипом, хрипом, гулом, ужасающими запахами. Это было воистину страшно! Десятки избитых, измученных, голодных, обескровленных людей не могли ни присесть толком, ни прилечь. Они задыхались, теряли сознание, тянулись куда-то вверх, но падали... и не могли упасть. Казалось, это одно, тысячерукое, тысяченое, тысячеголовое изможденное, покрытое синяками, ранами кровоточащими, ссадинами и нарывами тело — тело непонятного многоликого существа, именуемого народ.

— Прочухался! — просипело в ухо голосом деда Куле-
лехи.

Сергей хотел ответить. Но раздался скрип открываемых дверей и пьяный крик:

— Сто голов! Выходь!!!

Сергей еще не понимал, что происходит. Он пытался приподняться. Не получалось. Из камеры прикладами выгнали в коридор почти половину. Стало свободнее. Немного воздуха проникло из-за дверей — и это было как глоток чистого кислорода, у Сергея даже голова закружилась от такого обилия воздуха.

— Стрелять повели, — грустно подытожил дед Куле-
ха.

— Но за что?! — встрепнулся Сергей.

— Как это — за что? Заложники!

Сергей прикрыл глаза. Как наяву перед его мысленным взором встал листок с квадратиками. И теперь Сергей четко увидал — в последнем была заключена словно в плоской клетке именно его фамилия. Ну и пусть! Он уже знал это, пусть! Листок пропал.

Надо бежать! Надо бежать! В мозгу стучала одна тяжелая мысль. Но куда бежать? Как? Сергей отмахивался от прилипучей мысли. Никуда он больше не побежит! Все! Хватит!

На следующую ночь увели оставшихся. Люди вы-
ползали из камеры тенями, многих несли, поддержи-

вали. Никто не боялся смерти. Каждый знал, что его ожидает. И каждый знал, что в его собственной смерти есть его собственная вина, ведь все можно было предотвратить, можно было стать на пути непреодолимой людской преградой, остановить мутный поток, да и какой там поток, это потом поток, а по началу — мутный ручеек. Но не встали, не предотвратили, предпочли отсидеться в тиши. Что ж, теперь пришла пора расплаты. И не жаль было умирать уже убитым. Жаль было, что мертвые опыта не передают. А у живых его нету!

Сергея не взяли.

Дед Кулеха сбросил зипунишко, подтолкнул босой ногой к остающемуся.

— Бери! Пригодится! — Он махнул рукой, отвернулся. — Прощевай, что ли!

— Прощай, старик, — выдавил из себя Сергей. А потом заорал ни с того ни с сего охране: — Деда отпустите, сволочи, за что старца немощного убивать?! Палачи!!!

Ударом приклада ему вышибли последние зубы, свернули челюсть. И ушли.

Кроваво-багровой тенью застыл в углу опустевшей камеры жуткий четырехногий карлик со студенистым лицом, затряслась тень, задрожала. “Дело сдали в архив” — вспомнилось вдруг Сергею. Да, так и бывает: жил человек, дышал, любил, мечтал о чем-то, а потом — бац! и дело сдают в архив.

Четырехпалый рычал, понемногу наливаясь звериной яростью, раздражением, злобой. Сергей не боялся убийцу-оператора. Он отвернулся и принялся потихоньку вправлять выбитую челюсть. Ничего у него не получалось. Тогда он вдруг сам взъярился и с силой врезал кулаком по челюсти, справа налево! Что-то хрустнуло, ожгло нестерпимой болью и... челюсть заняла положенную ей позицию.

Почему они его оставили? Почему?! Чем он хуже или лучше того же деда Кулехи? Ну чем?!

Утром принесли четверть ведра помоев. Сергей встал, подошел ближе к жестянке и почти без размаха резко саданул в мятый бок с двумя корявыми красными буквами. Ведро врезалось в стену, сплющилось, помои вылились.

И опять его били. На этот раз по-простецки, кулака-

ми. Но били от души. Поднимали — и били. Он падал снова. И снова поднимали — и били.

Потом ушли.

А у него от виска к виску, как когда-то очень давно, еще в прошлой жизни, лупило без передышки:

Горит под ногами Россия-страна...
Зачем нам, поручик, чужая земля...
Раздайте патроны.....надеть ордена!

И это было пыткой! Все видеть, все понимать, осознавать... и быть бессильным что-то переменить! Он катался по полу, не чувствуя боли, растрavляя раны. Не помогало. Тогда он подполз к стене и стал биться об нее головой — он хотел проломить череп, пробить самую тоненькую кость, там, у висков. Тщетно!

Тогда он перебрался под зарешеченное окошко. Привалился спиной к неровной кладке. И стал ждать.

Прошел бесконечный день.

А ночью постучали.

— Позвольте вас побеспокоить? — донесся из-за железной двери сиропный голос. — Можно?!

— Можно! — ответил Сергей на полном серьезе. Он знал, кто пришел за ним и что будет дальше. Он не знал только — как все это будет.

Дверь медленно, со скрипом отворилась, и в камеру беззвучно вошел черный человек в пенсне, черной кожаной куртке, черной портупее, черных сапогах и черных штанах. Он приторно улыбался, топорща черненькие усики.

— И-ех, молодой человек, — протянул он по-отечески, — юный мой друг! Как же это вы в бега-то решили податься? Как же решились на такое предприятие? Не-хорошо-с! Не-хо-ро-шо-с! Мы к вам со всем нашим расположением, а вы...

— Хватит паясничать! — оборвал черного Сергей.

— Как грубо! Как неинтеллигентно! Фу-у!

Сергей скривился.

— Вам хотелось бы, чтоб с палачами обходились интеллигентно и вежливо, так? — спросил он.

— Не то слово, молодой человек, не то слово! Вы все витеаете где-то! А мы делаем работу — грязную, черную, неблагодарную, но необходимейшую! Для вашей же пользы!

— Ну, спасибо, — Сергей чуть склонил голову. — Давайте, делайте свою работу!

— Экий вы нетерпеливый, — черный заелозил под своей блестящей и хрустящей кожей — так и казалось, что именно эта черная кожа его собственная, натуральная, а на лицо и на руки натянуты беленькая маска и беленькие перчаточки. — Успеется, мой юный друг! У нас с вами еще масса времени! — Голос его из сиропного стал вдруг гнусавым.

И это не ускользнуло от Сергея. Он приподнялся выше у стены. Всмотрелся.

— Откуда вы? — спросил он неожиданно.

— То есть? — не понял черный.

— Откуда вы пришли к нам?

— Если вы имеете ввиду меня, молодой человек, — проговорил черный, — так я родился здесь, на этой земле, ниоткуда я не приходил.

Сергей замотал головой.

— Я не про ваше тело, не про вашу плоть, которая, может быть, и на самом деле рождена на этой земле. Откуда пришло то, что сидит в вас, что властвует над вашей плотью?! Отвечайте! Или вы боитесь меня?

Черный мелко и тихо рассмеялся, подергал себя за бородку-клинышек. Он явно никуда не спешил.

— Вы бредите, юноша, — сказал он, перебарывая нутряной смех, — вам никто еще не говорил, что вы все время бредите, нет?

— Оставьте, нечего придуриваться! — сорвался Сергей.

Ему и самому все казалось бредом. Да наверное это и было все бредом! Вся жизнь, все происходившее в этом кровавом жесточайшем веке было одним сплошным чудовищным бредом.

Ему не хотелось разговаривать с черным. Но жгло, жгло в груди. И душа, и разум требовали ответа — хотя бы ненадолго, хотя бы перед казнью, перед смертью.

Непонятно откуда под черным взялся массивный дубовый табурет с теми же двумя красными буквами на ножке. И теперь черный сидел. Сергей всматривался в него до боли, до рези в глазах. И то ли он натурально бредил, то ли глаза подводили от напряжения, но показалось ему, что из всех карманов и карманчиков, изо всех дыр и дырочек кожаной амуниции черного сочится слизистая зелень, вытягивается махрами, тянется вниз

хлипкими тягучими сосульками. Вот заколыхались вместо усов и бородки гнусные отрепья-водоросли, вытянулись на стебельках мутные глаза-буркалы... Сергею стало нехорошо. Он мотнул головой — и все пропало. Перед ним сидел обычный человек лет под пятьдесят в черной коже, и никакой зелени! Свой! Местный! Не инопанетянин, нет! И все же не свой, точно — не свой! Сергей вовремя осекся, поймав изучающий взгляд из-под стеклышек пенсне, этакий мудрый взгляд прищуренных глазок-локаторов.

— И все равно — вы оттуда! — упрямо заявил он. — Здесь просто нет, здесь просто не может быть носителей такой лютой, нечеловеческой злобы!

Сергей взглянул в угол, на тень. Но тени в углу не было — раскоряченный четырехпалый уродец со студенистым лицом исчез бесследно, хотя еще совсем недавно он там стоял, тряся, ронял в грязь клочья пены, выгибал гребнистую спину. Пропал? Ну и черт с ним! Сергей отвернулся.

— Эхе-хе-хе, — устало и понимающе выдохнул черный, — вы, молодой человек, теоретик прямо. Подо все вам надо базу подвести, все надо обосновать! Экий вы право! Ну да ладно, считайте, как вам в голову взбредет, принимайте нас за кого угодно. И уж коли вы пришли к выводу, что в ту самую глину, из которой вас слепили, вдохнули нечто нематериальное божественные силы, так стало быть...

Сергей оборвал черного грубо и резко, он не хотел, чтоб тот сам завершил начатого.

— Стало быть во всех вас вдохнул свое смрадное существо сам дьявол, вот к какому выводу я пришел! — заявил он.

— Ну и что это меняет? — спросил черный, кривя губы.

— Как это, что, не понимаете?!

— Что это меняет в нашем раскладе, молодой человек?!

— В вашем — ничего! Вы наверху и вы сделаете свое дело. Но и с вами обойдутся не лучше! Вы пришли сюда с совершенно четкой целью, вы возжелали уничтожить этот мир, полностью и целиком, дотла! И на его пепле вы собирались строить свой. Но, во-первых, вы никогда ничего не постройте, вы просто не умеете строить, вам не дано созидать! Вы можете лишь громить,

убивать, взрывать... Но и погубить этого мира вам не под силу! Вы захлебнетесь в своей злобе, в своей ненависти, вы захлебнетесь в крови ваших жертв. И вы сами станете жертвами! Только никто вас не назовет так! Вас проклянут, и могил ваших не останется! Смердный дух из вашей плоти вернется в преисподнюю, в тот мир, откуда вы явились сюда. И примут вас там подобающим образом! Слушайте, не надо морщиться, вы сами затеяли это дело! И все камни, брошенные вами, падут на вас же! А во-вторых, я вам скажу следующее, а вы там при случае передайте кому надо. Ни хрена у них не получится, ни хрена! Потому, что эти ваши миры отражения Нашего Мира, точнее, отражения всего грязного, подлого, гнусного, мерзкого, что есть в Нашем Мире. Ваша Вселенная — это конденсатор нашей глупости и нашей злобы. Именно так! А когда вся эта дрянь начинает переполнять ваши отраженные миры, когда она начинает переть через край и вы сами уже не в состоянии ее поглощать в себя, она выплескивается к нам, она заливает Наш Мир — и горят села и города, льется кровь, разлагаются трупы на полях и в подвалах, свистят над плахами топоры и гильотины, грабятся дворцы и храмы, сокрушаются идеалы и сбрасываются колокола с колоколен. Злоба и ненависть прокатывается девятым валом, заражая души людей, проникая в их головы, бросая отца на сыновей, брата на братьев, детей на мать — и это все вы, это все ваш мир! Не делайте вида, что не понимаете!

— Вы просто бредите! — зло вставил черный, нахмурился. Ему не нравилось, ему очень не нравилось то, что приходилось выслушивать.

А из Сергея несло. Его прорвало будто. Он даже не заметил, как в камеру вошли четверо мутноглазых в шинелях и с винтовками в руках. Они встали у стены и принялись о чем-то говорить меж собой, они не слышали его, казалось, это вообще глухонемые.

— Этот мир бесконечно древнее вашего. Добро этого мира бесконечно сильнее вашей непомерной злобы! Не обманывайте себя, не прельщайтесь видимым! Просто ваш напор, ваша неукротимая кровавая ярость ошеломили всех, все застыли с разинутыми ртами, в растерянности, в столбняке... Но столбняк этот пройдет, и вас просто сметет с Земли, вас смоем первую же волной, смоем в вашу адскую пропасть!

— Ну ладно, хватит! — оборвал его черный и встал, ударив себя ладонью по черному блестящему колену. — Пора и за дело браться. Встать!!!

Сергей вздрогнул.

— Встать, сволочь!!!

Перемена была разительной. Лицо черного окаменело, налилось непонятно откуда взявшейся властью, надменностью.

Двое мутноглазых подскочили к Сергею, ухватили его под руки, вздернули, поставили на ноги, сопровождая каждое движение ударами прикладов. Но Сергея уже бесполезно было бить. Он смотрел прямо в глаза черному. И во взгляде его была уверенность и сила.

— Здесь бы прикончить гада! — предложил один мутноглазый. — Ох, прям руки чешутся!

— Ето точно! — поддержал его другой. — Чем больше контры спровадим на тот свет, тем быстрее счастливая жизнь зачнется, точняк, сам слышал!

Нет, Сергей не смотрел на этих замороченных, оболваненных глухонемых. Он не пытался им что-то доказывать или объяснять — сейчас все одно не поймут, жертва не бывает, не может быть пророком или глашатаем, жертва — она и есть жертва.

— Наверх! — Черный взмахнул пистолетом. И вышел первым.

Сергея выволокли во двор. Он просто захлебнулся чистым ночным воздухом. Хотя нет, не ночным, уже светало понемногу, близились утро.

Где-то вдалеке выла одинокая бездомная собака — выла безнадежно тоскливо, страшно выла. Но Сергею не было страшно. Ему было грустно. Вспомнилось есенинское: “Черный человек, черный человек...” Все было! Все уже давно было! Сколько прошли через это! Будут считать когда-нибудь? Будут! Но сосчитать не смогут, ибо бездонны страшные дыры и скользки их края — не подступишься. “Черный человек!”

Напуганная людьми, сорвалась с деревьев большущая стая воронья. Сорвалась черным галдящим облаком и унеслась на вой. А вскоре ветер донес истошные визги забиваемой, разрываемой черными клювами собаки. Стая знала, что ей делать.

Вот откуда все пошло, подумалось Сергею, вот откуда! Обнаглевшее воронье и крысы! Крысы и воронье, отожравшиеся на трупах. Прямо-таки новая порода, эда-

кие сверхкрысы и сверхворонье, вскормленное человечинкой! Он еле поспевал за конвоирами, за черным человеком. Его били в спину прикладами, материли. Да только зря старались, не понимали — ему все равно.

— К стенке!!! — скомандовал черный.

И Сергея ткнули лицом в каменную обшарпанную стену, прямо возле мусорного бака, из которого торчал жирный голый хвост. Сергей тут же развернулся лицом к палачам. Его тянуло сказать, выкрикнуть им в лица что-нибудь этакое, дерзкое. Но он сознавал — пошло, невыносимо пошло заимствовать дешевые слова из дешевых фильмов. Лучшие слова — молчание. И он молчал.

Черный подошел ближе, прищурился, нагло улыбнулся.

— Вот видите, а вы все волновались! — прогнусавил он сиропно. — Все переживали! Экий вы, батенька, недоверчивый! А ведь вам еще там, в Колодце, ясно сказали — все, игра окончена, теперь вами займутся профессионалы! Вы что ж это, любезный, не поверили, что ли?! Это было опрометчиво с вашей стороны!

Сергей обомлел. Они! Точно, они! Он не ошибся. Они его устраняют с пути, убирают с дороги, он слишком много знает, он им опасен! Они не волокут его к страшной подземной дыре! Они хотят прикончить его здесь, убедиться, что он мертв, и еще разок послать пулю в затылок. А может, стоило... Нет! Нет!! Нет!!! Вся эта наносная грязь, все кровавые и черные корки, ошметки коростой сползали с него, уже сползли, он избавился от них, он освободился, и он не даст грязи налипнуть вновь. Пусть уж лучше глина уйдет в глину! Пусть душа поднимется над пытками, расстрелами, казнями, грабежами, предательствами, пусть она увидит все это свысока, увидит и простит... А может, и не простит. Он не знал еще. Но пусть!

— Стрелять по моей команде, — предупредил черный и как в тот раз вытащил платочек.

Один из мутноглазых пьяно рыгнул, палец сорвался с крючка и пуля впилась Сергею в плечо. Будто ломом ударили. Он отшатнулся к стене.

— Или не стрелять? — спросил вдруг черный и лукаво, хитро улыбнулся, щуря глаза под стеклышками пенсне.

— Стрелять! — процедил Сергей.

И еще три пули впились в тело. Но не опрокинули

его и не убили. Сергей зажал ладонью горло, из которого хлестала кровь, стиснул остатки зубов, до боли закусывая губы. Ноги подкашивались. Стоя воронья гомонила над самой головой. Из бака вместо голого хвоста высывались целых три усатеньких мордочки. Все ждали, ждали его смерти. А он не хотел умирать. Он держался за жизнь, эту страшную гиблую жизнь, как за последнюю соломинку. И глаза его видели восходящее солнце — не было никакого зарева, солнце вставало чистое и светлое, весеннее. Его лучи вливали силы в истерзанное, простреленное тело.

— Пли!!! — взмахнул платочком черный.

Пока пули летели, в тысячные доли мига, Сергей успел вспомнить ту синюшную спину с ранами-волдырями. Он даже сосчитал их — шесть, точно — шесть. Он повернул голову к черному и увидел, как тот в упор палит в него из своего маузера, запихнув слабосильный наган за ремень. Пенсне свалилось с крутого носа, открыло страшные бездонные и вместе с тем совсем не умные, а просто необычайно живые, бегающие глазки. И в глазах этих стоял страх, страх разоблаченного, раздетого передо всеми шамана-охмурылы. Ради одного лишь вида этих испуганно-злых глаз стоило умереть. А пули все летели. Сергей рассмотрел и глухонемых. И ему показалось, что он их хорошо знает. Да, вон тот, что справа, вылитый сержант с узкими глазками и рысьими ушами. Рядом с ним — начальник-алкаш с обвисшей безвольной губой. Еще один — бритый из пыточного подвала, как его, Мартыний, что ли? А крайний слева — мужик из очереди, сосед-зашибала. Все одинаковые, все до боли и омерзения похожие! А пули все летели. Сергей поднял глаза — из окна на третьем этаже грозил ему красным пальцем несгибаемый борец и каторжанин товарищ Генрих. Из подворотни скалились два кругломордых китайца, чуть дальше все тронуло во мраке, ужасе, разрухе, голоде, крови, трупах, пожарах...

На этот раз все пули вошли в грудь. А вышли из спины. Сергей почувствовал, как его проткнуло шестью ломami. Все закружилось перед глазами, поплыло. Но он остановил усилием воли мельтешение. Он не упал на грязную и мокрую весеннюю землю. Он начал проваливаться в бездонную черную пропасть. Он летел в бесконечный мрачный колодец, на самое дно его. Он возвращался к себе.

И когда его швырнуло всем телом о мокрый, покрытый семечной шелухой и окурками асфальт, он еще был жив. Он даже встал, поднялся во весь рост, будто собираясь бежать куда-то. Но не смог, а так и завалился грудью на холодный сугроб, на ослепительно белый, сияющий чистотою сугроб. И он не оставил на нем ни капельки грязи, ни соринки, ни пылинки... он оставил на нем лишь расплывающееся горячее алое пятно с неровными краями. Оставил, и тут же скатился в мокрядь, в сырость. И застыл в ней, застыл лицом вниз, пытаясь в предсмертной судороге опереться на что-то, ухватиться, встать. Но опереться было не на что и ухватиться было не за что, ничего не нашли его пальцы, так и скрючились в ледяной жижице, так и застыли.

И его уже не было. Но он увидал все со стороны, как в тот раз. Лежал под сугробом полуголый человек, алело кровавое пятно на белом. Вот только зеваки еще не сбегались. Лишь стояла метрах в четырех от сугроба, сторбленная старуха в черном застиранном платье, старом, плотном, широком. Старуха была худа, морщиниста... будто не человек стоял, а воткнутое в лед сухое древко. И развевалось по ветру на этом живом древке выцветшее скорбное знамя, последнее знамя, реющее над страшной траурной черной тенью.





ПОМРАЧЕНИЕ

Бессилие добра не есть добро, и никак нельзя признать должным тот факт, что лишь часть человечества желает должного, что весьма немногие живут как должно и что никто не может привести мир в должное состояние.

*Вл. Соловьев «Оправдание добра.
Нравственная философия»*

Красота воину оружие, кораблю ветер, тако и праведнику почитание книжное...

*«Изборник» князя Святослава
Ярославича (1076 г.)*

Книгам бо есть неисчетная глубина.

«Повесть временных лет»

Т ащиться на толкучку через полгорода да еще в субботу, заранее обрекая себя на потерю половины дня, Игорю очень не хотелось. Он не был завсегдатаем мест,

где можно было разжиться практически любой книгой, но в отличие от большинства знал туда дорогу, бывал раз семь-восемь. Общее впечатление после таких посещений оставалось малоприятным. И не только из-за встреч с прожженными делягами, для которых книга ничто, нет — товар, только товар. Но и по другим причинам. Первый раз у него буквально из рук вырвали ценную вещь, Махабхарату из серии литпамятников, а взамен всучили пару макулатурных томиков, которым грош цена и по рыночной конъюнктуре и по содержанию. Он тогда просто растерялся от напора, от всесокрушающей и беспринципной наглости, с какой обдуривали новичка. Потом жалел. Но ругал только себя. Во второй — отдал двадцатник за то, что можно было купить за пятерку... На третий стал умнее и опытнее, и в результате вообще ничего не приобрел — дураков кроме него было не так уж много, а если и попадались, так не имели того, чего Игорь хотел. Да и впоследствии для того, чтоб занять нужную книгу, отдавал всегда больше: честного обмена не получалось, точнее, его просто не допускали живущие этим промыслом — они всегда в нужный момент оказывались рядом, перебивали сделку, уводили «товар» из-под носа. Игорь уже и расстраиваться перестал — какая, в конце концов, разница: тройком больше, тройком меньше — лишь бы заполнить желанное.

Он вышел из дома, так и не решив — куда поедет: в Сокольники, Измайлово или еще куда... Могло и вообще ничего не выгореть, хотя бы потому, что по субботам на толкучки любила заходить милиция — и тогда всех как ветром сдувало. Игорь сердцем был на стороне не слишком-то активных, по правде говоря, равнодушных милиционеров — и он жаждал наведения порядка и пресечения нетрудовых доходов, но... В том-то и дело, что — но! Лишь после того, как он приобретет, что ищет, — вот тогда и пускай наводят и пресекают, давно пора! А сейчас надо ехать, в последний раз, и больше никогда, ни ногой!

Посреди сумрачной и слякотной московской зимы погода вдруг раздобрилась, выделила на субботний день немного солнечного света из своих запасов. Солнце ослепляло, потому что было низким по-зимнему. Оно буравило ноздристые грязные сугробы с пробивающимися из них бесчисленными окурками, но не топило снега — грело в самый раз для января, без луж и сырости. И

Игорь, топая к трамвайной остановке, незаметно отмял. Настроение всегда приходило к нему по ходу дела, трудно было лишь раскататься.

Сидел, щурился у трамвайного окошка — места были свободные. В трамвае и надумал — только в Измайлово, только там он возьмет нужную книгу! И решение такого пустячного вопроса взбодрило его окончательно — сегодня или никогда! И все, хватит, пора завязывать с этими книгообменами, не на книжках мир стоит, есть и поважнее дела. Вся эта книжная кутерьма, казалось, не имела ни конца, ни начала — будто всегда он существовал, ажиотаж этот. А теперь еще затеяли создавать новый огромный центр по «изучению спроса». Ничего кроме ухмылки и раздражения у Игоря такие липовые начинания не вызывали. Попробуй-ка разобраться, что мы читали, читаем и что будем читать! Ведь тут как в поговорке «скажи мне, кто твой друг...». Можно долго и тщательно изучать человека по его бумагам, расспрашивать знакомых и родных, а в результате получить набор ходячих конторских истин. А можно спросить у него самого, что он читает, узнать мнение о прочитанном — и сразу вся конторская писанина поблекнет, будь на ней хоть сотня внушительных штампов и печатей, и встанет перед тобой живой человек, личность. Вот так бы и спросить — что ты читаешь, великий народ?! Не у человека отдельного, а у всей нации. Только ведь не спросишь, не получится ничего. И вряд ли статисты, репортеры, чиновная братия да и ведущие популярных телепрограмм дадут ответ. Возможно ли получить нечто однозначное и непререкаемо-твердое, когда перед тобой не штампованные «болтики-винтики» в едином конвейерном строю, а люди — среди миллионов двух похожих не найти, возможно? Нет, думал Игорь, профанация это. Хотя все сложнее на деле-то. Почему мы должны сказать что-то одно: да или нет. Не вернее ли предположить и то, и другое: НЕТ, единого ответа не будет — все люди разные, у каждого свой характер, свой вкус, свой круг чтения — мы различны и тем хороши! но рядом встанет — ДА, есть единый ответ — ведь мы единый народ, за нами тысячелетия единства, несмотря на все войны и распри, за нами наши традиции, наши боли и наше счастье, наша история, наконец, наш язык. Мы различны, отличимы друг от друга, но мы и едины в своей общности — в этом ведь тоже одно из проявлений диалектики. Все так! А мы по-прежнему ищем однознач-

ного ответа и не перестаем удивляться, что не можем его найти! Дескать, как бы это одним махом все решить?! Дескать, главное контору создать! Будет контора — и все как по маслу пойдет! Вон, насоздавали десятки министерств, а дело что-то не особо продвинулось. Поняли, что не в числе, да и не в конторе дело, сокращать начали. Это в одном месте! В других новые создавать — типа этого «исследовательского центра». Игорь сам работал в одном из крупнейших «исследовательских центров», знал цену институтам при конторах и конторам при институтах. Все они напоминали ему свифтовскую Лапуту и тамошних мудрецов с их «исследованиями».

Со своими рассуждениями он чуть не прозевал остановки, выскочил последним в захлопывающиеся уже двери.

— Проспал, раззява! — крикнули ему в спину из трамвая. И громко расхохотались.

В метро, как и обычно, он не садился, стоял у стенок. Здесь тоже было свободно, но нельзя было с уверенностью сказать, что на следующей станции в двери не хлынет толпа.

Игорь жил в мире, и потому от обыденных мирских вещей отрешиться не мог. Вновь его мучили «проклятые вопросы», ответов на которые он не находил. За последнее время что-то уж слишком много советчиков появилось, эдаких новоявленных кормчих с указующими перстами. С телеэкранов и страниц журналов и газет в быт уверенно шагнули мудрые наставники, прозорливые журналисты-международники, частично возвратившиеся на круги своя из странствий дальних. Вошли всеведающими и всепонимающими учителями народа. И все-то они знают и разъясняют: и какую огромную пользу мы получим от совместных предприятий с западными фирмами, от совместной вырубki леса и совместной выкачки нефти, газа и прочего подземного и наземного богатства. Нет вопроса, который они бы «не осветили сполна»! И как русскому человеку или, скажем, белорусу, татарину подняться до высот истинного интернационализма и, вообще, что это такое — истинный интернационализм! И какие памятники старины следовало разрушать в силу их «эклектичности», а какие разрушать не следовало — всему научат прошедшие стажировку в «цивилизованном мире» новоявленные варяги. И нет для них неодолимых тем, все по плечу: от важнейших воп-



росов экономики и сельского хозяйства и до круга чтения. Только вот что-то в непосредственной их работе не видно изменений — то ли в начале семидесятых живем, то ли в конце восьмидесятых, кроме телемостов ничего нового. Игорь видел, а может, ему так казалось, что людей этих прельщала кажущаяся простота вопроса, еще одна возможность выступить с поучениями. К этому можно было добавить и некоторый зуд разоблачительства, охвативший многих. Именно, разоблачительства ради «разоблачительства», ради сенсационности, шумихи, порой саморекламы — дескать, лихо я их наизнанку вывернул! Как все это было не ново! Выворачивать наизнанку не так сложно, благо, что ныне не запрещено! Ну а дальше? А дальше бросил все как есть и побежал следующих «выворачивать», а потом еще и еще! А кто будет вывороченным заниматься? Игорю почудилось вдруг, что он забрался слишком далеко, начав с книжных проблем. Но нет! Все было затянуто в один узел, развязывать который совсем не просто. Казалось бы, какая связь с книжной горячкой? Прямая! Читателя приучают, да и сам он привыкает к шоково-сенсационному чтиву. Точно! Он попадает в зависимость от щекочущих ощущений, требует еще, в самой примитивной форме, в любых количествах, лишь бы еще острее и еще «красивше». Игорь был не против честного, правдивого разговора об истории. Он первый приветствовал такой подход, потому что говорить правду необходимо, только правду — без этого общество превращается в гиблое болото. Но правда редко ходит в блестящих, привлекательных одеяниях, не всегда она в вельможном сиянии искрится и уж совсем редко бывает защита в сиденье трона. А нам все — вот, дескать, добрый царь-батюшка, радетель наш и милостивец, а вот окаянный губитель, злой деспот и тиран. И опять пошло-поехало, понесло-закрутило. Стоит ли удивляться, что «Дети Арбата» на черном рынке стоят двадцать рублей, а про «Кануны» Белова там никто толком и не слыхивал? До чего дошло, сколько лет не вылезаем из постели Пушкина, прямо-таки прописались там. «Пушкинистов» все больше, ценителей же и любителей пушкинской поэзии Игорь на толкучках и в книгообменах не встречал, во всяком случае, мало кто признавался в этом. Обычно как — о нем почитал бы, а его нет-нет, и так все помню хорошо, в другой раз, в школе надоел! А что, правда так правда!

Что же касается самого книжного бума, то Игорю ви-

делось, что это явление, до тех пор, пока деньги, запущенные в обращение, не обеспечиваются товарами, могло продолжаться долго. И говорить о каком-то насыщении книжного рынка было бы просто наивно — ведь есть испытанное и проверенное средство продления бума: выпуск новых серий. И неважно, что многие вещи выпускались и до этого, и в отдельных изданиях, и в других сериях, все не имело значения, — появляется новая серия, и тут же новая вспышка бума. Легко было начало положить, раскрутить книгособирателей (к ним Игорь не причислял подлинных любителей книги), а вот остановить будет ох как не просто! Тем более, когда собирательство приобрело и с каждым годом приобретает все более болезненный, параноидальный характер. Он не видел выхода. Что же делать, насыщать ненасытимое? Так здесь никакие совместные предприятия по вырубке тайги не помогут, тайга быстрее кончится, чем удовлетворятся книгонакопители! А вот если бы удалось переключить их энергию на иное что-нибудь: будь-то отличное шмотье, видеомэгнитофоны, мебель, да и вообще качественный и доступный ширпотреб, вот тогда и вздохнули бы немного настоящие читатели, вот тогда и появился бы смысл заниматься изучением спроса — именно читательского, а не потребительско-накопительского. И повышение цен на книги и коммерческие цены ничего не дадут истинному читателю. Они дадут прибыль государству, дадут прибыль накопителю... Если раньше тот, вечно стоящий в магазине, брал одну книгу, то теперь он берет две-три, а если дадут, то и больше — что-то обменяет, что-то продаст подороже, чтоб расходы оправдать. Вот и парадокс, тиражи все больше и больше, цены все выше и выше, казалось бы, лежать все должно, а нет, не лежит!

От метро надо было опять-таки добираться на трамвае. Пришлось простоять минут двадцать на остановке, наблюдая, как один за другим стягиваются на этот маленький клочок земли под белой, болтающейся на ветру дощечкой с номерами маршрутов многочисленные книгоманы разных возрастов. Какая-то печать была на них на всех. Какая — Игорь и сам не мог понять. Но была.

Ровно через полтора часа после выхода из дома он был на месте, у небольшого окраинного книжного магазина. Еще издаലെка разглядел — народу тьма, значит, милиция пока что сюда не заходила, и этим надо поль-

зоваться, не тянуть резину, брать за сколько скажут и отчаливать. Легкое нервное возбуждение уже начинало хватывать его — и чем ближе к магазинчику, тем больше. В глазах зарябило. Чтобы лучше и дальше видеть, он сразу же нацепил очки. Книги появлялись и пропадали на всех уровнях и во всех мыслимых направлениях, разве что, под облаками их не было — уловить темно-зеленую невзрачную обложку с мелкими золотистыми буквами на корешке не так уж и просто. Но главное — не суетиться.

Движение внутри было неопишным, казалось, толпа клубком клубится, переливается. Немного на отшибе выделялась женщина в желтом мохнатом пальто и немисливо-пестрой цыганской шали. Она стояла, полунаклонившись у объемистого баула, расстегнутого от края до края. К ней Игорь и направился — в бауле «товара» было на полцентнера, не меньше, а значит, и выбор есть. Женщина всю орудовала мясистыми короткими ручками, блестело что-то не поддающееся учету желтое, мелькали книги, переходящие к новым владельцам. Но денег женщина почему-то не брала — Игорь не видел мельтешенья купюр. Лишь подступив совсем вплотную разглядел уменьшенную, но тоже желтую и цветастую копию торговли — полного и очень серьезного мальчика, черноглазого и важного. Мальчик, в отличие от мамы, не кланялся над баулом — в нем уже в эти годы проглядывало, нет, скорее, просто перло наружу мужское достоинство человека нездешней полосы. Неподвижные глазки-маслины были сосредоточены на пухлом кожаном бумажнике в левой руке. Правой мальчик принимал деньги и тут же отправлял в безразмерную кожу — как автомат действовал.

Игорь заглянул в баул.

— Чего надо? — спросила женщина не глядя, не отрываясь от дела.

«Чего надо», того не было. Игорь не стал отвечать. Да, в общем-то, никто и не ждал его ответа. Он отступил на полшага. И заметил двух мальчишек в расстегнутых пальтишках и сдвинутых на затылки шапочках. Один держал в руке баночку с водой. Внутри плескались две или три гуппашки с ярко-красными хвостами. Другой лизал мороженое и капал прямо себе на школьный костюм. Оба, как зачарованные, смотрели на толстенького желтенького мальчика с бумажником и молчали. Так, наверное, кролики на удава смотрят, подумалось

Игорю. Он хотел шугануть ребятишек отсюда, из толкучки этой. Но не решился.

Мальчик с бумажником взглядов не замечал. Деньги пропадали в желтом чреве. Мороженое капало на костюм. Книжки летели одна за другой — сплошная макулатура. Скорее всего, на абонеентах работает в приеме, подумал Игорь, книжки-то — три названия, а им конца не видно! Ну и черт с ними, надо искать то, за чем пришел. Он с какой-то необъяснимой внутренней болью поглядел на мальчишку, в руках которого застывали купленные далеко, на Птичьем рынке рыбешки, протер очки. И двинул дальше.

Минут сорок толкался в самой гуще. Было все! Не было только тома философских сочинений наконец-то изданного Владимира Соловьева — непостижимо! Это была явная невезуха, какой-то неземной зловерднй рок преследовал его, даже не верилось.

Дважды толпу качало, из стороны в сторону. Но тревоги оказывались ложными. На третий Игоря чуть не сбили с ног.

— Мотаем, парни! — выкрикнул кто-то над ухом.

Он еле успел подхватить слетевшие с носа очки. У кого-то посыпались на землю из распахнутого дипломата книги. Взвизгнула придавленная девушка в шапке с помпончиком. Сумкой, набитой до отказа, Игорю саданули в ухо. И он, которому бояться-то было абсолютно нечего, рванулся со всеми, поддался этой стадной панике, налетел на полусогнутого старика со связкой журналов под мышкой. А сердце билось затравленно: не дай бог, еще чего не хватало, потом оправдаешься, как же! Кому-то отдавили ногу, и он отчаянно заматерился в полный голос, не обращая внимания на женщин.

Но продолжалась давка не больше минуты. Откуда-то с краю раздался хохот. Смеялось сразу несколько парней, во все горло и на все лады.

— Отбой, братва! — хрипло возвысилось над толпою.

Скрипучий тоненький голосок пояснил:

— Да чего вы, в самом деле? С цепи сорвались? Да то ж наш участковый! Да вон он — из магазина авоську домой тянет. Он никогда к нам не мешается... да и прошел уже!

Рассыпанные книги затоптали. И владелец молча ползал между ног, собирал — красный, раздраженный. Над ним втихомолку посмеивались. А Игорь клял себя — чтобы еще хоть раз к этим спекулям?! Нет, ни за ка-

кие коврижки! Но он быстро отошел, успокоился. Как, впрочем, и все остальные.

Да ведь и не все спекулянты, оправдывал он себя, вон вполне порядочные люди ходят, ищут, что надо. Зачем же всех в одну кучу? А глаза продолжали высматривать в толчее зелененький корешок. Но куда там — лица, гомон, разноцветье одежд, грязь под ногами, да заплеванный семечной шелухой снег по краям сугробов.

Он выбился из толпы. Зашел в магазин. Там было еще теснее. К тому же и душно, как только здесь работают! Какая-то продавщица в серой униформе безуспешно боролась с ничего не покупающими «покупателями».

— Все на улицу! — грозила она, упирая руки в бока. — А ну выходи! Сейчас буду в милицию звонить, выходи!

Стоящие ближе к ней перемещались подальше, но не уходили. Ушла сама продавщица, видимо, посчитав, что свое сделала. Ушел и Игорь, один — он не любил общественных парилок.

На улице сразу же обдало свежестью и легким морозцем. Пришлось застегнуть куртку.

Он потерял в общей сложности два с половиной часа, но от цели был так же далек, как и на выходе из дома. До ночи буду стоять, решил он, но не уйду, из-за того только, чтоб второй раз не приезжать!

— Ищете что-то? — вежливо поинтересовались из-за плеча.

Игорь обернулся. Рядом стоял парень лет двадцати семи, носатый, с маленькой и округлой русой бородкой. На плече у парня висела черная сумка, в руках были зажаты два детектива — норвежский и испанский из прогрессовской серии.

— По двушничку отдам, — сказал парень и пошевелил под большой, бледно-голубой курткой плечами так, что куртка, показалось, ожила и решила покинуть своего владельца.

— Соловьев нужен, — коротко отрезал Игорь и отвернулся.

— Соловьева не видал, — сообщил парень, — я тут с самого утра. Глухо! Бери испанский — на него и смеянешь.

Игорю надоел пустой разговор, он вообще не любил трепать язык, тем более с незнакомыми, да еще такими.

— Ну не хочешь, не бери. Только, могу посоветовать

— не мельтеши ты, ну чего суетишься? Тут закон такой: суетишься — никогда не найдешь. Ты вот встань в стороночке, и твой Соловьев на тебя сам выплывет.

Игорю было наплевать на все советы. Но парень говорил дело. Мельтешить, и вправду, — боль головную зарабатывать. Надо постоять. Толпа — она сама вращается непрерывно, если у кого чего есть, рано или поздно он выйдет на тебя. И Игорь пристроился возле парня. Тот притопывал тяжеленными меховыми сапогами, хотя вовсе не было холодно. Поймав взгляд, признался:

— Это первый час не замечаешь, а после четвертого, да еще без жратвы — пробираться начинает.

— Не идет товар-то? — вежливо поинтересовался Игорь.

— Да что ты, со свистом улетает!

Минут пять они простояли молча. Соловьев не «выплывал». Выплыл какой-то тип. Игорю по плечу, в клетчатой кепочке и с сеткой в руках.

— Даром, Дрюон столичный, за полтора отдам! — выпалил он с ходу, будто признав в Игоре лопуха, который тут же выложит деньги.

— А ну вали отсюда! — рывкнул на коротышку парень с бородкой. Повернул голову к Игорю и, не дожидаясь, пока продавец Дрюона отойдет, громко сказал: — Вот ведь спекулянт! Гад какой! Я ему вчера этого Дрюона за червончик отдал, а он тут же, у меня на глазах — за полтора предлагает. А ну вали, спекуль хренов!

Клетчатый кепарь юркнул в толчею и пропал. Игоря невольно покорибило от такого не совсем деликатного обращения — ведь мог и культурно отказать бородатый или вовсе не вмешиваться. Но он промолчал.

— Ничего, этот не обидится! — успокоил его телепат с бородкой, уже в третий раз угадывая Игоревы мысли. — Я бы эту падаль давно в зону пристроил, ишь, нетрудовыми доходами живут, гады!

— А это — трудовые? — Игорь щелкнул ногтем по синей обложке испанского детектива.

Парень улыбнулся и его длинный покрасневший нос сморщился, как сапог у увольняющегося в запас ефрейтора, гармошкой.

— Ну что ты, совсем другой коленкор, тоже — сравнил. Хотя... — парень улыбнулся уже иначе, с долей иронии, — хотя, конечно, суть одна. Просто не хотелось бы, чтоб с такой вот падалью равняли. А-а-а, все равно! — протянул напоследок и махнул рукой.

Клетчатый кепарь появился неизвестно откуда, неожиданно. Первое, на что обратил внимание Игорь, была грязная, давно немытая рука с траурными каемками под ногтями. Потом с удивлением заметил в этой руке книгу в темно-зеленом, ту самую.

— Как заказывали! — гнилозубо ощерилось из-под кепаря. — Троячок — госцена, не обессудь, дорогой.

— Госцена — всего десятка, — буркнул бородатый, — ты хоть научись отличать цены-то, вонючка! — А Игорю сказал: — Тут он прав, точно, трояк. Три красненьких выложи, хошь не хошь, ниже не возьмешь!

— Во-во, по-божески! — закивал коротышка.

Игорь уже было полез в карман за бумажником, он был доволен и, само собой, не собирался упускать возможности — затем и приехал, но бородатый вдруг остановил его легким движением.

— погоди, — сказал он тихо и взял книгу в руки. — Вот ведь падла, так и есть — самопал!

— Чего?! — обладатель кепаря словно подросток. — Чего?! Сам ты... ты чего мне клиента!.. Не верьте ему — родной, типографский, самый настоящий! Два дня как из магазина!

— Вали, последний раз говорю! — бородатый вернул книгу и толкнул коротышку в плечо.

Тот, бормоча что-то под нос, скрылся из виду.

— Ишь ты — самопал за трояк, ну шустрый спекуль! Да был бы еще...

Игорь ничего не понимал. Стоял, головой вертел, ему было жалко уплывшую книгу.

— Самоделка это, понял? Была бы еще вынесенная с типографии да сшитая вручную — еще ничего, таких здесь пруд пруди: каждая третья. Знаешь, выносят тетрадками, по кускам, а потом собирают дома на подручных средствах. А у этого от корки до корки самопал — перепечатка на ксероксе плюс обложка самодельная. Ей цена в базарный день — пятнадцать рублей!

— Да я б за пятнадцать с ходу взял, пускай самоделка, ведь там же один к одному текст, так? — Игорь начинал злиться.

— Так! Только этот спекуль не дурак — он видел, что ты за тридцатник взять готов, теперь никому и за двадцать пять не отдаст, понял? Это же живые деньги. Ну кто упускать будет, подумай!

Игорю стал вдруг противен этот добровольный советчик. Но он пересилил себя — дело есть дело. В конце

концов, он помог, не дал провести его. Да и от кого еще узнаешь такие подробности? Поди-ка, попробуй! Тут все темнят, каждый лапшу на уши вешает, лишь бы цену повыше нагнуть да охмурить несведущего. Нет, рано еще решения какие-то выносить. Да и не его это дело — осуждать кого-бы то ни было. И он внимательнее пригляделся к бородатому парню. Несмотря на речь, тот производил вполне приятное впечатление, и Игорь насколько бы не удивился, если бы повстречал его у себя в институте или в министерстве. Да и вообще публика здесь собиралась очень разномастная, а отдельные типы заставляли припомнить Гиляровского.

— К вечеру словим твоего Соловьева, — заверил бородатый.

Мимо прошепствовал мальчик в желтом. Руки он держал на животе — теперь они были в таких же желтых замшевых перчатках. Вслед за ним протиснулась женщина, скорее всего, мать, а может, и бабушка, — для нее проход был тесноват. Она на ходу смерила Игоря обжигающе черным взглядом, скривила губу. Игорь опустил глаза и увидел, что баул, который женщина волочила за собой, был тощ и пуст. Видно, поторговала успешно.

— Каждый день здесь, — кивнул вслед бородатый.

Игорь смерил его взглядом. Хотел промолчать, но не удержался:

— Значит, и сам — каждый день?

— Но не всегда от звонка до звонка, иногда так, забежишь на полчаса, и назад, — согласился бородатый. — А, вообще-то, это дело затягивает. Вот я, к примеру, — он понизил голос, — даже работу бросил. Сам понимаешь, когда просек, что инженерская сотня еще не верх, так и... — парень махнул рукой в сторону.

Коллеги выходит, подумал Игорь, бывшие! Мимо прошмыгнул паренек в расстегнутом пальто. Второго Игорь прихватил за плечо.

— А ну-ка, приятель, покажи рыбок!

Мальчишка послушно вытащил из кармана банку. Игорь поднес ее к лицу — все три рыбешки плавали кверху брюхами и уже не были ни яркими, ни привлекательными. Он вернул банку.

— Что же ты? — спросил тихо.

— А-а, ну их, — мальчик размахнулся и через плечо бородатого забросил банку в сугроб, — ерунда все это, других куплю.

Он запахнул пальто и побежал догонять товарища. А Игорь, будто ища поддержки, посмотрел на бородатого. Его интересовала реакция нового знакомого. Сам он был в растерянности.

Бородатый усмехнулся. На этот раз горько. Кивнул пару раз и тяжело вздохнул. Куртка снова заелозила на его плечах, будто живая.

— А может, и к лучшему. Чем раньше повзрослеют, тем легче в жизни будет, может, так и надо, — сделал он вывод.

Может и надо, может и не надо — в голове у Игоря уже все спуталось. И надо ли, чтобы в людях, в детях вот так вот запросто гибло то хорошее, что было? Ведь было же? И ведь гибло же? Или ничего не было, или это только ему так кажется, или он сам напридумывал за всех их жизни и их добро и зло? Хватит! Он пришел за Соловьевым, и плевать на все! Где же книга?!

— Или я не прав? — вдруг спросил бородатый.

— В чем не прав? — Игорь совсем не понял его вопроса.

— Что с работы ушел?

— Твое личное дело.

Бородатый опять сморщил нос гармошкой, зашелся в беззвучном смехе. Потом выдавил:

— Во, все так говорят. А какой толк от меня был — тонны бумаги переводил, чтоб родная контора процветала, чтоб начальничек как в песне: все выше, и выше, и выше, да? Кстати, ты, наверно, тоже конторский?

Игорь подумал и согласился.

— Вот так, — обрадовался бородатый, — я ведь нашу чиновничью косточку за версту вижу! Вон, видал ханыг, что здесь вертятся?

— Попробуй не увидь! — Игорь поднял воротник, отвернулся.

— Как братья родные, да? Да! На них на всех будто печать одна, верно? Верно! Вот и на нас, служивых, одна печать. Только другая. А я от своей избавиться хочу, уже полтора года сдираю ее с себя. Куда там! Это на полжизни.

— Почему испанец? — поинтересовался мужчина в барашковой шапке, давно стоящий рядом.

— Да иди ты, не продается, — отмахнулся бородатый. А Игорю пояснил: — Ходит тут, приценивается, а сам никогда не берет. Может, и стукач.

— Боишься?

— Не боится знаешь кто? — вопросом на вопрос ответил бородатый. И Игорь подумал, что за этим последует одна из приевшихся поговорок. Но бородатый ткнул пальцем в парня, что стоял метрах в семи, на отшибе. Парень был в кожаном пальто и заметно дрожал. — Вот кто не боится. У него папа книжечки по списочку получает, усек?

— Не трепи, — сказал Игорь, лишь бы сказать что-то.

Бородатый промолчал, давая понять, что об очевидных вещах он спорить не собирается. Но хватило его не надолго.

— А мы своим трудом живем. Трудом и риском. А риск, сам знаешь, какое дело — благородное, это в любом учебничке прописано.

Игорь понял, что с бородатым миндальничать не следует. Да и не ждет тот деликатностей — нужны они ему!

— Небось выперли из конторы-то? — спросил он.

— Ой, да из нашего... — парень назвал Игорю его родной институт, — еще никого не выпирали, пока он сам себя не выпрет.

У Игоря по груди разлилось тепло. Ничего себе! Почему же он не помнит этого парня? И он уже собирался спросить из какого отдела тот. Но вовремя прикусил язык. Раскрываться не стоит, ни к чему это. Он взгляделся в лицо парня — и что-то знакомое уловил в нем: видел, точно, видел, только без бороды. Но бороду-то отрастить недолго, нехитрое это дело. А вдруг и тот его узнал, но молчит, ждет, пока Игорь сам признается? Ему стало как-то неуютно, как бывает, когда выходишь перед всем залом в инстиуте получать грамоту или еще какую награду — весь на виду, а сам ничего в эти моменты не видишь. Но скорее всего, он ошибался — парень вел себя так, что не чувствовалось в нем подвоха. Просто не чувствовалось, и все.

— Несчастные люди, я тебе скажу, — бородатый снова перешел на доверительный шепот, — я, по всем нормам, нарушитель, чего там — преступник, можно сказать, а им не завидую. И тебе тоже, контора! Думаешь, мне деньги нужны? Да пропади они пропадом, я после них руки по полчаса мылом отмываю! Я б и на сто рублей вот так жил, — бородатый поднес ребро ладони к своей бороде, — это для баб: что ни делай, лишь бы получка вовремя, а мне — польза нужна, не могу,

понимаешь, без пользы вкалывать, да еще деньги за то получать... Сам знаешь, нас таких восемнадцать миллионов, в газетах писали. Читал? Теперь вот — на одного меньше!

Игорь вдоволь и до этой встречи за свою жизнь наслушался подобных речей, и они ему осточертели. Да и сам бородатый становился все более и более неприятен. Но то, что это парень из их «конторы», не давало ему уйти или прервать болтовню.

— Нашел бы другое место, с пользой, — вставил он, не переставая глядеть по сторонам, вглядываться в корешки.

— За норвежца два с полтиной даю! — влез между ними здоровый мужчина в вельветовой шляпе и синей телогрейке. Он шумно сопел. Так, что бородатый даже отшатнулся.

— Только на обмен, — сказал он твердо.

— Ну и дурак! — еще тверже ответил мужчина в телогрейке и ушел.

Бородатый не обиделся на «дурака», наверное, и не увидел в том оскорбления.

— Легко сказать — нашел бы другое место. Пойди — найди! Каждая контора, как замок средневековый, круговую оборону держит, узнавать, чем будешь заниматься, приходится уже по ходу дела, после приказа о зачислении, понял?

— А ты не суйся по конторам. Других мест нет, что ли?

— Я полгода на линии проработал, связистом, понимаешь. Так плюнул и убежал во все лопатки. Хочешь верь, хочешь сам проверь — после конторской работенки не то что квалификацию теряешь, это слабовато сказано, а вообще ни на что уже не годен! Ты думаешь, я помню, чему меня в институте учили?

— Не думаю, — согласился Игорь.

— А думаешь, ты помнишь? Молчишь, вот так-то, знаешь, что баки забить можно, вон, Васе в клетчатом кепаре, а мне — нет.

Игорь пожалел, что ввязался в дискуссию: дай волю настроению — и все можно в черный цвет перекрасить, или наоборот. А толку-то? Жизнь, она все равно полосатой остается и разноцветной — рядись в любые тоги — и все прав будешь. Но только на словах.

— Фаворита за свои детективы хочешь? — поинтересовался парнишка, по виду восьми-девятиклассник с

тремя темными волосинками на верхней губе и совсем детскими глазами.

— Оставь себе, — ответил бородатый, — и чтоб больше не подходил, шел бы домой — уроки учить!

— Тебя забыл спросить, — уходя, бросил школьник.

— Больно ранние пошли! — сказал бородатый Игорю.

— Почему испанец? — снова поинтересовался мужчина в барашковой шапке.

Бородатый вздохнул и спрятал детективы в сумку, достал какую-то тоненькую книжку Стругацких. Мужчина, покачивая своей кудрявой шапкой, отошел.

— Еще раз спросит — в лоб получит! — заверил бородатый.

Игорь усмехнулся — бородатый был явно не из тех, кто любит кулаками работать. Посмотрел на часы — скоро три, уже не полдня потеряно, а, считай, весь день. Солнце как-то незаметно пропало с небосвода, растворилось в мути и серости. Вместе с ним пропало настроение. Игорь стоял и притопывал — становилось холодновато. И не мешало бы перекусить. Но нет, только до победного! Бородатый вещал что-то свое. Игорь почти не слушал, кивал невпопад. Думал. Книгомания! Что за бред, откуда? Каким чертом принесло эту болезнь? И сколько еще можно прикрываться тем, что у нас народ самый читающий в мире? Да, самый читающий, кто спорит! Тут и спорить смешно, если по данным английской статистики, Игорь своими глазами видел, в Англии слышали о Шекспире не больше двадцати процентов населения — только слышали! А сколько его читали? Безусловно, самый читающий! Опять-таки, если верить официальному докладу в Конгрессе, который сами штатники сделали пару лет назад, после того, как подсчитали, — тридцать процентов просто неграмотны! еще двадцать грамотны, но не настолько, чтобы осилить нечто отличающееся от комиксов. И как не верить? Ведь сами себя сосчитали, сами и заявили на весь свет. А у нас еще у иных крепостных библиотеки были в сотни томов, а в одиннадцатом веке, когда супруг Анны Ярославны французский король вместе подписи на брачном свидетельстве крестик ставил, население городов русских от простого люда, ремесленников посадских до бояр и выше было поголовно грамотным — поди-ка поспорь с фактами, с археологическими находками! Самый читающий — и был, и остается! Но что это — тиражи миллионные,

книг сотни миллиардов — и все мало? Сколько раз доводилось Игорю держать в руках книги с тремя, пятью, семью штемпелями магазинными. И книги были в отличнейшем состоянии, нечитанные. Но зато успевшие сменить кучу владельцев. Обмен ради обмена, приобретение ради приобретения — книга превращалась в товар уже без всяких кавычек. И не отговоришься тем, что народ читающий самый! Нечитанные книги-то ходят по рукам! Конечно, не все еще больны книгоманией, далеко не все, малая часть. Но ведь на глазах все происходит, не за морями-долами: все больше становится народа на толкучках, все больший доход приносят обменные отделы магазинов. А если поинтересоваться у психиатров, то без сомнения, — все больше у них становится пациентов. Да и интересоваться не надо. Игорь мог сам назвать кому угодно с десятков знакомых, которые позабыли все на свете и волокут домой книгу за книгой, не успевая их перелистать, занимая в долг, лишь бы купить, продавая вещи, опять-таки, лишь бы купить! купить! купить!! купить!!! И пределов этому не видно. Поначалу казалось, что на убыль пошел книжный бум. А мечущихся по городу из конца в конец людей меньше не становится. И какие там интересы, какая там производительность, какая семья и какие друзья, какая духовность — про все забыто, про всех, напрочь! И уже не престижа ради, и уже не для вложения денег — все это отбрасывается увеличивающимися тиражами — а просто из спортивного интереса в начале, из горячки и боязни упустить что-то только вышедшее, из мании, переходящей в психоз! А можно ли хоть одного из этой братии в библиотеке встретить? Игорь задавал себе и такой вопрос. Но задавал просто так, для смеха. Конечно, нельзя, упаси Господи! Кого встретить в библиотеке? Ну вот этого Васю в клетчатом кепаре еще, может быть, можно — он туда пойдет, чтоб спереть чего-нибудь да и загнать потом. А тех, кто не загоняет, а приобретает — нет, не встретишь, хоть все библиотеки Союза обойди. Там другая публика, там народ... Что же получается, а эти уже и не народ? А кто же тогда? Малая часть, подавшаяся горячке, временное явление? Может, и временное. Да точно — временное, как с хрусталем и коврами, когда рынок насытился — все, баста. Игорь предвидел в далеком будущем насыщение и книжного рынка. Не под самое горло, разумеется, — десятка два-три дефицитных книг всегда будет, при любом насыщении. Но

для спекулей это будет крайне печально — на десятке наименований капиталов не наживешь, потому как на этот десяток и спрос будет меньший, с этим ясно. Но будет насыщение, будет! Будет насыщение, и тогда... эта «читающая» братия начнет разгребать тысячные завалы в своих квартирах. А разобрав их — ринется в букинистические магазины, сдавать. И только тогда, Игорь не воображал себя пророком и провидцем, он знал точно, — и только тогда многие протрезвеют, схватятся за головы и, может быть, даже подумают — а зачем я гробил годы, зачем выменивал, переплачивал, зачем?! Если сейчас и в букинистические не берут — насыщение! — и самому не перечитать до гробовой доски, и детям и внукам не осилить?! Да и не станут дети и внуки осиливать — у них свои интересы будут, наверняка повыше, чем у папаш и мамаш! А ведь точно, будут! Игорь поймал себя на такой мысли: сам он от девяти до тринадцати взхлеб заливался разными дюма, майн-ридами, скоттами и прочим подобным, а ведь сейчас, чего скрывать, тех же ребят под пулеметным дулом не заставишь читать эту писанину! И они правы по-своему, сколько можно тешить себя похождениями придуманных французских герцогинь и графов?! Зачем миллионы и миллиарды на ветер?! По здравому размышлению, Игорь приходил к выводу, что нужны, вообще, сотни произведений, отобранных веками да плюс к ним новые вещи, злободневные, показывающие жизнь народа. Народа! А не этих дутых маркиз и баронетов. А остальное... сколько накипи, сколько суеты, сколько растраченного на пустышки времени! Но ведь нет — кипит толкучка, кишит! И увеличиваются очереди в обменах, и горят полубезумные глаза, и дрожат руки, боящиеся приоткрыть книгу (а вдруг повредишь — потом не поменяешь ни за что, ведь требуются только в отличном! в идеальном виде!!), и не спится ночью: мозг сам высчитывает варианты обменов, прикидывает, не дает глазам сомкнуться, и вливаются новые силы, новая кровь в необозримую суетную армию, и текут деньги в чьи-то руки, текут, текут, текут... Книгомания!

Игоря выдернул из глубины размышления вопрос барашковой шапки:

— А это почему?

Бородатый озверел: желваки заходили по скуластому лицу, а куртка чуть было не осуществила свою давнюю мечту — еле удержалась на плечах.

— Слушай, я по-хорошему, не подходи! — он с трудом сдерживал себя. И когда мужчина в барашковой шапке отошел, процедил с непонятной злостью: — Барран!

— Ну чего ты психуешь, — сказал Игорь, — ответил бы, и дело с концом.

Бородатый был уже спокоен. Он поглядел на Игоря немного свысока.

— Ты еще не пригляделся к этим типам. Да и вообще, я тебе скажу — большинство людей — просто бараны. Что, неласково я их, да? А ты сам погляди, вот хотя бы в метро, не в час пик, а когда ни то ни се — десять дверей нараспашку, а они выстраются в цепочку, и один за другим, один за другим! Не дай бог самому в дверь сунуться! Вот ежели кто другой, так пристроятся. Что, не так, скажешь?

Игорь промолчал. Может, бородатый в чем-то и прав, но зачем же так резко, не стоило бы. Он засунул руки в карманы.

— Или вот, на Кузнецком арку знаешь?

Игорь кивнул.

— Там в конце квартала книги навynos продают, от магазина, со столика. И всегда, как столик этот появится — тут же очередюга. Сам проверял: ведь давятся, нервничают. А десять шагов пройди, там, в магазине, те же книги свободно лежат. Не поверишь! Кричат: «В руки только по одному экземпляру! Не лезьте без очереди!» Шум стоит, суетня. Я, как дурак, один раз подхожу, говорю — мужики, мол, там вон все, что захотите, тоже самое лежит, ну оторвитесь вы друг от друга, прошлепайте за угол, близко ведь! Ты бы слышал, как на меня понесли, говорят, без очереди лезет, потому и тюлю травит! Не верьте ему, говорят, вали отсюда, говорят! Так и ушел, словно оплеванный. Уж лучше бы промолчал!

— А ты уверен, что кому-то нужны твои советы? — неожиданно спросил Игорь.

— Не понял? — длинный нос на лице бородатого стал еще длиннее.

— Да я так, ничего, ничего, — сгладил себя Игорь.

— Ну стоят, и пускай стоят. Значит, им нравится.

Бородатый ожил.

— Вот и я говорю, бараны. Они сюда заходят, поглядывают с интересом, книжечками любуются. А ты спроси, как они на меня глядят? Спекуль, и

все! С презрением глядят! А они чистенькие...

Игорь слушал на этот раз внимательно. И ему не совсем нравилось, что бородатый так разоткровенничался. Что он — за своего принимает, что ли? Дескать, Игорь не чистенький? Не баран? Польстить хочет? Лишь бы выслушали? Или от души, попросту? Да черт с ним, пускай травит.

— ...а спроси — кто про Монтеня слышал, про Транквилла, про Бодлера, я тебе еще сотню перечислю? Да никто! А я, спекуль запятнанный, читал, от корки до корки, понял? Так кто лучше, кто интеллигентнее? И кстати, прочитать-то удалось, не когда в конторе просиживал, а когда отпихнулся от нее, вот так. А до конторы я еще в КБ поработать пару лет успел. Конструкторское бюро, охо-хо! А спроси, за эти два года там кто-нибудь чего-нибудь сконструировал? Я не отвечаю, сам знаешь! Так вот, и не конструируешь, и Монтеня не читаешь — так на хрена?! Я сейчас Плутарха штудирую. А ты думаешь, мой начальничек бывший про Плутарха слышал? Он всю жизнь землю носом роет, где лучше ищет, давит ближних своих и не замечает того. А как заметит, так для него праздник, слюну от удовольствия пускает. Какой там Плутарх!? А вообще, тоскливо мне, знаешь, почестному, думал от суеты уйти, избавиться от мелочевки этой, не выходит — из одной в другую, как из огня в полымя. Хоть топись иди! — бородатый рассмеялся так, что щеки подползли к глазам. Но смех был невеселый какой-то, злой. — Только ведь не утопишься, выловят, спасут. Потом от мазута одежонку за пять лет не отстираешь! Суета все. Хорошо падлам живется. Вон, про одного в газете писали, про такого же, как мой бывший начальничек. Дескать, продал свой «жигуль» через комок якобы, а сверху три с половиной тыщи хапнул. Ну делают так, знаем, все. Нехорошо! Так этот писака, репортер, от восторга визжал: вот, дескать, новые времена, торжество справедливости! не взирая на должности! строго наказан! И там же пояснил — как наказан. У него этот верх, три с полтиной забрали, да выговор партийный. Вот тебе и наказан! вот тебе и торжество справедливости!! Я за голову схватился, как же, братцы? Да я когда первый разок с дисками вышел, еще работал когда, ну и один трехрублевый, самый дешевый, за четыре загнал, на рупь дороже! Понимаешь — на рупь, а не на три с половиной тыщи! Так у меня все пластинки конфисковали, на полторы сотни, и р.з. пятнадцать су-

ток! Понял, за рупь — пятнадцать суток! А за три тыщи — выговор! А ты говоришь...

Игорь ничего не говорил. Ему не было жалко бородатого — получил свои сутки, так за дело ведь, сиди и помалкивай. А статью ту он тоже читал. И не восторгался вместе с репортером. И не считал уважаемого чиновника достойным выговора. Сидеть бы им на пару с бородатым: только бородатому свои пятнадцать, а тому года три-четыре, не меньше! Хоть и уважаемый, хоть и с большим, наверняка, стажем, а ведь по правде бы было, по справедливости?! Он не стал высказывать вслух свои соображения, а лишь философски выложил:

— Всякое бывает.

— Это точно, всякое бывает, — эхом отозвался бородатый.

Нет, конечно, надо издавать и что-то легонькое, думал свое Игорь. Но меру при этом знать. Не превращать «что-то» в единственный вид литературы. Вот скажем, если издают бесчисленные вымыслы о похождениях тех же графинь и герцогинь, маркизов и баронетов, то почему одновременно с этим не печатать документальных, правдивых произведений по западной истории, где ясно и четко сказано, как оно на самом деле, что белоснежные, обсыпанные пудрой парики, например, носили не от особой европейской утонченности, возвышенности, а для того лишь, чтобы скрыть немытые, кишасшие паразитами колтуны на головах. А если вспомнить посольство Петра I во Францию, вспомнить записки его спутников, зажимавших платками носы, когда они входили в Версаль, — канализации в королевской резиденции не имелось, и все во дворце и парке было завалено нечистотами. Вспомним «благородных» рыцарей, мывшихся один раз в жизни — в день посвящения. Недурно, не так ли! Когда дело касается нашей российской истории, мы не жалеем самых черных красок, щедро мажем все дегтем, но... Но там, у них — все воздушно и прекрасно, все рафинировано и очень благородно, а свобода и просвещение такие, что можно подумать и не было ни инквизиций, ни религиозных войн, ни страшнейших, не ведомых России эпидемий. Был у нас Чаадаев, который сказал слово о России, — мы его любим и ценим. Но нет и не было у нас такого Чаадаева, который бы сказал подобное слово и о Западе, тут идеализациям предела нет и все требования говорить правду и только правду в литературе и на экране сразу же забываются.

Толпа не редела: одни уходили, приходили другие. Суетились, искали, нервничали.

Нервничал и Игорь — время шло впустую.

— Я пойду, поверчусь, — сказал он, — может где-то Соловьев появился.

— Давай, — вяло согласился бородатый и вытащил из сумки свои детективы.

В толчее сразу закружилась голова, Игорь даже потерял виски, чтобы отойти немного. Толкали, казалось, со всех сторон одновременно. Поначалу он очень злился, реагировал на каждый толчок случайный. Стоило кому-то слегка задеть его локтем, как внутри все вскипало, появлялось резкое желание ответить еще более чувствительным тычком. Но уже через пару минут он понял, что это с непривычки, что это лишь нервы! И почти сразу успокоился — куда деваться, здесь все в таком положении, избранных нет.

Сумки, саквояжи, авоськи, портфели, чемоданы — и все с книгами. Океан книг! Но лишь на сотню, а то и две попадалось что-либо стоящее, все остальное: фантастика, приключения, детективы или же бабочки-однодневки, скороспелые поделки об «ужасных» приключениях всевозможных «детей Арбата», якобы замученных и затравленных режимом кровожадного деспота, стенограмма помыслов и замыслов которого приводилась тут же, в промежутках авантюрного сюжета. Но что делать — в рекламу подобных «откровений» были вложены такие громадные средства прессой, телевидением и радиовещанием, что, как ни крути, она дала результаты — расхваленное во всех углах варевое пользовалось спросом, его глотали наспех, не замечая даже вкуса. Мода, всесильная мода! Вчера культ «гения всех времен»! Сегодня тот же, но более изощренный культ «кровожадного палача»! Со знаком минус, и все же культ!

Игорь не то чтобы осуждал бравших поделки, нет. Ему их было жалко. Но к жалости примешивалась и горечь. Ведь можно, скажем, слезно пожалеть осла в шорах, тянущего повозку и видящего лишь болтающуюся перед самыми глазами морковку и ничего больше. Жалко его, конечно, жалко как-то по-есенински: «милый, милый, смешной дуралей!» Но ведь это... люди! Они обижаются на жалость. И не разобъяснишь ведь всем! Ну, ничего, разберутся со временем. Да и, если по правде, Игорь отлично знал, что далеко не всех охватила горячка поверхностных, но остреньких разоблачений

и жажда всевозможных жгучих «секретов» из жизни правившей «элиты». Большинство, подавляющее большинство народа смотрело на жизнь присущим ему во все времена и при всех испытаниях трезвым взглядом.

А корешки мельтешили... Получалось как-то, что следом за Игорем почти впритык всю дорогу брел унылого вида мужчина в сером демисезонном пальто и черной кроличьей шапке, очки заслоняли половину его лица, другая половина была не слишком выразительна — маленький рот, скошенный назад подбородок. Выбившийся шарф открывал худую, морщинистую шею. В руке он держал распахнутый старомодный портфель, в котором корешками кверху был выставлен бледно-сиреневый восьмитомник Николая Васильевича Гоголя. Мужчина жалостливым взглядом озирает толпу, временами выговаривал вяло: «А кому собрание сочинений?!» Но покупателей на восьмитомник не находилось. Его толкали вовсю, доставалось больше, чем Игорю, но, казалось, он ничего вокруг вообще не замечал.

Когда Игорь обернулся, заглянул в портфель, мужчина обратился к нему заискивающе:

— Берите, молодой человек, глядите — какое состояние, идеал! Жалеть не будете!

— Спасибо, у меня Гоголь есть, — ответил Игорь, чем очень расстроил унылого.

Взгляд у того стал совсем обреченный. Заметив проталкивающуюся рядышком женщину интеллигентного вида с макулатурными «Тремя мушкетерами» в руке, он чуть не бросился на нее со своим портфелем:

— Дама, лучшее собрание сочинений, задаром, согласен на одну вашу обменять, ну-у, не упускайте момента, решайтесь, второго такого случая не будет, целое собрание — на одну! — маленький подбородок у него затрясся от напряжения.

«Дама» заглянула в чрево портфеля, презрительно фыркнула.

— Пфу! Ну вы даете, уважаемый! Вы меня за кого принимаете? Я школу лет тридцать как кончила, не ученица, вышла из того возраста, когда Гоголя проходят! — она была явно оскорблена. — В людях не разбираетесь, дорогой, надо знать, кому что предлагать. Да еще за такую вещь, за Дюма!

Унылый совсем завял. А Игорь спросил у «дамы»:

— Ну, а что, например, вы ищете в таком случае?

— Да уж посерьезней что, посолиднее. Что жизнен-

ное! — ответила та совсем иным тоном, даже дружелюбно.

— Например? — не отставал Игорь.

«Дама» заулыбалась, видимо, довольная, что на нее обращают внимание, интересуются.

— Ну-у, например, — она даже кокетничала слегка, — Буссенар, э-э, альбомы всякие люблю с иллюстрациями. Или вот, самое-самое — Анн и Серж Голон, слышали? Ну, приключения Анжелики, прелесть, вершина, я просто без ума от нее. Вот это талант! Запад, что ни говори, умеют!

— Да, вообще-то, авторы по происхождению наши, — вставил Игорь, — русские...

— Что вы! — махнула на него рукой «дама». — Что вы! Наши так не могут, культура не та. Нет той, понимаете, тонкости, изящества, обхождения. Не-е, у нас так не напишут, не научились еще! Правильно сейчас говорят по телевизору, в «Огоньке» пишут — у нас литература серая! А там, ну что вы, — она улыбнулась с нескрываемым превосходством, — там у всех образование европейское, любая кухарка нашим писакам фору даст... Ах, что за прелесть! Анжелика! Само имя! А что там у всех этих гоголей — ваньки, маньки, парашки! Тьфу!

Игоря обожгло. Только позавчера, перечитывая Белинского, он вновь наткнулся на страшные, несправедливые слова. Критик негодовал по поводу «ужасного зрелища страны», «где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Парашками». Сколько он уже встречал в прессе статей, в которых ссылались на это высказывание, раздувая его смысл, дескать, рабы! и обхождение у них рабское! единственная страна в мире, где рабство и плебейство в самой крови! так себя называть, так себя унижать, нигде такого нет!!! Страшно читать было. Игорю становилось не по себе — до такой степени не любить своего народа!

«Ужасное зрелище»?! «Клички»?! А скажите-ка, в какой еще стране Европы, мира называют того же человека по отчеству, с уважением, не известной иным странам и народам?! Что же это мы себя в грязь втоптываем! Да что же они, эти псевдоученые делают, как же можно терять настолько совесть? «Единственная в мире»?! Да вы бы задумались, попытались бы постигнуть: именно единственная! Где еще есть такой язык,

такое богатство, обилие форм? Ведь не только Ванька, но и Ванюша, Ванечка, Ваня, Иванко и еще с десяток вариантов! Ну у кого еще есть такое разнообразие?! Что там — Джон, Джо, Джонни — и все, и точка?! Прав был Николай Васильевич, говоря, что для знания жизни и понимания ее маловато сведений, почерпнутых из столичных фельетонов и популярных брошюр. Задумались бы, что сам строй языка нашего такой, что не только Стеша, Шешка, Шешенька, но и, к примеру, книга, книжка, книжечка, или же — стена, стенка, стеночка, сума, сумка, сумочка, и до бесконечности так. А какое именно обращение выбрать из всего этого кладезя, человек сам знает и не к месту ненужного не скажет. А его в рабы, в плебеи! Как же все перевернуть можно, исказить, опошлить и испоганить! Помрачение какое-то! Неважно, по дурости ли, со злым умыслом или в запале! Суть-то одна, неуважение к тому, кто тебе не только жизнь дал, но поистине могучим, необычайнейшим языком наделил — к своему народу! Вот и «дама» эта туда же, нахваталась из псевдопрогрессистских статей, фельетончиков, в которых все вины валят на «бескультурный, неподготовленный политически и нравственно» народ наш... А тот молчит, безмолвствует. Почти как у Пушкина в «Годунове». Но это пока, до поры до времени. Не век ему в молчунах ходить!

Нет, нету зла, нету нетерпимости к таким вот «дамочкам» и сходным с нею. Одна жалость только. Да горечь. Сколько же у нас ловко манипулировали такими, именно такими! Теми, кто всегда на поверхности толкется, кто видимость народа создает, а по сути своей лишь легкая пленочка на его непомерной, великой толще, лишь мятущаяся и нестойкая пена.

Игорь потерял интерес к «даме», поклоняющейся ангеликам. Да и та, почувствовав это, отошла со своими «Тремя мушкетерами», вновь ввинтилась в толпу, раздвигая ее очень ловко и плечами и локтями.

— Во-о, уплыла, — проямлил унылый мужчина. — Много тут таких, приоденутся, намажутся, замакияжутся под интеллектуалочек, на первый взгляд, не отличишь от настоящей умной бабы. А рот раззявит, так и видно сразу — ангелика из вторсырья, маркиза с овощной базы!

Игорь кивнул, спорить не стал, хотя был уверен, что сами по себе ни вторсырье, ни овощная база не виноваты. Здесь все глубже, сложнее — низвержено, искореже-

но, изуродовано, ошельмовано столько, что голова не вмещает. Тут уж, точно, не наособицу надо, а все миром, как встарь!

Он потихоньку продвигался в толпе, подчиняясь ее законам. Нигде, ну нигде не было книги Соловьева, ни у кого! Да, согласен, маленький тираж, не просто найти, не всем достанется. Но вон же сколько кругом бумаги! Той самой, которой не хватает на нужное, но хватает почему-то и на «прелестных» анжелик и на героев «арбатского» мирка.

Он зашел еще на минутку в магазин, погреться. Там толчея не стала меньше. Игорь постоял у батареи, давая отдых и ногам и глазам.

Когда он вышел, у самого входа в магазин толпилась куча молодых, здоровенных парней. Он видел только их спины. Что они там затеяли? Тоже, небось, греются, только по-своему, подумалось Игорю. Нашли место! А ребята толкались, подпрыгивали, слышались звуки тычков, хлопков, смех. Особенно сильно смеялся один — диким дурашливым смехом, другие громко разговаривали, покрикивали с босяцким, нехитрым юморком, подбадривали друг друга. Ишь ты, разрезвились мальчишки! Игорь хотел обойти их стороной. Но они вдруг сами, как-то одновременно разошлись, продолжая шутить, толкаться — какой-то миг, и молодых здоровяков, по виду совсем не книжников, уже не было у входа. На стадион побежали или в кино, почему-то решил Игорь.

Проходя мимо стеклянной витрины магазина, он обратил внимание на сидящего на корточках мужичка в шубе. Шапка была надвинута на самые глаза, шуба вся в снегу — трудно даже понять, какого она цвета, размотанный шарф вот-вот свалится, на руках то ли грязь, то ли кровь засохшая. Очень неприглядный мужичок. Игорь скривился, и сюда пьянь проникла, места ей мало, нашел где усестся, алкаш! Он прошел, стараясь не задеть, не прислониться случаем.

Рядом с бородатым стоял худощавый парнишка в кожаном пальто и такой же кепке. Черные узенькие усики у него на губе нервно подергивались. Говорил парнишка отрывисто, быстро. Бородатый Игоря не видел. И он решил не вступать в разговор. Мало ли, встретились приятели, чего он мешать будет. Но слова доносились до его ушей.

— Надоел ты мне, понял, — говорил бородатый с какой-то неприязнью, но в то же время посмеиваясь, — я

за неделю ни одной не отдал, усек? Навара-то нету, пошевели мозгой, ты ж дело знаешь, чего хочешь, когда навару нету?

Парнишка в коже все крутил головой. Игорю запомнился его острый, рельефный профиль.

— Ты, борода, стоишь спокойно, так и стой. Или надоело? Гляди! Забыл, что не в магазине? — говорил он, попыхивая несмятой беломориной.

Едкий дымок с привкусом полыни напоминал Игорю кое о чем. Но выводов он делать не стал, может, и ошибался. Какой дурак будет «шмалить дурь» вот так, в открытую? Нет, конечно, ошибся.

— Не забыл, — согласился бородатый, морща лицо. — С тобой забудешь. Как отдам чего, сразу подходи, ты ж у нас глазастький, Томаз, все-е видишь. Лады?

— Ну ладно, давай так. Но смотри, вон там один сидит, у витрины самой. Ты сходи, проверь, знаешь, я не обману. Навроде тебя был, с гонором. Так ребята с ним поговорили, разобрались, что к чему. Он теперь, борода, стал такой покла-а-дистый. Не, ты сходи, глянь...

Только сейчас до Игоря дошло. А ведь сразу что-то не понравилось ему в тех ребятишках, толкающихся, загоротивших ото всех спинами кого-то. Не понравился и смех их дурацкий, и крики. Так вот что, они там, оказывается, колошматили — в открытую, по-наглому! — какого-то строптивного спекуля, не пожелавшего поделиться частью выручки! Вот тебе и Россия-матушка! Ну и ну! А он-то думал — врут, нет у нас такого. Ну что же, созрели оказывается, можно и доложить заокеанским наставничкам, дескать, теперь и у нас все в порядке, опыт усвоен успешно, рады стараться, ваши сковородия! А если учесть то, с какой готовностью и лихостью газеты тиражируют опыт рэкetersов, надо думать, мы скоро всех обскачем! А главное, так буднично, так просто, даже незатейливо, надо сказать. И вроде не жалко спекулей, а все равно неприятно это, дожили!

— Не надо мне кино устраивать, знаю, что не понравились ребятки, и смотреть не хочу, — сказал бородатый.

— Добро, — парнишка с усиками поежился в своем не слишком-то приспособленном для русских зим пальто, сказал, — на первый раз побеседуем, как с тем, а еще повторится — ментам сдам со всеми потрохами. Ты меня знаешь, я человек не сентиментальный, плакать по тебе не буду. Да сдам в ментуру так, чтоб не на штраф

и не на сутки, а чтоб сразу на срок, понял? Ты же знаешь законы? Надо их уважать, дорогой! И не обижайся, прошу. Нас, слышал, как называют — санитары общества! Уважают, значит!

Он хлопнул бородатого по плечу и ушел, по смеиваясь.

Игорь подошел молча. Посмотрел в глаза.

— Слышал? — спросил бородатый.

— Да уж пришлось.

— Не обращай внимания, гонору больше, чем дела. У-у, дерьмо! — Он понизил голос: — Только все, замяли, лады? Нечего на этих гадов еще время тратить, с меня они много не возьмут. Я сам на нуле! — он довольно засмеялся.

— Лады, — согласился с ним Игорь.

Прогулка его оказалась неудачной, как и предупреждал бородатый. Они тут сами разберутся. А вот что ему делать?

Он вернулся, не солоно хлебавши, кляня судьбину свою и все на свете. Даже стал подумывать — не пора ли бросать поиски и отправляться домой. Больших усилий стоило удержаться, не уйти.

— А вот русский Дрюон, задарма! — вынырнула, как и прежде неожиданно, клетчатая кепка. — Бери, не пожалеешь!

Игорь прочитал: Балашов, «Симеон Гордый». Но почему русский Дрюон? И что это за бред вообще: русский Карузо, русский Ньютон, русский Одиссей?! Он частенько встречал подобные сравнительные наименования выдающихся русских людей и в прессе и в книгах. И никогда не мог понять, чего добиваются авторы? Или они думают, что тем самым прославляют соотечественников? Тем, что отводят им второстепенные места, отнимают первородность, исконность? Воистину, бредятина какая-то! И он, вспомнив бородатого, неожиданно и резко бросил:

— А ну, вали отсюда!

Кепарь послушно отвалил, видно, привык к такому обращению. А Игорь вернулся на прежнее место. И рассказал бородатому про «русского Дрюона».

— Быдло, — сказал тот, — быдло оно и есть. Ты, думаешь, я его зря гнал? Я б давил эту падаль! Ну, а объяснение имеется — Дрюона все знают, его с помощью макулатуры в миллионах размножили, можно сказать, навязали людям. Так с кем же сравнивать, ко-

нечно, с Дрюоном! — протянул он с иронией. — Это как реклама. Понял?

Игорю такая реклама была не по нутру. Но нельзя же всех по себе равнять, и он кивнул.

— Кстати, насчет рекламы, — оживился вдруг бородатый, — хочешь посмеяться? Сам над собой уже третий месяц смеюсь, — остановиться не могу. Когда эти шакалы фуфло за конфетку выдают — еще куда ни шло. Лишь бы сбыть! Но реклама, о-о, реклама — двигатель торговли! — бородатый снял на секунду шапку. — Видал?

Игорь кроме лысины величиной с блюдце ничего особенного не разглядел, но кивнул, мол, видал.

— Вот так, — продолжил бородатый, — полгода назад купил четыре флакона «Банфи». Слыхал? Средство для волос, импортное. У нас в «Здоровье» писали, в газетах проскальзывало — могучий восстановитель! Три раза в день ваткой в лысину — и через полгода все в ажуре. Так и в инструкции прописано. Ну я и выложил двадцать шесть рублей. Там, правда, сказано: при старческом облысении и при наследственном не действует. Короче, тру месяц за месяцем: радуюсь заранее, думаю — все впереди, скоро красавцем стану. Ну а как иначе — облысение у меня не старческое, откуда в тридцать лет? И не наследственное, я в нашем роду один такой. Втираю себе, по инструкции, всю плешь протер, все флаконы извел. А лысина только больше стала, последние корешки вытравил этим уникальным средством. Смешно?

Игорю было совсем не смешно — у него тоже волосы лезли. Правда, до плечи было еще далековато. Но это расстраивало его не на шутку.

— Вот и мне смешно! А ты говоришь, реклама. А знаешь, сколько нас в очереди было? За день все разобрали. По десять флаконов хватало. Я, конечно, понимаю — прибыль нужна, но... Вот так, дружище, закон везде один — лишь бы продать, товар спихнуть. А там хоть трава... хоть волосы не расти!

Игорь был не склонен к таким мрачным выводам.

— Да просто на тебя не подействовало, бывает, — сказал проникновенно, стараясь не обидеть бородача. Он даже стал к нему испытывать какую-то неизъяснимую жалость. Хотя жалеть того было совсем не за что, другие к нему чувства бы следовало питать... но не получалось.

— Э-эх, — вздохнул бородатый, — святая ты про-

стота, не подействовало! А на кого подействовало?

Когда вновь вынырнул из гущи коротышка в кепке, бородатый чуть отклонился назад и отвел ногу, как для пинка — кепарь тут же скрылся.

Народу становилось больше. И Игорь замечал новые, еще не примелькавшиеся лица. Он к этому времени уже основательно продрог. Взглянув на часы, решил, что если не попадется через полчаса Соловьев, то уйдет. Все, хватит!

— Я пойду, еще погляжу, — сказал он.

— Да стой ты, — бородатый принялся расстегивать заевшую молнию, — стой, простота, ничего ты там не найдешь. На-ка вот! — он как-то вдруг, будто фокусник из цилиндра, вытащил из сумки книгу Соловьева «Сочинения» из серии «Философское наследие». Игорь сразу же узнал ее. — Держи!

Суетливо полез в бумажник, отсчитал тридцать рублей пятерками, сунул их бородатому и пробурчал:

— Чего ж сразу не сказал? В рекламе разбираешься, а свой товар...

— Мой товар, он и есть — мой товар, — бородатый не улыбался, — деньги спрячь, пригодятся.

Игорь совал тридцатник и мотал головой — подарки ему не нужны были. Но бородатый на деньги не смотрел.

— Я так не возьму, — твердо заявил Игорь.

Длинный нос сморщился, щеки поплыли вверх. Но улыбки не получилось.

— А кто сказал, что так? Я не филантроп, это ты меня с кем-то путаешь. По номиналу, — бородатый перевернул книгу, показал Игорю, — червонец, как прописано, гони! Я ее почти даром взял, на какое-то фуфло выменял. Так что, радуйся.

Игорь переминался с ноги на ногу и не знал, как ему поступить, — все равно получается подарок. Да и вообще, неслыханное дело: Соловьева — по госцене! Может, парень узнал его, признал в нем бывшего коллегу. Но тот ничем себя не выдавал.

— Ты вот что, дружище, выбрось всю дурь из головы, бери книгу и топай себе. Я же вижу замерз, книга нужна...

— Ну, спасибо, — Игорь отсчитал ровно требуемую сумму, сунул том за пазуху и крепко сжал парню руку.

— Может, увидимся когда, — сказал он неуверенно.

Бородатый кивнул и отвернулся. Он все так же при-

топывал своими мохнатыми огромными сапогами, поглядывал поверх голов. Детективы его почему-то не покупались, хотя цена на них была ниже, чем у многих других завсегдатаев. Но Игорь не пытался докопаться до причины. Он брел на трамвайную остановку и вовсе не испытывал никакой радости от сегодняшнего приобретения. Потихоньку смеркалось. И в голове крутилась навязчивая мелодия. Она пелась сама по себе, без слов. Игорь все пытался вспомнить — из какого же отдела этот бородач, под кем он работал? Но вспомнить никак не мог.

Впрочем, долго Игорь не терзался. Его сейчас полностью захватывало другое. Казалось, что он нащупывает ответ на свои вопросы. Вот-вот, еще немного и... Первым делом надо отделить читателя от хапуги. Именно с этого начинать! Все другое уже многократно испытано. Сначала надо совершенно точно выяснить — что выпускается для читателя, что для накопителя. Надо совершенно точно определить — что издается лишь для того, чтобы получить прибыль, пользуясь накопительским бумом. И стоит ли эта прибыль уничтожаемых лесов, воздуха. Временщики мы, готовые в жажде стремительного обогащения, сиюминутной прибыли сокрушать все под собой, лишь бы вырвать у накопителя его рубли?! Или же все-таки думаем хоть немного о своем народе, у которого не будет будущего, если все уничтожить вокруг, вырубить, заплевать, загадить ради того, чтобы в домах накопителей появились, залегли мертвым грузом еще тысячи томов в каждом, несчитанные миллиарды закупоренных по квартирам книг во всей стране.

И разрешение проблемы, тем более с наскоку, не по силам даже журналистам-международникам — Игорь усмехнулся про себя, молча, — незаменимым наставникам народа русского. За кажущейся простотой стоят сложнейшие, воистину философские вопросы. И хотелось бы, чтобы на вопросы эти отвечали те, кому верит народ, кого уважает, к чьему слову чутко прислушивается, потому что знает — это слово правды и совести, а не «разоблачительства» и фразерства, слово, брошенное не для того, чтобы изумить и шокировать, привлечь внимание к своей особе, возвыситься хоть на миг, а слово, выстраданное, выношенное, изшедшее из народа и обращенное к нему, слово, исцеляющее своей правдой. У нас есть кому, думал Игорь, сказать это слово без заискивания перед хозяевами совместных предприятий. Но

почему-то в чести и на виду оказались совсем другие люди, во многом оторвавшиеся от почвы родной, но и «того берега» не достигшие, а так и зависшие в воздухе где-то посередине... свое для них — уже не свое, на чужое глаза горят, да видно, чужого даром не дают, так и висят где-то в пространстве, восхваляя все, на чем импортная этикетка, — а на пользу ли оно, во вред ли, им, похоже, и дела нет. Вот бы что обсудить на телевидении, в прессе. Не все же мулить до бесконечности какие-то пигмейские проблемки панков, рокеров, металлистов и просто страдающих от безделья балбесов, для которых телевизионное время нисколько не жалеется. Будто нам не о чем поговорить, кроме как об острой нехватке развлечений. Как все это поверхностно, как глупо и бездарно на фоне стольких безотлагательных проблем, назревших в обществе!

А рядом с этим, Игорь видел явственно, появляется и набирает силу нечто иное, рассчитанное на возбуждение животных инстинктов, ничего общего с литературой не имеющее. И подается все это в лакированной обложке, в красочном фантике. Чего далеко ходить, вон у ханыги в руке книжка — казалось бы, разоблачающая и осуждающая повесть из жизни проституток, наркоманов и жуликов, где через каждые пятьдесят строк вставлена казенная сентенция, что быть нехорошим человеком нехорошо. А на деле, он сам читал, изошренно и сладострастно смакуется «шикарная», «импортная» жизнь отечественных подонков, такое впечатление, что авторы слюни роняли от зависти, когда описывали до мельчайших подробностей быт и наряды преступников! Сколько такого барахла появилось в последнее время. Замаскированное якобы под «перестроечное», оно захлестнуло страницы журналов. Молодежь читает, захлебывается от восторгов, от «смелости» и «шикарности», пропуская сентенции.

Что же происходит, думал Игорь. Откуда выползли на свет божий демагоги и рвачи? Чего же добьемся, если мы сами будем столь настойчиво, всеми средствами, порой талантливо и мастеровито, уверять себя, общество, что живем в мире продажных негодяев, проституток, жуликов и извращенцев, в мире всеобщего «русского бескультурья и дикости» — а уже и до того доходит, особенно в публицистике?! Рано или поздно наступит момент, мы и сами его не заметим, когда наш мир, перессоренный, раздраженный и озлобленный, доведенный

до ненависти каждого к каждому, и станет таким вот, описываемым миром, но уже реальным, произойдут необратимые процессы. И кто тогда скажет, что Россия — это вместилище нравственности и духовности, оплот подлинной культуры? Кто вспомнит, что существовал великий российский народ с его трудной и славной историей? Никто из наших друзей или недругов, ни злобствующие, ни сочувствующие, не смогут вернуть нам прежней чистоты, если мы сами себя втопчем в грязь!

Так размышлял он по дороге к остановке.

И дернул же его черт вернуться назад! Решил открыться бывшему коллеге, потолковать с ним о том, о сем о своих догадках, рассказать новенькое о родной конторе.

Когда Игорь вплотную подошел к толпе, случилось неожиданное — не один человек и не близстоящие, а вся огромная толпа вдруг неистово рванулась куда-то, отпрянула единой взбаламученной массой, с криком, чьим-то взвизгом, руганью, будто ошалелый табун лошадей, напуганный внезапным появлением стаи волков. Игорь оторопел, не сумел сразу влиться в это общее движение... и почувствовал на локте крепкую уверенную руку.

— Ваши документы, пожалуйста.

Сержант был на полголовы ниже Игоря. Но смотрел свысока. И как им это удастся, подумал Игорь. Рука сама залезла во внутренний карман, вытащила паспорт. Сержант сунул его в карман шинели, не раскрывая. За какие-то секунды у магазина стало безлюдно. Тьма сгустилась окончательно, одиноко покачивался вдалеке фонарь на косом столбе, да тускло посвечивали витрины — улицы они не освещали.

— Отойдите в сторонку...

В сторонке стоял еще один милицкий сержант и держал коротышку в клетчатом кепаре, того самого, с авоськой. Они смотрелись, как Пат и Паташон, — сержант был вдвое выше. Коротышка голосил плаксиво, рылся в карманах в поисках паспорта. Тот, видимо, был запрятан глубоко, не находился, а возможно, его и не было вовсе.

— Так, что будем делать, — без вопросительной интонации проговорил маленький сержант.

Игорь знал, что он ни в чем не виноват, но внутри все дрожало. Он даже боялся рот раскрыть — по голосу они поймут, что взяли того, кого следует. Дыхание было

учащенным, в горле застрял комок. Он молчал и пожимал плечами. А милиционеры держались, как и обычно, уверенно, поглядывали чуточку снисходительно. Коротышка оказался на редкость сообразительным.

— Это он все, вот этот, спекулянт, жлобина! — вырвалось из-под кепаря. Скрюченный палец упирался Игорю в грудь. — Это он мне продал двух Дрюонов, Балашова. По червонцу содрал! Последние гроши выбил, а я и так не миллионер, все деньги на еду да на книжки. Наживаются такие вот на любителях чтения! У-у, жлоб!

Оба сержанта смотрели не на коротышку. Они смотрели прямо Игорю в глаза. А тому было невыразимо стыдно и еще более противно ото всей этой гнусности: от поведения подлеца коротышки, от бездействия и нежелания разобраться молодых парней в форме. Ему было обидно до слез, что не хватает почему-то голоса, чтобы объясниться.

— Ну что молчим? — спросил маленький сержант.

— А что ему сказать, влип, жлоб! — выкрикнул коротышка с авоськой. — А ну гони назад тридцатку! Товарищи милиция, не оставляйте обманутого в беде! — распалялся все больше.

— Да бред это, что вы, не видите, что ли, ну какой я спекулянт, какие доказательства! Что, и поменяться книгами уже нельзя, что ли? — голос предательски дрожал, выдавал непозволительную слабость.

— В установленных местах — можно, а вот у магазина... порядки надо знать, — сержант смотрел прозрачно, безразлично. Ему, наверняка, давным-давно уже надоели все эти злостные нарушители общественного порядка, и он на них свою нервную систему не растрачивал. — Значит, тридцать рублей взяли с этого? За три книжки?

Кепарь утвердительно закачался, быстро-быстро, в такт трясущейся голове. Длинный милиционер придерживал коротышку за воротник. Игоря пока руками не трогали.

— Да врет он все, у меня в кармане... — он неожиданно вспомнил, что в кармане у него именно тридцать рублей. И осекся.

— Вот видите, видите! — осклабилось гнилозубо из-под кепаря.

— Да что с ними говорить, пойдем в отделение, — предложил длинный сержант маленькому.

— За что? — возмутился Игорь.

— Там разберутся, — успокоил его маленький сержант. — Нехорошо продавать книжки по спекулятивным ценам, вы это знаете.

Если бы паспорт не лежал в кармане сержанта, Игорь бы рванул от них во всю мочь. Пускай думают, что хотят. Догнать не догонят, стрелять, разумеется, из-за таких пустяков не будут! Но паспорт-то был у сержанта! Коротышка и тут перехитрил его — своего документа он так и не нашел, и про это, казалось, позабыли.

— Кто по спекулятивным, вы что?! — Игорь повысил голос, от возмущения он захлебывался словами. И знал заранее — ничто не поможет. — Вы видели, вы доказать сможете?! За что невинного человека задерживаете!

Оба сержанта заулыбались. Маленький прихватил Игоря за локоть снова, проговорил тихо:

— Пройдемте.

Игорь сделал шаг, из-за пазухи вывалилась книга. Сержант подцепил ее на лету.

— Философией интересуетесь, или это тоже на продажу?

Игорь промолчал. Ему стало на все наплевать — пускай ведут, куда хотят, и делают, что хотят — он больше ни слова не проронит. Они зашли за магазин. Там было совсем темно. Коротышка в кепаре испуганно озираясь, норовил выскользнуть из руки длинного милиционера.

— Что молчите? — повторил сержант свой вопрос.

Если бы не форма, Игорь врезал бы по лоснящейся морде этому наглomu парню. Но приходилось сдерживаться.

— Интересуюсь, — ответил он.

— И сколько за него просили? Небось, тоже не меньше тридцати рублей?

Игорь молчал и думал — почему они остановились, почему не идут в отделение? Огонек предательской слабостью надежды вспыхнул в нем — только не связываться, только...

— Значит, не признаете, что взяли у гражданина тридцать рублей?

— Взял, взял! — подтвердил коротышка.

Игорь сжимал рот крепче, но все равно зубы мелко и противно стучали, в голове горячо и нудно пульсировала тяжелая кровь.

— Не хотите сознаваться — ваше дело. Но учтите: и продавец у нас в руках и покупатель. Свидетеля не

нужно. Задержали вас на месте, так сказать, преступление. Протокол составить пара пустяков. А там пусть народный суд разбирается. А может, вы и вправду не виноваты!

Сержанты снова заулыбались. Заулыбался с ними заодно и коротышка. Бессилие, невозможность сделать что-нибудь, оправдаться — Игорь готов был голову расшибить о стену.

— Так значит, не хотите вернуть товарищу его деньги? — спросил печально длинный.

— Да пускай подавится! — Игорь выхватил из кармана три десятки, швырнул в лицо коротышке.

Тот ловко подхватил деньги, не дал им рассыпаться по снегу.

— Зачем так нервничать? Извинитесь перед гражданином...

Игорь отвел глаза, зубы выбили дробь.

— Извините, ради бога, гражданин! — выдавил он с сарказмом. — А вам, товарищи блюстители, огромное спасибо за все и низкий поклон!

— По-моему, он издевается, — предположил длинный.

— Да, наверное, хочет все-таки в отделение, — согласился маленький.

Игорь решил перехватить инициативу, дернулся.

— Простите, погорячился, — проговорил он. — Только раз ему деньги отданы, пускай и книги возвращает — Дрюонов и Балашова!

Коротышка прижал авоську к груди, замешкался. Но потом вытащил книги.

— Бери, жлоб!

Игорь не успел протянуть руку. Длинный перехватил книги.

— А вот товар, как лишний соблазн для вас обоих, конфискуется! — книги мгновенно исчезли за отворотом его шинели. И даже не заметно было, что там что-то есть — грудь как была колоколом, так и осталась. Коротышка явно не жалел об утрате, ухмылялся злорадно.

— Можете идти! — сказал маленький сержант. — И смотрите, не нарушайте больше.

Игорь развернулся в полнейшей прострации. Тут же снова стал лицом к милиционеру, преграждая тому путь.

— А мой Соловьев? — спросил он, теряя остатки голоса.

— Соловьев тоже конфискован. У вас есть возраже-

ния?! — он пристально поглядел Игорю в глаза.

Возражения, если они и были, тут же испарились. Только не связываться, только не связываться! Он развернулся, пошел прочь.

— Стойте! Вот ваш Соловьев! — сержант протягивал книгу. — Держите!

Игорь взял ее.

— Чтоб я вас тут больше не видел! — донеслось в спину.

Не выходя на свет, к фонарю, Игорь остановился — у него не было сил идти дальше. Надо было постоять, прийти в себя. Он пронаблюдал, как оба милиционера скрылись из виду в дальней подворотне. Вдохнул. Надо бы пойти в отделение, все рассказать... и тогда... А что тогда? Ничего! Он отмахнулся от пустой мысли. Что-то клетчатое проشمгнуло перед глазами. И откуда только силы взялись — в два прыжка он настиг гаденыша-коротышку, уцепил его за ворот.

— Стой, паскудина!

Коротышка пригнулся со страху. Видимо, он совсем не ожидал, что обманутый может быть где-то поблизости, надеялся, что тот без памяти несется к дому, счастливый от того, что избежал наказания.

— Давай сюда, гнида!

Игорь не ждал, пока коротышка сам достанет деньги. Он держал его одной рукой, другой шарил по карманам, в авоське, за пазухой. Деньги нашлись под кепарем. Коротышка, почувствовав, что лишается тридцатника, заверещал, принялся брыкаться, грызть Игореву руку зубами. Было очень больно, и Игорь выпустил подонка. Но деньги уже перекочевали в его карман. Оставалось только дать хорошего пинка. Игорь занес ногу... Сзади его цепко захватили под локти. Он не мог ни развернуться, ни нагнуться — хватка была железная. Коротышка, почувствовав себя на коне, первым делом вырвал из кармана бумажки, комкая сунул их под кепарь. Потом размахнулся и ударил Игоря по подбородку, выше достать не смог.

— Получи, падла! — прошептал почему-то уже без вереска и плаксивости, зло и ехидно.

Отбежав на три шага, он разогнался и с силой ударил ногой в живот. Метил ниже, но Игорь пригнулся слегка, спас себя от страшной боли. Удар был сильный, несмотря на всю видимую хлипкость коротышки. Но злил сейчас Игоря вовсе не жестокий и мерзкий обладатель ке-

паря. Его бесило другое — державший за локти не давал ему сделать ни единого движения, не давал даже обернуться назад. И все время колотил не слишком сильно, но упорно, в затылок чем-то тяжелым и твердым, наверное, собственным лбом. Лишь один раз подал голос, сиплый, пропитой:

— Шапку с него сыми!

— Пускай подавится! — отозвался коротышка, будто речь шла о его собственной шапке, подаренной Игорю.

И бил. Без остановки — то руками, то ногами. Когда у избиваемого стали подгибаться ноги, его оставили в покое. Поддержали немного на всякий случай. Потом проявили благородство, прислонили к стеночке.

— Отдыхай, малый! — провоняло перегаром в лицо.

Разглядеть державшего Игорь так и не смог, в глазах у него туман стоял красный, да дергались, мельтешили желтые точки — то вспыхивая звездами, то угасая ненадолго.

— Еще только покажись здесь, сучара! — злобно прошипел коротышка, плюнул в лицо. — Живым не уйдешь, понял. И бороде передай — попадетсЯ, я ему за все пинки отсчитаю сполна, понял?!

Игорь ничего не слышал и ничего не понимал, слова доходили до него с трудом. Не было сил вытереть залитое кровью лицо. Он не заметил, как мучители оставили его. Стоял, обжигаясь колючим, морозным воздухом. Потом присел на корточки и уткнулся в шапку.

Способность видеть, понимать, соображать вернулась к нему лишь через несколько минут, когда рядом уже никого не было. Он сидел и смотрел, как в свете далекого кособокого фонаря вился, будто побелевший рой пчел, падающий и взмывающий снег. Ни злости, ни возмущения, ни тем более обиды не было. Было только немного тоскливо и пусто. Мутило. Игорь набрал снега в пригоршни, тщательно протер лицо. Мимо, шагах в сорока, прошли неторопливой, важной походкой оба сержанта, длинный и маленький, но Игоря они не заметили.

Он сидел тихо, все так же на корточках, одной рукой опираясь о колено, другой прижимая к груди толстую книгу в темно-зеленом переплете.

Life#8. Super novel!
«ЖИЗНЬ №8 –
всех перекосим!»
(из газеты «Книжное обозрение»)

Криминально-психологический роман, в котором многие получают по зубам, - мало не покажется. Читают все! Запоем. И без отрыва. Почему? Потому что Бог не фраер, а талант не пропьешь! Потому что это бесподобно!

Может ли писатель стать киллером? А махровый русофоб – оголтелым шовинистом? А президент – упырем, которого не берут серебряные пули? И вообще, где грань между террористами народными и международными? между эллинами и иудеями? козлами и апостолами? В Жизни №8 всё может быть. И никаких граней там нет. Непримируемый смутьян-бунтовщик поп Гапон Ельцоганов пьет водку с державным стариком Охуельциным и ругает народ-сволочь, который не дозрел до демократии. Бригадный генералиссимус Басай ибн Масхад ибн Хаттаб совместно с гауляйтером Перепутингом проводит операцию по уничтожению русской армии в Чеченегии. Бен Ладен, он же Веня Оладьин – полковник ФСГБ-ЦРУ по кличке Карабас-Барабас. Узник собственной совести Самсон Соломонов, отсидевший сто лет в сталинских лагерях, вешается на Статуе Свободы, водруженной вместо «железного Феликса». Но статуя оказывается глиняной, её рука отваливается вместе с висельником, которого уже навсегда помещают в спецлечебницу под Лубянкой. Поврежденной Свободе приваривают указующую руку с кепкой от демонтированного Ильича, облачают её в долгополую чекистскую шинель и кокошник – теперь она символ молодой демократической России, которая ни за что не свернет с пути реформ – хоть вся передохнет, но не свернет! Там же, под Лубянкой в палате №8 бродит из угла в угол матерый человечик, бормоча под нос что-то про «эмпириокритицизм, интеллигенцию и говно». Его патлатая супруга с базедовыми глазищами крестится на икону домового Доби и напевает: «Я себя под Капутиным чищу, чтобы плыть в демократию дальше...» Правоверный экуменист Патриархий Ридиколь благословляет олигархов и на-

граждает всех орденами Гроба Господня. Наместники из страны Заокеании контролируют ядерные объекты и всё прочее, держат гауляйтеров, министров и депутатов на коротком поводке. Аззбарджанские хозяева Московии добивают последних скинхедов и злобных тринадцатилетних «русских фашистов», они же налаживают торговлю веселыми и раскрепощенными школьницами младших классов... Диковинная страна Россияния пьёт, гуляет и веселится, походя вымирая, впадая в слабоумие и неолит... Не пеняйте на зеркало!

А главные герои, киллер Кеша Булыгин, писатель-маргинал Юрий Петухов и махровый национал-патриот Моня Гершензон, назвав себя «народными террористами», в жажде справедливости мечутся по всей планете, объявив Сезон большой охоты на президентов. Они уничтожают президентов десятками... но несчастные жертвы оказываются двойниками, клонами, призраками и прочей нечистью. Подлинные вершители судеб загулявшего человечества где-то вне этой страшной и нелепой жизни, в которой мы все живем. С непостижимым юмором и сарказмом, увлекая нас в сумасшедшие дебри криминально-политических разборок, автор ставит сложнейшие философские вопросы и сам отвечает на них – то устами киллера Кешы: «Истинно говорю вам, все эти эллины и иудеи просто козлы!», то, перефразируя Овидия, сказавшего «Бог в нас самих», заключает: «В одних бог, в других дьявол, в третьих – пепси-кола».

Роман написан блестяще, истово и остроумно. Один из литературных критиков как-то сказал, что «после «Бойни» Юрия Петухова ангардистам и постмодернистам просто нечего делать в литературе». После «Жизни №8» и сама литература ещё долго может отдыхать – второго такого безумного и талантливого романа в ближайшие годы не появится!

Вл. Семенов

«Жизнь №8» –

милости просим – всех перекошим!

Если вам надоела «манная каша» и пустопорожнее словоблудие демократов и «патриотов», если вам захотелось чего-то остренького и немного правды о нашем мире, читайте роман «Жизнь №8. Охота на президентов»!

Содержание

Западня. Роман	7
Черное Знамя. Эпизод «Сатанинское Зелье» Роман	
Прелюдия	161
Наваждение первое	184
Наваждение второе	182
Наваждение третье	295
Наваждение последнее	385
Помрачение	437

В оформлении обложек и форзацев серии использованы фрагменты картин Дали, Босха, Кандинского. Малевича, Атрощенко, Эшера, Миро, Афолина, Филиппова, Эль Греко, Ван Гога, Матисса, Шагала, Моне и художников-оформителей произведений Юрия Петухова.

К сведению читателей:
в 2004-2006 гг. в альбомном сериале
«Good as Gold»

выйдут альбомы «Миры Юрия Петухова в иллюстрациях лучших
графиков России»,

где будут качественно и с комментариями представлены
графические работы сорока трех художников, проиллюстрировавших
произведения писателя в 1989-2003 гг.

С 2004 г. все произведения Юрия Петухова будут также переизданы
в мягкой обложке «карманного формата» (серия ПФ)
по общедоступным народным ценам.

~~~~~

Литературно-художественное издание  
Серия «Good as Gold»

Юрий Дмитриевич Петухов  
**З а п а д н я**  
**Черное Знамя**

Редактор Д.А. Андреев

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции  
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры.

Подписано в печать 25..01..04г. Формат 84х108/32.  
Объем 15 п.л. Заказ 9473

лиц. РН- 319  
Издательство «Метагалактика»  
111123, Москва, а/я 40  
metagalaktik@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета  
в ППП «Типография «Наука»  
121099, Москва, Шубинский пер., 6

## План серии «Good as Gold»

Вышли в свет:

«Жизнь №8, или Охота на президентов», Криминально-психологический роман в стиле пост-постмодерн. postrussia.ru  
Феноменальная книга! Лучший роман XXI века!

«Проклятый. Полтора года в аду», роман. «Вампиры и оборотни. Хроника преступлений». Прорицания. Аномальные явления. Классификатор инопланетных пришельцев»

«Резервация. Наваждение». Эпизод: «Бойня». Культовый роман-антиутопия. Подкуполье и Забарьерье в XXI веке.

«Западня. Черное Знамя». Романы не для слабонервных.

*Готовятся к выходу:*

«Звездная Месь. Эпизод: «Игра», роман  
«Звездная Месь. Эпизод: «Странник», роман  
«Звездная Месь. Эпизод: «Битва», роман  
«Измена», роман, повесть, рассказы  
«Боги как Боги»  
романы «Громовержец», «Богиня Гнева»

*В серии «Imperia Russia»:*

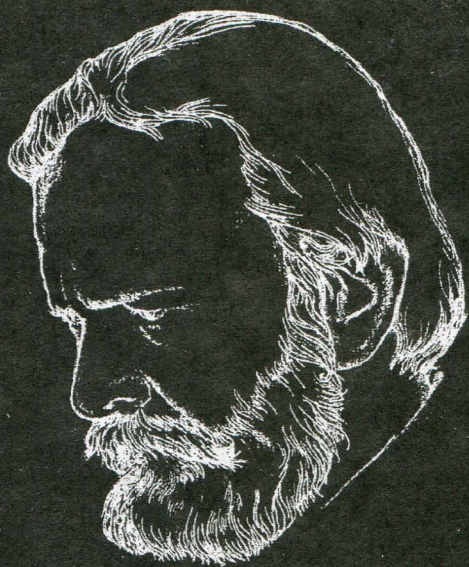
«Третья Мировая война. Порабощение России»  
«Общество Истребления». Тирания демонократии»  
«Империя Русов», исторические исследования  
И другие книги (выпуски).

Издательство «Метагалактика»  
111123, Москва, а/я 40. тел. (095)176-20-24  
E-mail: metagalaktik@mail.ru

**Сканирование и обработка:**  
**AlexeiPetrov (Lion)**







Шаманы. Кругом одни шаманы, бубны, монотонные пляски, камлания, ложь и беспросветная дурь. Он начинал понимать цену этому миру, в котором правды было ровно на четверть гроша, на те медяки, за которые ему досталось право уходить в иную реальность, от одних шаманствующих мерзавцев к другим – везде одно и то же: «нет правды на земле, но нет её и выше»... Он знал лишь одну правду – за каждым на этом свете летит его собственная пуля, и пока ты быстрее и увертливее её, ты ещё жив... Но не было случая, чтобы она не настигала бегущего. Беги, волк, беги! И не слушай шаманских бубнов загонщиков. По ком стучат их бубны? По тебе.

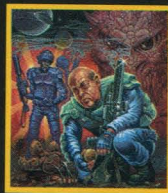




# ЗАПАДНЯ

## черное знамя

ЮРИЙ  
ПЕТУХОВ



ЗАПАДНЯ



Он рухнул на пол мешком с переломанными костями, раздавленными ребрами и разбитым черепом. На его месте человек уже давным-давно бы умер. Но он не хотел умирать. В запасе у него оставалось последнее средство... Да, в любой, даже самой страшной западне Нерожденный имел этот свой последний шанс.

